

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

ПЫЛАЮЩИЕ БЕРЕГА
В ПЛАМЕНИ ЖИЗНИ
НА ОГНЕВЫХ ПОЗИЦИЯХ
...И МЕДНЫЕ ТРУБЫ
ОТ АРЗАМАСА ДО ЭЛЬБЫ

1162268

ДОРОГАМ ВОЙНЫ

(ВОСПОМИНАНИЯ)

ПЫЛАЮЩИЕ БЕРЕГА
В ПЛАМЕНИ ЖИЗНИ
НА ОГНЕВЫХ ПОЗИЦИЯХ
...И МЕДНЫЕ ТРУБЫ
ОТ АРЗАМАСА ДО ЭЛЬБЫ

Чем дальше отдаляется от нас победный салют 1945 года, тем меньше остается на земле свидетелей того незабываемого события, тех, кто на своих плечах вынес тяжесть невзгод. Время неумолимо. Но подвиг, совершенный советским народом, не должен быть забыт.

Издательство «Жалын» предлагает своему читателю сборник документально-мемуарных материалов участников Великой Отечественной войны, тематически он примыкает к уже вышедшему в свет изданию «Дорога длиною в 1418 дней».

А. Диденко, Р. Ултанбаев, Д. Мавлетов, И. Колеев, И. Мороз не профессиональные писатели, хотя у некоторых из них вышли в свет книги-воспоминания о событиях, свидетелями которых они были сами.

Ветераны пишут о своих однополчанах, о встречах на дорогах войны и после нее, дополняют своими рассказами во многом известные картины военных баталий.

Вместе с героями читатель ощутит великое чувство радости и гордости у пограничных столбов поверженной Германии и с благодарностью скажет спасибо Победителям, принесшим мир народам Европы.

1162268 №

К 10604-162
408(05)82 239-81-0505030202

© Издательство «Жалын», 1982

«ОТСТОЯТЬ МИР — НЕТ СЕЙЧАС
БОЛЕЕ ВАЖНОЙ ЗАДАЧИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ПЛАНЕ ДЛЯ НАШЕЙ
ПАРТИИ, НАШЕГО НАРОДА И ДЛЯ ВСЕХ
НАРОДОВ ПЛАНЕТЫ»

Л. И. БРЕЖНЕВ

ПЫЛАЮЩИЕ БЕРЕГА*

От автора

Сейчас моим сверстникам уже по 60—70 лет, а в грозную годину супротивной и страшной войны многим из нас не исполнилось и двадцати пяти. Мы были в расцвете творческих и физических сил, учились, работали на заводах и на колхозных полях, жили полной и счастливой жизнью, как и вся наша великая и могучая Родина. Развязанная фашистской Германией вероломная война разом нарушила мирное течение нашей жизни, поставила под угрозу само существование советского государства.

Среди многих частей и соединений, отважно сражавшихся против немецко-фашистских захватчиков, неувядаемой славой покрыла свои боевые знамена и сформированная в Казахстане 314-ая стрелковая дивизия. В составе ее смело бились с врагом воины Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Павлодарской областей. воспитанные коммунистической партией в духе пролетарского интернационализма и дружбы народов, воины казахстанцы были стойкими и сильными в бою.

314-ая стрелковая дивизия начала формирование в Петропавловске в первых числах июля, а уже 25—27 августа 1941 года, совершив труднейший марш через пункты Хвойная, Малая Вишера, Бологое, прибыла на Северо-Западный фронт и вошла в состав 52-ой резервной армии, находившейся восточнее Новгорода. Обстановка на фронте к тому времени создалась критическая. На северо-западе немецко-фашистские войска прорвались к южным берегам Ладожского озера и блокировали Ленинград. Финские войска захватили города Петро-

* Литературная запись П. ЯКУШЕВА.

заводск и Олонец, развивали наступление между Онежским и Ладожским озерами и стремились выйти к реке Свири. Враг намеревался плотным кольцом окружить Ленинград.

В частности, перед финнами ставилась задача замкнуть второе кольцо окружения города Ленинграда. Именно с этой целью фашистские войска стремились как можно быстрее соединиться с финнами на реке Свири.

Но этим планам не суждено было осуществиться, в чем исключительно большая заслуга воинов 7-ой отдельной армии и, в частности, 314-ой казахстанской дивизии. По приказу Главного командования, дивизия спешно перебрасывается на реку Свири в район Заостровье — Лодейное Поле — Подпорожье с задачей остановить врага. Здесь, занимая оборону более 130 км по фронту, дивизия получила свое первое боевое крещение.

Против 314-ой дивизии действовал финский корпус, усиленный немецкой дивизией. Финны были оснащены немецкой военной техникой, фашистскими орудиями, минометами и автоматами. В течение месяца дивизия сражалась на этом трудном и важном участке обороны. Позже подошла 45-ая танковая бригада полковника Николая Григорьевича Косогорского, которая поддержала бойцов в районе Подпорожья.

Оборонительные сражения в эти дни были исключительно ожесточенными. Только своевременно переброшенная на помощь 21-ая Краснознаменная Дальневосточная стрелковая дивизия, с ходу занявшая район Подпорожья избавила нас от окружения. Саперы- дальневосточники проложили по заболоченному лесу семикилометровую лежневку* от реки Каковка до Вонозера, что позволило полкам занять выгодный рубеж обороны. Здесь, у деревни Каковчи, в районе Подпорожья Ленинградской области, развернулись жаркие бои. Особенно отважно сражался второй батальон 1078-го стрелкового полка. Батальоном командовал капитан Алексей Иванович Лилиенталь, кадровый военный, награжденный еще за прежние боевые заслуги орденами Красного Знамени и холодным оружием. Батальон Лилиенталя уничтожил более семисот финских солдат, но и сам понес большие потери. На поле боя пал сам капитан и

* Лежневка — дорога, выложенная бревнами и ветвями деревьев.

многие его воины. Мы похоронили их на окраине деревни
Каковichi.

Много братских могил осталось на реке Свирь, в
Подпорожье и в Лодейном Поле. После войны мне до-
велось несколько раз бывать в этих местах. Местные
жители свято чтут память воинов-казахстанцев. Повсюду
я видел обелиски и памятники, установленные в их
честь.

В ту суровую пору я некоторое время командовал
1-ой стрелковой ротой, принимал участие в самых пер-
вых и самых ожесточенных боях.

Разумеется, я не могу рассказать во всех подробно-
стях о боевых действиях 314-ой стрелковой дивизии, да
и сделать это просто невозможно. Основная цель настоящих
записок — поведать читателю о героических подви-
гах тех солдат и офицеров, которых я хорошо знал и
знаю, с кем вот уже много лет веду переписку и часто
встречаюсь.

Советский солдат в минувшую войну вынес на своих
плечах огромные тяготы, победил оголтелого врага и
потому достоен самой искренней благодарности ныне
живущих и вечной, нетленной памяти народа.

В начале сентября 1941 года полки 314-ой стрелковой дивизии выдвинулись на рубеж реки Свирь и начали занимать оборону в районе города Лодейное Поле. Первый эшелон дивизии, ее 1076-ой и 1978-ой полки сосредоточились на Часовенской горе, а затем вышли в Подпорожье. 1974-ый стрелковый полк оборонялся западнее Лодейного в районе Заостровья. Оборона шла по правому и по левому берегам реки Свирь, включая в себя по фронту такие крупные населенные пункты, как город Лодейное Поле, поселок Свирьстрой, станцию Янеба и город Подпорожье.

Дивизии довелось оборонять обширный край, славный своей древней и новой историей. Взять, например, Лодейное Поле. Это город в Ленинградской области, центр Лодейнопольского района, расположенный на южном (левом) берегу Свирь, в 243 км от Ленинграда по железной дороге. Это поистине исторический город. Еще во времена «Господина Великого Новгорода» на земле, входившей в состав Обонежского ряда, на территории нынешнего Лодейного Поля существовал небольшой поселок Мешковичи. Малонаселенный край был очень богат лесами,годными для корабельного дела. По приказу Петра I в 1703 году на берегу Свирь была сооружена кораблестроительная верфь, на которой уже в первый год ее существования работало около десяти тысяч человек. И верфь, и адмиралтейство на Свирь создавались усиленными темпами. В августе того же 1703 года со стапелей верфи был спущен на воду первый корабль — 28-ми пушечный фрегат «Штандарт», а за ним и другие суда корабельного и галерного флота.

Лодейное Поле стало колыбелью русского флота на Балтийском море. Многие корабли, построенные на Лодейнопольской верфи, прославили нашу Родину и в морских сражениях XVIII века, и в замечательных морских открытиях. Так, шлюп «Диана» под командованием лейтенанта Головина совершил кругосветное путешествие, а шлюп «Мирный», которым командовал знаменитый капитан Лазарев, открыл Антарктиду.

Верфь просуществовала почти до половины XIX века. Но после закрытия верфи Лодейное Поле быстро превратилось в глухое захолустье. К началу XX века в го-

роде насчитывалось чуть больше тысячи жителей. К этому времени он становится местом ссылки неугодных царскому правительству лиц. Население работает на лесоразработке, обслуживает водный транспорт, занимается извозом, сельским хозяйством. В 1915 году через Лодейное Поле протянулась железная дорога Петроград — Петрозаводск, продолженная затем до Мурманского побережья. Это оживило город и весь край.

Но по-настоящему Лодейное Поле возродилось после Великого Октября. Уже в 1927 году в 18 км от него, по Ленинскому плану ГОЭЛРО, началось строительство Нижне-Свирской ГЭС, что во многом способствовало быстрому развитию города. В 1941 году Лодейное Поле — это крупный районный центр с двадцатитысячным населением. В нем действуют два лесопильных завода, завод автоприцепов, построены паровозное и вагонное депо, открыты другие более мелкие предприятия, а также три техникума, драматический театр.

В сентябре 1941 года к самому городу подошла война. Немецко-финские войска заняли северный (правый) берег реки Свири, и Лодейное Поле на тысячу дней стало частью переднего края нашей обороны.

Первые месяцы здесь героически сражались воины 314-ой казахстанской дивизии. Врагу так и не удалось войти в город.

Важной опорной точкой обороны дивизии являлся и другой пункт — Подпорожье. Город областного подчинения (в 1941 году он был еще рабочим поселком) располагается в четырех километрах от железнодорожной станции того же названия. От Ленинграда его отделяют 285 км. Через северо-западную часть Подпорожского района проходит участок железнодорожной линии Ленинград — Мурманск. Параллельно реке Свири, протекающей в широтном направлении по северной части района, протянулась автомобильная дорога из Ленинграда на Петрозаводск и Вытегру. Вот почему немецко-финские войска стремились в первую очередь захватить именно этот участок нашей обороны.

314-ая дивизия прибыла сюда, как было уже сказано, раньше других воинских частей. Ни в Лодейном Поле, ни в Подпорожье не были подготовлены необходимые рубежи обороны. Они сооружались, в основном, силами самих воинов дивизии. Однако следует сказать, что в этой важной и спешной работе огромную помощь

оказали партизаны и ополченцы — рабочие Свиристроя. Оборона строилась уже в ходе боев. Противник с ходу атаковал части дивизии по всей линии. Сразу же под угрозой оказались и Лодейное Поле, и Свиристрой, и станция Янеба, и Подпорожье. Ни одного из этих пунктов нельзя было отдавать врагу. В противном случае, финны и немцы могли выйти на оперативный простор и беспрепятственно продвигаться к Ленинграду, замыкая его в железное кольцо окружения.

Финны и немцы в четыре раза превосходили численность сдерживающих их войск. Они были лучше вооружены, имели превосходство в артиллерии и авиации. Подпорожье защищал 1078-й полк. Его штаб располагался на окраине, в небольшом домике, совсем рядом со своими передовыми подразделениями. Под прикрытием мощного артиллерийского и минометного огня противнику удалось форсировать реку Свири и ворваться в город. Завязались бои за каждую улицу, за каждый дом. Однако, несмотря на стойкое сопротивление и массовый героизм наших воинов, противнику удалось овладеть Подпорожьем. Части дивизии были вынуждены занять новые позиции. Бои ожесточились.

На всю жизнь запомнился день 10 сентября 1941 года. Утром меня вызвал начальник штаба 1078-го полка Александр Васильевич Блак (это было еще в Подпорожье) и приказал отправиться в разведку.

— Не нравится мне этот клин леса, — проговорил А. В. Блак и указал точку на карте. — Этот лесок тянется в направлении Лодейного Поля, там наверняка накапливает силы противник. Во всяком случае, финские «кукушки» уже сидят на деревьях и досаждают нам.

Мне было приказано обнаружить и уничтожить вражеских снайперов. Взял я с собой пять человек и отправился выполнять задание. Шаг за шагом мы углублялись в лес. Шли долго, но ничего подозрительного не обнаруживали. Вдруг идущий впереди боец подал предупреждающий сигнал, и мы залегли. Впереди, за деревьями, виднелись какие-то фигуры. Боец подтолкнул меня:

— Товарищ командир, разрешите открыть огонь.

— Погоди! — остановил я его и стал внимательно наблюдать за людьми. — Не похоже на противника. Почему-то они залегли лицом к Свири, а не к нам. Надо пробраться поближе.

Так и поступили. Осторожно проползли по кустам и

вскоре, к своему удивлению, услышали русскую речь. В чем дело? Откуда здесь наши солдаты? Оказалось — разведка 1078-го стрелкового полка. Командовал отрядом в двадцать человек мой земляк, уроженец Kokчетавской области Григорий Ильич Карабан. Нечего и говорить, как мы обрадовались этой неожиданной встрече. Но Карабан сообщил мне и плохие вести. Противник ворвался в Подпорожье, и там идет тяжелый бой.

— Эти тоже туда направляются,— Карабан указал на лесистый берег Свири.— Целый батальон уже сосредоточился.

Над деревьями поднялась ракета и, шипя, пролетела в нашу сторону.

— Немедленно уводи людей,— крикнул я Карабану.— Сейчас сюда полетят мины.

Так оно и случилось. Едва мы успели разбежаться, как вдруг начали рваться мины и снаряды. Один разведчик Карабана был убит, другому осколком оторвало руку. Надо было срочно уходить. Я со своими бойцами направился к юго-восточной окраине города. Перед самым городом, в лесу, встретили нашу роту. Бойцы спешно окапывались. На мой вопрос, где сейчас находится штаб полка, командир, хорошо знавший меня, ответил, что штаб занимает большой трехэтажный кирпичный дом на самой окраине.

Пройдя немного вперед, мы увидели пять таких домов, расположенных несколько на отлете от основных строений города. Похоже было на то, что только эти дома еще не заняты противником. Надо добраться до них, найти штаб и доложить о результатах разведки. Домики в 60—70 метрах от нас, но место открытое. Только высунься — и попадешь под пули. Но делать нечего, надо рискнуть. Подаю бойцам команду, и мы стремительно поднимаемся. В двадцати метрах от дома огонь прижал нас к земле. Но свои выручили — прикрыли. Мы пробрались, наконец, в домик, и я доложил Блаку о результатах вылазки.

— Плохи наши дела,— хмуро проговорил он.— Очень плохи.

Дома беспрерывно обстреливались артиллерийским и минометным огнем. Мы отстаивали дом четыре дня и наносili атакующим ощутимый урон. Противник злобствовал. С утра и до поздней ночи мы не знали покоя. Однако наше положение все более ухудшалось, и в ночь с

15 на 16 сентября было решено попытаться выйти из окружения.

Вечером командиры держали совет. Все сходились на том, что надо немедленно выходить из окружения. Это единственный шанс спасти людей и штабные документы, и, наконец, полковую кассу. Неподалеку от дома началися глубокий овраг, который уходил в наш тыл. Им-то мы и намеревались воспользоваться. Сначала решили отправить небольшую группу. В нее вошли начальник финчасти, кассир, сержант из химзавода Коваленко и несколько легко раненных бойцов. Им было приказано пробраться в лес, надежно укрыть полковую кассу с деньгами, произвести тщательную разведку расположения противника, установить, где находятся наши оборонояющиеся части и сообщить командованию о нашем бедственном положении.

Никаких сведений от разведки мы не получили ни на второй, ни на третий день. Как мы узнали позже, разведчики все погибли. Защищать дом дальше не было никакого смысла. Глубокой ночью штаб и его охрана вышли из своего убежища. Овраг, по которому решили отходить к своим, контролировался финнами. Автоматы и пулеметы врага были из темноты, реагируя даже на малейший шорох. Во второй половине ночи стрельба неожиданно стихла, и мы благополучно проскочили в овраг. Финские часовые подняли тревогу с некоторым запозданием. В небо полетели осветительные ракеты, по оврагу пронеслись трассирующие пулеметные очереди. Мы вжимались в сырую землю и не отстреливались, чтобы не обнаружить себя.

Продвигались медленно, метр за метром. Одно спасение — лес. Начальник штаба отдал приказ рассредоточиться и стремительными бросками пробиваться к нему. Мы оторвались от преследователей, однако, на выходе из оврага ждало новое препятствие: противник заминировал большой участок опушки леса. Когда мы приблизились к тому месту, последние финские солдаты поспешно покидали минное поле. Противник прекратил огонь, опасаясь перебить своих. Этим мы и воспользовались: быстро обошли опасную зону и углубились в спасительный лес.

Местоположение уточнили по карте. Оказалось, что находимся в 6—7 километрах от Подпорожья.

— Впереди нас, строго на восток, большая деревня.

Надо идти туда. Уверен, противника там нет.— Начальник штаба захлопнул планшетку. Не мешкая, выслали головной дозор и двинулись вперед. Прошли километра четыре, и тут наша разведка столкнулась с противником. Завязалась перестрелка. Однако бой шел недолго: противник отступил в глубину леса. Наш маленький отряд не стал преследовать финнов. Голодные, усталые бойцы еле двигались, надо было сохранить силы, а главное, боеприпасы, которых оставалось совсем немного.

В ночь на 17 сентября услышали далекие звуки боя. Стрельба доносилась из района переднего края. Люди приободрились, зашагали быстрее. К вечеру приблизились к деревне Каковичи. Это в двадцати километрах от Подпорожья, но мы за эти дни и ночи прошли по лесам и болотам в три раза больше. Солдаты едва выдержали бы серьезный бой. Но все обошлось благополучно: разведчики доложили, что в районе деревни Каковичи оброняются части 1076-го и 1078-го полков нашей дивизии.

Нас беспрепятственно пропустили через передовые посты в деревню, накормили сытным ужином, устроили на ночлег. Противник интенсивно обстреливал деревню Каковичи. То и дело возле домика, где мы расположились на отдых, рвались снаряды и мины. Но люди не обращали на них никакого внимания: мы были «дома», рядом со своими боевыми товарищами.

Огненные рубежи

Отошедшие от реки Свири части 314-й дивизии постепенно сосредотачивались на новых рубежах и настойчиво оборонялись, сдерживая продвижение врага. Так продолжалось до начала октября. 1076-ой и 1078-ой стрелковые полки вместе с 858-ым артиллерийским полком нашей дивизии держали оборону в районе Подпорожья на небольшой речке Кановка. Солдаты глубоко врылись в землю, по болотистой местности проложили семикилометровую дорогу до деревни Вонозеро. Именно по ней подходили подкрепления и полки дивизии снабжались боеприпасами и продовольствием. 9 октября поступил приказ сдать участок обороны 21-ой Краснознаменной Дальневосточной стрелковой дивизии и перейти в район Лодейного Поля. 1076-ой стрелковый полк быстро прошел по лежневке до Вонозеро и вскоре занял оборону в районе Свирьстрой-3, где противник яростно атаковал

наши части, стремясь вырваться на оперативный простор. Этот полк располагался примерно в 30 километрах южнее поселка Подпорожье (теперь Подпорожье — город).

1078-ой стрелковый полк и часть 858-го артиллерийского полка заняли позиции в деревне Рахковичи, в четырех километрах от Лодейного Поля. Уставших, измотанных тяжелым переходом бойцов быстро разместили в домах. Большой двухэтажный дом заняли под штаб полка. В деревне Рахковичи жителей не было, кое-кто эвакуировался в глубокий тыл, многие ушли в ближайшие леса. Люди были уверены, что война продлится недолго, врага разобьют и все станет на свои места. Однако наше положение с каждым днем осложнялось. Деревня Рахковичи, как только туда вошли наши части, подверглась ужасающему артиллерийскому обстрелу. Ночью вражеские снаряды разрушили второй этаж дома, в котором располагался штаб полка. К счастью, обошлось без потерь.

Командир полка приказал вывести подразделения из деревни и занять оборону на окраине. Однако уже утром было принято другое решение: пехоте срочно отходить в лес. По разбитой проселочной дороге полк двинулся к деревне Шаминичи и расположился на заросших густым сосняком холмах. Между ними лежали наполненные болотной водой овраги, местность вокруг была почти непроходимой. Деревню Шаминичи от города Лодейное Поле отделяли 7 километров, примерно такое же расстояние было от нее и до реки Свири. Противник занимал правый берег, ширина реки в этом месте 400—450 метров. Эта вода являлась нейтральной полосой между двумя противниками.

Город Лодейное Поле в долгие месяцы обороны пережил тяжелую трагедию, но выстоял и не покорился врачу. Бойцы 314-ой дивизии были свидетелями этой трагедии и активными участниками героической обороны города. Вот что писал в своих воспоминаниях начальник железнодорожной станции Лодейное Поле А. Воскресенский. Запись воспроизводится в сокращенном варианте*.

«В 8 часов вечера 6 сентября 1941 года,— рассказывает А. Воскресенский,— я заступил на очередное дежурство. Эта ночь оказалась очень памятной. В 5 часов утра

* Воскресенский А. Лодейное поле. Л., 1964 г.

с временного аэродрома поднялись 5 наших самолетов, совершили разведывательный полет. Не успели они опуститься, как начался сильный артиллерийский обстрел аэродрома и железнодорожной станции, где в это время находилось много поездов. В 6 часов утра начался второй обстрел, направленный, в основном, на станцию. А в 11 часов снова ударила вражеская артиллерия. Сложилась трудная обстановка. На станции находилось около 75 вагонов со снарядами и бомбами и эшелон эвакуируемых детей, женщин, старииков. Одно попадание вражеского снаряда в вагон с боеприпасами — и начнутся взрывы, полетят в воздух и вагоны, и люди, и вся станция.

Убрали в тупик вагоны со снарядами, а эшелон с людьми отправили на Волховстрой. А что дальше делать? Паровозов нет и затребовать их невозможно, прервана связь. Посоветовавшись в райкоме партии, решил пешком отправиться в Заостровье, чтобы получить паровозы для немедленной отправки оставшихся грузов. 8 сентября в 6 часов утра прибыл в Заостровье, получил два паровоза, а третий должен был вот-вот подойти. Решил, однако, не ждать его и возвратиться с двумя паровозами в Лодейное Поле. А что там делается? Нет ли вражеских диверсантов на железнодорожном полотне? Для предосторожности сошел с паровоза у моста через реку Каковку и двигался пешком впереди паровозов, проверяя путь. Все прошло благополучно...

22 сентября 1941 года меня вызвали на станцию Волховстрой, поручили отгрузить уголь для флота, его было в пристанционных складах в Лодейном Поле более 3 тысяч вагонов. Грузить уголь помогали ополченцы под командованием А. И. Баулина... С 25 сентября 1941 года по ноябрь 1942 года железнодорожники вывезли 2200 вагонов угля, эвакуировали 32 вагона со станками и моторами. За это же время они перевезли для 314-ой и 21-ой стрелковых дивизий и отдельных полков, находившихся в обороне на реке Свири, 318 вагонов различных грузов.

Крепкая дружба связывала железнодорожников с фронтовиками, которые не раз прикрывали огнем ремонтные работы путейцев, маневры паровозов, движение поездов. Да и сами железнодорожники были, по существу, фронтовиками, отдавали все силы победе над врагом.

Первое время враг не строил на Свири оборонитель-

ных укреплений, рассчитывая перебраться через реку и устремиться за Лодейное Поле. Им надежно преградили путь советские войска. Но финны выжидали. Они знали о планах немецко-фашистского командования: соединиться с ними на Свири, чтобы замкнуть второе кольцо блокады вокруг Ленинграда. С этой целью немцы еще в середине октября 1941 года форсировали Волхов между Новгородом и Чудовым и двинулись на северо-восток, стремясь захватить Тихвин. Им удалось овладеть городом. Засуетились тут и финны, они стали чаще обстреливать войска 314-ой стрелковой дивизии, готовясь к прыжку через покрытую льдом реку навстречу своим союзникам. Но расчеты врагов не оправдались».

Такова была обстановка в районе Лодейного Поля. Финская артиллерия день и ночь обстреливала город и его окрестности. Горели дома, предприятия, склады. Но чами наши бойцы пробирались в город и вывозили оттуда фураж для лошадей и сохранившееся продовольствие. Бывали они и на самом берегу Свири, с которого можно было слышать даже голоса окопавшихся в береговых кручах финских солдат. Днем здесь появляться было невозможно: огонь из всех видов оружия не прекращался ни на минуту.

В районе Шаминичей полк находился десять дней, до 20 октября 1941 года. Это было сравнительно спокойное время: бойцы отдыхали, части переформировывались и получали пополнение. Одновременно рыли окопы, строили блиндажи и землянки. За короткое время соорудили десять просторных блиндажей с двумя и тремя накатами из могучих северных сосен. В них можно было укрываться даже от легких бомб. Словом, шла обычная солдатская работа, обязательная и необходимая при обороне.

Одновременно полк готовился к наступательным боям. Вскоре стало известно о тяжелом положении наших войск под Ленинградом. Фашисты ожесточенно штурмовали город на Неве и подталкивали своих финских союзников к активным и решительным действиям. И вот для того, чтобы сковать финнов и оттянуть вражеские силы от Ленинграда, наше командование подготовило наступательную операцию с форсированием реки Свири. Эта водная преграда была исключительно трудной. Ширина реки в районе Лодейного Поля — почти

полкилометра, глубина — 9—11 метров. Преодолеть ее под жесточайшим огнем врага нелегко.

Днем 20 октября нас вызвали в штаб полка. Здесь собирались командиры батальонов и командиры приданых полку огневых средств. Совещание было деловым и по-военному кратким. Прежде всего мы обязаны скрытно сосредоточиться на исходном рубеже и быстро погрузиться на плоты и лодки. Было приказано оставить на прежней позиции все лишнее имущество и захватить с собой побольше гранат и бутылок с горючей смесью. На вражеском берегу нас наверняка встретят танки и бронетранспортеры противника.

В ночь на 21 октября полк полностью подготовился к боевой операции. Лодки и плоты подтянуты к берегу и тщательно замаскированы. Форсировать реку Свири решили силами сводного полка. К 1078-му стрелковому полку присоединили один батальон 1074-го полка и одну роту из маршевого батальона, остальные части остались в резерве. Один батальон наступал в направлении деревни Новая Сегежа, второй — между деревнями Горка и Ковкинцы. Как и предполагалось, противника захватили врасплох. Финны не ожидали, что русские именно на этом участке будут форсировать реку, а скорее всего они вообще не верили в возможность наступления наших войск и потому допустили непростительную беспечность.

Финские дозоры буквально проспали противника. Когда наши батальоны переправились через реку и заняли первые домишкы деревни, финские солдаты повыскакивали на улицу в одном нижнем белье, теряя на бегу свои мундиры и бросая оружие. Финнов отогнали почти на четыре километра в густой сосновый лес. Мы быстро начали окапываться и закреплять захваченный плацдарм. С часу на час ждали контратаки противника. И она не замедлила последовать. Финны быстро опправились от первого удара, из Подпорожья к ним подошли резервы, и в лесу разгорелся упорный бой.

В первые же часы боя тяжело ранило командира одной нашей роты, и мне пришлось заменить его. Были и еще потери, ибо противник наседал изо всех сил, пытаясь восстановить положение. Орудия гремели по всему фронту, снаряды густо рвались и на берегу, и на реке, и на переправе. Нам приходилось рассчитывать только на те подразделения, что успели перебраться через реку в момент бегства противника. Финны имели большой опыт

войны в лесистой и болотистой местности и сражались довольно успешно. Их огонь из пулеметов и минометов не давал нам поднять головы.

В тяжелых боях прошло двое суток. Противник пре-
восходил силы обороняющихся в 4—5 раз. Кроме того, к финнам подошли немецкие подразделения. Атака сле-
довала за атакой.

По приказу командира 1078-го полка, вечером 24 ок-
тября мы оставили окопы в лесу и заняли новые позиции
метрах в 70 от опушки леса. Наш передевший отряд по-
полнился бойцами маршевой роты, в которой к тому
времени осталось 25 бойцов. Мы расположились на но-
вом рубеже и стали быстро окапываться. Противник
неожиданно прекратил атаки. Ночью 24 мне было при-
казано выяснить, заняты ли наши окопы. Если нет, то
снова занять их и продолжать обороняться силами
своей роты. Я послал трех бойцов в разведку. Вскоре
выяснилось, что окопы прочно удерживает противник.

Командир батальона приказал удерживать занятый
рубеж. Мы расположились на колхозном поле, с которого
так и не успели убрать урожай. Впереди до самой опуш-
ки леса тянулся низкорослый кустарник, который при-
крывал наши окопы со стороны финнов. Метрах в двух-
стах лежала деревня Горка, а левее от нас виднелась
деревня Ковкинцы. Позиция не ахти какая прочная, если
учесть, что силы наши малочисленны, и из-за Свири нет
никакой возможности подвезти боеприпасы и подкреп-
ление. Река пенилась от разрывов мин и снарядов. Лодки
и плоты отважившихся переправиться на наш берег раз-
бивались, так и не достигнув цели.

Утром 25 октября враг вновь предпринял яростные
атаки. Им, как правило, предшествовал сильный обстрел
наших позиций из орудий и минометов. В роте имелось
два станковых пулемета, и мы берегли их пуще глаза.
Ведь только с их помощью можно отбить врага. И дей-
ствительно, пулеметы здорово помогли нам. Во время
атаки бойцы подпускали финскую пехоту на расстояние
30—40 метров. По моей команде стоявшие на флангах
станковые пулеметы открывали перекрестный огонь, в
наступающих летели ручные гранаты, и атака захлебы-
валась. Потом снова начинался обстрел из орудий и ми-
нометов, снова финны шли на нас, и все повторялось
сначала.

Так длилось довольно долго. Противник не отказы-

вался от мысли прорвать оборону на участке нашей роты, а мы не оставляли своих окопов, и бой разгорался все жарче и жарче. В нашей обороне уже не осталось ни одного целого окопа. Взрывы мин и снарядов разметали брустверы, кое-где окопы обвалились, похоронив своих защитников. Один снаряд рванул и рядом со мной, тяжелая земля придавила меня. Освободил голову, отышался и с большим трудом перебрался в другое место. Голова гудит, не слышу ни выстрелов, ни разрывов. Не слышу даже своего голоса. Руки и ноги подчиняются плохо. И тогда я понял: контужен, вышел из строя.

Но атаки продолжаются, надо руководить боем, подбадривать солдат. Многие из них были ранены, но никто не покинул своих позиций. Рота оборонялась стойко. Но силы были неравны и в конце концов должна была наступить развязка. И она наступила. Не помню уже, восьмая или девятая волна атакующих захлестнула окопы первого взвода и враги прорвались. Весь взвод погиб, но не отступил. Мне трудно было следить за растянутым фронтом обороны, в котором теперь зияла ощутимая брешь. В окопах первого взвода сидели финские солдаты и поливали нас автоматным огнем с фланга. Надо что-то делать. Приподнимаюсь из окопа, чтобы оглядеться, и тут же валяюсь обратно. Стаскиваю шинель и вижу три свежие пробоины. Одна пуля все-таки задела бок, остальные, по счастливой случайности, прошли мимо. Кажется, и на этот раз пронесло.

Следует связаться с командиром батальона и доложить о положении в роте. Посылаю солдата, приказываю рассказать обо всем и получить распоряжение, как действовать дальше. Связной бежит по капустному полю, спотыкается, падает. Через некоторое время он возвращается, идет во весь рост, видно, ему надоело кланяться пулям. У самого окопа он падает вниз лицом, потом переворачивается на спину, и я вижу, как его лицо заливает кровь. Связной силится что-то сказать, но руки его бессильно повисают вдоль тела, и он коченеющее замирает. Он лежит рядом с убитым финским солдатом, и я не могу вспомнить, как тот очутился позади нас. Трупы лежат густо, почти друг на друге, особенно много их перед станковыми пулеметами.

И снова начинается неизвестно уже какая по счету атака, вражеские солдаты появляются буквально в нескольких метрах от нас. Глухо строчат станковые пу-

леметы. Пуля опять задевает меня, на этот раз обжигает щеку. Смерть витает совсем рядом. Уже почти совсем ничего не слышу. Из-за ранения в лицо не могу говорить. Передаю командование ротой оказавшемуся рядом старшему сержанту, а сам пытаюсь сделать себе перевязку. Но не успеваю: сержанта сваливает вражеская пуля и руководить боем снова приходится мне. Но как это сделать? Перехожу на мимику глухонемых, размахиваю руками, жестикулирую. Меня, кажется, понимают. Во всяком случае, пулеметы вовремя открывают огонь и бойцы исправно кидают в атакующих ручные гранаты. Опять меня ранило, уже в третий раз. Разрывная пуля попадает в шапку, голова туманится, глаза застилает кромешная тьма. Все, кажется, отвоевался.

Очнулся на берегу Свири. Двое бойцов осторожно перевязывают меня, отпаивают горячим чаем. Видно, от большой потери крови сильно знобит, к горлу подступает противная тошнота. На волнах Свири рвутся снаряды, вода огромными фонтанами поднимается вверх и тут же обрушивается вниз. И через этот ад нам предстоит переварываться. Страшно. Почему-то подумалось, что вода очень холодная и в ней легко простудиться. А о том, что могут убить, даже в голову не пришло. Наконец нас грузят в лодку. Лодка большая, на 10-12 человек. Меня кладут на дно лодки в грязную холодную воду с колючими кусочками льда. Но это ничего, главное — скорее добраться до берега.

На середине реки лодку накрывает снарядами. Убито несколько раненых, продырявлены осколками борта. Но главная беда — погибли сопровождавшие лодку гребцы. Делать нечего, за весла берутся легкораненые, затыкают дыры тряпками и портянками. Лодка не подчиняется обессиленным кормчим, и волны сносят ее вниз по течению. Я впадаю в беспамятство и отчаянно сопротивляюсь кому-то, кто хочет столкнуть меня с обрыва в ревущую реку. Когда лодка уткнулась в ледяной припай, все, кто мог, попрыгали в воду. Оказавшиеся на берегу санитары уложили меня на носилки и доставили в блиндаж, в котором временно приютилась санчасть. Здесь меня раздели, перевязали, высушили мокрую одежду. А через несколько часов я уже лежал в санитарном автобусе, который мчался на станцию Шаткус Лодейнопольского района.

На следующий день наш 1078-ой полк организованно

и в полном порядке отошел на левый берег реки Свири. Но об этом я узнал уже в госпитале, в котором пробыл более полугода. Узнал я также и о том, что после операции по форсированию реки Свири в нашей дивизии побывал командующий 7-ой отдельной армией генерал К. А. Мерецков. Он вручил славным воинам 314-ой казахстанской дивизии высокие правительственные награды. Орден Ленина получили пять человек, среди которых был командир дивизии полковник Василий Митрофанович Ковалев, орден Красного Знамени — 35 человек (один из них вручен нашему земляку Григорию Ильичу Карабану, ныне проживающему в Кокчетавской области), Красной Звезды — 41 и медалью «За отвагу» — 35 бойцов и командиров.

Так закончились упорные бои воинов 314-ой дивизии на реке Свири, проходившие 21—25 октября 1941 года.

Комбат Лилиенталь

После войны я приехал в Подпорожье в надежде разыскать памятные следы минувших сражений, поклониться священным могилам однополчан, погибших в боях на Свири. Особенно мне хотелось разыскать могилу командира второго батальона нашего 1078-го стрелкового полка капитана Алексея Ивановича Лилиенталя. Он поразил меня еще тогда спокойной и рассудительной отвагой, замечательной воинской выучкой. Капитан носил на ремне через плечо нарядную кавалерийскую шашку, хотя и командовал пехотным батальоном. Когда бойцы полюбопытствовали, зачем командр носит саблю, капитан как-то особенно торжественно ответил:

— Это самая дорогая для меня награда. Получил из рук самого Фрунзе. Много басмаческих голов сняла она в песках Бухары. Подвернется случай, и на фашистах испробую ее.

Совсем немного довелось повоевать капитану, но память о себе оставил он славную. Батальон вступил в бой за Подпорожье 7 сентября 1941 года. Потом шли кровопролитные сражения у деревни Каковичи. На счету воинов батальона сотни уничтоженных врагов. Разумеется, и наши части несли потери. 25 сентября в тяжелейшем бою был смертельно ранен и капитан Лилиенталь. Его принесли на окровавленной шинели в деревню Каковичи, сдали врачам, однако, жить ему оставалось всего два

часа. Солдаты похоронили капитана за селом на высоком кургане, а его предсмертный наказ долгие годы не давал мне покоя. Мне приходилось бывать в этом батальоне, доставлять солдатам боеприпасы. Как-то он доверительно попросил меня:

— Слушай, лейтенант. Человек вообще смертен, а на такой страшной войне это может случиться с любым и в любое время. Если меня убьют, обещай, что разыщешь моих родных и напишешь им. Они сейчас где-то в Бухаре.

И вот капитан Лилиенталь погиб. Я был тяжело ранен, долгое время находился в таком состоянии, что даже не мог припомнить своей фамилии. Но врачи вернули меня к жизни, и с тех пор я считаю себя обязанным перед всеми павшими и безвестными героями.

О Лилиентале я знал очень мало. Несколько моих писем к жене погибшего в Бухаре остались без ответа, и тогда я написал Подпорожским школьникам. Красные следопыты школы № 2 города Подпорожья включились в самый активный поиск. Вскоре мы узнали, что капитан Лилиенталь до войны работал председателем Осоавиахима в Бухаре, оттуда и ушел на фронт в составе 314-ой стрелковой дивизии. Его жена Надежда Федоровна с двумя детьми выехала из Бухары в 1943 году, и следы их затерялись.

На этом наши поиски зашли в тупик. И только через тридцать лет мне удалось разыскать сестру жены капитана Лилиенталя, которая и дала о нем самые исчерпывающие сведения. Галина Федоровна Пьянкова выслала в школьный музей и мне биографию и фото героя-капитана. Он прожил хоть и короткую, но яркую жизнь. Впрочем, предоставим слово документу:

«Лилиенталь Алексей Иванович, 1902 г. рождения, латыш, член КПСС с 10 октября 1924 года. В рядах Советской Армии прослужил со дня ее основания: с 1918 до 1938 года.

А. И. Лилиенталь участник гражданской и Великой Отечественной войн.

По особому правительству заданию принимал активное участие в ликвидации различных банд: так, в 1921 г.— разбойничего отряда Черного. За отличное выполнение поручения в мае 1922 г. получил благодарность. В сентябре 1922 года по март 1923 года принимал участие в ликвидации банд Григорьева и Левченко на Украи-

не. В 1925 году окончил школу имени Буденного и получил назначение на должность командира взвода 84-го кавполка 3-го эскадрона 8-ой отдельной кавалерийской бригады Среднеазиатского военного округа (САВО).

17 января 1926 года переведен командиром взвода в полковую школу, а затем, по распуску школы, попал в пулеметный эскадрон командиром взвода, избран секретарем полкового бюро.

В апреле 1927 года назначен командиром пулеметного эскадрона, участвовал в ликвидации басмачества по 1928 год в Сырдарьинской, Самаркандской и других областях. Сражался против Дашиберды, Ибрагимбека, Хуранбека, Джунайд-хана.

В феврале 1930 года переведен в 79-ый кавполк 7-ой отдельной кавбригады на должность командира эскадрона.

С июля по август 1930 года участвовал в ликвидации банды Ибрагимбека и за выдающиеся заслуги награжден орденом Красного Знамени. В честь 15-ой годовщины РККА получил грамоту объединенной Среднеазиатской Краснознаменной военной школы им В. И. Ленина и седло (23 февраля 1933 года). В ознаменование 20-ой годовщины РККА награжден медалью «XX лет РККА».

Постановлением ЦИК Туркменской ССР от 22 февраля 1938 года за активное участие в гражданской войне и борьбу с басмачеством в Туркмении ему вручены грамота и ценный подарок — именная сабля. В 1938 году служил в воинской части командиром эскадрона К-7 ОСАКВШ им. В. И. Ленина. На основании приказа штаба САВО уволен из рядов РККА с 7 июля 1938 года.

21 июля 1939 года направлен в город Бухару УзССР в облсовет Осоавиахима на должность начальника, где избран секретарем парторганизации, а затем назначен председателем облсовета Осоавиахима, где и проработал до 1941 года.

В первый же день войны с фашистской Германией он выехал вначале в г. Петропавловск КазССР, где формировалась воинская часть, а затем на Ленинградский фронт (Свирский участок). По званию — капитан, по должности — командир 2-го стрелкового батальона 1078-го стрелкового полка 314-ой стрелковой дивизии 7-ой армии, которой командовал маршал Советского Союза К. А. Мерецков.

Погиб в боях за родину в 1941 году».

Как много стоит за этими скучными строками биографии! Более половины своей короткой жизни капитан Лилиенталь провел в армии. За его плечами годы жестокой борьбы с многочисленными врагами нашей Родины. Он пришел на фронт стойким коммунистом, закаленным воином. Вот почему с первых же дней он так уверенно водил в бой своих необстрелянных подопечных, вот почему так успешно сражался против испытанных во многих сражениях фашистских солдат и вооруженных до зубов финнов. Там, где стоял батальон капитана Лилиенталя, враг нес огромные потери и не мог продвинуться вперед. Его бойцы оставляли позиции только по приказу или по другой, не менее важной причине: смерти в бою.

Еще до поездки на места былых сражений я написал письмо в Подпорожский городской Совет депутатов трудящихся с просьбой разыскать могилу капитана. Ответ несколько обескуражил меня: «На Ваше письмо,— говорилось в ответе,— исполкомом Подпорожского городского Совета депутатов трудящихся сообщает, что деревни Каковичи, за которую Вы сражались в период Великой Отечественной войны, в настоящее время не существует. Останки воинов, захороненных в этом районе, перезахоронены на братском кладбище г. Подпорожье. Видимо, и капитан также перезахоронен на этом братском кладбище.

Пожалуйста, приезжайте, посетите места боев».

Где же теперь искать могилу капитана? И тут созрело решение самому побывать там, пройти по пылавшим когда-то берегам Свири, по лесным и болотным тропам. Я начал списываться с однополчанами, адреса которых мне были известны, уславливаться о совместной поездке в Подпорожье и Лодейное Поле. Дело это потребовало много времени. В конце концов такая поездка состоялась и оставила в сердцах бывших воинов неизгладимые впечатления. Были волнующие встречи с местными жителями, помнившими суровый 1941 год, и с однополчанами, которые считались давно погибшими. Побывали и в школьном музее, где фотографии и документы о подвигах легендарного капитана Лилиенталя занимают самое почетное место.

О многом мы говорили тогда и много вспомнили. Долго в скорбном молчании стояли мы у братской могилы,

внимательно вчитывались в дорогие имена, высеченные на мраморе обелисков. Сотни наших земляков-казахстанцев сложили свои головы на огненных берегах реки Свирь, у стен Подпорожья и Лодейного Поля. Здесь похоронены рядовые бойцы Арык Альжанов и Павел Остапенко, Сейбатулла Мамедов и Калий Саметов, Асанбай Телеитов и Саркен Тондыков, Аубакир Жанабердиев, Павел Аксенов, Сергей Черенков, Петр Козырев... Они грудью заслонили священную ленинградскую землю. И как свидетельство этого — всенародная и незабвенная память о героях.

Память сердца

После встречи ветеранов-однополчан в Подпорожье и Лодейном Поле в мой адрес со всех концов нашей необъятной страны пошли письма, открытки, телеграммы. Писали друзья по оружию, а также знакомые и совсем незнакомые мне люди. Они рассказывали о своей послевоенной жизни, но главное, вспоминали пережитое на фронте, в тяжелейших боях памятного 1941 года. Нечего и говорить о том, что каждая весточка была бесконечно дорога мне. Некоторые писали так подробно, что, читая письма, я невольно ловил себя на мысли, будто снова оказался в боевой обстановке и сражаюсь рядом со своими товарищами с вероломным врагом. А бывший командир отделения связи Василий Игнатьевич Усольцев, проживающий в селе Налобино Северо-Казахстанской области, прислал мне обстоятельный рассказ о боевых днях связистов. Его воспоминания правдиво рисуют тревожную обстановку давнего времени, героизм наших бойцов и командиров. Я привожу их здесь почти полностью.

Василий Игнатьевич начинает свои воспоминания с момента призыва в действующую армию.

«Рано утром 17 июля 1941 года,— пишет он,— все молодые и здоровые мужчины нашего небольшого поселка Малиновое Полудинского района Северо-Казахстанской области собрались у конторы лесхоза, а через полчаса на машине мы уже выехали в райвоенкомат.

В мобилизационной комиссии разговор был коротким: «Здоров?»— спрашивали нас. «Здоров»,— и на военном билете, отложенном в сторонку, ставилось число «314». Что значило это число, мы узнали позднее.

Наш 763-ий батальон связи, куда меня зачислили,

разместился в железнодорожной школе. Занятия проводились в ограде школы, постоянно окруженной густой толпой ребятишек.

Через несколько дней мы разбили палатки недалеко от озера Пестрое, в трех километрах от города Петропавловска, и 20 августа приняли военную присягу.

На фронт наш батальон ехал в одном эшелоне со штабом дивизии. На паровозе, в хвосте состава и в отдельных вагонах было установлено круглосуточное дежурство связистов. Из Петропавловска выехали глубокой ночью, а утро нас застало уже в городе Кургане. Ехали медленно, подолгу стояли на станциях и просто на перегонах: пропускали составы с фронта с ранеными и на фронт — с оружием. На остановках часто собирались в круг, пели песни.

На станции Казань мы оказались между эшелонами с ранеными бойцами и эвакуированными из города Ленинграда местными жителями.

Солдаты тянулись к раненым, спрашивали: «Как там?» Ответы получали разные: одни безнадежно опускали голову, другие просто не вступали в разговор. А некоторые, рассказав о трудностях, которые переносила наша армия, говорили о своем желании скорее вырваться из госпиталя и посчитаться за пролитую кровь.

От Казани нас везли значительно быстрее. Одни говорили, что едем в Москву, другие — под Орел. Словом, гадали, кто как умел, и, только выгрузившись на станции Хвойная, все сошлись на том, что воевать придется где-то на севере.

Поход от станции Хвойная, которую немцы разбомбили, как только мы покинули эшелон, до станции Малая Вишера занял десять дней. Шли днем и ночью под проливными дождями. На себе по грязи тащили автомашины. Над нами на бреющем полете летали вражеские самолеты, иногда бомбили нас.

До Малой Вишеры дошли не все. В эшелон грузились на рассвете, никаких построек вблизи не было, все было перепахано бомбами. На пути к Лодейному Полю поезд часто останавливался, мы «рассредотачивались», а затем «сосредотачивались» без сопротивления воздушным пиратам и тянулись дальше, продвигаясь все ближе и ближе к войне. По сторонам железнодорожной насыпи валились обгоревшие вагоны, гильзы от снарядов, попадались и трупы.

Не доехая разъезда Заостровье, выгрузились, совершили ночной переход, и восход солнца встретили в высоком хвойном лесу на перекрестке дорог Лодейное Поле — Люговичи.

Как только начало светать, к нам стали подходить солдаты и матросы группами по 5—8 человек. Они шли в тыл искать своих. Линии обороны по Свири тогда не было, и остатки наших воинских частей каждую ночь прибывали с того берега. Погуливали и финны по нашим тылам по южную сторону Свири. Где-то недалеко слышалась артиллерийская перестрелка, чувствовалась близость фронта.

Нашему отделению поставили задачу соединить связь штаба дивизии и штаб одного из резервных батальонов 1076-го стрелкового полка, стоявшего на полпути между Лодейным Полем и Люговичами. Размотав три катушки кабеля, мы быстро справились с заданием. Потом вместе со стрелками помылись в Люговичах в бане и впервые после ухода из дома вдоволь поспали.

Среди ночи меня вызвал командир батальона и объявил, что батальон уходит под Свирь-З и связь ему больше не нужна. Получив приказ от командира роты Шухова снять связь и явиться в батальон, мы принялись за дело. Ночь была темная и то, что днем делалось легко и просто, ночью давалось с трудом. Я намотал две катушки и сильно устал. До батальона было еще далеко и, выйдя на дорогу, я присел отдохнуть. В это время над станцией Лодейное Поле противник повесил несколько ракет и начал бомбить составы. Впервые видел я висящие в воздухе большие яркие круги и, увлекшись зрелищем, не заметил, как около меня оказался мальчуган в форме учащегося ремесленного училища. Мальчик рассказал, что мирные жители из города ушли, он в городе три дня жил один, очень хочет есть. В тот вечер старшина выдал нам хлеб на завтра, и я отдал пареньку солдатскую пайку. Мальчуган схватил хлеб, с жадностью его съел. В те годы мы уже отвыкли видеть голодных людей, а детей — тем более. Нас было двое в夜里, мне тяжело было смотреть на мальчишку. Вскоре мы расстались. Утром мы вступили в бой под Свирью-З.

Туда мы выехали 4 сентября на автомашине, принадлежавшей нашему взводу. Оставив в пути по три человека на промежуточных станциях, около вокзала, в Лодейном Поле и на разъезде Янега, мы стали проби-

раться в овраг, что находился рядом с железной дорогой, идущей на Свирь-3. В овраге нашли штаб 1076-го стрелкового полка, а метрах в 100 от штаба в деревянном сарае, бывшем когда-то скотобойней, разместился полковой медпункт. Раненых поступало много. Мы, связисты, были невольными свидетелями этого. Линия связи проходила параллельно фронту, нарушалась часто, и, возвращаясь с повреждений, нам нередко приходилось помогать санитарам нести раненых.

Командир нашего взвода С. Кметь неожиданно заболел и ушел в медсанбат, а мне пришлось принять взвод. Вечером меня вызвал командир полка майор Мироненко и, указав место рядом со своим КП, сказал: «Связь перенесите сюда».

Под утро следующего дня с разъезда Янеги красноармеец Тупаков сообщил, что ранен в ногу рядовой Петров, а командир отделения А. Алешинский, ввязавшийся в перестрелку с противником, вероятно, убит. Приказав Тупакову не оставлять телефона и обо всем докладывать, я бросился на помощь.

По полотну железной дороги быстро добежали до разъезда и увидели: Анатолий лежит лицом к земле, за jakiав в кулаки траву, рядом с ним его винтовка. Алешинский был первый, кого мы потеряли из нашего взвода. Здесь же, недалеко от землянки, рядом с дорогой, под высокой сосной мы выкопали могилу и похоронили друга. Тело накрыли плащ-палаткой, над могилой дали салют из 4-х винтовок. Много пришлось видеть могил и терять друзей за годы войны, но эта первая запомнилась навсегда.

Поселок Свирь-3 был занят финнами, и каждое утро командир полка майор Мироненко получал приказ выбросить противника на северный берег реки. Назначались атаки, проводились короткие артподготовки, но успеха не было. Иногда противник переходил в контратаки, и тогда положение становилось угрожающим.

Я слабо знаю географию Лодейнопольского района и не помню сейчас, где находятся деревушки Демидовская и Бордовская, но помню, что вскоре после того, как мы вступили в бой, именно здесь, в районе этих населенных пунктов, оказались в окружении штаб нашей дивизии, 514-ый истребительный противотанковый полк и некоторые другие части.

Трудно теперь поверить, но все время связь с ними

не прерывалась, а в районе Демидовской у телефона несколько суток находился бессменно красноармеец Аржанов.

В поселке Люговичи — позывные. «Остров» — располагался штаб Южной группы войск, которой командовал генерал-лейтенант Вячеслав Дмитриевич Цветаев. Командующий установил порядок, по которому через каждые два часа Аржанов из Демидовской передавал мне, а я лично Цветаеву о положении окруженных войск, и за пять или шесть суток этот порядок ни разу не нарушился.

Оставалось неясным, почему противник не нарушил нашу связь. Видимо, враги просто думали, что никому не придет в голову мысль пользоваться заброшенной постоянной линией.

Подслушивание и использование в своих целях наших разговоров было исключено. Но разговоры генералов Цветаева и Шеменкова по телефону нам, связистам, были известны. Из них-то мы и узнали, что вывод наших войск из окружения был осуществлен без ощутимых помех со стороны противника.

Прошло 7—8 дней, как мы пришли под Свири-З и вступили в бой, и все эти дни были похожи один на другой. День начинался атакой с нашей стороны. Не поддержанная артиллерией, атака захлебывалась, и мы отходили на прежние рубежи. Командир полка майор Мироненко ежедневно просил подкрепление у комдива и всякий раз получал отказ. Чтобы сохранить устойчивое положение, у нас создавались боевые группы из работников штаба. Минет беда, отобъем атаку, и все расходимся по своим командам.

13 сентября с раннего утра по оврагу оживленно ходили командиры и всех, кто оказывался здесь, собирали, строили в колонны и отправляли в сторону Свири. Приходили в овраг командами по 15—20 человек из тылов и, передохнув, уходили в том же направлении.

Ружейно-пулеметная перестрелка шла круглые сутки. Противник ночами освещал передовую ракетами, беспокоил минометным огнем.

17 или 18 сентября, во второй половине дня, после продолжительной, но довольно мощной артподготовки, финны неожиданно атаковали наши боевые порядки и просочились в восточную часть оврага, где и завязался

жаркий бой. Положение было спасено, но без потерь не обошлось.

Затем потянулись дни, о которых говорили так: не воюем и мирно не живем. Перестрелки не прекращались, но атаки с нашей стороны не возобновлялись. Лишь активизировались ночные поиски.

Дивизия уже потеряла много людей. Большие потери понесли и мы, связисты. Были убиты А. Алешинский, Р. Ярыгин, П. Шелепов, П. Дмитрачков и другие. В овраг мы пришли группой в шесть человек, два раза нам давали пополнение по пять человек, а когда сменялись, то из шестнадцати, кто был здесь, уходили двое.

Расходовать кабель нам запретили, а приказали пользоваться брошенными постоянными линиями связи и высоковольтными линиями электропередач, которые тоже теперь никому были не нужны.

Дела наши стали сложнее, работать на столбах умели не многие, рабочих ремней недоставало. Однажды, во время работы на столбе, осколком снаряда был убит сержант Железнов и число желающих работать на столбах резко сократилось. Ребята не трусили, но этой работе были не обучены.

Удивительно заботливо оберегала судьба связиста Тимофея Рослова. Смелый и спокойный, он чаще других поднимался вверх, устранил повреждения на земле. Он вынес на себе около десятка раненых и убитых своих напарников, а сам избежал ранений. Рослов долго не хотел носить каску и так же упорно не снимал ее даже в землянке после одного любопытного случая. Однажды у входа в землянку уселись мы пообедать. Кто-то ради шутки надел на голову Рослова попавшуюся под руку каску, и тут мы услышали вой подлетающего снаряда. Все залегли, но Рослов и не шевельнулся. После разрыва снаряда он оказался лежащим рядом с нами. Поднялись все невредимы, поднялся и Рослов. Держа в руках каску, он внимательно ее рассматривал, а затем показал нам. На каске была глубокая вмятина от осколка только что разорвавшегося снаряда, от удара которого Рослов и оказался рядом с нами на земле.

Много пришлось перенести за годы войны этому бесстрашному солдату, часто встречался один на один со смертью, но домой вернулся невредимым.

В конце сентября с группой бойцов в три человека я ремонтировал запасную линию связи и остановился у

ручья, пересекающего где-то в середине село Тененичи. Около нас остановилась проходившая мимо полуторка, из кабин вышел военный в чине капитана. Расспросил нас, кто мы и откуда, предъявил и свои документы. Это был командир отдельного батальона связи 21-ой дивизии, прибывающей с Дальнего Востока нам на помощь. Вошли в дом, капитан Васильев разложил на столе карту и попросил показать, где проходит наша линия связи от штаба дивизии на передовую. Разговаривал он тихо, обо всем расспрашивал обстоятельно, подшучивал: плохо, мол, воюете, вот подойдет 21-ая, и финны узнают, почем фунт лиха. Его спутники, человек восемь бойцов, разместились на скамейке, некоторые дремали.

Наш разговор прервала автоматная очередь, донесшаяся с западной окраины села, затем вторая, третья. Вынув пистолет, капитан первым вышел из дома. Автоматные очереди становились все глуше, противник расправлялся с отдельными мелкими группами бойцов. В селе были только повозочные да артиллеристы-ездовые. Перебежав ручей по мостику, мы увидели до сотни финнов и открыли по ним залповый огонь из винтовок. По нас ударили пулеметы, два человека сразу же были убиты.

Капитан Васильев спокойно отдавал команды. Отыскав в стене приютившего нас сарая нечто похожее на бойницы, мы снова открыли огонь по врагу. Но что это был за огонь против той силы, которая давила на нас! Капитан приказал прорываться к машине, чтобы затем отойти на восточную окраину села, а сам ринулся вперед. Я бежал рядом с ним. Только мы выскоции за угол дома, как на меня брызнула кровь и к ногам повалился капитан. Все это произошло в какие-то секунды. Когда тело капитана грузили в кузов, у одного из бойцов расщепило пулей приклад винтовки. Машина ушла. Мы отстреливались и отступали на восточную окраину села по оврагу.

Не более часа я провел с капитаном Васильевым, но не забыл и теперь этого простого, смелого и спокойного человека. Отходя, мы встретили две танкетки, шедшие в западную сторону села. Через некоторое время в той стороне раздались дружные крики «ура», заговорили пулеметы, и вскоре все стихло. Это солдаты из 94-го стрелкового полка 21-ой стрелковой дивизии с марша вступили в бой и очистили окраину села от неприятеля, отомстили за своего товарища. Враг оставил на поле боя

более 50 человек убитыми, пулеметы, минометы, санитарное имущество. Такое с финнами в 1941 году на нашем участке фронта случалось не часто. Схватка была короткой, но жестокой, в иных случаях дело доходило до рукопашной.

Прорыв финнов в овраг, где размещался штаб нашего полка, бой в деревне Тененичи показали, что наши роты поредели и враг через их боевые порядки может проходить целыми подразделениями.

2 октября 1076-ой стрелковый полк передал оборону под Свирию-3 одному из полков прибывшей с востока 21-ой стрелковой дивизии. Командир полка майор Рублев зашел к нам на пункт связи, переговорил по телефону со штабом и приказал нам оставаться на месте до тех пор, пока ему не дадут связь свои связисты. Этой же ночью связисты 21-ой стрелковой дивизии проложили свою линию, а мы, собрав ключья полевого кабеля, отбыли на разъезд Янега.

28 дней нашим пристанищем был овраг, в котором беспечно журчал ручеек. Как и все, оставил я и близких родственников, и земляков, с которыми вместе рос и учился в школе, и товарищей по работе в предвоенные годы.

Теперь, когда прошли десятилетия и солдатские сироты сами стали отцами и матерями, в наших краях от одиноких пожилых женщин еще можно услышать: «А мой-то вот остался под Свирию». И они расскажут вам о горькой молодости, о тяжкой вдовьей доле, о жизни, прожитой без радости и счастья.

С разъезда Янега в деревню Царевщина была проложена связь. Над селом стоял дым, топились бани. Покинувшие окопы солдаты смывали месячную грязь, меняли белье. День был теплый, солнечный. По селу то там, то здесь рвались снаряды, но никто на это не обращал внимания. Я нес дежурство у телефона в доме, где остановился бригадный комиссар Колесников. Отворилась дверь комнаты, и он появился на пороге в фуражке, шинель внакидку, на груди значок депутата Верховного Совета.

— Послушайте, сержант, мне не нравится этот домик, перенесите-ка связь вон в тот особнячок.— И указал, куда следует перенести связь.

Красноармеец Тупаков взял аппарат и пошел за комиссаром, а я полез на столб, чтобы сделать отвод ли-

нии в нужном направлении. Установив связь, мы подмели в комнатах, расставили там нехитрую мебель. Комиссар в своей комнате сел за работу, я в другой устроился у телефона, а Тупаков пошел в домик, где у нас остались запасные катушки и вещмешки.

Когда пришел Тупаков, мы удивились его растерянному виду. Наши вещмешки и катушки тоже имели жалкий вид. Домик, который мы только что оставили, был разбит прямым попаданием снаряда. Комиссар Колесников внимательно выслушал Тупакова и, улыбнувшись, сказал:

— И от смерти тоже надо уходить вовремя.

Месяца через три, прочитав в газете некролог о бригадном комиссаре Колесникове, я очень жалел, что на этот раз он не угадал момента, когда ему грозила смерть.

С бригадным комиссаром я пробыл только два дня, но обаятельный образ этого пожилого, спокойного человека сохранил навсегда в своем сердце. Выполнять его приказы было приятно, он терпеливо, не торопясь, пояснял солдату, что он от него хочет и как это надо сделать. Тогда, в начале войны, мы очень нуждались в опытных и доброжелательных наставниках. Наша подготовка была слаба, а боевого опыта мы еще не накопили.

Штаб 1076-го стрелкового полка разместился в густом сосновке, рядом с высоковольтной линией, на краю высохшего болота, между Лодейным Полем и Янегой, против деревушки Царевщины. У связистов задача оставалась прежней — держать связь со штабом дивизии. Ее наладили быстро. Полевой кабель взяли на строгий учет и расходовали его только на вводы в блиндажи. Было приказано готовиться к зиме, и люди старались на совесть. Привозили из ближайших сел тес и обшивали им стены землянок. Наступали холода, солдаты мастерили «буржуйки», из кирпича делали небольшие печурки.

На благоустройство времени отвели два дня, а затем командир роты приказал дать запасную линию связи от полка до штаба дивизии. Точного маршрута, где проложить линию, указано не было, и это облегчало задачу. Задействовав высоковольтную линию, вкопав десяток-полтора столбов там, где нужно было изменить направление связи, мы сравнительно легко справились с этой работой. Но прошло после этого 5—6 дней, и от нас по-

требовали дать еще одну резервную линию связи. Линия должна быть прямой, отклонения допускались на 100—150 метров в ту или иную сторону от оси.

Здесь было над чем подумать. Построить девятикилометровую постоянную проволочную линию, используя вместо столбов растущие деревья, укрепить столбы в грязи безлесных болот, имея в руках только штыковую лопату,— дело нелегкое. Несколько дней в Лодейном Поле и Янеге со столбов заброшенных линий мы собирали крючья, изоляторы, сматывали проволоку и все это тащили на КП полка. Когда заготовили материалы, приступили к работе. Обрубать на растущих деревьях сучья, крепить в них крючья на высоте трех метров — очень сложная и трудоемкая работа. Трудились мы по 18—20 часов в сутки, дело двигалось, но медленно. Питались плохо, вокруг нас все теснее сжималось вражеское кольцо. Тихвин был в руках врага, а Паши и Бабаево бомбили круглосуточно.

Как бы ни были скромны результаты усилий солдат 314-й стрелковой дивизии, они, мертвые и живые, заслуживают добрых слов. Они остановили врага и на большом участке фронта по реке Свирь создали прочную оборону.

Большую поддержку оказывал нам бронепоезд капитана Мушкета. Линия фронта проходила параллельно линии железной дороги. Мушкет со своими ребятами появлялся в тех местах и именно тогда, когда его поддержка срочно требовалась. Бронепоезд обладал внушительной огневой силой и на нашем участке фронта решительно влиял на исход боев.

По приказу генерал-лейтенанта Цветаева мне несколько раз приходилось отыскивать на железнодорожных путях бронепоезд и приглашать к телефону его командира. Запомнилась команда бронепоезда. Молодые, дружные, хорошо подготовленные кадровые воины. Они с большим уважением относились к своему командиру, гордились им. Капитан Мушкет часто приходил к нам в землянку к телефону, охотно вступал в разговоры, всегда был спокоен. Молодой, опрятно одетый, подтянутый и выбритый, он являлся примером для нас, а его общительность располагала к беседе.

Вот и все то немногое, что сохранила моя память об этих славных и надежных товарищах, с которыми меня свела судьба в первые дни войны на отрезке железноз-

дорожных путей Янега — Свири-З, Янега — Тененичи.

...Тянулись долгие дни обороны, мы глубоко закопались в землю. Потери несли только разведчики и саперы, которые все чаще вели ночные поиски, ходили в разведку на ту сторону Свири. Так и остались на той стороне мои односельчане Петр Колмагоров и Евсей Шевелев. У нас, связистов, потерь не было. Мы занимались боевой подготовкой, разбирали свои недавние ошибки при обеспечении полка связью в боях, улучшали быт. На разъезде Янега соорудили парную баню. Ходить в баню было далеко, но разве от удовольствия откажешься.

Два события из тех дней до сих пор хранят моя память.

В один из дней в конце ноября, перед вечером, вдоль линии фронта раздался ружейно-пулеметный огонь. По телефону мы приняли сигнал «воздух» и срочно передали командиру полка, а сами, схватив винтовки, бросились в сторону приближающегося самолета. Теперь команда «рассредоточиться» была отменена, а вместо нее нас учили ведению залпового огня по самолетам, кто-то по нему уже стрелял. Открыли огонь и мы. Велика же была наша радость, когда самолет, подбитый нашими солдатами, пошел на снижение и, не дотянув до наших передовых линий, приземлился на виду у врага. Финны немедленно открыли ураганный артиллерийско-минометный заградительный огонь, отрезая подступы к самолету. Наши солдаты получили задачу взять летчиков в плен живыми. К сумеркам дело кончилось тем, что одного раненного летчика мы приволокли к себе, а второй погиб. Нам этот «язык» обошелся дорого. Многие наши ребята не вернулись с задания.

И второе. В последних числах ноября в городе Лодейное Поле на наблюдательном пункте погибли командир дивизии подполковник Ковалев и командир 858-го артполка майор Ивашко.

Подполковник Ковалев только что вступил в командование дивизией и у нас в полку был всего дважды. Зато майор Ивашко, с которым мы познакомились с первых дней боев, у нас, связистов, пользовался большим уважением. Во время боевых действий под Свири-З, он бывал у нас по несколько раз в день. Просто, как равных, угождал нас папиросами, раза два мы приглашали его к своему столу, он брал ложку, ел вместе с нами, шутил. Эта черта характера майора Ивашко, может быть, и не-

значительна, но ведь даже наш взводный таких взаимоотношений с нами не допускал.

В тот горько памятный день в числе других ребят меня откомандировали на пополнение разведотряда при штабе 7-ой отдельной армии, и я рас прощался со своими земляками и 314-ой дивизией.

Через два с лишним года мне суждено было снова вернуться в эти края, но мои однополчане дрались уже где-то в Прибалтике, боевое знамя дивизии украшала высокая правительственная награда.

Разведка боем

В 1972 году в городе Петропавловске мне довелось встретиться с бывшим командиром 1078-го стрелкового полка Иваном Викентьевичем Ивановским. В ту пору его гостеприимная квартира принимала еще двух однополчан — командира батальона Герасима Васильевича Суворова и командира взвода разведки Григория Ильича Карабана. Можно легко представить себе, какие разговоры вели ветераны. Конечно же, вспоминали войну, давние бои и походы. Самым старшим и по возрасту, и по воинскому званию оказался Иван Викентьевич и, естественно, импровизированный вечер встречи был в основном посвящен ему. Ивановский участвовал еще в гражданской войне и с начала и до конца прошел всю Отечественную.

При формировании 314-ой дивизии капитан И. В. Ивановский был назначен командиром 3-го батальона 1078-го стрелкового полка. Батальон вступил в бой в районе Застровья и почти месяц сдерживал противника на реке Свири. Комбат проявил себя исключительно искусственным и волевым командиром, и уже в ноябре 41 ему доверили 1078-ой стрелковый полк, тот самый полк, на долю которого выпали особенно тяжелые испытания. Особенно часто однополчане вспоминают проведенную Ивановским разведку боем, поистине блестящую операцию.

Событие это произошло в декабре 1941 года. Фронт на реке Свири стабилизировался. Ни финны, ни советские войска не предпринимали активных действий. Ленинград по-прежнему испытывал тяжелейшие удары противника, и командование 7-ой отдельной армии принимало все меры к тому, чтобы оттянуть на себя как

много больше вражеских сил с Ленинградского фронта. Было решено провести ряд наступательных операций по уничтожению финских частей, окопавшихся на берегу Свири. Получив такое задание, штаб 314-ой дивизии начал готовиться к наступлению. Прежде всего намечалось произвести разведку боем, чтобы выявить систему огня противника и захватить пленных. Выполнить это важное задание поручили 1078-му стрелковому полку.

«Начало операции,— вспоминает И. В. Ивановский,— было назначено на 6 часов утра 16 декабря 1941 года. Ослабленный боями полк не мог, конечно, выделить больших сил для разведки, и пришлось порядком поломать голову, прежде чем принять нужное решение. Посоветовавшись с командирами, я включил в разведывательную группу одну стрелковую роту, два взвода пеших и конных разведчиков полка и батальонных разведчиков. Командиром группы назначили коммуниста Григория Ильича Карабана, уже не раз отличавшегося в боях.

Из-за недостатка боеприпасов на особенно сильную артподготовку рассчитывать не приходилось. Надеялись на внезапность и отважный штурм вражеских позиций. Я поставил задачу и приказал командирам во время атаки находиться позади наступающих цепей. Это было вопреки тогдашним требованиям Устава, но я сознательно пошел на нарушение, считая, что, сберегая командный состав, быстрее и надежнее достигну поставленной цели. Дело в том, что, слепо подчиняясь требованию обязательного присутствия командира в передней цепи, независимо от того, требовалось это или не требовалось обстановкой, мы порою зря губили командный состав и оставляли солдат без надлежащего руководства в бою. Как подтвердили дальнейшие события, я оказался прав.

Зима стояла суровая. Мороз в тот день достиг 43 градусов. Как мы предполагали, в окопах и траншеях в такую погоду трудно застать вражеских солдат. Скорее всего там могли оставаться лишь одни наблюдатели. Так оно и оказалось. Как только началась наша артподготовка, финны выскочили из своих блиндажей и по ходам сообщения устремились в окопы. Однако, пробыв там минут пятнадцать и не заметив ничего подозрительного, начали возвращаться в теплые блиндажи и землянки. Они хорошо устроились в этом сильно укрепленном оборонительном пункте.

Ровно в шесть часов утра разведчики дружно подня-

лись в атаку. По нашим данным, в опорном пункте находилась финская рота и одна немецкая артиллерийская батарея. При мерцающем свете ракет, которые изредка кидали коченеющие от жуткого холода финские наблюдатели, наши разведчики быстро достигли передовых траншей и закидали их ручными гранатами. Наблюдатели были застигнуты врасплох и почти все оказались в плену. Началась схватка в траншеях и ходах сообщения, по которым финские солдаты пытались пробраться к своим передовым позициям.

Все быстро кончилось. Опорный пункт противника разведчики захватили за каких-нибудь полчаса. Среди трофеев — три орудия, пулеметы, склад боеприпасов и вооружения. Еще не веря в такую удачу, я отправил пленных в тыл, но не торопился докладывать командованию о взятии опорного пункта. Надо было еще удержать его. Тут же приказываю Карабану растянуть фланги до берегов Свири, чтобы противник не смог нас отрезать от своих тылов. Одновременно начали готовить опорный пункт к обороне на случай контратаки противника.

Уже засветло выслали вперед саперов и заминировали все подходы и наиболее опасные места, а вскоре начались вражеские контратаки. В течение дня финны предприняли два длительных и яростных штурма наших позиций, однако успеха не добились. Всякий раз атакующих накрывала наша артиллерия и сильный уничтожающий огонь из опорного пункта. К вечеру мы узнали от пленных, что на этот участок немцы и финны перебросили свежую дивизию.

Упорные, непрерывные бои шли целые сутки. Наши ребята сражались с исключительным мужеством. Финны ходили в атаку пьяными, и это привело их к трагедии. Натолкнувшись на интенсивный огонь, они избрали более короткий путь к опорному пункту и попали на минное поле. Мало кто уцелел из атакующих.

Тем не менее, у нас не оказалось нужных сил для того, чтобы удержать захваченные позиции, а они там нужны были нам при дальнейшем наступлении. Однако приходилось считаться с реальной обстановкой. Я доложил командиру дивизии о создавшемся трудном положении, и он отдал приказ оставить опорный пункт и отойти на прежний рубеж обороны. Уходили спокойно, в полном порядке. Все, что нельзя было забрать с собой, уничтож-

жили, взорвали, привели в негодность. Опорный пункт противника практически перестал существовать...»

После удачно проведенной разведки боем по 314-ой дивизии вышел приказ № 116, в котором высоко оценивалась эта операция. Командир полка капитан Иван Викентьевич Ивановский и комиссар полка Николай Александрович Дмитриев получили благодарность. Многие участники операции представлялись к правительстенным наградам. Командир группы Григорий Ильич Карабан получил орден Красного Знамени.

В то время, когда 1078-ой полк проводил эту важную операцию, я уже находился в госпитале и, разумеется, не мог знать всех подробностей боя. А мой старый друг и земляк Григорий Ильич Карабан ни словом не обмолвился об этом, хотя мы с ним встречались много раз. Что же поделаешь! Так уж повелось, что истинные герои не любят распространяться о своих подвигах. Они скромны и немногословны. Чаще всего об их боевых делах узнаешь из уст других людей. В тот вечер я про себя отметил эту черту и у другого участника нашей беседы — Герасима Васильевича Суворова.

В труднейших условиях, когда дивизия в полуокружении занимала новый рубеж, Г. В. Суворов сумел вывести свой батальон и спасти людей. Я решил напомнить ему об этом и попросил рассказать, как все это было.

«В сущности,— задумчиво проговорил Герасим Васильевич,— батальон спасла скромная советская девочка. Мы даже имени ее не знали тогда и не сумели как следует отблагодарить.

— Теперь ее имя известно всему Подпорожью,— улыбнулся Григорий Ильич Карабан.

Постарались наши замечательные дети. Красные следопыты установили ее имя: Нина Галашева.

— Но, прежде чем рассказать о ней,— продолжал Суворов,— я хотел бы подчеркнуть здесь такую мысль: все наши сражения в первоначальный период войны, по существу, были своеобразной разведкой боем. Ведь мы еще не умели как следует воевать и потому зачастую попадали в сложное и трудное положение. Так случилось тогда с моим батальоном».

Вот как это было.

...Уже 7 сентября 1941 года 2-ой батальон 1078-го стрелкового полка вступил в бой с противником. Этим

батальоном командовал молодой офицер Герасим Васильевич Суворов. Он хорошо знал приказ нашего командования: во что бы то ни стало остановить врага на рубеже реки Свирь и делал все возможное для успешного выполнения его. 7 и 8 сентября развернулись ожесточенные бои. Финны чувствовали свое превосходство. Вооруженные мощным автоматическим оружием, они пробирались через болота, проникали в наш тыл и наносили обороняющимся большой урон. Бойцам Суворова — молодым, необстрелянным — тяжело давался каждый бой.

Финнам удалось в двух местах перейти через Свирь — на участке Свирьстрой-3 в районе Лодейного Поля и у железнодорожного моста в районе города Подпорожье. Под напором превосходящих сил наши батальоны отошли на новые рубежи. Батальон Суворова оказался в критическом положении. Финны обложили его с трех сторон. Единственный выход из окружения — болото, которое также могло привести к гибели! Людям грозила неминуемая смерть или позорный плен. Суворов вел свой батальон в направлении к деревне Вонозеро (12 км от Подпорожья), но уже у деревни Каковичи стало совершенно ясно, что дальше пути нет.

И тут на болотистой опушке соснового леса, словно сказочная волшебная фея, появилась девочка. Она чувствовала себя в лесу настоящей хозяйкой. На просьбу командира провести бойцов по безопасному пути она откликнулась просто и естественно. Так батальон Суворова оказался в деревне Каковичи, где уже находились другие части дивизии. Бойцы горячо благодарили девочку, а она даже не подозревала, что совершила настоящий подвиг. Она исчезла так же неожиданно, как и появилась, и бойцы так и не узнали тогда имени юной патриотки.

А звали ее Ниной Галашевой. Это стало известно только в 1971 году, когда по просьбе ветеранов 314-ой дивизии красные следопыты Подпорожской школы взялись за поиски. В 1941 году девочке было всего 15. Она закончила девятый класс и вступила в комсомол. Теперь Нине Леонидовне уже под пятьдесят. Она живет в Подпорожье, растит и воспитывает своих детей. Бывшие воины 314-ой стрелковой дивизии зачислили ее почетным ветераном своей части.

— Вот что она сама написала о себе.— И Герасим Васильевич протянул мне письмо:

«До войны жила и училась в школе города Подпорожье. В 1941 году мечтала продолжить учебу, но началась война, и я пошла на оборонительные работы — рвать окопы, дзоты и противотанковые рвы, работали всей семьей в пять человек. Фашистские самолеты разбрасывали антисоветские листовки, в которых призывали народ не верить в Советскую власть. Они хвастались скорой победой. Я вместе с другими комсомольцами проводила разъяснительную работу. Мы твердо верили, что победа будет за нами. Так учит меня отец.

Когда фашисты вплотную подошли к Подпорожью, мы перебрались в рабочий поселок, в 12 километрах от Подпорожья. 14 или 15 сентября 1941 года сюда прибыла большая группа финнов. Они выставили посты, чтобы никто не ушел. Стреляли из пулеметов, запугивая население. Предлагали людям сдаваться в плен и ехать работать на Запад. Для этого подогнали железнодорожные вагоны на узкоколейку. Патриоты повредили паровоз, чтобы предотвратить угон советских людей. Но многие поддались провокациям. Отец послал нас с сестрой к поезду, чтобы уговорить людей уходить в лес, а не ехать в рабство. Однако многие остались в вагонах.

Ночью, часа в два, отец отправил меня в деревню Вонозеро сообщить в штаб военной части о случившемся. Со мной шел мальчик лет 12—13-ти. К сожалению, фамилии я его не помню. До Вонозера 12 километров. Шли лесом, по тропинке. Нам повстречались два наших солдата и спросили, кто мы. Получив ответ, солдаты попросили мальчика проводить их, а я осталась одна. Было страшновато. Но стремление как можно быстрее сообщить о положении в городе подавляло страх. Вдруг мелькнул огонек, другой. Послышалась речь. Русская. Так я натолкнулась на отряд красноармейцев.

Меня встретил энергичный коренастый офицер, которому я все подробно рассказала. Он предложил мне проводить их. Вывести через болота. Не дожидаясь рассвета, мы двинулись в путь. Герасим Васильевич Суворов, а это был он, шел вместе со мной.

Углубившись в лес метров на триста-четыреста, услышали автоматную очередь. Началась перестрелка. Помню, пулей задело ложе автомата Герасима Васильевича, а затем пробило фуражку. Мне приказали залечь. Я отошла недалеко и легла под дерево. Надо сказать, одета я была в зимнее пальто с коричневым воротником и в ко-

ричневую кубанку и очень походила на финна. И это чуть не погубило меня. Лежавший неподалеку от меня солдат вдруг навел дуло винтовки на меня и выстрелил. Я почувствовала боль в ноге, но не крикнула, не шевельнулась. Солдат вторично стал целиться. «Не стреляйте», — вырвалось у меня. Солдат молниеносно вскочил и подбежал ко мне. Он помог мне подняться. Оказалось, что ногу чуть задело. В этой короткой перестрелке наши три солдата получили ранения. Как рассказывала позже моя мама, а она была очевидцем этой встречи в лесу, и у финнов тоже имелись убитые. Мама, испугавшись, что я отправилась в ночь, без взрослых, пошла разыскивать меня и повстречалась с финнами еще до перестрелки. Они у нее спросили: «Матка, русс там?» Мама ответила отрицательно. Вскоре началась перестрелка. Мама залегла под кустом у самой тропинки. На обратном пути в панике финны не заметили маму и она вернулась в деревню. Вместе с бойцами я пришла туда же. От командования, как самую дорогую награду в то тяжелое время, получила две буханки хлеба.

Живя в рабочем поселке, мы принимали раненых, оказывали им посильную помощь. Они приглашали после войны приехать в Казахстан. Оставляли адреса. К сожалению, все это не сохранилось.

Вместе с воинскими частями продвигались и мы с семьей. Через Печеницы, куда уже прибыла 21-ая Краснознаменная Дальневосточная дивизия, дошли до Ояти. В ноябре 1941 года нас эвакуировали в глубь страны. В пути вражеские самолеты беспрестанно бомбили наш эшелон. К счастью, мы уцелели.

В поселке Юрга Тюменской области я поступила на работу, была избрана членом бюро райкома комсомола. Часто выступала перед допризывниками. Несколько раз подавала заявление в райвоенкомат о призывае на военную службу, но мои просьбы отклонялись — слишком мала. В 1944 году вступила в партию и в этом же году в августе месяце по комсомольской путевке уехала в освобожденные районы Украины на партийную работу.

В 1961 году вернулась в Подпорожье. Одннадцать лет тружусь на Подпорожском лесодеревообрабатывающем комбинате, с 1969 года — председатель заводского комитета профсоюза. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»,

а в 1970 году — юбилейной медалью «За доблестный труд».

В декабре 1972 года мне сообщили из Петропавловска, что я зачислена ветераном 314-ой Кингисеппской ордена Кутузова II степени, Выборгской ордена Александра Невского полков стрелковой дивизии».

...Долго в тот вечер продолжалась наша беседа. О многом еще вспомнил хозяин дома Иван Викентьевич Ивановский. И каждый раз разговор неизменно возвращался к первым, самым трудным дням войны.

Особенно тяжелые бои шли в Подпорожье. Полки дивизии несли большие потери, но и сами наносили врагу ощутимый урон. В этих первых боях особо отличился орудийный расчет Ивана Андреевича Котляренко. Он расположился юго-западнее города. На второй день боя подразделения противника прорвали позиции наших обороняющихся рот и двинулись по лесной дороге прямо на замаскированное орудие Котляренко. Подпустив врага поближе, Котляренко внезапно открыл огонь. Более тридцати вражеских солдат не встали с земли.

По приказу командира дивизии в Подпорожье была направлена пулеметная рота 3-го батальона 1074-го полка. Солдаты ее в упорных боях уничтожили немало врагов, однако и сами полегли на поле боя. Погиб командир роты, а политрук Михаил Иванович Назаров был тяжело контужен. В боях за Подпорожье получил тяжелое ранение командир 1078-го стрелкового полка майор Томашевич. Смертью храбрых пал в Подпорожье адъютант командира батальона Николай Федорович Вахонин. С группой смельчаков он геройски защищал командный пункт батальона.

Несмотря на большие потери и жертвы, воины 314-ой стрелковой дивизии до подхода резервов прочно сдерживали атаки превосходящих сил врага. С подходом 46-ой танковой бригады 21-ой стрелковой дивизии полковника Гнедина фронт стабилизировался. Войска противника дальше реки Свири не продвинулись.

Фронтовая семья

Вот уже долгое время живет в Алма-Ате семья Блаков — Александр Васильевич и Ольга Ивановна. Оба они, и муж и жена, в годы войны вместе сражались на фронте, бок о бок прошли по трудным ратным дорогам

и закончили свой боевой поход в поверженной фашистской Германии.

В первые дни войны Александр Васильевич Блак был начальником штаба 1078-го стрелкового полка 314-ой дивизии, затем командовал этим полком, а в 1942 году возглавил морскую бригаду. У полковника в отставке А. В. Блака 14 боевых наград и за каждой из них стоит большое воинское мастерство, солдатское мужество и отвага. Славный воин награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова и Суворова второй степени, Красной Звезды и многими медалями.

А. В. Блак, как и его друзья-однополчане, начинал войну в тяжелейших условиях. Воевать пришлось в не-привычной для него, жителя юга, лесисто-болотистой местности, в суровых условиях. Но воины знали, что на этом рубеже, на берегу северной реки Свирь, они защищают Ленинград, всю нашу прекрасную родную землю, и воевали мужественно, не щадя ни сил, ни самой жизни. Как и всякий командир, он по-отечески оберегал своих людей, скорбел о каждой потере и потому, видно, предательская седина очень рано посеребрила его молодую голову.

И еще одна каждодневная забота постоянно тревожила коменданта. Рядом с ним, в боевом строю, находилась жена. Карелка по национальности, Ольга Ивановна Кириллова-Блак отличалась необычным для северян горячим темпераментом. Полевой госпиталь, в котором она служила тогда, совсем не устраивал ее. Ольга Ивановна рвалась на передовую, к боевому и опасному делу. Разумеется, ее не отпускали из госпиталя. Но однажды судьба молодой женщины круто изменилась. Дело в том, что она отлично владела финским языком и политуправление 7-ой отдельной армии назначило ее агитатором контрпропаганды. На участке 314-ой стрелковой дивизии, в районе Лодейного Поля, она с рупором в руках из окопов вела агитационные передачи.

— Финский язык,— рассказывает Ольга Ивановна,— я изучала в школе и техникуме. Говорила чисто, без акцента. До войны работала учительницей в школе. На фронте мне это здорово пригодилось. Я переводила штабные документы, участвовала в допросах пленных и, наконец, начала выступать перед финскими солдатами с пропагандистскими материалами.

Первый выход на передовую Ольга Ивановна провела в районе Лодейного Поля, в Заостровье. Противник был в трехстах метрах. Она взяла рупор и начала говорить. Стрельба со стороны противника прекратилась. Финны внимательно слушали. Ольга Ивановна убедилась в этом буквально через 10—15 минут. Как только замолкал ее голос, враг открывал ураганный огонь из пулеметов и минометов по окопам. Так повторялось почти всегда.

Особенно противник начал свирепствовать после того, как в плен сдался командир финской роты и несколько раз выступил перед своими солдатами.

Им говорилось, что Гитлер гонит их на смерть в интересах Германии. Пока они мерзнут в болотах и проливают кровь, фашисты разоряют и грабят Финляндию. И по тому, с каким ожесточением враги обстреливали наших пропагандистов, мы убедились, что передачи точно попадали в цель. Приходилось часто менять места передач, разнообразить время. Это приводило финское командование в бешенство. Финны нервничали, грозились расправиться с «красными агитаторами». Сначала по голосу считали, что передачи ведет какой-то мальчишка-финн, поддавшийся на уговоры большевиков, а когда узнали, что это женщина, ярости их не было предела.

— Меня несколько раз пытались выкрасть,— смеется Ольга Ивановна.— Однажды с этой целью выслали в наш тыл специальную разведку. Но мне повезло. Я была больна, передача не состоялась, а финская разведка угодила в наш плен.

— Изменница!— кричали озлобленные финны через свои репродукторы.— Ты продала большевикам свою Финляндию. Берегись! Как только мы тебя поймаем, то с живой сдерем шкуру и повесим на самой высокой сосне.

Эти угрозы только подстегивали задорную агитаторшу. Во время передач она стала исполнять под гармошку злые частушки. Враги выходили из себя. Пропаганда была совершенно конкретной, насыщенной многочисленными фактами о незавидной, подневольной доле финских солдат. Агитаторы хорошо знали, какие части стоят перед ними, знали фамилии не только финских офицеров, но и солдат. Наше командование очень высоко оценило работу Ольги Ивановны, ибо она подрывала моральный и боевой дух финских солдат.

Так воевала семья Блаков, боевая семья патриотов. Сейчас, когда ветераны собираются вместе, они добрым словом вспоминают скромную хрупкую женщину, обладавшую крепким воинским духом, мужеством и неиссякаемой энергией. Фронтовики по праву приняли ее в свою дружную семью, как солдата и коммуниста, как верного и преданного боевого товарища.

* * *

...Уходят годы, редеют славные ряды ветеранов, но те, кто остались в строю, свято чтут и берегут замечательные традиции казахстанской 314-ой стрелковой дивизии. Они переписываются между собой, а по торжественным датам собираются в Подпорожье и Лодейном Поле, где в грозном 41 сражалась их прославленная воинская часть. Встречаются люди, чьи родство и дружба скреплены кровью, пролитой в великой борьбе за честь, свободу и независимость нашей Родины.

Особенно памятной для ветеранов дивизии была состоявшаяся несколько лет назад встреча в городе Петровавловске. Сохранился стенографический отчет пресс-конференции, устроенной для местных журналистов.

О боевом пути североказахстанцев рассказал бывший начальник политотдела дивизии полковник в отставке Г. И. Александров, о боях на реке Свири — бывший командир батареи 858-го артполка Иван Илларионович Прядко.

О самом волнующем моменте в биографии дивизии — участии в прорыве блокады Ленинграда, о том, какую роль в этом сыграли североказахстанцы — вспоминал бывший работник штаба дивизии, майор запаса Иван Фомич Король:

«После того, как фронт на Свири стабилизировался, наша дивизия 15 сентября 1942 года была переброшена на Ленинградский фронт в район Синявинских болот. Сюда мы прибыли 27 сентября, пройдя за 12 дней 320 километров. Но передышки не было. Нужно было выручать четвертый гвардейский корпус 2-ой ударной армии, попавшей в трудное положение на речке Черной. С марта вступили в бой. Поставленную перед нашей дивизией боевую задачу выполнили.

Дивизия прочно закрепилась на занятых рубежах и

стойко продолжала держать оборону Гайтолово — Гонтовая Липка.

Во время январского прорыва блокады Ленинграда (12—18 января 1943 года) перед дивизией встало задание — подготовить плацдарм для наступающих частей и после взятия 327-ой стрелковой дивизией рощи Круглой (хорошо укрепленного узла обороны фашистов) закрепиться в этом пункте, прикрывая левый фланг наших войск. Но обстановка сложилась так, что 327-ая дивизия смогла только частично подавить позиции врага. Предстояли тяжелые и затяжные бои по овладению рощей Круглой.

Но это угрожало ходу общего наступления по прорыву блокады Ленинграда. Поэтому командир дивизии И. М. Алиев взял на себя задачу блокировать рощу Круглую, пропустив вперед 327-ую дивизию.

Этот маневр командования нашей дивизии поставил гитлеровцев в тяжелое положение, и они упорно пытались отомстить за свои неудачи. 10 мая 1943 года в 10 часов утра, сосредоточив крупные силы на участке нашей дивизии, после сильной артподготовки, фашисты пошли в наступление. Мы разгадали маневр противника. Его артподготовка пришла по пустому месту, потому что ночью мы сменили боевые позиции. Наступающие части противника попали под наш сокрушительный огонь».

Наши земляки участвовали в крупных стратегических операциях по изгнанию врага с территории нашей Родины и освобождению других стран от фашизма. О вкладе североказахстанцев в это священное дело говорил бывший командир 1074-го стрелкового полка подполковник в отставке Василий Семенович Тарасов:

«В первых числах января 1944 года дивизия была переброшена из района Синявино на «малый пятак» в район города Ораниенбаума, что на южном берегу Финского залива. В целях маскировки переход по льду Финского залива, расстоянием в 22 километра, осуществлялся ночью. Впереди шли командир дивизии генерал Алиев, командиры полков, за ними — войска.

Скрытое сосредоточение войск 2-ой ударной армии на ораниенбаумском пятаке (ныне город Ломоносов) сыграло важную роль в разгроме немецко-фашистских захватчиков на ленинградской земле. В этой наступательной операции наша дивизия в составе 2-ой удар-

ной армии с боями прошла более 170 километров, освободила десятки населенных пунктов, штурмом взяла сильно укрепленный противником городок Кингисепп, за что получила название «Кингисепской».

Весь февраль и март 1944 года дивизия вела тяжелые кровопролитные бои на захваченном ею плацдарме на западном берегу реки Нарвы. 1074-й полк, которым я командовал, участвовал не только в боях под Нарвой, но и в освобождении Карельского перешейка и города Выборга, в котором мы первыми водрузили победоносное знамя. За эту победу полк был назван «Выборгским».

С 14 по 31 января 1945 года дивизия, начав наступление с Сандомирского плацдарма, продвинулась с боями на 216 километров, освободила 237 населенных пунктов и активно участвовала в освобождении крупного промышленного центра Польши — Домбровского угольного бассейна. На знамени дивизии появился орден Кутузова II степени.

31 января 1945 года части дивизии вышли к реке Одер. 1 февраля река была форсирована, и мы создали два плацдарма на ее западном берегу. Ефрейтор нашего полка, пулеметчик Григорий Николаевич Дмитриев, первым переправился на западный берег реки Одер. При обороне плацдарма полк отбил шесть атак противника. За эти операции полк был награжден орденом Александра Невского.

В апреле и начале мая 1945 года дивизия вела активные наступательные бои на территории Германии за города Нейштадт, Франкенштайн, Нейсе и другие.

Великую Отечественную войну 314-ая стрелковая Кингисепская ордена Кутузова II степени дивизия закончила 11 мая 1945 года на территории Чехословакии в пятидесяти километрах восточнее столицы Чехословакии — Праги».

* * *

Рассказали о своих памятных событиях в годы войны бывшая операционная сестра 243-го медсанбата Мария Александровна Лобахина, разведчик 1074-го полка Алексей Михайлович Алтухов, минометчик Габбас Сексембаев, связист Петр Валерьевич Шашков, артиллерист Иван Андреевич Котляренко.

Своими воспоминаниями ветераны делятся не только на встречах и официальных пресс-конференциях. Быв-

шие воины выступают перед молодежью, бывают в воинских частях, на заводах, на предприятиях и стройках.

Так бывший командир взвода конных разведчиков 1078-го стрелкового полка Дмитрий Васильевич Слепченко всегда желанный гость молодежи своего родного села Некомское Володарского района Кокчетавской области. Дмитрий Васильевич прошел славный боевой путь от Свирских рубежей до Чехословакии. Он участвовал в штурме Синявинских высот и взятии города Ломоносова, воевал на Карельском перешейке и под Выборгом, сражался на Сандомирском плацдарме. Два ордена Отечественной войны I и II степени украшают грудь бывшего воина, многими боевыми медалями наградила его благодарная Родина.

Прославил себя на фронте и земляк Слепченко — Никита Фадеевич Шилин. Сейчас он живет в селе Кирилловке Кокчетавской области. Никита Фадеевич также служил в конной разведке. Однажды с ним произошел такой случай. По приказу начальника штаба 1078-го полка Александра Васильевича Блака Шилин отправился в село Плотичное, что неподалеку от Лодейного Поля, и попал в засаду. Финны сидели в кустах со станковыми пулеметами и неожиданно открыли огонь по разведчику. Конь под ним пал, и Никита Фадеевич оказался на земле. Гибель, казалось, была неминуемой. Но солдат не растерялся. Он вступил в перестрелку с финнами и благополучно оторвался от противника. Шинель его была продырявлена в трех местах. Разведчик Шилин доставил ценные сведения, и вскоре наши части заняли село Плотичное. Разведчику, как говорится, всегда первая пуля. Но Никита Фадеевич попадал в самые отчаянные переплеты и оставался жив.

Вот несколько боевых эпизодов, рассказанных мне бывшим воином 314-ой дивизии В. Семидоцких.

К началу октября враг измотал свои силы, но не добился успеха. Пришлось финнам переходить к обороне. На какое-то время на фронте нашей дивизии установилось относительное затишье. Но командование не доверяло этой тишине. На войне она, как правило, обманчива. Так и было на самом деле. Вскоре стало известно, что противник сосредотачивает за рекою Свирь крупные силы и с наступлением ледостава намеревается нанести сокрушительный удар по нашей обороне. Тут же последовал приказ штаба 7-ой армии, 314-ой стрелковой диви-

зии ставилась задача — провести усиленный поиск на правом берегу реки, обнаружить группировку противника и вступить в бой со свежими силами захватчиков.

Операция началась артиллерийской подготовкой. Затем один батальон 1074-го полка спешно и незаметно переправился на правый берег. Его внезапное появление навело панику на финнов, и они обратились в бегство. В окопах были брошены шинели и сапоги, оставлена пища. Батальон стремительно продвинул вперед, перерезал дорогу Горка — Ковкинцы, захватил деревни Горка и Сегежа. Для закрепления успеха на правый берег быстро перешли еще два батальона 1078-го стрелкового полка. На другой день противник провел три психические атаки, но они были отбиты. Финны остались на поле боя около четырехсот солдат и офицеров.

В этом бою отличились многие бойцы и командиры. В первый день стрелковая рота Михаила Ралдугина отбила три атаки. Впоследствии Ралдугин был награжден орденом Ленина. Хорошо сражались лейтенант-минометчик Подрезов, командир отделения Амиров, сапер Илькенов. Медицинские сестры 1078-го полка Вера Трофимова и Муза Чижевич вынесли с поля боя более пятидесяти красноармейцев. Храбрых санитаров наградили орденами Красной Звезды. Навсегда останется в памяти ветеранов подвиг Ивана Терентьевича Замкового. Его рота после форсирования Свири заняла оборону у деревни Сегежи. Противник открыл сильный огонь из пулеметов, орудий и минометов. Создалось тяжелое положение, некоторые стали покидать позиции и отходить назад. Тогда Замковой, крикнув: «Вперед, на врага!», пошел в атаку и увлек за собой солдат. Враг был отброшен. Позже, в одной из яростных контратак, отважный политрук пал смертью храбрых.

Выполнив поставленную задачу, наши подразделения вернулись на свои прежние позиции. На противоположном берегу оставалась лишь группа прикрытия переправы. Финны попытались отрезать ее от берега, и им это удалось сделать. Воины, однако, не растерялись и укрылись в лесу. Потом, отыскав подручные средства, они в течение трех ночей группами по 2—3 человека переправлялись на левый берег, а красноармеец Мелешин со своими товарищами переплыли реку лишь на четвертые сутки. Дерзкая операция увенчалась полным успехом.

Подобные вылазки в расположение врага с этого мо-

мента участились. Финны встревожились, стали срочно укреплять свою оборону и тщательно маскировать огневые точки. Вначале финские ракетчики щедро освещали передний край, на передовой было светло, как днем. Нашим артиллеристам стало трудно вести прицельный огонь. Необходимо было вскрыть и тщательно изучить систему огня противника. На выполнение этого задания пошли разведчики и саперы. Ночью поисковая группа осторожно спустилась на лед реки и бойцы скрытно подобрались к проволочным заграждениям. Быстро перерезали проволоку, сделали проход. Но у самых траншей вдруг обнаружились еще две нити колючей проволоки, протянутые на полуметровой высоте. Стали резать их, и тут раздался громкий железный скрежет. Финны обнаружили саперов. Бросились по ходам сообщения и вскоре завязался жаркий скоротечный бой. Саперы и разведчики в упор расстреливали солдат противника. Но они продолжали накаляться волна за волной. Командир отделения Клименко врукопашную схватился с финским солдатом и тут же был сражен автоматной очередью. Мертвым падает и его противник.

Началось что-то невообразимое. Финны открыли шквальный огонь из орудий и минометов. В ответ загремела наша артиллерия. Жестокий бой продолжался до самого утра. Артиллерия противника, наконец, затихла, и наши разведчики начали отходить на свой берег. Задачу они выполнили, но всех огорчила гибель смелого разведчика и замечательного парня Клименко. Товарищи вынесли его тело в свое расположение и на другой день похоронили на опушке леса у дороги Лодейное Поле — Люговичи. Эта могила взывала к отмщению, поднимала бойцов на решительную битву с немецко-финскими захватчиками.

Боевые подруги

В минувшую войну на фронтах сражались тысячи женщин. Они были медицинскими сестрами в госпиталях и медсанбатах, санинструкторами в ротах и стрелковых батальонах, снайперами, разведчиками, радиистами. Женщины воевали храбро, стойко переносили все тяготы фронтовой жизни. Они погибали, получали ранения, снова возвращались в строй и продолжали сражаться с вра-

гом. Подвиги женщин-воинов достойны самой высокой оценки и самого благоговейного преклонения.

Во время своей недавней поездки на места былых сражений 314-ой дивизии я побывал в городе Лодейное Поле и здесь повстречался с тремя своими однополчанками. Солидные, умудренные жизнью женщины ничем уже не напоминали тех давних хрупких девчонок, одетых в солдатские гимнастерки и шинели. Но все пережитое навсегда осталось в их глубоких задумчивых глазах, отразилось в преждевременных морщинах и ранней седине. Но они по-прежнему прекрасны и обаятельны.

В городе Лодейное Поле на красивой и благоустроенной улице живет Валентина Яковлевна Прокопьева. Ее военная профессия — санинструктор. Одна из самых необходимых и важных профессий на войне. Валентина Яковлевна служила в дивизионной разведывательной роте, а значит, и сама была разведчицей. Ей приходилось участвовать в опаснейших поисках по захвату «языков», выносить на себе раненых из вражеского тыла. Много раз переправлялась юная девушка через реку Свирь, проползала через проходы в проволочных заграждениях и при необходимости сама бралась за оружие. Была ранена. Командование много раз отмечало и награждало смелого санинструктора и разведчицу.

После войны Валентина Яковлевна навсегда связала свою жизнь с Советской Армией. Сейчас Валентина Яковлевна Прокопьева на пенсии, но продолжает трудиться, приносить пользу людям, своему родному городу, который она отважно защищала в годы войны.

Живут в Лодейном Поле и родные сестры: Евдокия Семеновна Дмитриева и Нина Семеновна Дмитриева (сейчас Павлова). Обе прошли фронт. Евдокия — в политотделе 314-ой дивизии, Нина — в операционно-перевязочном взводе медсанбата. Нине едва исполнилось восемнадцать, когда она добровольцем ушла на фронт. Уже 7 сентября 1941 года девушка участвовала в первом бою. О том, как она воевала, лучше всего свидетельствуют ее награды — орден Красной Звезды, две медали «За отвагу». И в мирное время Нина Семеновна Павлова оставалась на переднем крае: работала на монтаже электростанции Свирь-2, Волжской и Камской ГЭС, и теперь продолжает трудиться.

А вот что рассказывает о себе Евдокия Семеновна Дмитриева:

«Родилась я в деревне Рахковичи Лодейнопольского района Ленинградской области, в большой крестьянской семье. Нас у родителей было девять детей. Все мы с ранних лет работали и пережили немало трудностей. После семилетки трудилась в промколхозе имени 2-ой Пятилетки кульработником. В 1938 году меня направили в Ленинградскую кульпросветшколу, которую я окончила в июне 1941 года, в тот памятный месяц, когда началась война. Прибыв в Лодейное Поле, я сразу же подала заявление с просьбой направить на фронт. Эту просьбу, однако, не удовлетворили, а направили работать по специальности. В мае 1941 года меня приняли в члены ВКП(б). Партийный билет получала в Дзержинском райкоме города Ленинграда.

Будучи студенткой, выполняла многие комсомольские и партийные поручения, участвовала в ансамбле Ленинградского окружного Дома Красной Армии. В августе 1941 года меня кооптировали в состав бюро Лодейнопольского РК ВЛКСМ, а затем избрали секретарем райкома комсомола. Положение на фронте между тем все более осложнялось. В начале сентября враг прорвал оборону советских войск, и наш город стал фронтовым. Коммунисты и комсомольцы под руководством военных специалистов изготавливали мины и минировали берега Свири, чтобы преградить врагу путь в Лодейное Поле. Началась эвакуация населения и материальных ценностей.

Когда к городу подошли наши регулярные части, мы с сестрой Ниной добровольно вступили в ряды 314-ой стрелковой дивизии. До войны Нина закончила курсы медицинских сестер и уже имела военную специальность. Вместе с нами пришли в дивизию комсомолки Вера Нелова и Тося Егорова. В первое время доставляли раненых из Подпорожья в медсанбат, который дислоцировался в деревне Комбаково (18 км от Лодейного Поля). Через некоторое время, в октябре, меня назначили начальником дивизионной клубной машины. Приходилось часто бывать на переднем крае, беседовать с бойцами, выступать с докладами, устраивать концерты. Я сама разработала тему «Лучше смерть в бою, чем фашистское рабство» и с большим успехом выступала перед бойцами. Вместе со своими помощниками оформляла наглядную агитацию и вела другую пропагандистскую работу в частях 314-ой дивизии.

В 1943 году была назначена начальником организационного отдела Ленинградского областного Совета Осоавиахима. В июле 1944, сразу после освобождения нашего района от немецко-фашистских захватчиков, вернулась из Ленинграда в Лодейное Поле. Здесь работала вторым секретарем Лодейнопольского райкома комсомола. Главная задача, которая стояла перед нами в то тяжелое время,— это оказание помощи фронту и восстановление народного хозяйства. Территория нашего района была почти сплошь заминирована, особенно те места, где находился противник. С помощью военкомата райком сформировал из молодежи специальные отряды минеров. В нем насчитывалось тогда 175 юношей и девушек. Одним из первых стал минером мой еще несовершеннолетний брат. В первую очередь отряд очистил от мин свой район, а потом и часть Волховского. В память о боях молодежь заложила в городе парк «Свирская победа».

Вот, по существу, и вся скромная военная биография Евдокии Семеновны Дмитриевой. После войны она снова училась, закончила Высшую партийную школу при ЦК КПСС, много лет находилась на партийной работе. Недавно ушла на пенсию, но продолжает по-прежнему трудиться. Ветеран, коммунист, Евдокия Семеновна Дмитриева как и прежде в боевом строю.

Через тридцать лет

В Лодейном Поле я побывал дважды в 1971 году, а затем в 1973 и 1974 годах.

Все поездки были волнующими, но особенно запомнилась первая. 30 лет — большой срок, половина человеческой жизни. Многое изменилось в мире, много перемен произошло и в краях, где когда-то сражалась 314-ая стрелковая дивизия. Я не имел конкретного плана поездки. Просто мне хотелось увидеть свой окоп на берегу Свири, пройтись по улицам Лодейного Поля и Подпорожья, заглянуть в лесные деревеньки, дававшие нам приют в то грозное время.

Надо сказать, что нас, ветеранов, встречали каждый раз очень тепло и радушно. И в горкоме партии, и в горисполкоме, и военкомате Подпорожья мы были самыми желанными гостями. Большую помощь в поездке по местам былых боев оказали нам военком Василий Семенович Ремез, сотрудница краеведческого музея Тамара

Георгиевна Зимина, директор профессионально-технического училища Владимир Афанасьевич Пахомов, красные следопыты из городских школ. Так же радушно отнеслись к нам и в городе Лодейное Поле. Председатель городского Совета Григорий Афанасьевич Тарасов предоставил транспорт, в поездке по району нас сопровождали работники исполкома Михаил Андреевич Вишневский и Лариса Николаевна Ишукова, сотрудники музея Владимир Иванович Хозяинов и Франц Михайлович Тетерин.

Тысячу дней город Лодейное Поле был частью нашего переднего края и находился на осадном положении до 21 июня 1944 года. Город был разбит до основания. Теперь, конечно, нет и следа прежних варварских разрушений. Мы ходили по улицам обновленного города, искренне любовались его красотой. Ведь это наш город, мы сражались за него, отдавали свои жизни. Более трех тысяч воинов покоятся в братских могилах Лодейного Поля.

По хорошо асфальтированной дороге, которой тогда еще не было, мы проехали от Заостровья до реки Свирь. Нас окружали сосновые и лиственные леса. Они поднялись здесь за эти тридцать лет и навсегда укрыли страшные следы войны. Однако сохранилась лежневка. Она тянулась тогда через болото от реки до кирпичного завода, затем поворачивала до станции Шоткус, пересекая шоссе Ленинград — Лодейное Поле. Была и вторая, проложенная вдоль первой. Она служила для доставки боеприпасов на передовую и для эвакуации раненых.

Захватив обширные территории в районе Лодейного Поля, финны беззастенчиво грабили и разрушали все вокруг. Они не только уничтожали села, но вырубали и жгли леса. Вражеская артиллерия намеренно истребляла, а авиация буквально сносила бомбами целые массивы знаменитых в этих краях корабельных сосен.

Но время и щедрая природа взяли свое. Поднялись новые леса. Ожила и Свирь, неутомимая труженица. Это самая большая судоходная река на севере Ленинградской области. По ней вереницей плывут пароходы и баржи, везут лес и машины. Много теперь бывает здесь туристов — и наших, и иностранных. Набрал силу, преобразился прекрасный первозданный край.

В одну из поездок я решил побывать в местах, где мы когда-то форсировали реку Свирь. Ранним утром добрался я до деревни Заостровье, насчитывающей чуть

больше двух десятков деревянных домов. По дороге не встретился ни один человек, только зайцы безбоязненно резвились на лесных опушках. Вспомнились бои, неумолчный снарядный грохот.

Неожиданно из придорожного леса вышел лось. Шагал он уверенно и степенно, высоко и гордо неся свою красивую голову с тяжелыми, массивными рогами. У дороги постоял немножко в раздумье, потом, увидев меня, тряхнул недовольно головой, повернулся и спокойно удалился в лес. А я направился к реке. Остановился на берегу, внимательно оглядевшись вокруг. Вот здесь происходила наша переправа. 13 атак отбила стрелковая рота, которой мне довелось командовать в эти тяжелые, поистине трагические дни. Я был трижды ранен и тяжело контужен. Да, именно на этих берегах пролилась моя кровь, кровь многих моих товарищей.

Долго я сидел у реки, о многом успел передумать. Вдруг у правого берега реки появилась лодка. Когда она причалила неподалеку, я попросил лодочника перевезти меня на другой берег. Узнав, кто я и для чего мне это нужно, он с радостью согласился. В деревне Ковкинцы разговорился с некоторыми жителями. Кое-кто был тогда в селе и хорошо помнит тяжелые бои на переправе. Потом я отправился в деревню Горка, рядом с которой на колхозном неубранном поле располагались когда-то позиции нашей стрелковой роты. Время сровняло окопы и только в ближнем лесу еще сохранились следы боев.

В селе Горка мне повстречалась старая женщина, которая пережила финскую оккупацию и хорошо помнила это тяжелое время. Это была Татьяна Ивановна Филина. Она рассказала, что война в их селе пришла неожиданно. Никто не думал, что финны прорвутся сюда, и многие совсем не предполагали, что они так долго пробудут здесь. 6 сентября 1941 года колхозники как обычно вышли на работу. И вдруг в небе зарокотали самолеты. Их было не меньше шести десятков. Люди заволновались, однако председатель колхоза успокоил их, сказав, что это наши самолеты идут бомбить фашистов на подступах Ленинграда. Они действительно ушли к Ленинграду, но это были немецкие самолеты. На другой день пришел приказ переправлять колхозный скот на левый берег Свири.

Финны ворвались в село на мотоциклах, вооруженные автоматами и пулеметами. Они заходили в дома и выго-

няли людей на улицу, не давая им даже собраться. Татьяна Ивановна с четырьмя малыми детьми и старухой-матерью также оказалась на улице. Она едва успела прихватить старенькое одеяло и кое-что из продуктов. Людей под усиленным конвоем повели в сторону города Олонец, как потом оказалось, в лагерь. Их загнали в большой барак, в котором были устроены нары человек на сто. Посреди барака, прямо на земле, стояла пустая бочка из-под бензина. Из нее сделали печку для обогрева. Люди жили в тяжелейших условиях, болели, умирали. У Татьяны Ивановны умер шестилетний сын, а второй мальчик подорвался на мине. Я видел его. Теперь он стал взрослым, имеет десятилетнюю дочку. Человек страшно обезображен взрывом вражеской мины и на всю жизнь остался калекой. Проживавшие в лагере люди сами ходили в лес за дровами и в соседние деревни за продуктами. За плохую, по мнению финнов, работу женщин жестоко наказывали плетьми.

Район города Подпорожья был памятен мне по первым боям с финскими захватчиками. Припомнилась встреча с разведчиками Карабана в лесу, тяжелый бой и отступление. Григорий Ильич Карабан прибыл на встречу ветеранов в Подпорожье из Кокчетавской области. Сейчас бывший разведчик заведует Рощинским пунктом заготзерно Келлеровского района. Мы вместе побывали на местах былых боев. Нам было что вспомнить и рассказать друг другу. Память солдатская крепка и надежна.

Особенно торжественно проходило празднование 30-летия победы на Свирском рубеже в городах Лодейное Поле и Подпорожье. Со всех концов страны сюда съехались ветераны 314-ой дивизии и других частей и соединений, сражавшихся в этих краях. Из Петропавловска сюда прибыли Алексей Алексеевич Овчинников, Сурган Нургожин, Иван Викентьевич Ивановский, Николай Афанасьевич Богданов, Иван Фомич Король, Никита Тимофеевич Бурмистров, Андрей Захарович Гузей, Константин Иванович Игишов. Из Сочи приехали Семен Васильевич Карпенко и автор этих строк. Участвовали в этом торжественном празднике и подпорожцы — Петр Максимович Малышев, Нина Леонидовна Галашева и многие другие. Это был памятный день для всего города и прежде всего для ветеранов — защитников Подпорожья.

Лодейнопольский горком КПСС, исполком городско-

го Совета депутатов трудящихся и городской комитет комсомола обратились к горожанам со специальной листовкой. Я воспроизвожу ее текст:

«Дорогие лодейнопольцы!

В день 30-летия освобождения лодейнопольской земли от фашистских захватчиков Лодейнопольский городской комитет партии, горком комсомола горячо и сердечно поздравляют вас с днем Свирской победы.

Мужественные советские воины остановили врага на правом берегу реки Свирь и сорвали его коварные планы. Победа не пришла сама. Ее пришлось добывать ценой суровых испытаний, ценой великих жертв.

Многие лучшие сыны и дочери нашего народа, защищая лодейнопольскую землю, пали смертью храбрых. И сегодня все мы в глубокой скорби склоняем свои головы перед памятью погибших за наше счастье, за великие завоевания Октября.

На местах боев поднялись новые корпуса производственных и жилых зданий. И то, что сделано в районе за последние годы — величественный и вечный памятник Героям.

В этот памятный день 30-летия Свирской победы желаем вам здоровья, долгих лет жизни и большого личного счастья. Молодое поколение лодейнопольцев свято будет чтить память Героев, павших за свободу, честь и независимость Родины».

У самого берега Свирь высится гранитный обелиск, увенчанный пятиконечной звездой. На постаменте прикреплена бронзовая доска с надписью: «Вечная слава воинам 314-ой дивизии, павшим в боях на берегу реки Свирь в 1941—1942 годах. Североказахстанцы».

Павшим воинам посвящены многие стихи и песни. Мне глубоко запали в сердце вот эти строки:

Над белой гладью мрачного болота
Дымок тяжелый медленно плывет,
У амбразуры вражеского дзота,
Закрыв собой немецкий пулемет,
Лежит, как глыба серого гранита,
В упор прошитый строчкой огневой,
Отважный парень Проныка Подкорытов
С залитой кровью русой головой.

Много, очень много таких отважных парней отняла у нас война. Они ушли из жизни, не совершив того, что сулили им мирные дни, но сделали главное — защитили родную землю от врагов.

В ПЛАМЕНИ ЖИЗНИ

Мы познакомились, когда война осталась уже позади. Сблизили нас воспоминания о фронтовых дорогах, о погибших друзьях. Этот человек — а его звали Хамит Кобиков — привлек меня чистотой своих суждений и поступков. Мне нравился его характер. И чем больше я узнавал Хамита, тем сильнее мне хотелось выяснить: откуда исходило его благородство, как удалось ему раскрыть недюжинную натуру в суровых военных буднях.

Конечно, сказалось воспитание в школе. Видимо, добрыми и принципиальными людьми были педагоги, старавшиеся привить питомцам любовь к родной земле. Безусловно, многое впитал мой друг и в семье. Щедро делились с ним добротой окружающие его люди. Именно их влияние сумело простого парня из старого Джаркента (сейчас это город Панфилов) сделать героем войны. Земляки, наверное, и не поверили поначалу: Хамит — герой? Да какой же он герой, этот простой, застенчивый парень, который и драться-то не умел. Но жизнь доказала, что нередко так и бывает: героем становится человек, который в сложной ситуации вел себя с мужественной скромностью и совсем не отличался воинственностью.

В какие только переделки не попадал Хамит в дни войны. Он был много раз ранен, участвовал в боевых операциях. Но воинское счастье сопутствовало ему. Возвращался после победы в родной Казахстан. Жил, трудился, но никогда не забывал фронтового братства, своих товарищей, которые пали на полях сражений. Скорее, он ощущал себя в долгу перед ними и знал, что должен быть достоен их памяти. Даже умирая, он вспомнил о боевой дружбе, навсегда вписанной в его жизнь.

И вот теперь, когда его не стало, мне захотелось рассказать об этом необыкновенном человеке, в судьбе которого, как мне кажется, воплотилось все лучшее, что есть в моем народе.

Булат закаляют в огне

Стараюсь представить его двадцатилетним. Родной дом Хамита находился в Джаркенте, там жила вся семья. Однако работал он в селе Баскунчи, в сельской школе. Еще в детстве он мечтал стать учителем. Это не трудно понять. Он жил во времена всеобщей учебы. Народ наш издавна был неграмотным. И только с приходом советской власти в каждом доме появились книги. Земляки Хамита тянулись к ним, как к свету. И энтузиазм молодого учителя, стремление отдать свои знания и способности решению большой государственной проблемы принимались сельчанами с благодарностью.

Он искренне привязался к своим маленьким воспитанникам. Ему казалось, что нет такой силы, которая могла бы заставить его отказаться от школы. Но война, грозной тучей повиснув над страной, изменила привычное течение мирных будней. Пусто и тихо стало в доме, стоящем на окраине Джаркента. Один за другим уходили на фронт мужчины семьи Кобиковых: Жумабек, Сагимбек, Асан, Абдуали... Дома пока оставались самый старший брат Харжай и самый младший — Хамит.

Гульжамал — жена Харжая — в свое время заменила Хамиту родную мать. Горячо полюбив мальчика, Гульжамал взяла на себя все заботы о нем. Именно от нее маленький Хамит услышал увлекательные казахские сказания о народных батырах, борющихся за справедливость. Она первая познакомила его со стихами Джамбула. Это она сделала для него праздником учебу в школекоммуне в родном для них обоих селе Сарыбель. Наверное, поэтому он и решил стать учителем, поехав в Джаркент на двухгодичные учительские курсы. Она старалась, чтобы каждое событие, будь то вступление в пионеры или переход из класса в класс, галстук пионервожатого или участие в комсомольской районной конференции он воспринимал как дар. И не исключено, что влияние Гульжамал заставило юношу задуматься о методах воспитания детей. Своими мыслями он делился в статьях, которые публикует областная газета. Но иногда по ночам, тайком

от всех, он слагал стихи. Гульжамал знала эту синюю тетрадку, испанную наивным мальчишеским почерком.

Вот и теперь, сидя на скамейке возле дома, она вспомнила про эти стихи и заплакала. Ее охватило чувство тревоги. Предстояло расставание: на коленях лежал конверт, принесенный из военкомата. Она знала, что в нем. Шестой — самый младший из братьев Кобиковых — пойдет на фронт. Гульжамал плакала, потому что никто не видел ее слез. Когда она будет отдавать конверт, она это сделает спокойно. Никто не увидит ее слабости. Она улыбнулась вдруг: «Как обвел мальчишка! Оказывается, вместе со стихами он писал и заявление в военкомат». Гордость заполнила сердце — она поступила бы так же.

В горестных раздумьях прошел для нее тот апрельский день. Накануне ей разрешили отдохнуть и привести в порядок свои домашние дела, потому что все весенние горячие дни вместе с другими женщинами работала в поле, на посевной. Урывками видела мужа. Теперь она была уже уверена — вслед за Хамитом уйдет и Харжау. Правда, скорей всего, в какую-нибудь тыловую часть, потому что близилось его пятидесятилетие. Итак, она останется одна. Печально подумала об этом Гульжамал: «Ну что ж, большинство женщин колхоза живет теперь без мужей, без сыновей. Чем же я лучше их?»

Она долго ждала Хамита, глядываясь в окно. Семь тополей, которые росли перед домом, как семь братьев, стояли еще по-весеннему обнаженными, но на ветвях уже обозначились нежные зеленые почки.

Весна была бурная, нетерпеливая, многообещающая. В свой срок появились залетные птицы. С самого рассвета они устраивали радостные концерты. Теплый порывистый ветер волновал все живое.

Стукнула калитка, послышались шаги в сенях. Хамит пришел возбужденный, быстрый. Ей всегда казалось, что, переступая порог своего дома, он в мыслях своих еще находился там, в своей школе. Еще продолжает возиться с ребятами, спорить с учителями и что-нибудь придумывать. Но сегодня взгляд его сразу устремился на повестку, которая лежала на столе, и юношеское чернобровое лицо сразу сделалось серьезным и сдержанным.

— Мои товарищи тоже получили такие, — хрипловато сказал он и сел рядом со снохой. Несколько минут они молчали. Потом Хамит ласково произнес:

— Вы, Гульжамал, не огорчайтесь, что я уеду. Чем же я хуже других. Да и война долго не продлится.

— Как же ты со своими ребятишками расстанешься? — Гульжамал подняла глаза на юношу.

— Да. Будет трудно, — признался он. — Но школу надо тоже защищать. Одним словом, женгей, все будет хорошо, не надо беспокоиться.

— Я соберу тебе ужин, — Гульжамал поднялась со стула.

— Не надо. Я подожду брата.

Вскоре пришел Харжау, усталый, молчаливый. Он весь день провел на животноводческой ферме. Спецовка его была покрыта мазутными пятнами. Он спешно разделясь, умылся, и они с Хамитом ушли в другую комнату. Гульжамал накрывала на стол. Ее слух улавливал взволнованный разговор братьев. Не дождавшись их, она вышла во двор. Было совсем темно. В соседних домах тускло светили огоньки. Из степи, начинающейся сразу за домом, доносились непонятные звуки пробуждающейся весны.

«Остыл чай», — беспокойно подумала Гульжамал, вернувшись на кухню. Она взяла самовар и привычно снова разожгла огонь.

В этот вечер они долго сидели за столом. Казалось, каждый думал о своем. Хамит привыкал к мысли, что отныне его жизнь, которой он так дорожил, в корне изменится. Раньше он по радио и газетам старался себе представить, что происходит на фронте, как наши войска ведут сражения. Теперь он сам станет непосредственным участником военных событий. Вот когда он должен будет на деле подтвердить все те высокие и громкие слова, которые много раз произносил в классе перед ребятами. Хватит ли у него сил и мужества?

Рано утром Хамит ушел в военкомат на медицинскую комиссию. Беспокойству Гульжамал не было предела. Она знала, что призывников много и что в военкомате не только будут интересоваться их здоровьем, но и для каждого определят род войск.

Харжау вернулся раньше: он отпросился с работы, чтобы побывать лишний час с братом. Но вот появился Хамит. Гульжамал не узнала его. Он резко изменился, что-то непривычное появилось в его лице. И тут она поняла: у парня нет больше его черной кудрявой шевелюры. Но улыбка осталась прежней.

Не пристало грустить молодости. Ведь и на фронте — в какие только переделки не попадали бойцы, а чуть передышка и сразу шутки, смех. И чем больше рядом с тобой твоих товарищей, тем увереннее ты себя чувствуешь, тем скорее хочется тебе сказать или услышать острое слово, отпустить самому добрую шутку.

Оптимистом был и Харжау. Он рассуждал здраво. Выпали тебе испытания — будь настоящим мужчиной, прояви себя храбрым воином. Надо воевать — не щади своей жизни. Придет смерть — умри достойно, чтобы люди с гордостью вспоминали о тебе. Проявишь трусьсть, за жизнь будешь цепляться — все отвернутся от тебя.

А что до проводов в армию — так это всегда было и будет событием в любой семье. Правда, в военную пору трудно потчевать гостей. Но Гульжамал сходила в магазин, накрыла большой круглый стол новой скатертью. Во дворе в большом казане варилось баранье мясо, распространяя на всю улицу душистый запах. Вскоре появились односельчане. Как это было заведено издавна в казахских семьях, приглашались все, кто питал добрые чувства к Хамиту, кто хотел пожелать напоследок ему удачи и счастья. А таких набралось немало.

Бесбармак чаще всего едят поздним вечером, когда никуда не надо спешить, когда можно неторопливо и задушевно побеседовать, послушать народные песни под домбру, повеселиться. Не отступили от традиции и на этот раз.

Гульжамал и Харжау неустанно ухаживали за гостями. За казахским дастарханом обычно больше всего внимания оказывается старикам — им и лучший кусок мяса, и голова барана, и самые первые пиалы с кумысом. Однако на сей раз в центре внимания оказалась молодежь: Хамит и его друзья, которые вместе с ним уходили в армию. Будущим фронтовикам были посвящены и песни, которые исполнил местный акын Сагындык. Он пел о подвигах батыров, сражающихся с захватчиками, о любви к родной земле, о молодых соколах, которые готовятся принять первый бой. И все-таки нельзя было даже за праздничным столом забыть о том, что на западе полыхает война, что идет бой кровавый не на жизнь, а на смерть, забыть о похоронках, заставивших многих одеться в траур.

Поэтому мужчины были сдержаны в своих речах и чувствах, а женщины временами утирали слезы.

Было о чем грустить и Хамиту. Расстаться с родным домом, с Харжау и Гульжамал, которые заменили ему отца и мать, с ребятами и школой, расстаться со степью, просторы которой не променяешь ни на какие заморские красоты — не так-то легко и просто. Разве можно забыть своих друзей, с которыми делил радости от первых побед и горести от первых неудач? Своих наставников, бескорыстно и терпеливо воспитавших тебя, забыть девушку-учительницу, недавно пришедшую работать в школу после окончания педагогического училища. Ее зовут Айгуль. Он никогда не говорил ей о своих чувствах, не ходил с ней в кино и вообще старался держаться в стороне. Но все, что она делала, глубоко его трогало: как она разговаривала с детьми, как учила их правильно говорить, как смеялась, показывая белоснежные зубы. И только несколько дней тому назад он понял, что постоянно думает о ней. В мыслях своих он шептал ей ласковые слова и назначал свидания. Как прекрасна молодость! Как мало надо, чтобы быть счастливым! Кто знает, может быть, это была его судьба, его любовь и привязанность на всю жизнь? Но расставание наступило раньше, чем начались их встречи.

Ночью ему снилась Айгуль. Она убегала от него, весело оглядываясь, вдоль извилистой горной речки. А когда он проснулся, вся его прошлая жизнь осталась словно за крепко закрытой дверью. Впереди было только будущее.

Сколько раз он ходил вместе с друзьями по этой пыльной степной дороге. И никогда не обращал внимания, что происходит вокруг. А тут вдруг понял, как дороги для него восходящее из-за холмов солнце, и степные травы, высыхающие от росы, и нарастающие звуки, и шорохи просыпающейся степи, бесконечной, как мир. Хамит не мог наглядеться на просторы родной земли. Он почувствовал, что с ней тяжело расставаться, как с самыми близкими людьми. Он с грустью подумал: «Только в разлуке познается истинная ценность вещей. Привычки же притупляют чувства».

По дороге медленно ползла черепаха, неприметная и неуклюжая. Она растрогала ребят.

— Говорят, ты живешь больше сотни лет, маленькая черепашка? Живи! Люби свою степь! Яростное здешнее

солнце! Горную воду! — Ребята подняли ее над землей. Пронесли несколько метров и опустили в волнующуюся степь.

В военкомате многолюдно и шумно. Похоже на народное гуляние. Но о праздниках люди забыли. Иногда собираются толпы у уличного репродуктора. Пожалуй, больше всего улыбок было на лицах людей в декабрьские дни, когда Совинформбюро сообщило о разгроме фашистов под Москвой. Но сегодня жители города собрались возле скромного здания райвоенкомата проводить своих сынов в армию. Призывников пригласили в здание. С ними вместе ушел и Хамит. А Гульжамал и Харжау остались среди провожающих ждать. В теплом весеннем воздухе не смолкали разговоры. Тут можно было узнать обо всем: о положении на фронтах, кто из джаркентцев воюет и на каком фронте, когда на захватчиков обрушатся новые удары. И прежде чем появился Хамит, его старший брат и сноха услышали еще одно известие, самое свежее: большую группу призывников, наиболее грамотных, отправляют на курсы младших командиров. Услышав об этом, печальная Гульжамал начала про себя подсчитывать: не закончится ли война, прежде чем парень попадет в бой? Вот если бы к этому времени уже разбили врага, как все было бы отлично. Но она тотчас же отогнала от себя эти мысли. Ей стало стыдно. Если все будут надеяться, что на фронте обойдутся без них, то и врага не победить. И она сказала об этом на митинге, который состоялся перед тем, как призывники уселись в грузовые машины.

Все слилось в единую неразделимую картину. И речи ораторов, и плач женщин, и тоскливы звуки гармоники, и прощальные объятия. Был момент, когда Хамит чуть было не расплакался. Он увидел своих ребятишек, своих третьеклассников. Они прибежали его проводить. И самая рослая девочка протянула ему томик стихов Джамбула.

Заиграл духовой оркестр. Понеслись звуки старинного марша, в котором, казалось, заключалось все — и боль расставания, и решимость каждого идти навстречу смерти, и неизбывная любовь к родной земле.

Но вот толпа провожающих отодвинулась. Женщины махали платками вслед удаляющимся машинам. Некоторые пытались бежать вслед за ними. А иные замерли, скжались в комок, не в силах сделать шага.

— До скорой встречи!
— Возвращайтесь с победой!
— Ждем писем!

Машины удалялись все дальше и дальше, оставляя за собой клубы пыли.

Домой Гульжамал и Харжау вернулись поздно. Гульжамал на скорую руку приготовила ужин. За столом молчали. Младший сынишка Нурмат, еще несмышленыш, спросил:

— Мама, на чем поехал ага Хамит?

— Сейчас на машине, а потом на поезде,— вздохнула Гульжамал.

— А какого цвета будут вагоны? — поинтересовался малыш.

— Красного,— наугад ответила мать.

— Он будет стрелять на фронте?

— Конечно.

Когда на дне табака — большого блюда — осталось еще немного еды, мальчик по привычке сказал:

— Это пусть останется для дяди Хамита.

На глаза Гульжамал навернулись слезы.

— Шесть братьев ушли воевать, а мужчины еще не перевелись в нашем доме,— улыбнулся Харжау, чтобы успокоить жену.

Жизнь потекла по-прежнему. Снова с утра до вечера Харжау пропадал на животноводческой ферме, а Гульжамал работала повсюду, где только требовали обстоятельства. К тому же парторг колхоза поручил ей, как активистке, докладывать женщинам о сводках Информбюро. Окружающие глубоко ее уважали: выросла у всех на глазах, окончила школу, была общественницей, а уж в поле или на ферме трудилась — можно позавидовать.

На двадцатый день почтальон принес первое письмо от Хамита. В конверте была фотография. Хамит стоял в полный рост, видимо, для того, чтобы показать родственникам военную форму, которая делала его старше и отчужденней. Он сообщил, что находится на станции Мальта Читинской области, где и располагались курсы командиров.

Харжау долго всматривался в снимок и с беспокойством заметил:

— Смотри-ка, он, кажется, похудел, а?

Гульжамал с ним не согласилась:

— Тебе хочется, чтобы он был такой, как ты?
— Может быть, можно потом будет его навестить?
— Я думаю, разрешат.

Прошло лето. Сухое и солнечное в этих краях. Работы в колхозе не убавилось. Нужно было убирать травы. Не хватало не только тракторов и сенокосилок, но и механизаторов. На сенокос отправились женщины и подростки. Каждую неделю приходили от Хамита письма-треугольники. Юмор и бодрость в них сочетались с душевностью и тревогой за близких. В каждой строчке Гульжамал узнавала Хамита.

Вскоре они узнали, что обучение заканчивается. Вот тогда-то супруги и засобирались в дорогу. Гульжамал наготовила всяких кушаний и кумыса, чтобы напомнить Хамиту о родном доме.

И вот они в поезде. За окнами сибирская земля с ее могучими лесами и реками, обширными равнинами и холмами. А вот где такая станция с названием среди-земноморского острова никто не знал. И все-таки однажды утром где-то неподалеку от Байкала они вышли на маленький перрон и увидели Хамита, терпеливо поджидающего их.

Вместе с Хамитом были два молодых солдата, один из них шофер грузовика. Ребята грузили в кузов машины сумки с продуктами, бидоны и корзины и добродушно шутили:

— Много же вы прихватили с собой продовольствия. На целый взвод хватит.

— Все родители одинаковые,— как бы оправдывался за родственников Хамит.— Им всегда кажется, что мы умираем с голода.

Он выглядел теперь совсем по-иному, чем раньше. Лицо округлилось, на щеках появился румянец. Фигура стала плотной, плечи раздались шире. Гульжамал никак не могла понять, отчего нехитрая армейская пища и забайкальский воздух так благоприятно подействовали на здоровье Хамита, оторванного от родного дома.

Сразу после станции начался густой хвойный лес. Извилины дороги тонули в нем, и было непонятно, как шофер прокладывает себе путь сквозь это сумрачное пространство, в котором и солнца-то не видно. Но вот лес поредел, дорога выпрямилась. В стороне появились незатейливые строения. Хамит сказал:

— Вот и доехали. Здесь мы живем и учимся.

Машина, совершив крутой поворот, остановилась у одного из домов. Навстречу приезжим вышел комиссар. Он был высок, подвижен, военный китель молодил его крупное лицо, на висках блестела седина. Стукнув каблуками сапог и козырнув, Хамит доложил, что к нему приехали родственники. Комиссар пригласил всех в кабинет, поинтересовался самочувствием после дороги и сказал, что руководство училища ожидает многоного от их посещения. Хотелось бы, чтобы радость получил не только один Хамит. В училище много юношей из Казахстана. И пусть их приезд будет приветом им с родины.

Слова комиссара придали скромному скотнику из далеких степей и его жене чувство уверенности. Они поняли, за ними народ целой республики.

На другой день Харжау с Гульжамал показали казармы курсантов. В столовой солдат-повар накормил их вкусным, ароматным борщом и гречневой кашей. После обеда они посетили занятия, а вечером в клубе их познакомили с семьями офицеров-преподавателей.

Три дня пролетели, как один час. В последний вечер супруги пришли в Ленинскую комнату, которая поразила их своей чистотой и строгим убранством. Собравшиеся здесь офицеры и курсанты попросили гостей рассказать о своей жизни, о делах и людях колхоза.

Харжау никогда не выступал перед большой аудиторией, а тут рискнул и остался доволен собой. Что до Гульжамал, то ее не нужно было упрашивать. Она умела не только говорить с людьми, но и подтверждать свои рассуждения убедительными интересными фактами. Ее рассказ о колхозниках, работающих не покладая рук на победу над врагом, взволновал всех присутствующих.

— Женщины заменили ушедших на фронт мужчин. Вы представляете, как нелегко нам приходится. Но уверяю вас, фронтовики всегда будут сыты и обуты.— Ей долго хлопали.

И вот они снова на станции, их провожают Хамит и несколько его товарищей. Они крепко обнялись на прощание. Паровоз дал прощальный гудок. Хамит стоял на перроне и махал им рукой. Потом его фигура поплыла в вагонном окне и стала удаляться. Незабываемые секунды прощания. Как хочется их продлить. Но время не знает снисхождений. И любое волнующее событие оно превращает в воспоминание, от которого сладко замирает сердце.

Семь крепкостволовых тополей шумели перед окнами домика на окраине Джаркента. Если в этом и угадывалась какая-то символика, то чисто случайная. Гульжамал первая обратила внимание на это, когда на фронт ушло пять братьев, потом шестой. Седьмой брат Харжау, самый старший, тоже ждал повестку. С этого времени Гульжамал стало казаться, что тополя живые и понимают человеческий язык.

Все попытки Хамита вообразить бесчисленные картины происходивших на западе битв оказались тщетными. В памяти возникали полузыбые кадры кинокартин, которые он видел. Молодых командиров можно было понять. Им хотелось быстрее попасть на фронт. А пока их поезд следовал на запад, покинув маленькую прибайкальскую станцию с экзотическим названием.

Было о чем поразмыслить в дороге. Первую ночь никто не спал. Каждая минута пути приближала их к фронту, к крутым переменам в их жизни. За окнами в лунном сиянии поблескивали воды Байкала. Хамит вспомнил легенды, которые рассказывал им старший лейтенант Петр Сорокин, уроженец этих мест, о Прекрасном Озере и шумливой неугомонной его дочери — Ангаре. Но скоро это забылось. Более серьезные мысли одолевали парня. Как-то так случилось, что чуть ли не с детского возраста ему приходится отвечать за других людей. Сначала это были комсомольцы, призвавшие его своим вожаком. Потом — дети, которым он должен был помочь стать настоящими людьми. И вот теперь его слово и мнение будут решающими в небольшом подразделении совершенно взрослых и мыслящих по-своему мужчин. Сумеет ли он стать достойным их? Найдет ли верные слова для убеждения?

Хамит знал людей ни за что на свете не соглашающихся отвечать за других, считая это тяжкой обузой. Значит, руководить — не просто тешить свое самолюбие, но и заранее взять ответственность за дела и поступки своих подчиненных.

За окном проплывают леса вперемежку с большими и малыми городами. Каруселью кружится привольная степь, почти такая же, как на родине. Глядя на нее, вспомнил детство, как они ездили на бахчи. Там, словно в глубоком сне, лежали полосатые арбузы. В вязкой земле, разрисованной росчерками арбузных плетей, лежали волшебные полосатые шары. Мальчишки щелкали по кор-

ке арбуза, определяя его спелость, затем срывали, нарезали большими ломтями и впивались губами в пылающую алую мякоть. Тогда был еще жив отец. Однажды он поднял маленького Хамита на руки и посадил на коня. И навсегда остался в памяти смеющимся и гордым за своего сына. Вернее, за то, что тот крепко сидит в седле.

Эшелон прибыл в Москву. Сколько раз мечтал Хамит побывать в столице, пройтись по Красной площади, послушать звон курантов. Выглядел город совсем не так, как рисовал в своем воображении Хамит. Всего полгода назад враг был разгромлен на близких подступах к городу. Смертельный поединок оставил свой след в облике зданий и улиц. Однако суровое спокойствие ощущалось в общем равномерном ритме Москвы. С ее вокзалов непрерывно уходили на фронт эшелоны. В одном из них, взявшем направление на юг, ехала команда старшего лейтенанта Сорокина.

Встреча с Москвой, совместный путь еще более сплотили и сблизили ребят, обучавшихся на курсах младших командиров в Читинской области. Казалось, что эта предшествующая фронту неделя была дана им для того, чтобы они еще раз подумали о целях своего пути, почерпнули новые силы в общении с прекрасной и бескрайней своей Родиной.

Состав замер на небольшой степной станции. Дальше пути не было. Еще в дороге они услышали о том, что противник непрерывно бомбит железнодорожные станции и находящиеся в пути эшелоны. Хамит и его товарищи подтянули ремни на гимнастерках, поправили пилотки, взяли вещи и покинули вагоны. Небольшое помещение вокзала разрушено бомбой, поблизости — на переплетении стальных путей — остатки сгоревших составов. Вокруг неприглядно и грязно. Вместе со всеми молодые командиры покинули станцию и вышли в открытую степь.

Жаркое солнце палило нещадно. Дул горячий ветер, поднимая мелкую пыль. Хотелось пить, мечталось о прохладе. Подошвы кирзовых сапог нагрелись так, что обжигали ноги. У Хамита порой возникало желание сбросить сапоги, скинуть пропитанную потом гимнастерку и уткнуться головой в горную речку, которая должна течь где-то здесь, рядом, как в его родном kraю.

Они шли целый день. По счастливой случайности авиация противника не появлялась в небе, а единствен-

ный «мессер», который привлек их внимание необычным своим гулом, проскользнул стороной. К вечеру жара спала. Но шагать стало не легче. На дороге валялись искореженные машины и повозки, чернели глубокие воронки от бомб, иногда на обочине дороги в неестественных позах лежали мертвые лошади с раздутыми животами. Неподалеку слышались глухие раскаты орудий, а на горизонте все явственнее проступала дымная пелена незатухающих пожаров.

Воинская часть, в которую направлялась команда старшего лейтенанта Сорокина, располагалась на южной окраине Сталинграда. Они пришли сюда уже вечером и сразу испытали тягостное чувство при виде безжалостных разрушений и утрат. Громоздившиеся вокруг обугленные развалины домов, казалось, кричали от боли. От других зданий остались одни скелеты, а уцелевшие постройки воспринимались как что-то необычное и неестественное. Их встретил помощник дежурного по гарнизону и проводил до штаба.

Сердце Хамита стыло в тревоге. Вот он, фронт, о котором он так много слышал. И, словно в подтверждение его мыслей, земля вздрогнула от близкого разрыва снарядов. Но их сопровождающий не обратил на это никакого внимания.

Штаб размещался в довольно просторной землянке. Начальник штаба, отложив дела, радушно встретил прибывших.

— Вот и хорошо, что добрались,— устало произнес он.— Отдыхайте. Завтра в бой.— Он грустно потрепал по плечу рядом стоящего сержанта.

Но отдохнуть не пришлось. Ночь оказалась суетной, беспокойной. Где-то поблизости рвались снаряды, небо светилось от лучей прожекторов, ракет, трассирующих пуль.

Хамит получил назначение помощником командира взвода лейтенанта Алексея Мартынова.

С раннего утра к Сталинграду двинулись нескончаемые стаи вражеских бомбардировщиков. Хамит Кобиков и не подозревал, что он попал в самый эпицентр решающих событий Великой Отечественной войны. Через несколько месяцев здесь, на Волге, враг получит сокрушительный удар, после которого он уже не оправится. Победа под Сталинградом станет началом конца гитлеровской Германии.

А пока битва на подступах к Волге только началась. Из тысяч самолетов, тысяч бронированных машин, тысяч орудийных стволов, из мужества и стойкости каждого бойца, каждого защитника города складывался исход Стalingрадской битвы. Он зависел и от того, как поведет себя паренек из далекого Семиречья.

После короткого отдыха и пополнения взвод лейтенанта Мартынова вступил в бой. Фашисты наседали с трех сторон, каждый клочок земли находился под обстрелом. С командного пункта, хорошо замаскированного на неприметной высоте, была отчетливо видна сложившаяся обстановка. Батальону грозило окружение.

И тогда, оценив обстановку, командир решился на контратаку, которая, по его мысли, должна была ослабить написк противника на позиции батальона.

Но начавшаяся дружно контратака вскоре захлебнулась. Противник обрушил на атакующих море огня, и им пришлось отступить. Между тем фашистские танки снова начали свои обходные маневры. Машины с черными крестами на боку двигались с неумолимой последовательностью. Казалось, что они все сомнут и уничтожат на своем пути.

Оборона батальона была неглубокой и растянутой. Не хватало людей. Но оставшиеся держались стойко, с жестоким спокойствием.

Взвод лейтенанта Мартынова окопался в небольшой траншеи, в земле изрытой глубокими воронками. Этот ничем не примечательный рубеж подвергся ожесточенному удару противника.

Их взвод скорее напоминал отделение: так мало осталось бойцов. Но Хамит, очутившись среди них, вдруг почувствовал какую-то необыкновенную уверенность и прочность связи между ними. «Мне ли их учить? — с горечью думал Хамит. — Лучше я сам буду учиться». Грязные, запыленные, в гимнастерках, пропитанных обильным потом, в стальных касках, они удивительно походили друг на друга, как похожи птицы в одной стае. Когда разгорелся бой, застрикли автоматы и пулеметы, не только командир взвода, но и каждый из бойцов стали проявлять свою смекалку, свое умение, стараясь перехитрить противника. Вместе со всеми Хамит поливал фашистов из своего автомата.

Идущие танки прикрывали вражескую пехоту. Хамит приметил пулеметчика, которому удалось подобраться

совсем близко к нашей траншее. Соседи справа, стреляя из противотанкового ружья, подбили машину. Пулеметчик, как заметил Хамит, успел залечь в воронку и открыл огонь по нашим позициям. Хамит же отцепил от ремня гранату, вынул предохранительную чеку и, попросив находящегося рядом бородатого бойца прикрыть его огнем, прижимаясь плотно к земле, пополз к воронке, откуда строчили пулеметные очереди. Но в это время раздался взрыв, и воронку прочно завалило землей.

— Побереги свои силы, друг, еще пригодятся! — крикнул бородатый солдат, который умудрился расправиться с вражеским пулеметчиком, не покидая окопа.

Взводу приходилось туго. Сквозь стрельбу и грохот танков доносились стоны раненых. И тут Хамиту подумалось, что его непременно убют сегодня, и он ничего не успеет. Но тревожная эта мысль сразу же покинула его, потому что неподалеку поник головой командир взвода Мартынов. К лейтенанту бросилось несколько бойцов. Откуда-то вынырнула девушка-санитарка. Через несколько минут Хамит доложил командиру роты, что лейтенант Мартынов отправлен в медсанбат, в строю осталось 12 человек, взвод по-прежнему под угрозой окружения.

И тут-то до Хамита дошло, что именно он, и никто другой, заменит теперь лейтенанта. Хамит принял это решение спокойно. Боевая обстановка уже оказала на него свое воздействие. Отодвинулись далеко воспоминания о родном доме, о школе. Он забыл, что на передовой находится всего несколько часов, что вокруг летний зной, смерть, боль. Забыл обо всем, чтобы помнить только об одном — не уступить врагу.

Командир роты обратился к политруку капитану Иванову.

— Товарищ Иванов, чем мы можем помочь взводу старшего сержанта? Весь батальон на позициях, жаль, ребята пропадут.

Политрук решил сам держать оборону вместе с той горсткой бойцов, во главе которой теперь стоял молоденький черноволосый казах.

И вдруг наступила тишина. Отчаянно жгло солнце. Пахло полынью. Чувствовалась близость реки. На степном горизонте билось зыбкое марево.

Хамит смотрел в бинокль в сторону противника. Что он там замышляет? Ясно, не собирается отступать.

В предыдущие дни враг захватил выгодные позиции. Целая гряда небольших холмов пересекала степную равнину. За ними противник упрятал танки. Хамит настороженно прислушался. Ему почудилось гудение моторов за самым ближним холмом. Он вытер ладонью потное лицо. Солнце пекло немилосердно. Хотелось пить. Он еще раз всмотрелся в пологую макушку ближнего холма и ему показалось, что шум моторов приближается.

Хамит решил посоветоваться с командиром отделения Радченко:

— Слышишь что-нибудь? — крикнул он, высунувшись из своего окопчика.

— Танки, — подтвердил тот.

Хамит знал, что у Радченко осталось всего-навсего единственная граната да неполный автоматный диск. В это время в траншею появился политрук Иванов. Сзади него несколько бойцов, некоторые несли ящики с гранатами и патронами.

Хамит улыбнулся: сдержал слово свое политрук.

— Располагайтесь, ребята, — распорядился тот. — На перекур время еще есть. А потом видно будет. Старший сержант, как гостей будете встречать?

Хамит доложил обстановку. Политрук поинтересовался, где работал Хамит до фронта. А потом сказал взволнованно:

— Казахские степи у тебя за спиной, сержант. Держись!

Прибывшие расположились в свободных окопах. Правее, в полусотне метров от Хамита, — командир отделения Радченко. На горизонте показались танки.

— Твой крайний справа, мой — слева, — крикнул ему Хамит.

— Поделили, — откликнулся Радченко, и из окопа чуть-чуть высунулась серая от пыли каска.

«На него можно положиться: с первых дней на войне, многому научился. И ребята в его отделении бывалые». — Хамит устроился удобнее.

Танки с крестами на большой скорости спускались с ближнего холма, за каждой машиной струились седые шлейфы отработанных газов. Дым стойко держался в прозрачном воздухе. «Знают, что нас мало. Думают, что сейчас прорвутся. Но это мы еще посмотрим», — ожесточенно подумал Хамит.

Политрук сказал ему, что должны подтянуть артил-

лерию. Но ее почему-то нет. Может, на другом участке, где положение не менее тяжелое? Его взгляд остановился на разбитой рации, что валялась неподалеку. Подумалось о погибших товарищах. Он их почти не знал до этого, но сердце наполнилось глубокой жалостью. Видно, война — другое времязисчисление. За один час можно привязаться к человеку и хорошо узнать его. Братство скрепляется кровью.

— Радченко! — крикнул Хамит. — Автоматчиков за танками нет. Наверное, считают, что на нас двух-трех машин хватит.

— Вот и порядок, — бодро отозвался бывалый Радченко. Он считал своим долгом подбодрить молоденького командира.

И опять движущиеся машины приковали к себе внимание Хамита. Не больше трехсот метров отделяло теперь их от траншей взвода. Хамит и Радченко терпеливо выжидали, приготовив гранаты. Хамит снова взглянул на изуродованную радио. «Эх, как бы она пригодилась. С каким трудом связисты нашли подходящее место, укрепились, и вот...»

Одновременно Хамит заметил, что левый, «его танк», взял вдруг вправо и пошел по кривой, обходом, норовя зайти во фланг линии окопов.

Другая машина заходила с левой стороны.

— Утюжить собираются, — услышал Хамит голос политрука. «Ну уж нет». — И Хамит решительно сжал в руке гранату. Осторожно припадая к земле, сержант скользнул в невысокие, иссушенные солнцем степные травы и пополз вперед, чтобы встретиться со «своим танком». Вначале вроде все шло так, как он задумал. Но вот танк, не сбавляя ходу, вдруг сделал резкий поворот и направился прямо на Хамита.

«Замечен!» — Хамит замер, не спуская глаз с машины. Он еще плотнее вжался в землю, стараясь слиться с нею.

Вдруг что-то грохнуло. Танк резко затормозил и башня зашевелилась, ствол задвигался, нащупывая цель. Хамит пытался понять, что происходит. Видимо, Радченко метнул из своего окопчика гранату. Это и был взрыв. А теперь танк ринется на окопчик.

Хамит скатился в какую-то неглубокую воронку. Ему был отчетливо виден бронированный с облупившейся краской бок танка с черным крестом. Он осторожно, слов-

но нашаривая что-то, отвел руку с гранатой, размахнулся. Скользнул взглядом в сторону Радченко. И тут увидел еще одну машину, которая уверенно ползла вдоль линии окопов.

«Значит, Радченко промахнулся», — с горечью подумал Хамит. Совсем рядом грохнула пушка. Вскипел от жаркой волны чахлый кустарник. Из ствола танка после выстрела пошел дым, будто из гигантской сигары. Хамит слышал, как внутри танка заскрежетали механизмы, но затем машина рванулась с места, и из-под ее гусениц полетела перемешанная с землей трава. Перед глазами Хамита мелькнула цилиндрическая поверхность бензобака, и теперь на ней он сосредоточил все свое внимание. Облизав запекшиеся губы и уже больше не опасаясь ничего, он приподнялся и метнул гранату. Взрыв раздался тотчас же, всколыхнув землю. Горячая тугая волна толкнула его в грудь. Бронированная машина пылила, сквозь черные клубы дыма пробивалось пламя. Хамит невольно отпрянул от горящего танка, стараясь при этом узнать, куда попала граната. Но за клубами дыма и огня ничего разобрать не смог.

Глухо лязгнув, откинулась крышка люка. Жадно глотая воздух, один за другим выскочили наверх три фашистских танкиста и словно растворились в дыму.

Хамит машинально потянулся за автоматом, но вспомнил, что оставил свое оружие в окопе. И тут же почувствовал, что сверху над его воронкой мелькнула тень. Это были вражеские танкисты. Один из них держал наготове пистолет. Хамит попытался подняться. И в это время ударила автоматная очередь, скосившая двух фашистов. Третий побежал к горящему танку в поисках убежища.

Тут Хамит увидел, наконец, своего спасителя. Это был все тот же Радченко, превративший свой окоп в неприступную крепость.

Сейчас Радченко направлял огонь своего автомата по укрывшемуся за горящей машиной фашисту. Стреляли и из соседних окопов. Хамиту казалось, что он услышал звонкий голос политрука, а за ним послышался взрыв гранаты. Теперь Хамит решил во что бы то ни стало вернуться в окоп. Задачу свою он все-таки выполнил. Но когда он сделал первую короткую перебежку по пути к окопу, то увидел страшную картину. Один из

вражеских танков утюжил окопы наших бойцов и приближался к Радченко.

— Радченко! — отчаянно крикнул Хамит, но его голос потонул в грохоте. Схватив валявшийся немецкий автомат, он ринулся к окопам. Откуда-то сбоку хлопнул пистолетный выстрел, Хамит упал, не выпуская из рук автомата.

Все сразу исчезло. Он уже не видел, как немецкий танк утюжил окопчик Радченко. Не знал он и о том, что из нашего противотанкового орудия этот танк был вскоре же подбит. Вражеская атака захлебнулась. Снова наступила пауза. Оставшиеся в живых пехотинцы отыскали Хамита. Он был жив, но без сознания. Подоспевшие санитары забрали Хамита с собой.

Потом уже, спустя несколько месяцев, политрук Сергей Иванов скажет:

— Во главе взвода был совсем молоденький паренек по имени Хамит Кобиков. Какой там взвод! Там осталось с десяток бойцов! Но они не пропустили врага. Как не пропустили его и на других участках. Весь Сталинград встал на пути у захватчиков несокрушимой крепостью. Бойцы умирали, но не сдавались.

Поединок с танком был первым боевым крещением Хамита Кобикова. Один только день пришлось воевать ему: тяжелое ранение приковало его к госпитальной койке.

Не приснилось ли это ему? Неужели это он, Хамит, с горсткой бойцов в течение целого летнего дня сражался с вражескими танками? В траншеях, вырытых в колючей степи, солнце было такое же жгучее и знойное, как в Семиречье. Несколько часов того боя он никогда не забудет. Однажды, еще в детстве, старший брат толкнул его в глубокую речку. Он начал беспомощно барабататься и выплыл на берег. «Так надо учиться плавать», — назидательно сказал тогда Харжау. Вот так же он был брошен в бой, где должен был или погибнуть, или стать закаленным бойцом.

Он сделал все, что мог, а самое главное — не отступил. И это стало теперь в госпитале, где он лежал уже несколько месяцев, предметом его раздумий. Он вспоминал командира отделения Радченко, который спас ему жизнь. Политрука Иванова... Никогда он не забудет этих прекрасных и мужественных людей. Он чувствовал себя в долгу перед ними. Они словно дали ему поруче-

ние — продолжать бой до конца, до полной победы. Радовало, что Сталинград выстоял и именно здесь отборные части противника нашли бесславный конец. Советские войска шли на запад.

Вернуться на передовую — стало неистребимым желанием Хамита. Но рана еще не затянулась. Осколком снаряда на левой руке были перебиты сухожилия и вены, перестали действовать три пальца. Хамит был нетерпелив по натуре, но он спокойно и с надеждой ждал, что его скоро выпишут и отправят на фронт. А пока он читал книги, вел дневник и писал письма.

Перечел любимую книгу «Как закалялась сталь» и почувствовал, что только теперь ему стали по-настоящему близки и понятны поступки Корчагина. И закономерным, неоспоримым выводомозвучали знаменитые слова о том, что «жизнь надо прожить так, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Все это имело самое непосредственное отношение и к сталинградским окопам, и к завтрашнему дню. Он, Хамит, тоже должен жить ради других, если этого потребуют обстоятельства. Разве не эту мысль он внушал ученикам?

В одном из писем домой 23 февраля 1943 года Хамит сообщал: «Очень беспокоюсь, что от вас давно нет никаких вестей. Я вам писал уже, что нахожусь в госпитале после ранения. Надеюсь, что скоро выпишут и можно будет снова вернуться в строй. Ничего другого я не хочу.

Как там сейчас дома, все ли здоровы, пишут ли с фронта братья, и если да, то пришлите мне их адреса.

Передаю всем родственникам и друзьям горячий боевой привет и самые лучшие пожелания.

Крепко всех вас обнимаю и целую.

Ваш Хамит».

Рана Хамита заживала. С руки уже сняли бинты, и только легкая повязка еще стягивала запястье. Врачи составили комплекс физических упражнений для тренировки его раненой руки. Через некоторое время Хамит, правда, еще с превеликим трудом, мог не только шевелить пальцами, но и даже кое-что брать ими. Эти перемены подняли настроение молодого человека. Он и раньше не падал духом, но теперь как-будто наполнился живительной энергией. Он подбадривал тяжелораненых, участвовал в художественной самодеятельности. Песни,

танцы, декламация в армии всегда были любимым занятием в свободные часы, не забывали о самодеятельности и в тяжкую военную пору. Лучшие стихи и песни ходили по рукам, их знали наизусть. Среди любимых строк на фронте и в тылу были и стихи Джамбула.

«Особенно часто,— отмечал Хамит в дневнике,— меня просили повторять одно из четверостиший Джамбула, которое было так созвучно мыслям раненых. Вот оно:

Нет преград для молодца,
Страха нет для храбреца.
Богатырь стране любимой
Будет верен до конца.»

Как только Хамиту разрешили ходить, он прямо-таки допекал врачей своими напоминаниями о выписке. Ведь он почти здоров, в конце концов, его правая рука действует безотказно, левая тоже не так уж плоха. Из книг и газет он выискивал сообщения о подобных случаях. Где-то прочел о командире, у которого осколком оторвало левую руку, и он после госпиталя отказался возвращаться в тыл. А у него всего-навсего не слушаются несколько пальцев, но разве он не может воевать?

И в его дневнике появляется запись: «Я молод, всегда был активным комсомольцем. Чувствую себя совершенно здоровым и, если меня комиссуют, все равно уйду на фронт».

Он без конца разрабатывал свою кисть. Но врачи сомневались. Они назначили его на специальную комиссию, где его могли вообще «списать» в тыл или же признать нестроевым.

Предвидя такой исход, Хамит написал рапорт на имя председателя комиссии: «Считаю себя совершенно здоровым, за время лечения на пять килограммов прибавил в весе. Поэтому прошу учесть мое желание отправиться на передовую.

Старший сержант Х. Кобиков».

Хамит был признан не годным к строевой службе. Медицинская комиссия, как известно, не признает никаких эмоций. И все-таки разное случается и в практике медкомиссий. Учтя все обстоятельства, в том числе и искреннее желание молодого воина попасть на фронт, председатель комиссии сделал в заключении короткое разъяснение, из которого следовало, что в виде исключе-

чения Х. Кобикову можно разрешить учебу в артиллерийском училище. Это и повлияло на дальнейшую судьбу Хамита.

Пассажирский поезд следует в Тамбов. За окнами вагона весна. Волнующий теплый ветер гуляет по пустынным полям. В нежную зелень одеваются русские березы, задумчиво застывшие вдоль запущенных дорог. Перелески, холмы, овраги. Этот российский пейзаж вызвал в душе Хамита грусть. Разве можно было не любить эту неброскую, глубоко волнующую красоту родной земли? И как-то близко и понятно стало Хамиту то, что тысячи, миллионы советских людей идут на смерть, чтобы защитить от врага эти священные просторы.

Напротив Хамита сидел пожилой майор. Он тоже не отрывал глаз от окна. Иногда суровое лицо майора смягчалось, и что-то детское и доверчивое появлялось в нем. По темным нашивкам на кителе и шинели своего спутника Хамит определил, что он артиллерист. В ту суровую пору не принято было распространяться о том, куда ты направляешься и зачем. Поэтому, когда пожилой майор-артиллерист и юный старший сержант разговорились, то это был разговор общий, не имеющий отношения к их маршруту. Однако Хамит по доверчивости своей намекнул своему собеседнику, что, возможно, тоже станет артиллеристом.

Майор тепло улыбнулся.

— Артиллерия — бог войны, — сказал он. — В победе над фашизмом именно ей будет принадлежать решающее слово.

О победе майор говорил с уверенностью, которая сразу же передавалась другим. Хамит рассказал ему о боях под Сталинградом, как противник, несмотря на превосходящие силы, не мог пробить нашей обороны. Майор улыбнулся:

— Как говорили раньше, смелость города берет. И ты проявил бесстрашие в бою. Молодец. Но тебе учиться надо, овладеть военным искусством. Вот этого я тебе и желаю от всей души, сынок.

Последние слова майора прозвучали как наказ, о котором Хамит помнил, когда потом упорно сидел над учебниками, постигал на полигонах тайны артиллерийского вооружения.

Жизнь курсантов в училище была напряженной, дисциплина — строгой. Будущие артиллеристы занимались

в день по 10—12 часов. Они не только изучали материальную часть военной техники, но и занимались боевой и политической подготовкой, осваивали воинский устав.

Выкраивалось и время для спорта, художественной самодеятельности, задушевных бесед с политруками.

Известно, что военные училища готовят офицеров. К таким относилось и Тамбовское артиллерийское училище. Однако в военные годы при нем открылись специальные отделения, которые выпускали младший командный состав — в основном, командиров орудий. Именно на такое отделение и был зачислен Хамит Кобиков.

Хамит увлекся учебой. Он жил по правилу: если взялся за какое-нибудь дело, вникни в него глубоко и обстоятельно. Поэтому его очень скоро заинтересовала система артиллерийской стрельбы, устройства орудий и приборов. Он получал истинное удовольствие от стрельбы. И часто думал: «Я буду уничтожать врага не из автомата и не гранатой, а из орудия. Сил-то насколько прибавится!»

А домой шли письма: «Здравствуйте, дорогие и родные мои, Гульжамал, Нурмаш, Аскергуль и другие родственники! Нурмаш, наверное, стал уже совсем большой и вскоре я от него получу весточку. Дела у меня идут хорошо, хотя учеба дается нелегко. Ведь годовую программу мы должны пройти за 3—4 месяца. Часто вспоминаю прощание с домом, особенно твоё, Гульжамал, слово к призывникам. Вспоминаю я также и ваш приезд в Читинскую область.

Я писал вам, в трудных переделках я оказался не хуже других и поэтому у меня сейчас хорошее бодрое настроение.

Дал себе слово воевать до тех пор, пока враг не будет разбит. А потом свидимся.

Напишите подробно о моих братьях, весточка о каждом из них очень мне дорога.

Шлю горячий привет родственникам и друзьям.

25 апреля 1943 года. Ваш Хамит».

Близилось лето 1943 года. Занятия в училище подходили к концу. И волею судьбы Хамит Кобиков на самом решающем участке войны — легендарном Орловско-Курском направлении.

И снова — фронт. Год прошел со временем первого боевого крещения Хамита. И вот опять он видит в небе воздушные бои, слышит артиллерийскую канонаду. А по ночам в ближних рощах в наступившей тишине щелкают курские соловьи, в темном небе подолгу тают трепещущие ракеты.

Кобиков был назначен командиром противотанкового орудия 23-ей мотострелковой бригады 3-ей танковой армии. Командовал бригадой гвардии полковник Головачев. О нем ходили легенды. Говорили, например, что комбриг мог в любое время дня и ночи появиться в какой-нибудь батарее и расспрашивать комбата, а то и любого артиллериста, о том, как они собираются строить свою оборону. Иногда люди терялись и с трудом отвечали на его вопросы, а чаще втягивались в беседу, забывая о воинских рангах, так как комбриг отличался не только жесткой строгостью, но и подкупающей простотой в обращении. Его карты, выглядывающие из планшетки, пестрели различными пометками. Артиллеристы знали, что он дотошно изучал местность, расположенную по обе стороны фронта.

В линии обороны всегда есть одно-два места, о которых военачальник неустанно думает. Для полковника Головачева в данной ситуации слабыми местами были шоссе и железнодорожная магистраль, которые проходили через его участок и уходили в сторону противника.

Полковник отдал приказ артиллеристам занять огневые позиции близ этих важных коммуникаций. И вскоре батарея капитана Бабенко, в состав которой входило и орудие Хамита, была выведена на рубеж левого фланга обороны у шоссе, а полк, вбирающий в себя эту батарею, занял позиции у железнодорожного переезда. Чуть позже, оглядев, как расположились артиллеристы, комбриг сказал капитану Бабенко:

— Учтите, комбат, противник обязательно сделает попытку прорваться именно на этом участке, чтобы овладеть железнодорожным переездом. Если это случится, он окажется в тылу бригады.

— Не допустим, товарищ полковник! — ответил Бабенко.

— Я уверен был в таком ответе. Убедился, что слов на ветер не бросаете. Железнодорожный переезд и шоссе

удержать любой ценой, для этого я подброшу вам еще одно противотанковое орудие и дополнительный боекомплект.

Полковник помолчал. Тяжело вздохнул:

— Знаю, капитан, вы имеете право требовать большего. Но, как говорится, чем богаты. Советую поставить орудия ведения огня прямой наводкой, снарядов достаточно.

— Все будет учтено, товарищ полковник.

Проводив командира, Бабенко снова подверг критическому осмотру позиции своей батареи. Ему пришла мысль построить оборону углом непосредственно перед переездом, чтобы каждое орудие располагалось одно от другого на расстоянии 30—40 метров друг от друга. Орудийный расчет, командиром которого был старший сержант Хамит Кобиков, по приказу командира занял теперь позицию в правом уступе обороны у самого железнодорожного полотна. Неподалеку, в полуразрушенной железнодорожной будке у переезда, разместился командный пункт батареи. Отсюда вся близлежащая местность была видна как на ладони.

Наблюдательный Хамит отметил, что капитан втайне восхищался своим начальником: его неутомимой энергией, спокойствием, умением легко и просто обосновать каждую свою мысль. Бабенко невольно подражал полковнику, стараясь так же, как и он, критически оценивать свои собственные дела. Наверное, поэтому он пришел сейчас к выводу, что вырытые с таким старанием окопы и траншеи необходимо углубить, а бруствер несколько приподнять. Артиллеристы снова принялись за работу.

Стояло солнечное и тихое утро. Легкий ветерок еле-еле шевелил сухие листья на ветках, маскировавших вход в траншеею. Капитан Бабенко, высокий и стройный, имевший даже в каске и выцветшей на солнце гимнастерке щеголеватый вид, переходил из траншеи в траншеею, разговаривал с людьми, курил вместе с ними махорку. Перекур казался особенно привлекательным после длительных земляных работ. Трудились всю ночь, и теперь комбат отметил, что солдаты не жалели сил, хорошо помня известную поговорку: «Трудно в учении, легко в бою».

Хамит ждал капитана к себе. Бабенко внимательно осмотрел позицию орудийного расчета:

— Так-ак! Значит, вы не только надежно упрятали

пушку в окоп, но и оборудовали в лощинке запасную позицию?! Да, вы, Кобиков, умница! — отметил комбат. — Не знал бы о вас подробности, подумал бы, что здесь поработал старый вояка.

Батарея капитана была полностью готова к отражению вражеских атак. От каждого орудия к командному пункту бежали ходы сообщения, вдоль железнодорожного полотна появились противотанковые рвы. Свои позиции бойцы так тщательно замаскировали, что даже капитан, зная наизусть причудливый рисунок траншей, не сразу вдруг определил со своего командного пункта, где какой расчет находится: где настоящие орудия, где ложные позиции.

Наступила ночь. Из-за мягкого облака выплыла полная луна, задумчиво блестели немигающие звезды.

Покинув окопы, бойцы лежали в высокой траве, глядя в небо и вслушиваясь вочные шорохи. И Хамит, словно в сказку, перенесся в далекий Джаркент, приоткрыл зеленую ставню родного дома, заглянул в окно. Гульжамал сидела за столом с детьми и читала им письмо с фронта, маленький треугольник, вобравший в себя все лучшие человеческие чувства. Может быть, это письмо от Харжау, который недавно тоже покинул родной дом. Как понял Хамит, старший брат на трудовом фронте. Он не рискует жизнью, но зато приходится очень много работать и жить на скучном пайке. Это понятно. Для разгрома Гитлера трудится, не покладая рук, каждый человек в тылу, терпит любые невзгоды, чтобы фронтовики не терпели никаких лишений. Им — лучшие продукты, им — любовно связанные варежки, им — ласковые девичьи письма.

Хамит представил, что получил письмо от юной учительницы, и улыбнулся. Он мысленно разорвал конверт и почувствовал запах духов. Все-таки написала, он знал, что она обязательно напишет. Так со счастливой улыбкой он и уснул.

Вдали ухнуло дальнобойное орудие. Хамит вздрогнул. Наступил рассвет. Небо посветлело, на востоке занялась заря. Где-то по соседству завела свою песню беспечная пичужка. Казалось, вместе с рассветом и утренним ветерком повеяло тревогой. Тишина вот-вот взорвется грохотом. Нет, больше нельзя было терпеть такого заташья. Хамит встал. «Будет ясная погода», — машинально определил он. Поднялись и другие ребята. Вот

он, его маленький коллектив. Уж если где рождается и крепнет дружба на всю жизнь, так это в окопах, перед лицом смерти. И никаких громких слов при этом не произносится. Вспомнился бой под Сталинградом и Радченко. Они не успели даже как следует познакомиться. Зато после того, как навсегда расстались, Хамит все чаще чувствовал близость этого человека, спасшего ему жизнь.

Где-то сбоку появилось солнце, расплескивая щедрое утреннее сияние. Заблестели влажные травы. Сияли стальные рельсы, уходящие вдаль.

Неожиданно в небе появилась немецкая «рама» и стала кружить над позициями батареи. Солдаты, укрывшись в окопах, пристально следили за полетом воздушного разведчика. Самолет углубился в восточную сторону, затем повернул назад, к расположению 23-ей мотострелковой бригады.

— Жди теперь бомбекки,— предсказал один из бывалых бойцов. И действительно, не прошло и получаса, как в небе появилась цепочка «юнкерсов». Пролетая над позициями 23-ей бригады, они разделились. Половина бомбардировщиков направилась к железнодорожной станции, что находилась отсюда в 40 километрах. Остальные бомбовозы, встретив мощный заградительный огонь зениток, принялись бомбить район, прилегающий к железной дороге. Один из самолетов пронесся так близко от батареи, что Хамиту показалось, что он увидел летчика, сидящего в кабине. Кто-то из солдат, зло выругавшись, выстрелил, и посланная им пуля случайно угодила в цель. Самолет на какую-то долю секунды как бы завис в воздухе, а затем рухнул за железнодорожным полотном. Чуть в стороне ожесточенно палили зенитки. Они подбили еще двух воздушных пиратов. Однако «юнкеры» успели сбросить смертоносный груз по обе стороны железнодорожного полотна.

После воздушного налета неприятель открыл сильный артиллерийский огонь. Видно решив, что с батареей покончено, враг бросил в атаку танки.

Несмотря на потери, батарея держалась уверенно. Не зря так тщательно замаскировали окопы и понастроили ложных позиций.

Артиллеристы заняли свои места и напряженно всматривались вперед, за железнодорожное полотно. По полю прямо на них неторопливо ползли сжатые прямоугольники пятнадцати танков. Позади двигались бронетранс-

портеры с пехотой. Расстояние между батареей и противником заметно сокращалось. Менее полкилометра осталось до головных машин. И тогда послышался спокойный, даже деловитый голос Бабенко:

— Батарея подготовить противотанковые гранаты. Орудия к бою! По головным танкам, огонь!

Грянул залп, и сразу нарушился геометрический порядок атаки. Подбита первая машина у железнодорожного переезда. Она закрыла путь идущим следом. Хамит ликовал. Это была точная работа его орудия. Когда танки стали обходить неожиданное препятствие, загорелась еще одна машина. На переезде образовалась пробка. Стрельба велась прямой наводкой. Уже горели пять танков, экипажи попытались спастись бегством, но их настигали пулеметные очереди.

Все же одному танку удалось вплотную подойти к железнодорожному переезду. Это ставило под угрозу орудийный расчет Хамита. Но бойцы мгновенно оценили обстановку. Прозвучали два прицельных выстрела, танк завертелся на месте и замер.

Бой разгорался. По полу рассыпалась, прижимаясь к земле, пехота противника. Но меткий огонь автоматчиков батареи заставил немцев отступить. Опять двинулись в наступление танки, и снова прямой наводкой открыли по ним огонь гвардейцы капитана Бабенко.

Первый день сражения близился к концу, а враг продолжал наседать. Было отбито уже четыре его атаки, а пятая захлебнулась в самом начале. Гвардейцы стояли насмерть. Они сполна ощутили свою силу, радость военного успеха. По всему полу перед оборонительным рубежом батареи виднелись подбитые машины врага.

На передовой наступило временное затишье. Хамит увидел, что два его бойца ранены, но ни тот, ни другой не захотели расстаться с товарищами. После перевязки в медсанбате ребята вновь вернулись на позицию.

Какой это был длинный, изнурительный день! Враг пытался подавить оборону, но ничего не мог сделать.

На другой день все повторилось сначала: сокрушительная бомбекка, минометно-артиллерийский обстрел наших позиций. И снова тяжело утюжили раненое поле вражеские танки. Правда, двигались они несколько по-иному, развернутым фронтом, и вели с ходу огонь по батарее. Капитан Бабенко, оценив обстановку, приказал от-

крыть беглый огонь по танкам из всех орудий. Рубеж нужно было удержать любой ценой.

У орудия Хамида возникла опасная ситуация. Прямо на позицию двигался прорвавшийся танк. Старший сержант, приказав товарищам прикрыть его, взял две противотанковые гранаты и, выбравшись из окопа, пополз навстречу. Незаметно подкравшись, он метнул гранаты и скрылся в воронке. Раздался взрыв, облако черного дыма и пламени окутало зеленое чудовище. Никому из экипажа спастись не удалось.

Танки готовились таранить наши позиции, сзади них наступала пехота. Но вот из окопов поднялись со связками гранат гвардейцы и остановили атаку. Фашистские солдаты лицом к лицу столкнулись с артиллеристами. Началась рукопашная схватка.

Ярость наших бойцов была столь велика, что фашисты, оставляя раненых и убитых, отступили. Повернули назад и уцелевшие танки.

Капитан Бабенко снял каску и в молчании стоял над погибшими товарищами. Это были минуты скорби и прощания. Но бой не закончился.

В небе опять показались бомбардировщики. Вот уже в который раз они бомбили позиции батареи. Под прикрытием танков и артиллерии в наступление пошла пехота противника. Бой закипел с новой силой.

Между тем на помощь героической бригаде уже спешило пополнение из резерва. Заговорили «катюши», вступила в действие дальнобойная артиллерия, и враг был вынужден отступить и отказаться от намерений захватить железнодорожный переезд и шоссе.

Двенадцать танков с черными крестами, застывшие в поле, остались молчаливыми свидетелями тщетных усилий фашистов прорвать нашу оборону. На счету орудийного расчета Хамида Кобикова были две подбитые машины и десятки уничтоженных гитлеровцев. Это был один из боев, послуживших предвестником мощного контрнаступления советских войск по всему фронту. Вечером, уже на новых позициях, отобранных у врага, капитан Бабенко от имени командования бригады объявил артиллеристам благодарность за стойкость и мужество в бою.

Наступление наших войск в дальнейшем развивалось в нескольких направлениях. Одно из них вело на Киев.

Поздняя осень 1943 года. Льют дожди, желтые листья вдоль проселочных дорог навевают грусть. Но на душе радостно. Враг откатывается назад, цепляясь за отдельные рубежи, но надолго уже закрепиться не может. Разгром под Сталинградом, неудачи на Курской дуге лишили его уверенности.

Между тем наши войска все стремительнее продвигаются вперед, преследуют противника, навязывают ему свою инициативу.

На рассвете передовые части подошли к большому украинскому селу, разбросанному в излучине Днепра. Голые деревья, полуразрушенные хаты и грязная извилистая проселочная колея.

Капитан Бабенко, заметив возле одного тлеющего сарая столпившихся людей, крикнул старшему сержанту Кобикову:

— Пойдем, разузнаем, что там такое!

За последнее время они привязались друг к другу. Капитана притягивала в казахском парне его всегдашая готовность взять на себя самую трудную ношу, выполнить самое рискованное задание. Комбат не раз был свидетелем тому, как Хамит во время боя начисто забывал о себе. Не выдержал как-то капитан и пошутил подружески:

— У тебя, старший сержант, есть еще одна жизнь в запасе?

Хамит отшутился:

— Да, товарищ капитан. И не одна, а много. Если не уцелею, буду жить в товарищах.— И он кивнул на свой орудийный расчет.

— Да ты мудрец, как я посмотрю. Абай настоящий! — засмеялся капитан, пустив в ход свои знания о казахской земле. Но с тех пор всегда старался держаться поближе к Хамиту. Вот и сейчас он позвал его с собой, оставив всех остальных ждать у оконицы села.

Увидев военных, люди расступились. Лишь старый и седой как лунь старик неуклюже стоял, глотая горький дым и комкая в руках потертую ушанку.

— Что тут случилось, отец? — спросил капитан.

Стариk посмотрел из-под густых бровей на офицера и словно очнулся. На глазах у него выступили слезы.

— Сынки, та як же? Я дивлюсь и не вразумлю: чи наши, чи ни?..

— Свои, дедушка, свои... Так что же все-таки произошло? — повторил свой вопрос капитан.

Дед рассказал, что совсем недавно в селе появились разведчики и неожиданно натолкнулись на группу немецких солдат. Завязалась перестрелка. Отступать нашим бойцам было некуда: за селом ровный луг. И разведчики скрылись в погребе, во дворе большого уцелевшего дома.

Фашистов, однако, обмануть не удалось, продолжал дед. Они окружили дом, ворвались во двор и хотели проверить погреб. Но тут раздались взрывы. Гранатами наши ребята прикончили несколько фрицев. Но после, видно, запасы кончились. Вышли они из убежища, поддерживая друг друга. Оба в крови. У молоденького в руках граната. Видно, последняя. Поднял он ее над головой и крикнул: «Разведчики живыми не сдаются».

Дед грустно замотал головой.

— А где же фрицы? — спросил Бабенко.

— Подожгли еще несколько целых домов и ушли. Видно, вас почуяли.

— Не придут больше, — решительно пообещал Бабенко.

Вечером вышли к Днепру... Пробившись сквозь хлесткие ивовые заросли, старший сержант Кобиков увидел темную гладь широко текущей реки. На темном осеннем небе зажглись первые звезды, и мерцающий свет их отразился в водной глади.

Хамит осторожно опустился на колени и приник губами к холодной воде. Он не замечал, что руки его по локоть погрузились в сырой податливый песок. Приникли к воде и другие бойцы. В этом своеобразном ритуале читалась и любовь солдат к родной земле, и клятва их сполна рассчитаться с захватчиками.

Капитана Бабенко не покидало радостное настроение. Сколько времени он ждал этого волнующего момента. И вот они — седые воды Днепра. Сам украинец, Бабенко с нежностью думал и о родной Полтавщине, и о Днепре. Освободить Украину, пройти по улицам Полтавы, где в садах до поздней осени алеют яблоки — было его мечтой. Но пока все это впереди. Нельзя ни отыхать, ни мучить себя воспоминаниями, ни думать о судьбе своей семьи. Так считал капитан Бабенко.

Бойцы притихли, осторожно высматривая в темноте

очертания противоположного берега. Неустанно плескались волны. Тихо шумели вдали деревья. Впереди, казалось, все вымерло.

— Да,— тихо обронил Хамит,— будто войны и нет.

— О ней не следует забывать,— жестко произнес капитан. И неожиданно смягчившись, добавил:— Запомните, ребята, этот вечер!

Всю ночь войсковая разведка искала подходящие переправы, стараясь получить представление о расположении противника, притаившегося на другом берегу. С рассветом над водами Днепра началась артиллерийская дуэль. 23-я мотострелковая бригада должна была форсировать реку, подавить огневые точки противника, мешавшие переправе остальных частей своей армии.

По своей напряженности и насыщенности техникой битву за Киев, пожалуй, можно отнести к крупнейшей операции в войне. Противник непрерывно наращивал свои силы, бросал в действие все новые резервы. Но то, что в первое время безотказно срабатывало, теперь сразу же вызывало мощное противодействие и этим сводилось на нет. Все средства были использованы неприятелем, чтобы сделать Днепр недоступной преградой для наступающих советских войск. Казалось, что этот рубеж преодолеть невозможно. Но там, где не помогало оружие, выручала солдатская смекалка.

На этот раз артиллеристы решили воспользоваться тем, что на рассвете прожекторные установки врага прекращали свое действие. Яркие, ослепляющие потоки света в ночной мгле, казалось, выворачивали наружу каждую жалкую кочку на нашем берегу. А когда близился рассвет, то проникающие во все уголки огненные щупальцы начинали тускнеть, наступал момент, когда прожекторы становились помехой для наблюдений. Вот это время и выбрали для смелого маневра артиллеристы. Старший сержант Кобиков был среди смельчаков. Ловко и быстро вкатили бойцы его расчета орудие на заранее подготовленный паром. И не успели гитлеровцы опомниться, как река осторожно приняла своих сынов, прикрыв их пеленой тумана. Артиллерия прикрытия обрушила всю свою мощь на оборону правого берега.

Никогда еще Хамит не испытывал такого всепоглощающего упоения. Казалось, невидимые крылья несли его вперед. Никакая опасность, никакая пуля или осколок снаряда не смогут его поразить. Он огляделся. Вся

река была усеяна небольшими паромами, лодками, плотами.

Светало. И по мере того, как рассеивался туман над рекой, все больше разгоралась артиллерийская дуэль противоположных берегов. Но уже ничто не могло остановить продвижение гвардейских частей. Расчет Кобикова, достигнув правого берега, тут же развернул орудие, чтобы бить по врагу прямой наводкой. Подоспели и другие батареи.

И начался жестокий бой. Вскоре Киев был освобожден. И в этой победе, совпавшей с праздником Великого Октября, была доля молодого скромного воина из Казахстана — старшего сержанта Хамита Кобикова.

Подразделениям, освободившим Киев от оккупантов, в том числе, 23-й гвардейской мотострелковой бригаде, приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность.

Противник откатывался на запад. 23-я гвардейская мотострелковая бригада вела бои на подступах к городам Васильков и Фастов.

Противотанковое орудие гвардии старшего сержанта Кобикова все время находилось в первых рядах наступающих подразделений бригады. Хамит и его товарищи продолжали поражать танки и огневые точки врага: они уже имели серьезный боевой опыт.

Жаркие бои разгорелись вдоль шоссе, идущего с востока на город Васильков. Что только ни предпринимали гитлеровцы, чтобы остановить наше наступление! Они даже перебросили сюда танковую дивизию СС «Адольф Гитлер», которая должна была направить свой удар вдоль шоссе. На этом направлении скопилось около сотни танков и самоходных орудий, в том числе десять тяжелых «тигров». С таким «заслоном» нельзя было не считаться. Тем более, что наши подразделения, находясь более двух месяцев в непрерывном движении, понесли большие потери и нуждались в перегруппировке и отдыхе.

Полковник А. А. Головачев продуманно и умело построил наступательную операцию. Основные силы и средства бригады стянулись в район шоссе. Но гвардейцы встретили яростное сопротивление врага.

Гитлеровцы пытались обойти левый фланг и прорваться в тыл частей бригады. Но не сумели.

Батарея капитана Бабенко по-прежнему шла вперед

ди. Орудие старшего сержанта Хамита Кобикова стояло на открытой позиции и прямой наводкой было по левой стороне шоссе.

Всматриваясь через бинокль в дорогу, комбат заметил быстро приближающиеся вражеские танки. Он отдал команду открыть беглый огонь.

Две машины оделись черным дымом. Остальные продолжали двигаться на батарею. Хамит Кобиков уничтожил еще два танка прямым попаданием. И все же танк сумел ворваться на огневую позицию и раздавил соседнее орудие. Расчет Кобикова быстро укрылся в щели. Танк двинулся в глубь батареи. И тогда артиллеристы Хамита, покинув убежище, сделали несколько прямых выстрелов по вражеской машине и подожгли ее.

Так, отбивая атаку за атакой, гвардейцы шли к намеченной цели. Подразделения бригады первыми ворвались в город и заняли центральную его часть.

Приказом Народного Комиссариата обороны СССР за отличные боевые действия при овладении городом Васильков 23-ей гвардейской мотострелковой бригаде было присвоено название «Васильковская».

Хамит был горд. Он впервые испытал чувство победоносного наступления. Он стал закаленным воином. Умелым. Ловким. Его сердце, открытое добру, ожесточилось. Слишком многое горя прошло через него. Хамит беспощадно бил врага.

* * *

Лес был необъятен и шумлив. Он поглотил множество людей, вместе с ними громоздкое военное имущество, машины, полевые кухни, склады. Для землянок выбирали такие места, чтобы не повредить деревья.

Бойцы, еще вчера участвовавшие в боевых схватках, привыкшие к непрерывной артиллерийской канонаде и взрывам бомб, ощущали необычное спокойствие. Они привыкали к мирной лесной тишине. Видно, так создан человек. Уже через несколько дней после прибытия в тыл многим начало казаться, что бои, участниками которых они были, это что-то нереальное, возможно, приснившееся, а настоящая действительность — это мирная жизнь. 23-я Васильковская мотострелковая бригада отбыла в тыл на формирование и «полное восстановление». Все ее подразделения продолжали заниматься

боевой подготовкой, изучением техники, воинского устава, политической учебой.

В лесу артиллеристы встретили и новый 1944 год. Как он отличался от двух предыдущих новогодних праздников! Теперь уже каждый знал, впереди долгожданная победа. Поэтому настроение у бойцов было приподнятым.

Хамит Кобиков работал до изнеможения. Он во многом изменился. Только, пожалуй, черные глаза остались прежними, мальчишескими. Сам же он стал более сдержан, подтянут, серьезен. Худощавое лицо его потемнело, над переносицей резко обозначилась первая морщина. Она появилась после гибели капитана Бабенко. Его смерть потрясла Хамита. Он успел искренне полюбить комбата. Во время танковой атаки противника капитан покинул свой командный пункт, чтобы встать на место выбывшего командира орудия. Бабенко, казалось, всю жизнь ждал этой страшной дуэли с танками. Хамиту, который находился рядом, запомнились обрывки этого дня: разбросанные вокруг дымящиеся танки, дерево, искореженное снарядом. Он скорее почувствовал, чем увидел, на соседней позиции произошло что-то трагическое и непоправимое. Комбат лежал на бруствере, раскинув руки, устремив взгляд в небо. Расчет продолжал стрельбу, но Хамит плохо помнил, что происходило вокруг. Он бросился к капитану, смутно сознавая, что тот не одобрил бы его порыва. Бабенко лежал с непокрытой головой. На его кителе, как всегда застегнутом на все пуговицы, медленно проступало красное пятно. Хамит беспомощно приник к телу своего комбандира. Он никогда потом не забывал этих горьких минут. С этой потерей примириться было невозможно.

...И теперь в лесу, уже осыпающимся и покрытом снежком, Хамит продолжал вспоминать о своем комбате, и чувство невозвратимой утраты сжимало его сердце.

Однажды ему передали письмо от Гульжамал.

«Здравствуй, дорогой Хамитжан! — писала она. — Наконец-то мы получили от тебя весточку и узнали, что ты жив и здоров. Мы очень рады, что ты один из тех, кто несет освобождение украинской земле. Гордимся тобой, твоими боевыми успехами.

Как я уже сообщала, беда не обошла наш дом. Братья твои, Сагимбек и Асан, сложили свои головы. От Харжау и Жумабека давно уже нет никаких известий.

А вот совсем недавно порадовали нас письмами Абдуали и Нурхан. Адрес Абдуали я тебе высыпаю. Последний раз он написал из села Полонна. Наверно, он тоже на Украине, как и ты. Может быть, ты с ним встретишься. Постарайся увидеть его...»

А на следующий день, после получения письма, за отличные результаты в боевой и политической подготовке командованием был отмечен орудийный расчет Хамита Кобикова. Артиллеристы получили благодарность, а командиру орудия предоставлен трехдневный отпуск. Тутто и загорелся Хамит мечтой разыскать своего брата Абдуали Кобикова. Командование бригады пошло на встречу старшему сержанту.

Приветливый, с уважением относящийся к Хамиту, комбриг гвардии полковник Головачев приказал написать специальное письмо командиру соединения, где служил Абдуали Кобиков. Иными словами, Хамит получил своеобразную командировку. Он, конечно, понимал, что комбриг оценил его ратные заслуги и по-человечески хочет поощрить молодого воина.

На фронте случаются неожиданные и радостные встречи. Встречались отцы и сыновья, встречались мужья и жены, встречались родные братья.

Они свиделись — Хамит и Абдуали. Свидетелями этой радостной встречи были сотни гвардейцев подразделения, в котором служил Абдуали. Сколько было дорогих сердцу воспоминаний, сколько радостных минут. И снова судьба улыбнулась Хамиту. Командование подразделения, по просьбе полковника Головачева, разрешило Абдуали продолжать военную службу в части брата.

И более того. Абдуали занял место заряжающего в орудийном расчете Хамита.

В далекое Семиречье пошли письма, в которых братья писали о том, как они нашли друг друга, как вместе готовятся к будущим боям, как сильна и непоколебима фронтовая дружба, для которой нет ничего невозможного. Они вспоминали село Сарыбель, в котором родились, писали о городах и селах, которые им пришлось освобождать от оккупантов. Наконец, в одном из писем Хамит и Абдуали сообщили, что переформировка закончилась и они снова уходят в бой.

Позади остались Казатин, Староконстантинов, Проскурив... Города, где было много белых акаций и лип. Ми-

новали старую границу: войска вступили в пределы Западной Украины.

Хамит никак не мог понять, почему один день в окопах Сталинграда и считанные дни в районе Курской дуги казались ему такими тяжкими и долгими, а месяцы боев за Украину, когда приходилось так же рисковать жизнью, лежать под бомбеками и стрелять открытой наводкой по танкам и пехоте противника, вдруг приобретали яркий, розовый цвет. Позже понял: они шли к победе.

После гибели Бабенко самыми близкими для Хамита стали бойцы его орудийного расчета. Пятеро накрепко спаянных людей, самых разных и по возрасту, и по привычкам своим, не представляли себе жизни друг без друга. И не только жизни, но и смерти. Хамит иногда забывал о том, что в его расчете родной брат. Забывал потому, что и расторопный, голубоглазый весельчак сержант Паринцев, и степенный, с лихом закрученными усами, уже поседевший рядовой Базунов, широкоплечий армянин с бархатными глазами Яша Петросян стали ему братьями. Как-то сибиряк Базунов был ранен осколком в руку, и впервые ребята заметили на его лице испуг. Нет, не из-за ранения; он подумал о том, что ему грозит расставание со своими товарищами. Санинструктор Аня, которая не скрывала своей симпатии к Хамиту, перевязала Базунову руку, и с нее взяли слово, что она никому не скажет о ранении.

Все они привыкли к своему командиру взвода лейтенанту Нуриеву, человеку вспыльчивому и горячему, но в глубине души добром и простому. А вот с командиром батареи отношения у них были более официальные. Сначала просто не хотелось верить, что кто-то может заменить капитана Бабенко, которого вспоминали почти каждый день. Им так его не хватало. Новый же комбат Давыденко, тоже украинец, был мало похож на прежнего командира. Он совсем недавно закончил училище, внимательно относился к своему внешнему виду, и, по правде сказать, досаждал излишней требовательностью своим артиллеристам и командирам взводов. Вместе с тем, все его распоряжения были четкими и хорошо продуманными. Но личные симпатии и антипатии на войне не принимаются в расчет.

Как-то Давыденко собрал командиров взводов в своем окопе, приказал достать карты.

— По последним данным разведки, впереди — неболь-

шой городок. Там обнаружены склады снаряжения и боеприпасов немцев. Город пересекается шоссе и железной дорогой, а также небольшой рекой. На железнодорожной станции замечены эшелоны с танками и пушками. Охрана города — около роты нестроевых солдат. Задача — занять город, перерезать дороги, задержать у переправы отступающие с востока части противника. Необходимо продержаться часов десять-двенадцать. Боеовое задание поручено нам. Остальные части соединения будут продолжать движение на запад, чтобы освободить Львов.

Орудийному расчету Кобикова предстояло занять удобную позицию в полностью разрушенном городке, чтобы помешать переправе отступающих войск противника, а также держать под обстрелом железнодорожный путь и шоссе. Задерживая врага, артиллеристы облегчили задачу тем частям, которые были на подступах ко Львову.

— Страшно интересно, ребята, что вокруг делается! — воскликнул голубоглазый сержант Паринцев, которому все хотелось узнать и разведать. Он всегда за газетами охотился, чтобы прочитать последние новости, старался и радио послушать. Но Базунов, у которого рука уже начинала заживать, сухо сказал:

— Самое интересное — вырыть окоп для пушки!

Командир орудия поддержал Базунова. Хамит вообще относился к старшим с почтением и делал сибиряку некоторые скидки. Но тот был с характером и не признавал себя стариком, тем более, что ему не было еще и сорока пяти.

Хамит устанавливал прицел, проверял орудийные механизмы. Паринцев и Базунов пробили в фундаменте полуразрушенного дома нишу и переносили туда снаряды, доставленные на трофейной автомашине. Позиция была оборудована довольно быстро и со вкусом. Тот же Базунов считал своим долгом определять «красоту» окопа, его способность вызывать у окружающих «боевое настроение». За время своих бесконечных походов артиллеристы научились сформировать такие траншеи, блиндажи, индивидуальные окопчики, что, как выражался сибиряк, «пальчики оближешь».

И вот орудие замерло, устремив свой единственный глаз в необъятную даль. Вечерело. Редкие городские строения не мешали видеть вокруг на большое расстоя-

ние: и речку с обрывистыми берегами, и два моста, переброшенные через нее. Справа — железнодорожный, а слева — мост, соединяющий шоссе.

Еще и перекурить не успели, как Хамит заметил на горизонте дымок паровоза. С востока шел железнодорожный состав. Он быстро приближался, устало отдуваясь. Кобиков дал команду:

— Прицел 16. Осколочным...

Паринцев быстро подал снаряд Базунову — тот зарядил орудие. Невозмутимый Петросян, усевшись в маленькое вращающееся креслице, выполнял обязанности наводчика. Он поймал в рамку прицела выползающий из-за поворота паровоз.

— Есть прицел 16!

Бухнул выстрел.

— Недолет,— определил Хамит.

Дали еще один выстрел. Снаряд попал в цель. Паровоз окутался клубами белого дыма, застыл на месте. Было видно, как из вагонов высypали гитлеровцы. Орудие продолжало стрельбу.

Позже пришлось перенести огонь и на шоссе, на котором появились автомашины с солдатами противника. Догадавшись, что город занят советскими частями, не приятель несколько изменил свои расчеты, но все равно, главной целью его оставалась переправа через реку.

Всю ночь шел яростный бой. Советские батареи, занявшие позиции в опустевшем и разбитом городе, серьезной преградой встали на пути противника.

Когда противник попытался форсировать реку, его встретил ураганный огонь. К артиллеристам присоединились пулеметчики, минометчики и автоматчики. Три тяжелых немецких танка направлялись к мосту, их сопровождала пехота. Артиллеристы Кобикова подбили две машины и закрыли доступ на мост вражеской пехоте.

Только к утру некоторым фашистским подразделениям удалось форсировать реку, при этом они понесли огромные потери.

В этом бою пал Паринцев, совсем еще молоденький парень. Кобиков сбросил с себя каску и долго стоял, опустив голову, над погившим товарищем. Вокруг играли огненные зарницы, слышалась пальба и автоматные очереди.

Злоба душила Хамита. Скорее бы Берлин, проклятая война!

Прощаясь с Паринцевым, Хамит чувствовал, как его охватила смертельная усталость.

Наши войска вступили во Львов. Проехали по крутым извилистым улицам города, обставленного древними башнями, и артиллеристы батареи капитана Давыденко. В Австрийском парке они сделали короткую передышку.

На знамени 23-ей гвардейской Васильковской мотострелковой бригады появился еще один орден — орден Суворова II степени.

Золотая звезда

К осени 1944 года советские войска, наступая по всему фронту, вышли к реке Висла, овладев Сандомирским плацдармом. Приказом Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР личному составу 23-ей гвардейской Васильковской мотострелковой бригады была объявлена благодарность, награждены десятки офицеров и солдат. Командир бригады гвардии полковник А. А. Головачев был удостоен звания Героя Советского Союза.

После выхода на плацдарм наступило некоторое затишье. Все знали, что эта тишина перед бурей, но все равно радостное и тревожное чувство не покидало никого.

Торжественное собрание по поводу награждений состоялось прямо в роще, и оно чем-то напоминало счастливое мирное время. Полковник Головачев говорил задушевно о том, что впереди предстоит решающая, возможно, последняя битва с врагом. Победа близка, но она не будет легкой.

На том же собрании выступил от имени артиллеристов Хамит Кобиков. Он заверил комбрига, что артиллеристы не подведут, что они готовы, не щадя жизни, добить ненавистного врага.

В первой половине января 1945 года, взаимодействуя с другими частями, гвардейская бригада перешла в решительное наступление. Громя противника, они освободили города Ченстохов, Погадия, позже Крайцбург, Занберг, Питшен, Ландсберг — важные узлы коммуникаций и опорные пункты обороны немцев. В конце января Васильковская мотострелковая бригада вместе с другими частями вплотную подошла к городу Оппельн. Это был крупный железнодорожный узел и мощный опорный пункт обороны противника на реке Одере. Но город в ос-

новном находился на западном берегу и имел мощную оборону. Наши войска вышли на восточную сторону.

Хамит и его товарищи пили воду из Одера.

Уже пожилой, поседевший, но по-прежнему бодрый и жизнерадостный ветеран войны, Герой Советского Союза Х. К. Кобиков вспоминал потом эти незабываемые дни и ночи.

«Со своим орудием мы разместились на окраине города,— рассказывал он.— Ждали только сигнала. Полковник Александр Алексеевич Головачев получил боевой приказ — форсировать Одер. Он приехал в наш дивизион и объявил — и этого я не в силах забыть,— что моему расчету доверено первым форсировать реку Одер, чтобы потом огнем прикрыть переправу. Волнуясь, я повторил приказание. Потом подошел к нашему орудию. Хотелось обнять всех ребят, а заодно и орудие наше, с которым прошли столько военных дорог. Первыми форсировать реку! Мы были захвачены необыкновенным чувством радости, гордости.

Помню, день был туманный, падал снег. С наводчиком сержантом Сергеем Ивановым (ныне подполковник, служит в Советской Армии) мы тщательно осмотрели лед, проверили его на прочность. Оказался он сильно тонким. Это же не в Сибири или Казахстане, где лед на реках в полметра толщиной бывает зимой. В одном месте торчал ствол провалившегося орудия. Сообразили, что это место не такое уж глубокое. И решили попробовать перейти здесь.

Из досок, других подручных материалов соорудили плот. Тронулись в путь. Вокруг рвутся немецкие снаряды, бомбы, мины. Но недаром говорят — смелость города берет. Мы преодолели Одер и благополучно перебрались на западный берег.

Вскоре к нам подошло подкрепление: пулеметный расчет с «максимом» и связисты, установившие возле нас телефон. Мы почувствовали себя увереннее, веселее. Пулеметчики и до этого не раз выручали нас, отбивая атаки пехоты. А связисты «приблизили» к нам своих ребят, оставшихся еще на восточном берегу. И вообще, казалось, будто мы находимся совсем неподалеку, как и прежде, от своих боевых товарищей. Туман очень нас выручил.

Но вот он рассеялся, и мы увидели, что совсем близко притаились немецкие танки, пулеметные точки, пушки,

одним словом, рядом линия обороны противника. Мы были отлично замаскированы под развалинами железнодорожного моста. Нашей задачей было нанести внезапный удар.

Вражеские танки стали выходить из укрытий. Мы успели заметить: среди них один «тигр» и «пантера».

Танкисты через наши головы посыпали снаряды на восточный берег. Мы терпеливо выжидали удобный момент. Вот машины повернулись к нам боком, продолжая поливать огнем скопления наших войск. И тут мы выпустили первые снаряды. И очень меткие. «Тигр» загорелся. Подбили другой танк, когда он стал отступать. Немецкая пехота пыталась атаковать наши позиции, но мы встретили ее огнем. На поле боя остались лежать десятки убитых солдат.

Когда утихла перестрелка, нам передали приказ перенести огонь на близлежащие населенные пункты, где скопилось большое количество вражеских войск. В одном месте разбомбили артиллерийскую батарею, в другом — подавили несколько пулеметных точек, которые препятствовали нашим войскам форсировать реку. За это время подразделения полностью очистили Оппельн с его мощным опорным пунктом обороны на Одере».

Звезду Героя к гимнастерке артиллериста Кобикова прикрепил Головачев, крепко, по-отцовски расцеловал. Никогда не забыть этого мгновения.

Думал ли Хамит, что именно на войне он испытает самое настоящее счастье? Видно, так ему было определено судьбой.

А весть о подвиге артиллеристов облетела всю страну. К званию Героя был представлен также наводчик Сергей Иванов, который пришел в орудийный расчет совсем недавно, но сразу же сумел завоевать уважение товарищей боевым мастерством, бесстрашием и умением найти выход из любого положения. К награде были представлены все артиллеристы расчета, в том числе и брат Хамита, Абдуали, который получил орден Отечественной войны II степени.

По народной традиции, Абдуали сочинял стихи, посвященные брату. Он был всего на два года старше Хамита, а теперь эта разница не чувствовалась. Напротив, казалось, что старший — Хамит. И это произошло как-то незаметно.

Между тем на западном берегу Одера один за другим

были взяты города, считавшиеся надежно укрепленными и недоступными.

Развивая наступление за Одером, наши войска вышли на подступы к городу Бунцлау. 23-я мотострелковая бригада ворвалась в город. Погода стояла морозная. Немцы упорно отстаивали каждую улицу, каждый дом.

Как всегда, орудийный расчет Хамита Кобикова был на передовых позициях. К нему присоединился расчет сержанта Шамшидена Наржанова. Вместе с артиллеристами возле орудий находился старший лейтенант Нуриев, командовавший теперь батареей. Он начал с поиска подходящих огневых позиций среди разваливающихся зданий. Он знал, что искал. Уличные бои ему не были в новинку. И комбату не терпелось поставить орудия там, где побольше пространства. Подходящие позиции не без помощи Хамита были найдены, и артиллеристы подготовились «расположиться». Но в этот момент из дома, расположенного напротив, раздалась пулеметная очередь. Комбат Нуриев упал, сраженный пулей. Артиллеристы бросились к нему, но он уже не дышал. Хамит вдвоем с Абдуали пробрались к дому, что стоял напротив, и забросали окна гранатами. Пулемет замолчал. Пользуясь короткой паузой, бойцы взяли на руки тело комбата и перенесли его в дом, который они теперь заняли.

Хамит и его товарищи, сняв шапки, застыли в глубоком молчании над телом командира. Кобиков ощущал тягостное чувство потери. Комбат был человеком с открытой душой и не боялся опасности. Где-то опять застучил пулемет. Бухнул взрыв.

Артиллеристы выжидающие затихли возле орудий. Активность немцев была вызвана тем, что наша пехота, форсировав реку, устремилась в узкие улицы. Орудия Кобикова и Наржанова усиленно поддерживали продвижение наших солдат.

Несколько наступающих подразделений, чувствуя поддержку артиллеристов, залегли за дамбой, открыв оттуда пулеметный огонь по противнику. Таким образом, они решили обойти город.

Орудийные расчеты получили приказ переместиться к дамбе и преодолеть ее, уничтожив противника прямой наводкой.

Над гребнем дамбы неистовствовал шквал огня. Используя орудия как прикрытие, артиллеристы с нечеловеческими усилиями переместили пушки через дамбу и

устремились вниз. Наконец задержались возле домика на другой городской окраине, за которую разгорелся смертельный бой. Хамит заметил кровь на своем маскировочном халате. Почувствовал боль в плече. Товарищи перевязали ему рану. Послышался голос командира взвода Фролова:

— Первому орудию! Ориентир — высокий дом. Пулемет! Подавить!

Хамит пробормотал про себя: «Почему первому?»

Потом сообразил: его орудие пока что единственное, проскочившее сквозь завесу огня... И он молча бросился выполнять приказ. Над головами свистели пули. Одна из них пропела где-то совсем рядом. «Снайпер», — догадался Хамит.

Артиллеристы открыли огонь. С грохотом рушились дома, летели камни и штукатурка. Замолчали вражеские гнезда.

— Это вам за командира, — яростно шептал Хамит вслед снаряду.

Вскоре открыли огонь и остальные пушки батареи, присоединившись к первому орудию. Подошли повозки со снарядами. И вот одиночные выстрелы слились в сплошной гул — батарея повела беглый огонь.

Отходила вражеская пехота, оставляя убитых и раненых. Наши продолжали теснить противника. Хамит слышал сквозь метельный ветер: «Ура-а-а!»

Штурм продолжался. Когда на западной окраине два наших орудия заняли новую позицию, в спину артиллеристам хлестнула автоматная очередь.

— Прочесать дома! — приказал командир взвода.

Братья Кобиковы проникли в один из домов. Хамит остановился в коридоре, а Абдуали рванул дверь в комнату. Хамит вдруг услышал подозрительный шорох позади. И сразу же раздался выстрел. Острая боль пронзила руку. Хамит догадался, что люди в подвале. Тотчас же он увидел тени у окна. Падая, он успел дать очередь из автомата, но, видимо, промахнулся. Пули оставили след на белой коридорной стене ниже подоконника. Подбежавший Абдуали поддержал брата.

Они выбрались из дома, успев заметить, что фашист, стрелявший в Хамита, лежал с рассеченной головой, а рядом на белом снегу алела брошенная кем-то пехотная лопатка.

Между тем противник пытался атаковать батарею.

При взаимодействии с соседними подразделениями артиллеристы отбили атаку. Но стрельба все усиливалась.

Ведя бой, Кобиков вдруг понял, что его орудие отрезано от других. Он принялся организовывать круговую оборону, надеясь продержаться до конца.

Стрельба продолжалась всю ночь. Трудно было разобрать, кто и откуда палил. Хамит надеялся прорваться в наступившей темноте через кольцо противника. Но получилось иначе. К ним пришла подмога. В прибывших машинах разместили раненых. Потом прицепили к машинам орудия. Двинулись вперед, пользуясь темнотой. Продолжалась пальба из окон уцелевших домов, трасирующие пули прошивали блестками ночную мглу. Дорога была неровной и тряской. Машина скрежетала от напряжения. Вдруг на крутом повороте раздался взрыв. И Хамит провалился в бездну.

Очнулся он уже в госпитале, куда его доставили санитары. Ему все было безразлично. Сознание то уходило, то возвращалось к нему. Ему снова припомнилось детство и отцовская песня:

*Над Сарыбелем встает золотая заря,
О счастье тоскует милая моя.*

На земле Сарыбеля любили песни и ждали счастливой жизни. Старый Кожаберген, отец Хамита, пел песни, чтобы сократить сроки ожидания.

Он родился в бедноте и ходил в бедняках. В молодости батрачил у местного бая Уали Юлдашева. С утра до вечера пас отары. Никто не считал его за человека. А ему казалось чудовищным, что одни имеют все, а другие ничего и вынуждены работать до седьмого пота на первых. Что делать, кто скажет?

Он женился на беднячке Фатиме. Их жизнь была мучительной и нескладной. Рождались дети, они с самого начала были обречены на нищету.

Но вот пришла революция, и все изменилось вокруг. Кожаберген стал складывать новые песни. Люди слушали и радовались им. Братья Кобиковых теперь сражались за ту жизнь, которую когда-то с такой радостью приветствовал отец в своих песнях. Он не прожил долго, но сыновья помнили о нем и знали, что он благословил бы каждого из них на ратный подвиг.

...И все-таки врачи сделали свое дело. Хамит снова вернулся в строй. Видно, было суждено ему до конца

пройти тернистый путь бойца. Он вернулся на свое прежнее место.

Весна не спешила с приходом. Но вырвавшееся из-за густых облаков солнце было горячим и ласковым. Быстро таял снег. Пробуждались леса и рощи. Думалось о мирной жизни, которая уже маячила на горизонте. Но по-прежнему гремели пушки.

Как всегда, комбриг 23-й мотострелковой бригады полковник Головачев перед наступлением объезжал подразделения. Для него стали насущной потребностью беседы и с командирами, и бойцами. По-дружески, по-свойски заглянет комбриг в любой взвод или батарею и присоединится к солдатам, которые в минуты передышки устроили перекур. Сначала смутятся ребята, а потом незаметно для себя втянутся в беседу и выложат откровенно все свои мысли. Все до единого знали полковника Головачева. Побывал он и в артдивизионе, где командовал своим орудийным расчетом старший сержант Кобиков. Хамит нежно любил комбрга. Они обнялись. Полковник отстранил от себя сержанта, внимательно осмотрел его:

— Цел? Здоров? Отлично. Герой! Готовность к бою?

Хамит ответил:

— Номер один. Где стоим мы, «тигры» не пройдут. Ну, а если говорить откровенно — есть желание на Гитлера взглянуть и уложить несколько снарядов в его берлогу.

Комбриг засмеялся, обрадовавшись удачному ответу Хамита. Он верил в этого красивого парня.

Вскоре войска двинулись снова в поход, освобождая с боями города и села. Бригада, совместно с другими частями и соединениями I-го Украинского фронта, наступала по направлению крупного населенного пункта Наумбург. Как и предполагал Хамит, работа для него нашлась, как всегда, горячая. Расчету ПТО пришлось следовать с передовыми подразделениями вдоль шоссе и почти непрерывно стрелять прямой наводкой по врагу. Только на восточной окраине Наумбурга его пушка накрыла несколько десятков огневых точек противника. Движение частей вперед продолжалось безостановочно. Разрозненные части противника все еще цеплялись за каждый дом, но не могли уже изменить положения в свою пользу.

Наумбург был взят. Хамит никогда бы не запомнил

название этого населенного пункта, мало ли их было на пути. Но этот запомнился на всю жизнь. В Наумбурге погиб Александр Алексеевич Головачев. Полковник. Комбриг. Дважды Герой Советского Союза. Мгновенно эта горестная весть разнеслась по войскам. С поникшими головами стояли бойцы, оглушенные известием. Им казалось, что комбриг не подвластен смерти. Перед памятью любимого командира их совесть была чиста. Никто не считался с опасностью. Умереть готов был каждый. И теперь они поклялись отомстить врагу за смерть командира.

Все ближе до фашистского логова. Пали города Котбус, Люббен, Цоссен, Тальтов. Очистив Силезию и форсировав реку Нейсе, войска I-го Украинского фронта нацелились на Берлин и Дрезден.

К этому времени войска I Белорусского и II Белорусского фронтов, завершив ликвидацию восточно-померанской группировки противника, очистив все пространство между нижней Вислой и нижним Одером, заканчивали перегруппировку для удара по Берлину.

Наступила весна. Пришли солнечные дни, до боли напоминавшие о родных краях. Свежей листвой одевались деревья, на полях густо поднялись озимые.

Хамит с живым интересом наблюдал за всем, что происходило вокруг. На дорогах чаще стали появляться мирные жители. Они все более убеждались в том, что их никто не тронет, и смелее приближались к шоссе, по которому двигались советские танки, ехала шумливая пехота, грозно глядели своими жерлами пушки, прицепленные к автомашинам.

В теплый апрельский день вдруг с рассвета ударила канонада, длительная и мощная. Это началась артиллерийская подготовка войск I-го Украинского фронта. Одновременно двинулись в наступление и войска II-го Белорусского фронта. Армии обоих фронтов вечером 25 апреля соединились северо-западнее города Потсдама, замкнув столицу фашистской Германии в кольцо.

Штурм рейхстага начался 30 апреля. И в тот же день над рейхстагом взвилось Красное Знамя Победы.

За отвагу и мужество в боях за Берлин гвардии старшина Хамит Кобиков был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Ему пришлось участвовать и в освобождении Праги. Потом Хамит вспоминал:

— Вокруг нас рвались снаряды, ничего нельзя было разобрать из-за черного дыма. Ко мне неожиданно подбежал неизвестный человек в рваной кепке и, произнеся какие-то малопонятные слова, сунул мне в руку свернутый вчетверо обрывок газеты и скрылся за горевшим танком. Это было под Прагой. Когда город был освобожден, я вспомнил про клочок газеты. Синими чернилами между газетными строками были выведены слова на чешском языке: «Спасибо тебе, советский солдат. Ты принес нам самое дорогое в жизни — свободу. Мы сохраним и защитим полученный от тебя священный дар». Я лишь мельком видел автора этих слов. Так и осталось неизвестным его имя. Но те теплые строчки мне навсегда запомнились.

В дорогих реликвиях хранится удостоверение от командования части 28459, в котором написано:

«Гвардии старшине Хамиту Кобикову. Приказом Главнокомандующего маршала Советского Союза товарища Сталина от 2 мая 1945 года № 359, от 8 мая 1945 года № 366, от 9 мая 1945 года № 368 за отличные боевые действия при овладении столицей Германии Берлином, городом Дрезден, за освобождение столицы Чехословакии, города Праги, всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, принимавшему активное участие в боях, объявлена благодарность.

Командир части гвардии подполковник Шаповалов Е. П.».

И еще один день на всю жизнь запомнился Хамиту Кобикову. Это было весной 1945 года. Хамит вступал в партию. Вызвали его в партийную комиссию 7-ой гвардейской танковой дивизии (3-я гвардейская танковая армия).

Провожали его товарищи. Политрук батареи помог найти попутную машину, и Хамит, тщательно побрившись трофейной бритвой и подстегнув свежий воротничок под видавшую виды гимнастерку, тронулся в путь.

Члены комиссии встретили его сдержанно, и он поначалу смущился. Они ознакомились с материалами местной парторганизации, которая готовила Хамита для вступления в партию. На столе стояла коптилка, язычок ее пламени все время устало трепетал, то разгораясь сильнее, то обессилев, готовый погаснуть совсем. Хамит смотрел на изменчивое пламя и говорил.

Его биография была краткой. Родился в семье каза-

ха-бедняка. Образование получил среднее, педагогическое. В комсомол вступил двадцатилетним, а потом война. Первый бой под Сталинградом и бои, бои на всем протяжении славного пути в составе батареи. Три ранения, одна контузия в битве за Берлин. Вот и все.

— Какие награды имеете и за что? — последовал вопрос.

— Участвовал в Курско-Орловской битве, в освобождении Киева и многих других городов и сел Украины. Был награжден орденом Красной Звезды. В апреле 1945 года Указом Верховного Совета СССР за форсирование реки Одер получил звезду Героя и орден Ленина. За участие в Берлинской операции — орден Отечественной войны II степени.

Хамит увидел, что лица людей подобрели. Комиссия утвердила решение первичной парторганизации, и он был принят в члены ВКП(б). А через несколько дней Хамит Кобиков получил партийный билет.

Это был счастливый день в его жизни. В битву за Берлин он шел коммунистом.

* * *

Кто из фронтовиков забудет тишину мира, наступившую после великой Победы? Умолкли орудия, не плавали больше в небе бомбардировщики, отяженевшие от смертоносного груза. Зарастали травой никому не нужные теперь траншеи и окопы. Желанный мир, о котором столько мечтали наши люди в тылу и на фронте, наступил и поначалу словно опьянил всех. Люди ликовали, строили радужные планы. Фронтовики возвращались домой.

Хамит Кобиков никогда не предполагал, что в родном Джаркенте ему уготована торжественная встреча. Со станции Сарыозек на райкомовской машине его привезли на центральную площадь его родного города, где собрались сотни людей. Возле трибуны стояли его родственники, которые мгновенно окружили машину. Он только успел заметить, что виски Гульжамал стали белыми. Они не успели перекинуться словом, как его пригласили к трибуне. Духовой оркестр играл марш.

Секретарь райкома Токен Оразов открыл митинг и сообщил, что сегодня трудящиеся города Панфилова (бывший Джаркент) встречают своего замечательного

земляка, прославившегося ратными подвигами на полях сражений. Он стал рассказывать о заслугах и боевых делах фронтовика. Хамит растерянно смотрел вокруг. Он как-то и не думал раньше о том, что его будут чествовать, поздравлять. А ведь ради него устроили митинг, произносятся речи. Он почувствовал, что слезы потекли по его огрубевшим щекам.

Так торжественно началась его мирная жизнь. И Хамит на себе испытал, как высоко ценит народ своих героев, как трогательно о них заботится. Его направили в Алма-Ату в двухгодичную партийную школу. Попав за парту, Хамит несколько растерялся. Ведь ему было уже далеко за двадцать, и он совершенно отвык от учебы. Первые дни слова лекторов проходили иногда мимо его сознания. Он с горечью понял, что разучился слушать и усваивать сложный материал. Но Хамит всегда хорошо учился. И скоро втянулся в учебный процесс.

В Алма-Ате он познакомился и со своей будущей женой Риммой.

После учебы Хамита отправили на партийную работу, сначала в один из районов, а потом в Алма-Ату. В школу он не вернулся. Война заставила забыть о любимой профессии. Да и послевоенная жизнь так повернулась, что он, как солдат партии, понадобился в другом месте. Но нежность к детям, школе и молодежи он сохранил на всю жизнь. Своих ребятишек они с Риммой очень любили и радовались, что им не угрожает война.

Как герою и фронтовику, Хамиту часто приходилось выступать на предприятиях, в колхозах, в вузах, школах. Он умел говорить. Память подсказывала ему множество боевых эпизодов, слuchaев на войне и даже забавных историй. Сначала он рассказывал о себе, обо всем, что приключилось с ним на войне. Потом же он все меньше говорил о себе, а больше о своих товарищах, особенно о тех, чью гибель он пережил.

Мы часто встречались у Вечного огня в парке им. 28-ми гвардейцев-панфиловцев. Он останавливался и долго смотрел на полыхающее пламя. Однажды произнес:

— С потерями дорогих тебе людей нельзя смириться, сколько бы лет ни прошло. Воспоминание о них всегда будет жечь сердце.

Помню, в тот день мы пошли с ним на призывной

пункт Советского района столицы. Ребята, призванные в армию, встречались с фронтовиками, героями войны. Хамит оживился и шепнул мне довольный:

— Вот она, наша смена. Они сумеют постоять за наше дело.

После встречи его окружила молодежь. Теперь спрашивал он. Кто же они?

Ерген Келменбетов — слесарь АЗТМ — сообщил, что он сын фронтовика. Прежде чем идти в армию, выучился на оператора радиолокационной станции, сдал нормы на значок «Готов к защите Родины». Имеет несколько спортивных разрядов. Очень хочет попасть в ракетную часть.

Другого призывника звали Абулхан Касымов. Он закончил техникум связи. С детства любил радио. Сам мастерил приемники в технических кружках. Такой парень, конечно, будет незаменим в радиотехнических войсках.

И другие ребята оказались как на подбор — Валерий Бровченко, Леонид Андриевский, Василий Можайлов, Владимир Лошунов, Михаил Суриков, Есет Аширбеков.

— Да, я во многом уступал вам, дорогие мои, когда меня призывали в армию, — признался Хамит. И тут же улыбнулся: — Все правильно. Так и должно быть. Дети счастливее своих отцов.

Его хорошо знали в Доме офицеров, на ВДНХ. И вообще в городе он был очень популярным человеком.

Приходилось ему участвовать во всесоюзных встречах ветеранов войны. Один из таких слетов проходил на Украине, на родине дважды Героя Советского Союза А. А. Головачева. Помню, Хамит взял с собой своего сына Серика, чтобы познакомить юношу со своими друзьями из 23-ей гвардейской бригады.

Он много мне рассказывал о своей поездке в Югославию поздней осенью 1970 года. Среди ветеранов, собравшихся там, было девятнадцать Героев Советского Союза, семь кавалеров ордена Славы всех степеней, 23 кавалера югославских орденов. Помню, глубокое впечатление произвело на него живописное местечко Яинцы, где в годы войны был один из фашистских лагерей смерти. Он повторил мне услышанный там рассказ о том, как, расстреливая школьников, фашистские палачи предложили сохранить жизнь их воспитателям. И один

учитель сказал за всех: «Мы давали детям уроки, дадим и еще один урок сейчас». Их расстреляли всех.

Все-таки педагог жил в нем всегда.

Последняя поездка его была в Киев, который он когда-то освобождал от врага. Он не узнал этого прекрасного города, лежавшего в далеком 1943 году в развалинах. Новые жилые ансамбли, роскошные дворцы и театры, прекрасные парки — все это поразило моего друга.

Хамит Кожабергенович не дожил до наших дней. Трои любимых людей остались после его смерти: его жена Римма, сын Серик, дочь Жанат.

...Жизнь продолжается. Герои всегда живы в памяти людской. Их жизнь неотделима от великих событий, навечно вписанных в историю Страны Советов.

НА ОГНЕВЫХ ПОЗИЦИЯХ

I. Боевое крещение

Весна памятного сорок первого года была неустойчивой. Здесь, на просторах Средней Азии, ясная солнечная погода часто сменялась дождями и грозами. На небе внезапно собирались облака, сгущались темные тучи, раскатисто гремел гром. Молнии, как острые стрелы, стремительно прорезали небосвод, вонзались в пространство. С шумом и грохотом на землю наваливался бурный ливень. Проходило время, неожиданно, как и начиналась, стихала гроза, стекали ливневые потоки, и ярко сияло солнце.

Кругом становилось тихо, вроде все успокоилось. Но людям было не до благодушия. В Европе второй год полыхала развязанная германским фашизмом война. Грохот от разрывов бомб, снарядов и мин на западе как бы сливался с громовыми раскатами на востоке.

Война к тому времени уже охватила свыше полутора миллиарда человек.

Империалисты, мюнхенские заговорщики, толкали фашистского агрессора на войну против Советского Союза.

Мой зять, Иван Машкетов, служивший в армии в Западной Белоруссии, писал тревожные письма. Немецкие самолеты стали часто появляться над советской территорией, все больше становится провокаций и нарушений наших рубежей. «Видимо, на Гитлера придется надеть смирительную рубашку», — писал он.

Союзники германского фашизма — японские милитаристы — у озера Хасан и на реке Халхин-Гол уже испытали нашу решимость защитить Родину. Пришлось укротить и белофиннов. Однако на западе сгущались тучи посеревшее, надвигалась жестокая военная буря.

Я работал агрономом в совхозе «Савай» Андижан-

ской области. Он расположен на железнодорожной станции Кургантюбе. Джалаал-Кудукский райвоенкомат призвал меня на военные сборы. Я простился с родными, товарищами по работе и на совхозной машине отправился в райцентр.

Известие о войне мы услышали по радио. Народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов сообщил о внезапном нападении немецко-фашистских захватчиков на нашу страну. Заключительные слова его выступления: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» — прозвучали как призыв встать на защиту своего Отечества.

Мы пытались понять и осмыслить каждое его слово — все это было так неожиданно. По окончании выступления В. М. Молотова на площади под репродуктором возник стихийный митинг. Выступили райвоенком, представитель райкома комсомола и еще несколько человек. Все они в один голос резко осудили вероломство Германии, призвали не жалеть ни крови, ни самой жизни для защиты Советской Родины.

Скоро нас направили на станцию Андижан. Там был сформирован эшелон и отправлен через Ташкент на север.

Июльский зной, духота стояли в бескрайних казахских степях. Но ближе к уральскому хребту становилось прохладнее, равнину сменили горы и леса.

Жизнь круто изменилась. Все помыслы теперь подчинялись только войне. В пути на каждой остановке старались достать свежие газеты, уловить сообщения Совинформбюро по радио, узнать фронтовые новости у железнодорожников и местного населения. Постепенно первые наивные представления о войне рассеялись, тревога за судьбу страны и народа вошли в каждую душу. Все смеялось:

И час, как век,
И нет рассвета.
Кругом война на много лет,
Как будто нет на свете света,
И в мире мира больше нет.

Как точно подметил фронтовой поэт Платон Воронько!

Где-то в пути ребята добыли текст новой песни поэта Лебедева-Кумача «Священная война». Она звучала тре-

вожно и грозно. Была изумительной по силе священной клятвой Родине. Ее слова врезались в память. Нашлись у нас в вагоне и запевалы. Все пели, даже те, кто не умел петь. Слова этой песни и сейчас вызывают волнение.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает как волна,
Идет война народная,
Священная война.

Эту песню мы пронесли сквозь все суровые годы войны, и с ней победили, пели как гимн, исполняли как боевой марш.

На одной из остановок мы услышали по радио голос Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина. Он говорил о величайшей опасности, о необходимости всю работу перестроить на военный лад. Призывал отстаивать каждую пядь родной земли, драться за нее до последней капли крови. Каждое слово звало на подвиг, хотелось отомстить за поруганную землю.

Давно остались позади степи Казахстана, миновали Оренбуржье. В уральском городе Березники, одном из крупнейших центров химической промышленности, нас определили во внутренние войска НКВД, которые охраняли важные военные объекты. Одновременно мы усиленно занимались военной подготовкой. Политрук роты ежедневно проводил политинформацию. Мы регулярно читали газеты, слушали радио. С фронта шли тревожные вести. Что ни день — менялись направления, немцы занимали новые города. Черные фашистские клинья все глубже врезались в тело страны. Болью в сердце отзывались первые неудачи на фронтах. Многие писали рапорты, просились на передовую. Писал и я. Пребывание в далеком тылу казалось невыносимым.

Через некоторое время нас, несколько человек, перевели под Ижевск в полковую школу, готовившую командиров стрелковых отделений. Запасной полк располагался в лесу, в землянках. Боевой подготовкой занимались на лесной поляне. Изучали стрелковое оружие, станковые пулеметы, тактику. Не обходилось и без строевой подготовки. Особенно часто роту поднимали ночью по тревоге. Слышались команды: «Подъем! Выхо-

ди строиться!» Старшие командиры делали внушительный разбор нерадивым, опоздавшим. Отчитывали как следует тех командиров отделений, взводов и рот, чьи подразделения опаздывали, были недисциплинированы. Обычно построят, проверят и затем дают отбой. И так несколько раз.

Случалось, что иные красноармейцы хитрили, вставали в строй, надев шинели прямо на нижнее белье, всунув в ботинки босые ноги. Лишь бы скорее занять место в строю. Между тем наступил ноябрь. В Удмуртии стояла суровая зима, лежал глубокий снег.

Однажды построили две наши роты. Командиры доложили комбату, что весь личный состав в строю. Последовали команды: «Направо! Шагом марш!» И мы двинулись по занесенной глубоким снегом дороге. Идем, замечаю, что мой сосед, вологодский парень Володя Шатров, как-то странно подпрыгивает.

— Что с тобой? — спрашиваю его.

— Ничего, — говорит.

— Как ничего? Что прыгаешь?

И тут я заметил, что из-под шинели у него белые кальсоны видны. Деваться было некуда, и он признался, что вышел в строй без гимнастерки и брюк, без портянок, лишь намотал обмотки.

Поход длился почти до рассвета, при тридцатиградусном морозе. Он оказался хорошим уроком для них. Больше такого не повторялось.

Под Ижевском мы отмечали праздник Октябрьской революции. Занятия шли по расписанию, как в обычный день. Только питание было несколько улучшено. Вечером на политинформации комиссар полка рассказал, что в Москве состоялось торжественное заседание Моссовета, посвященное 24-ой годовщине Великого Октября, на Красной площади проходил традиционный парад войск Красной Армии.

Обращаясь с трибуны Мавзолея В. И. Ленина к красноармейцам и краснофлотцам, командирам и политработникам, партизанам и партизанкам, Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин говорил: «На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, попавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала

на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии!.. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков... Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Парад на Красной площади под носом у врага — все это не могло не воодушевить нас, воинов Красной Армии. После занятий долго не расходились по местам, делились впечатлениями, многие сомнения рассеялись.

Однажды были прерваны занятия. Нам дали ограниченное время на сборы: получили сухой паек и... «шагом марш!»

Пешком прошли до какого-то полустанка, погрузились в товарные вагоны, оборудованные нарами и железными печками, и тронулись в путь, на север. Проехали Киров, Вологду, Череповец.

Стояла суровая, снежная и холодная зима сорок первого года. Тревожно было на сердце. Беспокоила мысль, что там, впереди? По всему видно, что едем на фронт. На узловых станциях сопровождавший нас политрук получал сводки Совинформбюро, по возможности, газеты. С жадностью впитывали новости с фронтов, сообщения о международной жизни. Одним словом, газеты зачитывали до дыр, потом употребляли на курево.

В вагоне было установлено дежурство. Мы пополняли запасы топлива, воды. Следили за тем, чтобы в вагоне было тепло и не возник пожар. Питались сухим пайком.

А поезд шел. По пройденному пути можно было догадаться о примерном маршруте. И по тому, как политрук старался найти в газетах материал о героической обороне Ленинграда, о мужестве его защитников.

В одной из бесед он сообщил нам, что гитлеровцы, стремясь окружить Ленинград, захватили станцию Мга, перерезав последнюю железнную дорогу, соединявшую город со страной. Враг почти замкнул кольцо блокады. Для связи с Большой землей осталась лишь узкая полоска Ладожского озера. Перекрыть ее врагу не удалось, гарнизон Шлиссельбургской крепости огнем своих мощных батарей не допустил этого.

Ленинградцы стояли у своих станков под огнем, как солдаты, многие гибли на посту, до последней минуты не прекращая работы. Вся страна, затаив дыхание, с глубоким волнением следила за городом — колыбелью Октябрьской революции. Чуть позже я прочел стихи

народного акына Казахстана Джамбула Джабаева, обращенные к ленинградцам:

К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда,
Провожают своих бойцов
Наши села и города...
Из глубин казахской степи
Реки нефти к вам потекли,
Черный уголь, красная медь
И свинец, что в срок и впопад
Песню смерти готов пропеть
Бандам, рвущимся в Ленинград...

Очень верными оказались эти строки.

Чем дальше ехали на запад, тем движение становилось медленнее. Поезд задерживался на узловых станциях. Мы пропускали эшелоны с оружием и продовольствием к фронту. Встречали составы с эвакуированными людьми, оборудованием заводов, ранеными. Многие паровозы и вагоны были изрешечены осколками снарядов, с обуглившейся обшивкой. Стало ощутимо приближение фронта. И на стоянках иногда удавалось переброситься вопросом с проезжающими людьми.

— Как там дела, братцы? — спрашивали мы.

— Плохи дела, — зачастую следовало в ответ. — Далеко забрался гад и все наседает. Все уничтожает. Не щадит ни стариков, ни женщин, ни детей.

Слова эти дополняли то, что мы уже слышали. Изболелось сердце от недобрых вестей. Хотелось скорее туда, где в боях решалась судьба страны. Ночью небо было неспокойным, полыхали зарницы то слева, то справа, то далеко впереди. Доносилось эхо канонады.

Однажды на одной из остановок политрук принес газету, первую фронтовую газету. Из нее мы узнали волнующую новость. От Советского информбюро сообщалось:

«В последний час... Наши войска на Западном и Калининском фронтах перешли в наступление и прорвали оборону противника. Немецкие войска отброшены на 40—50 километров...» Дальше перечислялись захваченные Красной Армией трофеи, уничтоженные вражеские войска и техника.

Сообщение быстро разнеслось по всему эшелону. Слышались возбужденные голоса из соседских вагонов. Настроение приподнятое.

Чуть позже прочитали в газете, что «...группа немец-

ких войск генерала Шмидта, действующая на юго-востоке от Ленинграда, захватила г. Тихвин и близлежащие районы, стремясь поставить ленинградские войска в критическое положение. В течение 10 дней шла борьба за Тихвин с переменным успехом. 9 декабря наши войска, во главе с генералом армии тов. Мерецковым, наголову разбили фашистские войска генерала Шмидта и заняли город Тихвин». Теперь мы уже знали, куда едем. Это известие обрадовало нас.

Командиры и политрук постоянно говорили нам о приближении фронта. Напоминали и как надо вести себя в случае нападения вражеской авиации на поезд, во время марша на привале. Но теперь, перед непосредственной опасностью, слова их приняли конкретную осозаемую суть.

Как-то под вечер, издалека, через грохот поезда, послышались незнакомые нам протяжные звуки. Приближающийся гул с завыванием постепенно нарастал.

И вот уже явно слышен гул летящих самолетов. Воздух прорезал пронзительный свист и грохнул взрыв. Из-за леса заговорили наши зенитки. Вой и свист — все перемешалось. Поезд пошел как-то странно: то замедляя, то ускоряя ход, затем резко остановился.

Вокруг дороги тянулся сосновый густой лес, и солдаты, не дожидаясь команды, стали выпрыгивать из вагонов в поисках укрытия. Стреляя из пулеметов, вражеские самолеты прошли низко над эшелоном и повернули на юго-запад. Затем все стихло.

Послышалась команда «По вагонам!». Мы торопливо бросились на свои места. Через некоторое время политрук сообщил:

— Прямых попаданий нет. Но бомбы упали недалеко от состава. Паровоз и некоторые вагоны задеты осколками, но люди не пострадали. Поезд отправляется по маршруту. Ехать осталось недолго.

Паровоз с протяжным шумом и визгом, обдавая паром кусты, с трудом тронул состав и двинулся в наступившую темь, набирая скорость.

Опасность первой встречи с врагом миновала, напряжение спало, но беспокойство перед будущим, перед неизвестностью не прошло. Многие ребята не могли уснуть и переговаривались между собой. Поезд монотонно стучал колесами. Небо было звездным и чистым. Но вот состав сбавил ход и затем остановился. Открыли двери

вагона, кругом темно, снежные наносы да сплошной лес с обоих сторон.

Последовала команда забрать вещи и выходить строиться. Колонной по четыре человека по снежной дороге мы направились навстречу неизвестности. Политрук только заметил, что освободившийся состав повезет раненых бойцов в тыл. Мы выступили на лесную дорогу. Кругом высокие сосны да ели, вдали — артиллерийская канонада.

Занималась заря. Сквозь густой лес белыми полосами тек рассвет. Было почти светло, когда мы вышли на снежную поляну. Нас здесь уже ждали. Был приготовлен горячий завтрак, нам предстояло подкрепиться и двигаться на передовую. Заботу о нас взяли на себя представители 281-ой стрелковой дивизии.

Не успели справиться с завтраком, как из-за леса послышался ставший ненавистным нарастающий гул самолетов. Все притихли.

Последовала команда «Воздух!». Залегли, кто где мог. Фашистские стервятники, не торопясь, облетев по кругу, осмотрели поляну. Показалось, что они нас не заметили и собираются уходить. Но не тут-то было. Рассредоточившись и набрав высоту, они ринулись на опушку леса, сбрасывая свой смертоносный груз. Бомбы рвались на открытой поляне, осколки с визгом пролетали над нами, срезали сучья и макушки деревьев, которые вместе с обессиленным металлом падали на землю. Пули, вздымая снег, ложились так близко, что, казалось, вот-вот прошьют тебя. Нервы напряжены до предела. Один боец не выдержал. От страха вскочил, запнулся о засыпанные снегом сучья, и его прошила пулеметная очередь. Самолеты, сделав еще несколько кругов, поливая нас из пулеметов, круто пошли вверх и скрылись в южном направлении. Наспех похоронив погибшего товарища, отдав последний долг, мы построились.

Затем перед нами выступил сопровождавший нас капитан. Он сказал:

— На фронте никто не гарантирован от попадания прямой или шальной пули. Но выдержка перед опасностью очень много значит. Просто так, зазря, гибнут малодушные люди, у которых сдают нервы. Война есть война, она неумолима, она требует жертв, но каждый боец должен ценить свою жизнь, воевать с расчетом, хладнокровием.

Потом нас распределили по частям и подразделениям 281-ой стрелковой дивизии. Я попал в 1066-ой полк. Он находился на правом фланге 54-й армии и занимал оборону южнее Волхова в лесистой, сильно болотистой местности. Дорога, по которой мы шли на передний край, была из свежесрубленного бревенчатого настила. Под тяжестью солдатской ноши срывалась влажная кора, скользили ноги. Шли в напряжении, боясь оступиться, провалиться в болото. Островками попадались возвышенные места. Там минутный отдых. Не доходя до передовой, остановились. На небольшой поляне нас ждали командир роты и политрук. Они коротко познакомили нас с обстановкой на этом участке фронта. Пояснили, как писать письма, дали адрес части, номер полевой почты. Рассказали о том, что за несколько дней до нашего прибытия 1066-ой полк внезапным ударом очистил от врага станцию Погостье, перерезав железную дорогу, идущую со станции Мга на Кириши. Полк незадолго до этого прибыл из блокадного Ленинграда.

Полк, вклинившись в оборону противника,казалось, находился в мешке: фашисты вели огонь со всех сторон.

Первым оружием, что мне вручили, была трехлинейная русская винтовка образца 1891—1930 года. Командир отделения определил место в приспособленном окопе, указал направление противника, велел вести наблюдение. Была лунная морозная ночь, но передний край немцев трудно было различить. Слышались орудийные и минометные выстрелы, изредка строчил пулемет. Противник прочесывал местность трассирующими пулями. Небо освещалось ракетами.

Так я, необстрелянный солдат, попал в боевую обстановку. Я еще не видел живого врага, хотя уже склонил голову. Сверлила тревожная мысль: враг рядом, что будет завтра и доживу ли? Вскоре промерз. На смену мне послали бывалого солдата. Подполз, шепнул: «Иди в землянку, погреешься, поспишь немного». В лабиринте ходов чуть не заблудился. Наконец протиснулся в землянку. Чувствую, полно народу, коптилка еле светит. Пристроился на краешке нар, закрыл глаза, но заснуть не могу. Так просидел какое-то время, пока не согрелся. Перешагивая через спящих товарищей, вышел на воздух.

Боец, что стоял в траншее на часах, спросил меня,

откуда я родом, кто дома, давно ли на фронте. Мы разговаривались.

Так нас и застал рассвет. Установилось необычное зтишье. После ночи не верилось, что так может быть. Начался завтрак.

— Немец притих, тоже трапезничает,— заметил ветеран.— Они сначала ночью отдыхали, воевали только в светлое время, по часам. Но мы их отучили.

Днем, насколько позволяла обстановка, я разглядывал передний край. Хотя глубокий снег и прикрывал траншеи и землянки, видны были трубы железных печек, ходы сообщения и окопы. Болотистая местность не позволяла рыть окопы в полный профиль, поэтому над землей они наращивались заборчиками, засыпались грунтом, замаскировались снегом. Противник словно вымер. За несколько часов наблюдения ни одного фашиста я не мог поймать на мушку. Когда потом я с сожалением сказал об этом командиру отделения, он ответил, что у немцев с переднего края идут хорошо замаскированные ходы сообщения в глубь леса. В открытую фрицы ходить не рискуют, помнят о наших снайперах.

Днем немцы откуда-то издалека вели огонь по нашему переднему краю. Снаряды перелетали через нас и глохо разрывались в лесу. Отдельные снаряды, напротив — не долетали. Попадая в болото, взрывались, поднимая фонтаны черно-белой массы.

Несмотря на хорошую маскировку, наши артиллеристы все же засекли немецкий блиндаж. Выдал его дымок, что тоненько струился из железной трубы, торчащей над белым бугром. После пристрелки несколько раз подряд ухнуло по четыре снаряда. Вместе с землей взлетели в воздух обломки деревьев. Когда все успокоилось, мы увидели огромную яму на том месте, где был блиндаж.

Постепенно привыкаешь к вою бомб и снарядов, визгу пуль и мин. В окопе чувствуешь защиту матушки-земли, и кажется, что ты бессмертен. Кроме перестрелки на нашем участке фронта, можно сказать, несколько дней было зтишье. Немец не шел в атаку.

Однако зтишье на фронте — понятие относительное. Перестрелка не прекращалась, мы искали и уничтожали вражеские блиндажи, огневые точки. Снайперы охотились за зазевавшимся противником. Шли разговоры, что на нашем участке фронта готовится новое наступление. Где и как это произойдет, никто толком не знал.

Однажды вечером, вскоре после захода солнца, из нашего тыла послышался нарастающий, стрекочущий звук.

— Что это значит? — спросил я у напарника.

— Кукурузники идут немца лупить, — ответил тот и засмеялся.

Действительно, наши самолеты «У-2» не заставили себя ждать. Они шли низко над лесом и неожиданно для противника оказались над их позициями. Не успели немцы открыть огонь, как самолеты зашли на цель, сбросили бомбы и, маневрируя, быстро ушли в глубь нашей территории.

Противник вел вслед им бешеный огонь, но достать их было уже невозможно. Они степенно скрылись за макушками густого леса. А мне вспомнилось: «Идет пешком по небу, едва, едва, и раз «У-2», и два «У-2», и три «У-2». Я впервые видел «небесные тихоходы» в деле. Самолетов давно уже и след простыл, а фрицы в бешенстве перенесли огонь на наш передний край, что помогло артиллеристам засечь новые огневые точки врага и направить туда огонь.

Новый 1942 год мы встретили в окопах. Кругом лес и бескрайние снежные просторы. Мы подняли фронтовые сто грамм за быстрейшую победу над врагом, пожелали друг другу вернуться домой через Берлин.

Бои в январе и феврале на нашем участке фронта не принесли существенных успехов. Но наша часть несла большие потери. Только вроде познакомишься, найдешь себе товарища, смотришь, а его уже нет в живых. Именно в эту пору, можно сказать, я принял боевое крещение. Мы готовились к наступлению, и батальон переместился на более удобные позиции. Сержант заменил мне винтовку на автомат.

За день перед наступлением командир взвода, молодой лейтенант, поставил боевую задачу:

— Вам нужно внимательно изучить полосу наступления, препятствия на пути перехода к траншеям врага, его огневые точки, — сказал он. — Завтра под огнем противника труднее будет ориентироваться. Лучше это сделать, находясь в окопах.

— Кто идет в атаку, — продолжал лейтенант, — от соседей не отставать. Смотреть только вперед. Видеть, куда враг ведет огонь. При опасности падать в снег, но

не залеживаться, идти вперед и вперед. Бить врага беспощадно.

Ночью я опять не мог уснуть. Томила жажда. Огляделся: многие не спят — одни разговаривают, другие молча курят, кто-то пишет домой. Не зря говорят, самый страшный час в бою — час ожидания атаки.

Пришло время, и все вокруг загрохотало. По вражеским позициям мощно ударили орудия, минометы. Затем взвилась зеленая ракета. С криком «За Родину! За Сталина! Ура-а-а!» мы рванулись в атаку. Вместе со всеми я бежал навстречу вражескому огню. Падал. Поднимался. У вражеских траншей открыл огонь из автомата. Фрицы, отстреливаясь, бежали, а мы, обессиленные и уставшие, ворвались в их окопы. Немцы буквально прижали нас к земле. Плотность пулеметного огня была так велика, что из укрытия нельзя было вылезти. Наше наступление на этом застопорилось. Оглядевшись, я многих не досчитался.

Потом мы отбивали яростные атаки немцев, поддержанные шквальным огнем артиллерии и минометов. Немецкие самолеты бомбили нас сверху. С большими потерями нам пришлось отойти на прежние позиции.

Контратаки немцев не прекращались. В одной из таких схваток погиб пулеметный расчет, а сам «максим» уцелел. Командир взвода предложил мне стать пулеметчиком, вторым номером дали Степана Кузьмина, расторопного бойца. Вскоре нам пришлось отбивать атаку немцев. Командир взвода подстраховывал нас. Когда фрицы пошли в атаку, он приказал подпустить их поближе. Только когда пьяные, в грязно-серых шинелях немцы оказались в двухстах метрах, он скомандовал: «Огонь!». Я нажал на гашетку, пулемет заработал. С непривычки меня оттолкнуло назад. Но я быстро справился с волнением. А заметив, как стали редеть фашистские цепи, как прижались к земле, я подумал, что «максим» настоящий друг. Получив благодарность командира, мы уверенно закончили бой.

Привыкнуть можно ко всему, и к боевой обстановке тоже.

Вскоре я научился ориентироваться, откуда может угрожать опасность, трезвее оценивать противника, а при атаке и сближении с ним стремиться уничтожить его первым.

Зима сорок второго под Ленинградом была суровой,

морозной и снежной. В начале марта наша часть в составе 281-ой стрелковой дивизии на своем участке фронта после артподготовки перешла в наступление. Пулеметчики двигались на правом фланге роты, и как только цепи залегли, мы открыли огонь. Солдаты ползком по глубокому, покрытому воронками снегу приближались к немецким траншеям, затем рывком бросились на врага. Рукопашный бой увенчался успехом. Были захвачены первые вражеские позиции. Несмотря на упорное сопротивление немцев, мы прорвали их оборону. К концу марта в невероятно трудных условиях местности мы вышли к Любани. Здесь мы натолкнулись на крупные укрепления врага. Наше наступление было приостановлено. В одном из боев при отражении атаки у нашего «максимки» заело пулеметную ленту. Я стал ее поправлять, и внезапно фашистская пуля срезала мне конец указательного пальца правой руки. Степан наспех перевязал мне руку и занял место у пулемета. Еще долго шел бой. Был он трудным. Я как мог помогал Кузьмину вести огонь. В этом бою много полегло наших бойцов. Легкораненые не уходили с поля боя. Только когда все утихло, командир взвода заметил, что я ранен. Я досадовал, что пустяковое ранение вызывает такую резкую боль. И все же меня отправили в медсанбат. Правда, вскоре всю нашу дивизию, измотанную в боях, отвели на отдых и пополнение, а нас сменили свежие войска.

В медсанбате мне обработали рану, сделали перевязку, уложили в постель. Первое время отсыпался, приходил в себя, читал газеты, слушал рассказы товарищей о жизни, боевых делах. Скоро рука стала подживать. Я стал проситься в свой полк. Но врачи не отпускали. «Пока дивизия на отдыхе и пополнении,— говорили они,— надо довести лечение до конца». Однажды навестил меня майор из штаба и предложил, пока рука окрепнет, поработать штабным писарем. Меня досрочно выписали из медсанбата. Там я прослужил почти месяц. Как-то вызывает меня начальник штаба. Поинтересовался, кем я работал до войны, чем интересуюсь, и предложил поехать учиться в военное училище. Для меня это было неожиданностью. Я сказал, что в такое время неудобно ехать с фронта в тыл. Седовласый человек строго посмотрел на меня и спокойно продолжил:

— Есть указание Ставки в училище отправлять фрон-

товиков, обстрелянных солдат. На вашу долю еще войны хватит.

Грустно было расставаться с товарищами, с которыми связала фронтовая дружба. Да и тягостно было уезжать в глубь страны от Ленинграда, у стен которого стоял враг. Но приказы не обсуждаются.

Нелегко оказалось в мае 1942 года добраться до города Энгельса в Саратовской области. В прифронтовой полосе несколько раз попали под бомбежку. Израненное войной Подмосковье все еще было близко к фронту. Кругом следы недавних сражений, разгрома захватчиков. Чем дальше к юго-востоку, следы войны становились менее заметны. Через Рязань, Тамбов в конце мая прибыли мы в Саратов. Отсюда до училища, как говорят, рукой подать. Именовалось оно тогда так: I-ое Ленинградское артиллерийское Краснознаменное училище имени Красного Октября. Командование училища — начальник полковник И. Г. Солодченко и комиссар полковник Н. В. Ляпин радушно встретили нас, фронтовиков. Первым делом мы привели себя в порядок: помылись, заменили белье и обмундирование. Разместили нас в казарме на двухъярусных койках. Кругом непривычные уют и чистота.

До войны училище находилось в Ленинграде. Когда враг стал угрожать городу, на оборонительную линию под Лугу из училища выехало несколько батарей с командирами, преподавателями и курсантами. Там был создан артиллерийский дивизион училища, состоящий из трех батарей. Сначала дивизионом командовал майор Рыков, затем капитан Ложкин.

И вот когда фашисты ринулись в наступление, курсантские батареи не смолкали всю ночь, отражая яростные атаки врага и поддерживая смелые контратаки своей пехоты. Командиры умело управляли огнем, самоотверженно работали орудийные расчеты и связисты под ураганным огнем противника. Самый ожесточенный бой выдержали воспитанники училища 22 июля 1941 года. В этом бою немецкие танки и автоматчики встретили сильный огонь противотанковых батарей старших лейтенантов Зонова и Астафьева. Горело девять вражеских машин. Атака захлебнулась. Три танка, спасаясь, повернули на левый фланг и наскочили на смертоносный огонь батареи старшего лейтенанта В. Грицаева. В этом бою наиболее ярко проявили мужество, боевое мастерство

артиллеристы. Таких боевых эпизодов в жизни училища было немало. Фронт нуждался в командных кадрах артиллерии. В связи с этим в августе был произведен досрочный выпуск курсантов и сделан новый набор в училище. Осложнившаяся обстановка на Ленинградском направлении и усилившаяся с каждым днем угроза городу могли нарушить нормальный ход боевой подготовки офицеров, поэтому приказом Наркома обороны училище в августе 1941 года было переведено в город Энгельс.

Обучение было рассчитано на шесть месяцев. Главная задача состояла в том, чтобы научить курсантов командовать взводом, быстро ориентироваться в любой обстановке военного времени, проявлять инициативу, находчивость, смелость и решительность в действиях. Курсантов обучали тактике боя, топографии, связи, военно-инженерному делу. Поражало обилие наглядных пособий. Они готовились своими силами. В отличном состоянии находились полигоны для боевой подготовки.

Мы быстро освоились с новой обстановкой. Рано утром — подъем, физзарядка. После завтрака — утренний развод на плацу. Уточнение расписания и под оркестр — по классам. Учебу мы начали 1 июня 1942 года уроком артиллерии. Преподаватель капитан Щедрин прошел между партами и обнаружил, что некоторые слушатели не конспектируют.

— Кто не имеет бумаги и карандаша, встать! — приказал он. Поднялось около десяти человек фронтовиков.

— Фронт должен был научить вас быстрой ориентации на месте действия, мгновенной реакции. Вижу, тыловая обстановка расслабила вас. Марш отсюда! Неподготовленными не являться! Запомните все: для вас овладение наукой воевать — боевое задание, кто не выполнит его — трус. И не достоин звания советского офицера.

Мы были обескуражены, но подобного больше не повторилось. Дисциплина установилась железная, занятия уплотнились до предела.

Я никогда не думал, что судьба сведет меня с этим училищем. Правда, к артиллерии я и раньше относился с уважением. Сила, мощь и возможности этого рода войск вызывали у меня искреннее восхищение. Может, поэтому, окунувшись в науку, я увлекся серьезно и на занятия спешил с волнением узнать новое. Каждый пре-

подаватель предупредил, что его предмет самый важный для офицера-артиллериста. А так как для полного изложения материала времени нет, то самоподготовка должна стать максимальной. И мы засели за учебники.

Материальную часть мы осваивали в специально оборудованных классах. Знакомясь с общими законами устройства пушек, детально изучали 76-мм дивизионную пушку и 122-мм гаубицу образца 1938 года.

По тактике занятия проводились в здании или в полевых условиях. На полигонах отрабатывали артиллерийскую стрельбу, в тире совершенствовали стрельбу из винтовки, автомата, пистолета «ТТ».

Тогда дивизионная артиллерея была на конной тяге и одним из важных предметов считалась конно-строевая подготовка. Надо было с земли, без опоры сесть на ходу на неоседланную лошадь, затем перемахнуть через нее. За ездой на лошадях ревниво наблюдал командир дивизиона полковник Бобыкин и командир батареи капитан Калинин. В начале мне трудно давалась эта наука. Тогда комдив приказал мне и другим, таким как я, дополнительно заняться турником: развивать мускулатуру. Это помогло. После тренировок я успешно начал справляться со всеми приемами строевой подготовки. Как мне это потом пригодилось на фронте!

А с полей сражений шли тревожные вести. Враг рвался к Сталинграду, к Волге, в глубь Кавказа, угрожал самым важным жизненным центрам страны. В эти июльские дни нам зачитали приказ Наркома обороны СССР № 227. «Ни шагу назад!» — таков был смысл этого документа.

Приказ нельзя было слушать без волнения, он был направлен против беспечности и равнодушия, звал к борьбе с врагом.

Все это прибавило нам энергии. Каждый курсант считал своей обязанностью, своей честью как можно быстрее научиться грамотно, метко и беспощадно громить фашистов. Распорядок дня в училище ужесточился: от подъема до отбоя не было свободной минуты. Этого требовала обстановка.

Наши наставники, педагоги отдавали весь свой опыт и знания совершенствованию подготовки офицеров-артиллеристов. Добивались высшей успеваемости курсантов. Кстати, работа училища по подготовке кадров неоднократно отмечалась командованием. А в июне 1942 года

Указом Президиума Верховного Совета СССР за плодотворную работу в воспитании кадров командиров-артиллеристов орденами и медалями Советского Союза была награждена большая группа офицеров училища.

Боевое применение артиллерии на фронтах Отечественной войны выявляло много новых тактических приемов. Их нужно было учесть при подготовке офицеров. Обобщение опыта боевых действий наших войск нашло конкретное отражение в предметных планах, в системе обучения командно-преподавательского состава и курсантов, в специальных лекциях и политинформациях.

Большинство курсантов имели высшее и среднее образование. Почти половина из нас пришла в училище из действующей армии или запасных частей, так что в активе был боевой опыт, что несомненно способствовало успешной учебе.

Хорошим стимулом в повышении качества знаний явился приказ Наркома обороны о присвоении звания «лейтенант» только отлично успевающим выпускникам.

Политработники училища всеми имевшимися у них средствами старались распространить положительный опыт боевой и политической подготовки среди курсантов, командного и всего преподавательского состава. Свою роль сыграла радиогазета училища «Поколение Октября», которая вела большую агитационно-пропагандистскую работу. Никто не хотел попадать под огонь критики.

Так, в ходе войны училище, преодолевая серьезные трудности, перестраивалось в соответствии с теми требованиями, которые партия предъявляла к командному составу.

Однако мы жили среди мирных людей, в тылу. В любую погоду днем и ночью вместе с офицерами выходили на вокзал грузить военную продукцию для фронта. Ездили в колхозы Саратовской области на уборочные работы. Помню, как радовались нам старики, женщины, дети.

Мы не только трудились на полях. В короткие минуты отдыха рассказывали колхозникам о положении на фронтах, разъясняли политику партии и правительства, призывали служить великой цели освобождения Родины. Иногда беседы затягивались допоздна. Люди спрашивали нас, фронтовиков, не встречали ли мы их земляков на дорогах войны. Делились своими радостями, горем.

Провожали нас, как родных, дарили расшитые кисеты с запасом табака, платки, варежки.

В конце ноября, затаив дыхание, мы слушали сообщение Совинформбюро об успешном наступлении наших войск под Сталинградом и окружении большой группировки противника.

Успехи на фронте повлияли на срок нашей учебы. Его продлили и вместо шести нам теперь предстояло учиться девять месяцев.

Дополнительное время использовали для углубления знаний. Война показала, что курсанты, пройдя определенный курс обучения в училище, получив необходимые теоретические знания и практические навыки, становились грамотными командирами-артиллеристами.

Заслуженным уважением у курсантов пользовались заместитель начальника училища полковник Леднев, начальник учебного отдела полковник А. И. Пыпин, старший преподаватель артиллерии полковник В. Н. Строев. Так, прия в училище с фронта, полковник Леднев особое внимание уделял полевой выучке курсантов, используя при этом свой личный боевой опыт. Большую воспитательную работу в дивизионе проводил комиссар Яковлев. Он старался, чтобы курсанты всегда были в курсе событий на фронтах, жизни советского тыла и международной обстановки. Он говорил, что в битве под Сталинградом артиллерия явилась главной огневой ударной силой нашей армии. На всех этапах наступательной операции она своим огнем сокрушала оборону противника, помогала отразить его контратаки, непрерывно поддерживала огнем наступавшую пехоту и танки. И не случайно наша Родина ежегодно отмечает начало контрнаступления под Сталинградом — 19 ноября, — как День ракетных войск и артиллерии.

Сталинградская битва стала громадным полигоном совершенствования тактических приемов боевого применения артиллерии. Уже перед нашим отъездом из училища полковник В. Н. Строев на одном из последних занятий рассказывал нам, что в ходе Сталинградской битвы впервые было осуществлено в полном объеме артиллерийское наступление. Этот опыт затем использовался, развивался и совершенствовался во всех последующих военных операциях.

В январе наша батарея стала готовиться к выпускным экзаменам.

Экзаменационная комиссия, созданная командовани-

ем Приволжского военного округа, приступила к работе. В конце февраля экзамены прошли успешно. Приказом по Приволжскому военному округу от 5 марта 1943 года всем выпускникам было присвоено воинское звание «лейтенант» или «младший лейтенант». Командование училища поздравило нас с успешным окончанием учебы, с пополнением офицерского корпуса артиллеристов. Затем нам объявили, кто на какой фронт направляется. Тепло проводили, пожелали не посрамить честь училища на фронте, наилучшим образом использовать полученные знания для разгрома ненавистного врага.

Мы с грустью расставались с нашими наставниками. Вернемся ли сюда вновь?! Этого мы не знали. Многие из моих товарищей остались навсегда на полях сражений. А мне повезло. Через тридцать пять лет, в марте 1978 года, я получил приглашение из Ленинграда на празднование 60-летия Высшего артиллерийского командного ордена Ленина Краснознаменного училища имени Красного Октября.

После войны училище вернулось на Московский проспект, 17, в старинное здание с пушками у входа. Нас, ветеранов, тепло приветствовали начальник училища генерал-майор артиллерии Сергиенко, начальник политотдела полковник Лосев и представитель Совета ветеранов училища Василий Тихонович Грицаев. Нам показали прекрасно оборудованный музей, который рассказывает о героическом прошлом училища. Шесть десятилетий, выполняя указания партии и правительства, училище готовит высококвалифицированные кадры офицеров-артиллеристов.

Сколько воды утекло за 35 лет, прошедших после окончания училища! Встречи с ветеранами были трогательными. Многое воскресло, ожило в памяти. Мы вновь прошли фронтовыми дорогами, с грустью вспомнили павших боевых товарищев, образы которых до сих пор являются ярким примером жизни для молодежи, нынешних курсантов.

II. Прямой наводкой

Война разбросала молодых офицеров по разным фронтам. Мой путь лежал через недавно очищенный от врага героический Сталинград на южный фронт. Город проехали без остановок. Горько было смотреть на его

развалины. Ненависть к врагу буквально клокотала внутри каждого из нас.

От станции Котельниково движение поездов еще не было восстановлено и до Ростова пришлось добираться на попутном транспорте. Пронизывал холод, мучил дождь. Наконец, в Сальске на железнодорожной платформе забрались в танк, хоть броня и не грела, но спасала от ветра и сырости. В Ростове разыскал Управление кадрами командующего артиллерией Южного фронта и получил назначение в 11-ую кавалерийскую дивизию 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса.

Теперь я чувствовал себя более уверенным, кое-что представлял о будущих боях. Да и обстановка на фронтах, где четко вырисовывалась инициатива нашей армии, воодушевляла.

Свою дивизию я нашел севернее Ростова, в придонских степях. После длительных переходов и тяжелых сражений она была выведена из боя на отдых и переформирование. Отдых на фронте — это дни и ночи напряженной учебы, усиленной подготовки к предстоящим боям. Я явился к начальнику артиллерии дивизии. Он меня принял, побеседовав, направил в 39-ый кавалерийский полк командиром взвода истребительной противотанковой батареи. Батарея была вооружена 45-мм противотанковыми пушками на конной тяге, орудийные расчеты передвигались верхом на лошадях.

Командир батареи представил меня бойцам, познакомил с политруком, старшиной, командирами взводов и орудий. Тут же я принял взвод, получил верховую лошадь, саблю, пистолет «ТТ». Закрепили за мной коневода. С непривычки все это мне казалось большой нагрузкой. И я имел неосторожность сказать об этом вслух. Старшина батареи, посмеиваясь, заметил:

— Да-а, милое дело пехота. Одна винтовка у тебя, одна забота, а в кавалерии артиллеристу тяжело. За тобой пушки, лошади, снаряды, стрелковое и личное оружие, и все драить надо. И сабля и шпоры тоже должны блестеть, иначе какой же ты кавалерист?

Я понял и оценил ironию в его словах. И еще я заметил, что на батарее после комбата непререкаемый авторитет имел старшина, человек в годах, с рыжей головой и рыжими усами. Воин бывалый. Его уважали. Он умел, не унижая тебя, подсказать любые упущения даже офи-

церу. Звали старшину Степаном Прокопьевичем, фамилия Бурлак. Иногда молодые бойцы обращались к нему:

— Дядя Степа, мне бы седло заменить.

— Какой я тебе дядя Степа, ишь, племянничек нашелся! — ворчал добродушно Степан.

— Извините, товарищ гвардии старшина, — исправлялся солдат.

— Вот так-то! — и всегда выполнял просьбу.

В свободное время он красочно рассказывал сгрудившимся вокруг него ребятам про первую мировую и гражданскую войны.

— Тогда армия была плохо вооружена и одета. Интенданты воровали даже то скромное довольствие, которое отпускала казна, — закручивая самокрутку, хрипловато говорил Степан. — Теперь не то, самолеты, танки, орудия, автоматы. Надо только умно и решительно ими пользоваться, и тогда враг не устоит. Наше оружие лучше немецкого, — убежденно добавлял он. — Поэтому и лупим фашистов.

Обращаясь как-то ко мне, он хитровато произнес:

— А что, лейтенант, скоро в бой вступим, пойдем на запад. Вот как к Румынии выйдем, ты меня держись. Я тебя научу, как вести себя за границей. Румыны народ горячий, надо знать, как с ними разговаривать.

Я рассмеялся:

— Будет исполнено, Прокопич.

В батарею пришло пополнение: рядовые и сержанты. Многие из них ранее ни в артиллерии, ни в кавалерии не служили. Нужно было научить каждого наводить орудие, вести огонь по танкам и пехоте противника. В артиллерию, как нигде, важна взаимозаменяемость расчетов. Вышел из строя заряжающий — замени, наводчик — встань на его место. Так, учась со всеми, я знакомился с людьми, с которыми предстояло идти вскоре в бой. Нашим частым гостем был комиссар полка майор Марченко. Он особенно интересовался новичками, помогал мне советами.

Как-то попросил собрать батарею. Устроились на поляне, и майор обратился к новичкам:

— Вы, товарищи, не смущайтесь, что среди донских казаков вы оказались, как на Дону говорят, «иногородними». Опыт придет. У нас одна задача — разгромить фашистскую нечисть. Вы влились в Донской казачий корпус, стали гвардейцами. Я уверен, что вы не посрамите этого высокого звания.

Потом комиссар рассказал, что Дон всегда давал стране славных воинов, выдающихся полководцев.

— Могучие народные движения зарождались на Дону, их возглавляли донские казаки: Ермак Тимофеевич, Степан Разин и другие. В гражданскую войну одна часть казачества, я считаю — лучшая, пошла за Федором Подтепловым и Семеном Буденным. Другая — за белогвардейцами Калединым и Красновым. Чем это кончилось — теперь всему миру известно. Помните, как перед нынешней войной писатель Михаил Шолохов сказал: «Если враг попытается посягнуть на нашу Родину, донские казаки все как один поднимутся на защиту русской земли. Они еще напоят казачьих коней в водах Шпрее».

Кто-то поднес майору горящую спичку. Марченко затянулся, смешно сузил глаза и продолжил:

— Я хочу коротко познакомить вас с боевой биографией нашей дивизии. Она сформировалась летом 1942 года в основном из казаков-добровольцев. Возглавил дивизию казак станицы Урюпинской полковник Сергей Ильич Горшков. Колхозы Дона помогали снаряжать дивизию, отдали своих лучших коней. Большой отряд с лошадьми привел старый казак Парамон Самсонович Куркин. Троє его сыновей и сейчас дерутся на разных фронтах.

В июне 1942 года казаки уже начали боевые действия, впервые отбивали бешеные атаки фашистской армии, захватившей Ростов. В боях под Кущевкой, на речке Белая, на туапсинском направлении, в тяжелых условиях гор, она наносила тяжелые удары по захватчикам, покрывая свое знамя неувядающей боевой славой. Велики были заслуги казаков. Вскоре соединение было преобразовано в 11-ую гвардейскую Донскую казачью кавалерийскую дивизию. По приказу Ставки Верховного Главнокомандующего в конце ноября 1942 года дивизия влилась во вновь сформированный 5-ый гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус. Командиром его был назначен генерал-майор Алексей Гордеевич Селиванов. Этот опытный командир прошел боевой путь от рядового до генерала. Он дрался с басмачами в песках Средней Азии, с бандами Сапожкова под Оренбургом. Многие казаки хорошо знают его по гражданской войне.

Позже я убедился, как велико уважение старых и молодых казаков к своему генералу. Это был на редкость храбрый и умный, высокой культуры человек. Генерал

Селиванов завоевал расположение казаков личным примером воинской доблести, покладистостью характера, уважением к людям. Под Гизелем он лично организовал отпор вражеским танкам. Шесть машин казаки подбили, остальные ушли. Ездил не только на вездеходе, и на коне не уступал молодым казакам.

Из бесед майора мне хорошо запомнились его слова об отличительных чертах казачества.

— По умению держаться в седле казака отличишь сразу. Он будто родился на коне, как влитой держится в седле. Лошадь слушает его с полуслова, понимает по одному движению колен. Казак сам останется голодным, но последний кусок хлеба, котелок воды отдаст другу — коню. И тот не подведет заботливого седока. Это важно в жизни, а еще больше в бою.

Беседы комиссара полка затягивались надолго. Он называл многие имена и фамилии героев полка, дивизии, участников боев. Все, и ветераны, и новички, слушали его с большим вниманием и интересом.

Недолго пришлось стоять казакам в донских степях. Однажды командир полка собрал офицеров и сообщил о скором выступлении. Не так легко конным артиллеристам подготовиться к походу. Мы пополнили боевой комплект снарядов, получили фураж, запас патронов. Командир батареи и старшина тщательно проверили каждую лошадь в упряжке и под седлом. Все это делалось незаметно, по-деловому. Даже бойцы ничего не подозревали. Поэтому для населения наша подготовка прошла незаметно, а выступление стало полной неожиданностью. Полк поднялся ночью по тревоге и двинулся на северо-восток, обходя выгнувшуюся дугой линию фронта.

По сводкам Совинформбюро мы знали, что наиболее ожесточенные бои идут на Ворошиловградском направлении. И предполагали, что идем туда. Но прошли стороной. Обошли какие-то меловые горы и повернули на север.

Быстро знакомятся люди на войне. Опасность роднит их, сближает. Еще недавно в казачьем полку нас считали новичками, а в походе все эти грани стерлись. Каждый боец и командир старался поделиться своим опытом. Бывалые рассказывали о прошлых боях, встречах и потерях. Мне хорошо запомнился старый казак с окладистой бородой, комендант штаб-полка старший лейтенант Парамон Куркин — участник первой мировой и граждан-

ской войн. На привалах он рассказывал о том, с какими трудностями попал на фронт. Из-за возраста его не брали.

— Тяжело было в прошлом году покидать Дон, переживать отступление. Невозможно было идти через станицы, оставлять землю на поругание врагу. Казачки провожали нас такими слезами, что аж сердце заходилось от горя. Отступая, дали священную клятву — дойти до логова врага и задавить его там.

Иногда казаки называли Парамона Куркина «беспрокойным стариком». Свои обязанности он исполнял неистово, с пристрастием. Называя себя старым солдатом, он считал своим долгом тактично вмешиваться во все дела, устранять беспорядки. Подходит к иному казаку, спрашивает: «Почему кони грязные, седло не почищено, сапоги и оружие не в порядке?» Смотришь, совесть заест нерадивого, такой блеск наведет — глаза жжет. Ночью проверял посты, чтобы часовые не спали.

— Я люблю и жалею коней, — говорил Куркин. — Это мой лучший друг. — Конь его, действительно, понимал с одного взгляда. Несмотря на возраст, старик легко садился в седло, мог проехать сто километров без отдыха. В атаку шел смело, решительно, не замечая опасности.

Беседы бывалого солдата превращались в настоящую учебу.

Однажды он вспомнил, как в гражданскую войну под вражеским огнем мост через Дон для армии Ворошилова строили. Командарм за строительство моста подарил дорогие часы с надписью: «Парамону Самсоновичу Куркину от командарма Климента Ворошилова».

— Так, — рассмеялся кто-то, — ты, Самсонович, с маршалами знакомство водишь. Смотри, тебя еще командиром полка поставят.

— Какой из меня командир, — застенчиво улыбнулся Парамон. — Теперь, брат, война не та. Тут с клином на танк не пойдешь.

Как не уставали в походе, какие тягостные думки не одолевали, но вот так послушают бойцы бывалых людей, что они пережили, перенесли, как с большой бедой справлялись, и на душе становилось легче. Появлялась неодолимая уверенность и бодрость, а от них силы прибавлялись.

После короткого привала и отдыха снова в путь по пыльным дорогам. Впереди казачьи эскадроны, а за ними

наша батарея. За порядком в батарее ревниво следил старшина Степан Бурлак. В походе комбат, бывало, уйдет вперед, а старшина сзади или сбоку колонны пристраивается. Всех видит. Тех, кто дремлет в седле, подбадривает. Или скомандует: «За-пе-вай!» И не дожидаясь, сам затягивает грубо-ватым, хриплым голосом старинную казачью песню:

Скакал казак через долину,
Через Маньчжурские края...

Он знал, песню подхватит вся батарея. Голоса, слабые и сильные, сольются в один поток, усталость и сон как рукой снимет. Каких только песен не пели: «По долинам и по взгорьям», «Эх вы, кони, вы, кони стальные». Гимном неслась над степью «Вставай, страна огромная». С нежностью вспоминали «Катюшу». Глядишь, и время идет, и километры уходят.

Напряженным был тот поход. Двигались с небольшими привалами: поесть самим, накормить и напоить лошадей, привести в порядок оружие. На сон выкраивали всего полтора-два часа в сутки. Так мы оказались на Курской дуге, на расстоянии 80—100 км от линии фронта в составе Степного военного округа, который скоро стал Степным фронтом.

Здесь, в лесах, мы расположились лагерем в палатах. Оборудовали площадки под материальную часть. В походе люди сроднились между собой. Появилась гордость за честь своего взвода, батареи, эскадрона. Наш старшина не уставал повторять: «Артиллерист должен быть аккуратно одет, начищен, сабля — блестеть, шпоры — звенеть». Все привели себя в порядок. Коней почистили, подкормили.

И вновь началась напряженная лагерная жизнь. На случай прорыва немцев на Курской дуге была подготовлена вторая линия обороны, и наша дивизия готовилась к предстоящим боям.

Мы, артиллеристы, наиболее тщательно совершенствовали взаимодействие в бою с кавалерией в конном и пешем строю. Главный нажим был на огневую подготовку. Отрабатывали борьбу с танками, самоходками, орудиями и пехотой противника. Вели огонь по движущимся целям, изучали уязвимые места вражеских танков. Однажды нас предупредили, что в полк прибудет командир корпуса гвардии генерал-майор А. Г. Селиванов. Были

изготовлены новые макеты танков для проведения учений. Мы хорошо оборудовали огневые позиции, проверили орудия, привели в порядок снаряжение и лошадей.

Генерал появился в сопровождении командира дивизии гвардии полковника Л. А. Сланова и начальника артиллерии майора Чижевского. Комбат доложил о готовности батареи к ведению огня. На длинном тросе за гусеничным трактором было прицеплено четыре макета танков. На каждое орудие по одному. Макеты двигались по диагонали, нам наперерез. Расчеты подготовили к бою, зарядили пушки. И когда макеты приблизились на 350—400 метров, открыли огонь. Произвели по три выстрела из каждого орудия. Затем все вместе с генералом пошли к своим целям. Наводчик первого орудия нашего взвода все три снаряда уложил в цель. У остальных было меньше попаданий. Генерал похвалил весь расчет первого орудия за меткую стрельбу. Он осмотрел орудие, сам сел за станину, рядом посадил наводчика Лешу Вострикова, щуплого стеснительного парня. Еще раз поблагодарив за меткость огня, генерал указал на необходимость еще более совершенствовать умение вести огонь.

— В бою поздно будет,— добавил он и обнял Алексея за плечи.

А тот от волнения то краснеет, то бледнеет. Генерал заметил это и спрашивает:

— Тебя как зовут?

— Алексей Востриков,— вскочил солдат.

— Не робей, Алексей,— произнес генерал и поднялся.— До войны таких, как мы с тобой, в артиллеристы не брали. Тут пушки тяжелые. Только станицы развести и свести сила какая нужна. А если ее на руках катить, то вдвое. Но война не дает нам выбора, теперь и такие, как мы с тобой, годятся.— Скованность прошла.

Мы смотрели на генерала. Он был невысок, тонок, узок в плечах. Над выпуклым лбом его тонко очерченного лица прядь русых волос. Во всей его небольшой сухощавой фигуре, в порывистых движениях, в шутливых репликах, в прищуривании глаз ощущалась большая внутренняя сила и острый ум.

Генерал еще долго беседовал с бойцами, говорил о предстоящих боях.

— К ним надо тщательно готовиться. Хотя всем нам ясно, что современная война по праву стала войной моторов. Но кавалерия во время наступления придает боль-

шую маневренность операции, открывает новые возможности лучшего использования всех средств, имеющихся в наших армиях. Тем более, что конница Отечественной войны не та, что была в гражданскую. Теперь ее поддерживают танки и мощная артиллерия.— Генерал посмотрел на нашу сорокапятку и улыбнулся, затем добавил:— Есть у нас пушки посильнее, но и эта по-своему хороша. Конечно, наличие транспорта сковывает маневр конницы, слабое воздушное прикрытие делает ее уязвимой с воздуха. Но в бездорожье лошади незаменимы.

Пожелав успеха в боях, генерал Селиванов уехал. Мы с командиром батареи еще долго оставались на огневой позиции и с пристрастием разбирали недостатки каждого орудийного расчета.

В начале июля развернулись ожесточенные бои на Курской дуге. Даже на расстоянии чувствовалось их напряжение. Мы вглядывались в далекие зарницы от взрывов снарядов и бомб, вслушивались в стонущий гул артиллерийской канонады. Были свидетелями жестоких воздушных боев. Эхо битвы тревожило нас. Тяжело быть во втором эшелоне, наблюдателями. Мы рвались в огонь сражений. Но дни проходили, а нас пока не трогали. Инспекции следовали одна за другой. Мы ожидали перемен. В июле наш корпус был изъят из состава Степного фронта. Пришел приказ: собрать, зачехлить орудия, свернуть палатки, погрузиться в эшелоны.

И... снова вернуться на Дон.

Знойная осень. Воздух сухой. Жара. Проходящий по проселочным дорогам транспорт вздымал густые облака пыли, которая окутывала с ног до головы. Трудно дышать. Лишь ночи приносили некоторое облегчение. В степи виднелись опаленные курганы. Казаки проезжали родные места. Цвела полынь на буграх, по обочинам дорог белели бессмертники. Всюду следы недавних боев, следы немецкого бегства, разбитые автомобили, подбитые орудия и танки.

Пересекли Миус. За трое суток по разбитым дорогам Донбасса совершили стосемидесятикилометровый переход и к утру 7 сентября 1943 года подошли к фронту.

По балкам рассредоточили лошадей, свои тылы. Усталые бойцы, найдя мало-мальское укрытие, расположились на отдых. В середине дня всех офицеров вызва-

ли к командиру нашего 39-го кавалерийского полка майору М. А. Кочкареву.

Он сказал, что перед нами река Кальмиус, второй после Миуса укрепленный рубеж обороны немцев на юге Украины. Это мощная оборонительная полоса. По данным разведки, на скатах вдоль реки немцы имеют сплошную линию окопов полного профиля. На западных скатах расположились огневые точки, узлы обороны, а за ними минометные и артиллерийские батареи, эшелонированные в глубину на несколько километров. Все переправы через Кальмиус пристреляны артиллерией противника. За высотами сосредоточены части немецких танков и самоходных орудий, некоторые из них закопаны в землю, как бронированные огневые точки.

— Наш корпус получил ответственное задание,— продолжил майор.— Во взаимодействии с войсками 28-ой армии и 11-го танкового корпуса прорвать оборону врага и вести наступление к городу Волновахе и далее стремительно выйти к Днепру.

Наш кавалерийский корпус сосредоточился за правым флангом 28-ой армии. Ставя боевую задачу, майор предупредил, что в головную походную заставу выделяется кавалерийский эскадрон и наш взвод противотанковой артиллерийской батареи.

Вечером 7 сентября после получасовой артиллерийской подготовки стрелковые соединения 28-ой армии перешли в наступление. Переправившись на западный берег Кальмиуса, они продвинулись вперед на два-три километра. Но противник остановил их сильным артиллерийским и минометным огнем. Несколько позже перешел через речку 11-й танковый корпус. В пять часов утра 8 сентября начала переправу наша 11-ая гвардейская кавалерийская дивизия.

В голове колонны следовал 39-ый кавалерийский полк. Для охранения дивизии в головной походной заставе (ГПЗ) двигались кавалерийский эскадрон и наш взвод 45-мм орудий истребительной противотанковой батареи.

Ввод в прорыв нашего корпуса оказался сложным делом. Параллельно с нами двигались колонны танков. Только стало светать, противник неожиданно открыл ураганный огонь из танков и самоходок, а также про-

тивотанковой артиллерией. Наши машины попали под уничтожающий прицельный огонь врага. На наших глазах, левее нас, фашисты буквально расстреливали попавшие в засаду танки.

Воспользовавшись заминкой, противник внезапно перешел в контрнаступление. Его пехота, танки, штурмовые орудия сбили наши стрелковые части с занятого ими рубежа и отбросили к реке. Мы оказались между пехотой и атакующим врагом. Чтобы отбить атаку противника, дивизия быстро спешилась и заняла боевой порядок. Отправив лошадей в укрытие, мы развернули орудия и стали вести огонь прямой наводкой.

Орудия били бесперебойно, только успевали заряжать. Накаленные стволы дышали жаром. Снаряды, посылаемые в упор, сначала зажгли один, затем второй немецкие танки. По пехоте мы ударили шрапнелью. Но враг не жалел ни людей, ни снарядов.

Появились немецкие самолеты. Сначала разведчики, затем бомбардировщики. Бомбы они сбрасывали на наши тылы, вывели из строя много лошадей. Положение стало трудным. Редели орудийные расчеты. В разгар боя прямо на передовую на своем «виллисе» подъехал генерал Селиванов. Оставив машину в небольшой балке, генерал в сопровождении командира дивизии гвардии полковника Сланова и адъютанта направился прямо в боевые порядки. Кругом рвались снаряды, разлеталась шрапнель, строчили пулеметы, а генерал, презиная опасность, давал указания командирам. Надо было обладать большим мужеством, чтобы в такой обстановке разрабатывать детали боевой операции.

Присутствие на передовой генерала подняло боевой дух казаков, и это не могло не сказаться на исходе боя. Враг получил жестокий отпор. В это же время на передовой находился начальник штаба Южного фронта генерал С. С. Бирюзов. Объединив руководство стрелковыми, танковыми и артиллерийскими соединениями, он организовал отражение вражеской контратаки. Фашисты вынуждены были отойти на исходные рубежи.

Потом, уже в госпитале, гвардии майор Марченко скажет: «Переоценивали свои возможности. Наши казаки пытались решить боевую задачу, не слезая с коня. Однако современные огневые средства противника, в данном случае не позволили это сделать. Но донские

казаки в этом трудном и сложном бою не посрамили свою боевую славу».

Отбив контратаку, наши войска приготовились к наступлению. Подошла свежая танковая часть и заняла исходную позицию на краю кукурузного поля, в низине. Атаке предшествовал короткий артиллерийский налет. Дружно запели «катюши», загремели гаубицы и скорострельные пушки. Мы вместе с другими артиллеристами дивизии вели огонь осколочными снарядами. Напор был настолько сильный, что «земля аж встала на дыбы», как говорили казаки.

В атаку мы двинулись вместе с танкистами и пехотинцами. К этому времени мой взвод серьезно поредел, мы вручную катили пушки, тащили снаряды. Пересякли дорогу и вышли к кукурузному полю. Немцы обнаружили нас и открыли бешеный огонь. Снаряды и мины рвались кругом, осколки с визгом проносились рядом.

Наблюдая за полем боя, я вышел вперед. От густых и частых разрывов вражеских снарядов сотрясался воздух. Вдруг меня резко бросило на землю. В одну сторону отлетел лоток со снарядами, в другую — автомат. Вначале показалось, что это взрывная волна сыграла со мной злую шутку. Попытался встать и не смог. Поворачиваюсь на бок. Ощущаю в сапогах что-то непривычно теплое. Понял, что ранен, но боли еще не ощутил. Чувствую, что правая нога меньше пострадала, переворачиваюсь на правый бок и потихоньку отползаю в кукурузу. В это время совсем рядом разорвался новый снаряд. Осколком отхватило кусочек правого уха, а второй врезался под правую лопатку. Кровь залила лицо. Тут подскочили солдаты и перенесли меня в пустые окопы, оставленные пехотой. Наспех перевязали. Как только чуть утих огонь, на носилках отнесли меня в санбат, который помещался в тылу нашей дивизии. Там мне обработали и перевязали раны: сквозное осколочное ранение левой ноги, слепое — правой, вынули осколки из-под лопатки, подлатали ухо. До этого мы много суток не спали. Но встреча с врагом, жестокий бой развеял все: и усталость, и сон. И теперь тяжело раненный, расслабленный, я уснул и не чувствовал боли от ран.

Как потом рассказали мне, наша дивизия с боями шла к Волновахе — важному узлу сопротивления немцев. Вечером 9 сентября казаки овладели населенным

пунктом Чичерино и вплотную приблизились к городу. После короткого отдыха в 3 часа они перешли в решительную атаку. К утру захватили станцию и центр города. Выбив немецких автоматчиков из опорных пунктов, дивизия вскоре полностью овладела Волновахой.

Утром радио сообщило радостную весть. В приказе Верховного Главнокомандующего донским казакам Селиванова за отличные боевые действия в боях, за освобождение Волновахи объявлялась благодарность; а 11-ой гвардейской Донской казачьей кавалерийской дивизии гвардии полковника Сланова присваивалось наименование «Волновахской».

Грозной освободительной лавиной неслась многотысячная казачья конница на запад, очищая родную землю от немецких захватчиков. Теперь за ними был богатый боевой опыт, под ними добротные кони. В лохматых черных бурках, с развевающимися по ветру башлыками мчались казаки вперед, рубя клинками гитлеровских захватчиков, а танки, следуя за конниками, давили фашистские блиндажи, уничтожали вражеские окопы.

Нас, раненых, куда-то перевозили, кормили в полевом госпитале, перевязывали. Я это мало помню, сон был сильнее наркоза. Только на третий день я осмыслил обстановку, почувствовал мучительную боль. Особенно тяжело было при переездах на большое расстояние. Каждый толчок машины вызывал острые страдания.

Наконец прибыли в Ростов-на-Дону. Нас поместили в эвакогоспиталь № 5342. В палате было восемь офицеров. Пехотинцы, танкисты, артиллеристы и политработники. Только кавалеристов не оказалось. И я был очень рад, когда через несколько дней в палату зашел гвардии майор Николай Андреевич Марченко, бывший комиссар нашего полка.

Оказалось, майор получил легкое ранение чуть позже меня. Он рассказал мне о последних боях полка, о том, как казаки хоронили своего любимого командира-артиллериста, майора Чижевского. Погребли его в той самой Волновахе, за которую он так отчаянно дрался.

Товарищи по оружью отдали майору Чижевскому последние почести. В бою он был смел до безрассуд-

ства, пренебрегал опасностью, терпеть не мог паникеров. Во время боя он находился там, где труднее, переходя с батареи на батарею. И на одной из таких позиций его смертельно ранило.

Когда Селиванову доложили о гибели Чижевского, генерал долго сидел, опустив голову. Чижевский вобрал в себя все лучшее, что давал генерал своим воспитанникам. Генерал не раз распекал командира-артиллериста за лихость, горячность. Но в бою тот сохранял дерзость, независимость. За отвагу, за готовность всегда пойти на выручку товарищам казаки платили майору любовью.

Так поговорили мы с майором о делах родного полка и как бы приблизились к фронтовым товарищам. К нашему оживленному разговору прислушивалась вся палата. Один тяжелораненый подполковник, бывший командир стрелкового полка, услышал, что мы с майором кавалеристы, рассказал, как его солдаты приняли взвод казачьей разведки за генералов: «Прибегает один солдат и говорит:

— Товарищ подполковник, там, в балке, генералов много понаехало.

— Откуда ты взял? — спрашиваю. — Не может быть, чтобы мы не знали о приезде начальства на наш участок фронта.

— Своими глазами видел, как они ходили в бурках, фуражки с красным околышком и брюки с красными лампасами.

Когда солдат сказал о лампасах, я решил убедиться в верности его слов и послал начальника штаба полка узнать, что там за генералы. Вернулся мой майор и смеется.

— Это же донские казаки у нас появились. В балке их разведчики отдыхают, готовятся выполнять боевое задание. — Мы все рассмеялись».

Первое время, пока донские казаки воевали недалеко от Ростова, командование корпуса поддерживало с нами связь. Кто-нибудь да и навещал нас.

Однажды утром дверь палаты отворилась. В нее вошел майор Марченко с представителем дивизии. Я удивился их торжественности. А дело оказалось в том, что они пришли вручить приказ о награждении меня орденом Красной Звезды. К их поздравлениям присоединились все раненые. Конечно, я обрадовался.

Это была моя первая правительственные награда. Я поблагодарил командование дивизии за высокую оценку моих скромных боевых заслуг.

В госпитале делалось все возможное, чтобы мы быстрее поправились. После врачебного осмотра регулярно перевязывались раны. А для раненых в ноги непременным условием для выздоровления оказалась лечебная гимнастика. Ее с нами проводила медсестра Шура. Русая, миловидная и щуплая девчонка ревниво и настойчиво выполняла свои обязанности. Помню ее певучий голосок:

— Не будешь заниматься гимнастикой, на век останешься калекой. Терпи, миленький, терпи, так треба, для тебя стараюсь.

Щебечет, щебечет и проворно делает свое дело. И так каждый день, пока мы не встали на свои ноги.

Однажды в палату на освободившееся место поместили нового раненого, младшего лейтенанта, на вид совсем мальчишку. Ему осколком снаряда расположило всю мякоть бедра до коленного сустава. Образовалась большая рана, парень страдал. Даже мы притихли. Шура зашла в палату. Поздоровалась со всеми и опустилась на краешек кровати лейтенанта. Глаза ее излучали тепло. По-матерински поправив простыни на постели, она произнесла вдруг:

— Хлопче, як ты сюда попав? Тут офицерская палата.

— Я офицер и есть,— прошептал тот оторопело.

— Який же ты офицер, колы у тебя и бороды нема?

— Я мелкокалиберный майор,— рассмеялся лейтенант.

— Ну, а колы ты майор, так и терпи по-майорски.

Тут уж и мы заулыбались. Большая по размерам рана, казалось, долго будет заживать, а исчезла через две недели. Младший лейтенант скоро выписался из госпиталя и отправился на фронт, горячо поблагодарив Шуру за шефство над ним. Вечером во время дежурства Шура часто заходила к нам. Садилась около стола, и начинались разговоры об Украине, о родных, оставшихся на оккупированной территории. О себе она говорила охотно. Перед войной вышла замуж, родила сына. Муж ушел на фронт, писал письма, затем переписка оборвалась, теперь не знает, что с ним. В армию пошла добровольно после курсов медсестер. Теперь вот

кочует с госпиталями, а сын с родителями остался. Мы сочувствовали ей, а сочувствуя чужому горю, сам становишься сильным.

У Шуры был хороший голос. Часто мы просили ее спеть украинскую песню. Споет одну, две и бежит в дежурку или другую палату, пропев на ходу:

— Я же на дежурстве.

Нелегко лежать раненому сутками в постели. С не-привычки поет тело, бока болят. Движения ограничены. Мы завидовали тем, кто быстро выздоравливал, отправлялся на фронт. Вечерами в палате наступал час откровения.

Интересным человеком оказался подполковник. Участник первой мировой войны, гражданской и Отечественной войн, ему было о чем рассказать. Капитан Тараканов — бывший политработник интересно говорил о книгах, умел передать их содержание. Иногда возникала дискуссия на какую-либо общественную тему. Радовались, если в палату попадала хорошая книга, ее читал каждый про себя, но часто комментировали вместе. Пока все не прочтут, из палаты книгу не выпускали.

Через некоторое время многие стали подниматься с постели, и Шура учила ходить нас на костылях, хотя была против них. Постепенно ноги окрепли, стали набирать уверенность в ходьбе.

Госпиталь часто навещали рабочие с заводов, школьники. Приезжали профессиональные и самодеятельные артисты. Они выступали не только в зале, но и в палатах перед тяжелоранеными бойцами. Песни бередили чувства. «Синий платочек», «В лесу прифронтовом», «Землянка» вызывали воспоминания о товарищах, оставшихся на фронте, о родных и близких в далеком тылу.

Одним словом, мы не чувствовали себя оторванными от жизни всей страны. Регулярно слушали лекции, беседы на политические темы, читали газеты. Нас радовали успехи советских войск на фронтах, стахановский труд в тылу. Неоцененный подарок преподнесла Красная Армия своему народу, освободив от фашистских захватчиков накануне 26-ой годовщины Великого Октября столицу Советской Украины, город Киев. В госпитале с восторгом встретили это волнующее событие.

В конце 1943 года в Ростове ждали писателя Александра Александровича Фадеева. Оказалось, наш капитан Тараканов близко знал его. Капитан написал запис-

ку в ростовскую газету «Молот» с просьбой, чтобы Александр Александрович побывал у нас в госпитале.

Фадеев уважил просьбу. В госпиталь он приехал в скромном военном костюме, простых галифе и гимнастерке с полевыми петлицами, в кирзовых сапогах. Он зашел в нашу палату, улыбчивый, простой. Сел на предложенный капитаном стул. Коротко рассказал о делах на фронте, в Москве. Поинтересовался, как нас лечат. Весть о том, что у нас в гостях Фадеев, быстро разнеслась по госпиталю. Его тактично пригласили в актовый зал. Расхаживая по маленькой сцене, писатель сообщил, что едет в Краснодон собирать материалы для книги о героическом подвиге подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». Несмотря на жестокий фашистский террор, молодогвардейцы вели неравную борьбу с оккупантами, громили штабы, уничтожали врагов и предателей, технику, освобождали советских военнопленных, распространяли подпольные листовки, вывешивали красные флаги. Они мужественно выдержали жестокие пытки в фашистских застенках. Большинство из них героически погибли за нашу Родину.

— Материалы о подвиге молодогвардейцев передали мне из ЦК ВЛКСМ,— рассказывал Фадеев.— Меня потрясли документы. Тем более, что моя юность началась тоже с подполья, а молодые годы проходили в шахтерской среде, по соседству с Краснодоном. Я думаю, что встречи с родителями, очевидцами, товарищами по школе помогут глубже раскрыть характеры ребят. Пришло время художественно осмыслить героический подвиг нашего народа во всем его величии. Вот и хочу написать книгу,— закончил Александр Александрович.

Затем он рассказал о работе Союза писателей СССР, которым он руководил, чем занимаются литераторы. О себе говорил мало и скромно. Беседа, в основном, касалась жизни страны на фронте и в тылу.

Время шло, мои раны затягивались. Все чаще я думал о фронте. Как-то зашел в палату гвардии майор Н. А. Марченко и предложил сфотографироваться на память. В это время как раз фотограф пришел в госпиталь. Я надел кубанку и солдатскую шинель, майор — казачью фуражку и бурку. Спустились вниз в вестибюль. Снимок этот до сих пор бережно хранится у меня в альбоме.

Надо сказать, что мы не испытывали недостатка в

информации. Так, с большим интересом мы познакомились с материалами Тегеранской конференции, где впервые встретились главы правительства трех великих держав антифашистской коалиции — И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль. Конференция приняла важнейшее решение об открытии второго фронта в Западной Европе в мае 1944 года. Были выявлены позиции союзных держав по ряду проблем послевоенного устройства мира.

Сообщение о Тегеранской конференции читал вслух капитан Тараканов.

— Наконец-то будет открыт второй фронт,— вздохнул подполковник.— Как мы его ждали в сорок втором году!

— Лучше позже, чем никогда,— добавил капитан.— Союзники поверили в нашу силу. Боятся потерять Европу.

— Но они же поставляют нам вооружение, автомобили, тушенику,— добавил кто-то.

— Да, но Советский Союз все еще один приносит большие жертвы ради общего дела. Человеческие жизни не сравнимы ни с чем.— Мы долго тогда молчали. Каждый переживал известие по-своему.

Комиссия определила мою годность к строевой службе. Простившись с товарищами по палате, с врачами и медсестрами, я отправился на фронт. Хотелось попасть в часть, где служил, но донские казаки ушли своими дорогами.

III. Огнем и колесами

В отделе кадров командующего артиллерией IV-го Украинского фронта я получил назначение на должность командира взвода управления батареи 775-го артиллерийского полка 243-й стрелковой дивизии 6-й армии. Дивизия вела бои с противником на Никопольском направлении. Плацдарм этот немецкое командование пыталось использовать как меч, занесенный над нашими войсками, спешащими на освобождение Крыма. Гитлеровцы возвели здесь прочную оборону, построили долговременные укрепления.

Бои носили весьма ожесточенный характер. Враг упорно сопротивлялся, часто переходил в контратаку. Все попытки наших войск с ходу сломить сопротивление

противника успеха не имели. Наступил длительный период позиционной войны.

В голой степи, где разместились многое войск и боевой техники, трудно было найти небольшое подразделение. Но мне повезло. В батарею из штаба полка направлялся связной, он-то и довел меня до места. От него же я узнал, что командир нашей батареи капитан Амехин, по имени Яков, заядлый артиллерист. Парень отчаянный, смелый и справедливый. Как-то, докладывая о подбитых танках, командир дивизиона с улыбкой обронил: «Лично подбил Яшка-артиллерист». С тех пор капитана так все зовут.

Подходя к расположению батареи, я увидел среднего роста, плотного, смуглого офицера. Накинутая на плечи плащ-палатка делала его почти квадратным. Это и был комбат. О своем прибытии я доложил как положено по Уставу. Он только сказал:

— Хорошо, подождите.— А сам занялся неотложными делами. Батарея еще только устраивалась на новом месте. Я огляделся. Однообразный пейзаж, кругом — широкая украинская степь, ни кустика, ни возышенности. Маскировка здесь необычайно трудна. Враг далеко просматривал нашу оборону. В более удобном месте вырыли командирскую землянку в полный профиль. Положили комбинированное перекрытие. Поперек брусья, на них в несколько рядов гильзы артиллерийских снарядов, все это пересыпали землей, сверху замаскировали дерном. Для освещения поставили коптилку из гильзы 76-мм снаряда, сплюснув ее сверху, внутрь протянули фитиль.

— Вот наша походная квартира,— улыбнулся капитан Амехин.— Располагайтесь, товарищи офицеры.

Комбат на ходу познакомил меня со звездом управления. Все были заняты по горло. Рыли землянки для бойцов, оборудовали огневые позиции, укрытия для расчетов, орудий и коней. Все, что могли, замаскировали землей и сетями.

Но до врага рукой подать. Он все видел и не только видел, но и вел прицельный огонь. Проработали всю ночь напролет. Изрядно устали. После отдыха познакомился со своим хозяйством.

На вооружении в батарее были 76-мм дивизионные пушки образца 1942 года, ЗИС-3. Те, которые мы изучали в училище. Боевые качества этих орудий — ка-

либр, пробивная способность и дальность стрельбы — намного выше, чем у «сорокапяток». Орудия на конной тяге, запас боеприпасов подвозили на повозках, орудийные расчеты передвигались пешком. Лошадей здесь было намного меньше, чем у артиллеристов в кавалерийских частях. Однако в голой степи и их трудно укрыть от вражеского глаза, особенно от самолетов.

И мы скоро убедились в этом. Тылы наши окопались недалеко от огневой позиции в небольшой балке. Не все можно было там надежно запрятать и замаскировать. Открытыми остались повозки с продовольствием, боеприпасами, в низких местах для лошадей была вырыта глубокая щель. Однако «рама» — немецкий самолет-разведчик — разглядела и почему-то привязалась к нашим тылам и стала корректировать огонь своей артиллерии именно туда. Снаряды ложились рядом с укрытием. На наше счастье появились советские истребители, и «рама» скрылась. Немцы сделали еще несколько залпов и перестали стрелять.

Почти три месяца, до февраля 1944 года, на плацдарме шли напряженные сражения. Иногда нейтральная полоса становилась такой узкой, что от нашего до немецкого переднего края не превышала сотни метров. Временами со стороны противника доносилась немецкая речь. В светлое время нельзя было высунуться из окопов. Не только снайперы, но и все солдаты ревниво следили за противником. Как кто покажется из укрытия — сразу открывали огонь, благополучно уйти от которого было почти невозможно.

Наша батарея вела огонь с закрытых позиций. Мой наблюдательный пункт находился в боевых порядках пехоты, на переднем крае. Со мной были разведчики: русский Верхотуров и казах Атарбаев и два связиста. Мы тщательно изучали врага: расположение его огневых позиций, дотов и дзотов, блиндажей. Отдельные цели подсказывала пехота. О своих наблюдениях я докладывал командиру батареи капитану Амехину. У нас не было избытка снарядов, расходовали их экономно, и капитан, в зависимости от обстоятельств, решал, когда уничтожить ту или иную цель.

Разведчики мои были молодыми, смекалистыми ребятами. Они умело подмечали все существенное. Верхотуров, к примеру, хорошо разбирался в обстановке, был неразговорчивым, скромным и дисциплинированным

бойцом. Его молчаливость дополнял Махан Атарбаев. Почти ровесники, они всегда вместе выполняли любые опасные задания.

Махан имел хороший голос и во время затишья, в перерывах между боями, пел старинные и современные казахские и русские песни. Любил читать стихи. Особенно Джамбула. Привалится, бывало, к стенке окопа, чуть прикроет глаза и, растягивая слова, начнет:

— О сыны мои, о сыны!
Герои отвагою рождены,
Коль голову сложат, громя врага,—
Их память народу навек дорога.
А крепости вражьи сумеют взять —
Их славе в народе вечно сиять.
За Родину смерть — продолжение жизни...

На плацдарме упорные бои не прекращались, неоднократные атаки наших войск сменялись контратакой немцев, но каждый раз обе стороны с большими потерями возвращались на исходные рубежи.

Как-то после боя капитан Амехин вызвал меня на батарею для уточнения обстановки и оставил ночевать в своем блиндаже. Я лег на нары, головой поближе к печке, и уснул. Спал и «Яшка-артиллерист».

У входа в блиндаж комбата стоял солдат на посту, наблюдал за огневой позицией. И вот под утро немецкая шальная пуля убила часового, когда он вылез из траншеи наверх. Бойца похоронили, помянули его. Покойный не пил спиртного, и фронтовые сто граммов собирали во фляжки. Кто-то грустно подметил: «Себе на поминки». До рассвета никто не уснул, вспоминали погибшего товарища, говорили о своей жизни.

А утром фашисты перешли в контратаку. Пехота, поддержанная танками и самоходными орудиями, нанесла сильный удар по нашим боевым порядкам. Стрелковые части не выдержали и отошли. Артиллеристы остались лицом к лицу с противником.

Расчеты застыли у орудий. На огневой позиции стояла напряженная тишина, даже команды подавались вполголоса, все старались держаться спокойно, но нервы были напряжены. Приближались вражеские танки. Батарея открыла огонь, запылала первая машина. Враг ответил ураганным огнем. На огневой позиции рвались снаряды, визжали осколки. От интенсивной стрельбы орудия накалились. Загорелись еще

два танка. Фашисты падали от шрапNELи. Нашим санитарам тоже хватало работы. Оставшиеся в живых воевали за себя и за товарищем. Мы не отходили от своих орудий и продолжали огонь даже из поврежденных пушек. Наконец подоспело подкрепление. Одним ударом немцев отбросили на исходные позиции.

Во второй половине января бесплодные атаки прекратились. Обе стороны готовились к решительной схватке. Солнечным ясным утром комбат собрал офицеров у себя и сообщил:

— Получен приказ командования подготовиться к наступлению, очистить от фашистских войск плацдарм, освободить город Никополь. Немцы не хотят уходить за Днепр, потому что потеря левобережного плацдарма ставит под угрозу их войска в Крыму. Как вы знаете, на батарею подвезены боеприпасы и все необходимое снаряжение. Взводу управления в полосе наступления первого батальона 912-го стрелкового полка необходимо уточнить огневые средства противника, доты, дзоты и представить мне.

Вернувшись в НП, мы продолжали изучать оборону немцев, намечать цели для артиллерийской подготовки. Своими наблюдениями поделились с командирами поддерживаемого стрелкового батальона и рот. Они подсказали много новых целей, которые были тоже учтены.

4 февраля 1944 года наша 243-я стрелковая дивизия перешла в наступление. Я с разведчиками и связистами находился на переднем крае, корректировал огонь батареи. Началась артподготовка, основные цели у нас были заранее пристреляны. Первый огонь мы направили на долговременные огневые позиции. Два снаряда разорвались недалеко от цели, третий попал прямо в бруствер наката, взъерошил его перекрытие; добив этот дот беглым огнем, перешли к следующему. Наблюдавшие за нашей стрельбой пехотинцы радовались, когда от фашистских дотов оставались черные воронки. Методично мы уничтожили до десятка огневых точек, блиндажей и других укрытий противника.

Нас поддержали действовавшие рядом прославленные «катюши», «андрюши», минометы, а также бомбардировщики и штурмовая авиация. Нельзя было не восхититься искусством работы наших штурмовиков — «Илов», которые заходили над укрытиями противника

и реактивным огнем уничтожали их. Не зря фашисты называли «ИЛы» «черной смертью». Затем в атаку пошли пехота и танки, прорвав оборону немцев севернее станции Большая Белозерка. Более двух суток наши части преследовали отступающего врага. Мы освободили деревни Петровку, Каменку, Знаменку, вышли к берегу Днепра. За ним был Никополь. Так был ликвидирован последний плацдарм немцев на левом берегу Днепра.

Очень трудно и сложно было зимой форсировать многоводную реку, когда по ней шел лед. В студеной воде, под непрерывным огнем противника мы на подручных средствах переправляли через Днепр орудия, боеприпасы, продовольствие. Преодолев девятыкилометровые плавни, наши части с ходу разгромили большой фашистский гарнизон и овладели селом Покровское. В селе взяли много пленных и богатые трофеи. Наступление в приднепровских плавнях в феврале, в начале весенней распутицы, было крайне тяжелым делом. Люди и лошади вязли в размокшем грунте. За пехотой послевала лишь одна батарея из дивизиона, и то, помогая лошадям, часто тащили пушки, боеприпасы и продовольствие на своих плечах, увязая по колено в грязи. Несмотря на все трудности, мы продолжали настойчиво продвигаться вперед.

Утром 8 февраля наши войска овладели городом Никополем. Нам достались большие трофеи: четыре тысячи автомашин, сотни орудий и минометов, несколько танков.

За массовый героизм и мужество в приказе Верховного Главнокомандующего наша 243-я стрелковая дивизия получила благодарность и ей было присвоено наименование «Никопольской». Эта была большая радость для нас. За образцовое выполнение заданий командования многие солдаты и офицеры получили ордена и медали. Был отмечен и мой труд в войне. Приказом командующего артиллерией 6-ой армии III Украинского фронта я был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Освобождением Никополя советские войска не только очистили левобережный Днепр от врага и вернули Родине важный промышленный центр с его ценнейшими запасами марганцевой руды, но и предрешили судьбу

Крымской группировке немцев, лишив ее всякой поддержки по сухопутью.

Для немцев это было ощутимой потерей. Гитлер приказал своим войскам стоять здесь насмерть. Еще в марте 1943 года он заявил: «Что касается Никопольского марганца, то его значение для нас вообще нельзя выразить словами. Потеря Никополя означала бы конец войны». Однако немцы отступили, бросив технику, боеприпасы, и в беспорядке бежали вдоль правого берега Днепра на запад.

Капризничала зима 1944 года на юге Украины. С неба, затянутого рваными, темными тучами, беспрерывно лил холодный дождь. Иногда он переходил в снег. Солнце почти не выглядело. В густую липкую массу превратились все дороги и ближайшие к ним поля. Войска тысячами ног и колес непрерывно месили вязкую украинскую землю, изрезали ее глубокими колеями.

Для движения нашей батареи собрали лошадей со всего дивизиона. Две батареи остались в тылу, поэтому мы должны были поддерживать целый стрелковый полк.

Танки, выбрасывая из-под гусениц веер грязной размокшей земли, шли прямо по пахоте. Пехота двигалась за ними. Солдаты под грузом оружия, патронов и пайка с трудом переставляли облепленные грязью пудовые ноги. Но когда застревали пушки, охотно помогали нам вытаскивать их на более надежную дорогу. Они не хотели, чтобы артиллерия отсталла. Рядом с пушками больше уверенности.

Обстановка задерживала не только наше продвижение. И фашисты не успевали уходить — на дорогах валялись разбитая техника, орудия, тягачи, застревали автомашины. Люди часто попадали впросак. Гитлер обул своих солдат сверх обычной обуви в громоздкие соломенные калоши. От сырости они разбухали и глубоко уходили в раскисшую землю, захватывая не один пуд грязи. Иной фриц ноги вытянуть не может и сидит, как в мышеловке. Босым далеко не убежишь. Холод, сырость скрючивали в три погибели. И гитлеровские вояки, вымотавшись, сотнями сдавались в плен.

С большими трудностями доставлялись боеприпасы. Кроме боекомплекта в зарядных ящиках, их везли на конных повозках. Но всего этого не хватало. Обидно

было видеть, как враг уходил, а стрелять было нечем. Одно время даже установили лимит — расходовать на каждое орудие половину снаряда в сутки. Шутя, капитан Амехин говорил:

— Батарея, полснаряда, беглый огонь!

Но что поделаешь, экономили. Били по более важным целям, и наверняка.

Завидовали пулеметчикам, которые вели огонь без ограничений. Но снаряд не пулеметная лента, его труднее было доставить на передовую. И неоценимую помощь нам оказывало население освобожденных прифронтовых сел. Молодые ребята и девчата, мужчины и женщины на своих плечах приносили за десятки километров снаряды к боевым позициям. Они же потом пополняли наши части. И часто, не успев переодеться в военную форму, вступали в бой. Советские люди старались всем, чем только могли, помочь своей армии.

Наши войска, трудно преодолевая яростное сопротивление врага, уверенно шли на запад. Геббельсовская пропаганда всеми средствами старалась завести в заблуждение советский народ, поссорить нас с союзниками. Они бросали в нашем тылу и в прифронтовой полосе провокационные листовки, одна глупее другой. И радовало, что советские люди с отвращением отвергали эту чепуху.

В походе старшина батареи выделял взводу управления повозку под телефонные аппараты, мотки, провода, стереотрубу и другие приборы. И еще верховую лошадь, которую при плохой дороге приходилось пристегивать к повозке. Когда выходили на накатанную дорогу, то верхом садился кто-нибудь из разведчиков. Чаще всего Атарбаев. Махан любил коней, бережно к ним относился и часто повторял казахскую поговорку: «Если тебе дан один день жизни, наполовину проведи его на лошади...»

На правом берегу Днепра мы с ходу ворвались на окраину крупного села Большая Костромка и заняли там несколько домов. Батарея окопалась в пятистах метрах от лесной полосы, где проходил передний край обороны дивизии. На окраине деревни закрепились пехотинцы во главе с командиром батальона, а в одном из домов разместился наблюдательный пункт.

В населенном пункте трудно наблюдать за противником с земли, нам пришлось со стереотрубой обосно-

ваться на чердаке дома, проделать в кровле отверстие в виде амбразуры, замаскировать его. Всматриваясь в постройки деревни, Атарбаев обнаружил минометную батарею во дворе одного из домов. Он же засек немецкий наблюдательный пункт. Обо всем этом я доложил командиру батареи. Учитывая, что запас снарядов строго лимитирован, капитан Амехин приказал продолжать наблюдение.

Сменив у стереотрубы Атарбаева, Верхотуров сообщил, что немецкие минометчики готовятся к стрельбе.

Я быстро созвонился с капитаном:

— Товарищ капитан, хорошо бы их накрыть на огневой позиции.

— Добро,— голос капитана зазвенел.— Давай данные для стрельбы, корректируй огонь.

Я определил координаты вражеских минометов, передал на батарею, двумя выстрелами пристрелял цель и скомандовал:

— Батарея, три снаряда, беглый огонь!

Наблюдаю в стереотрубу. Во дворе от разрывов все взметнулось кверху. Когда развеялись пыль и дым, стали видны распластавшиеся на земле немцы и покореженные минометы.

Связист Кашников подзывает меня к телефону.

— На связи командир. Как прошла стрельба?

— По нашим наблюдениям, вражеская минометная батарея уничтожена, товарищ капитан. Но вот НП остался целым.

— Очень хорошо! Дойдет очередь и до НП, лейтенант, береги снаряды. А пока наблюдайте.

Жаль было выжидать. Однако мы были не одиноки. По пути к Большой Костромке мы двигались походной колонной недалеко от переднего края немцев. Но они не сделали ни одного выстрела. Только отсутствием боеприпасов можно было объяснить такую снисходительность врага.

Я уже третий месяц воевал в батарее под командованием капитана Якова Амехина. И мне все больше и больше нравился этот отчаянный человек с веселым прозвищем «Яшка-артиллерист». Характер у него был уравновешенный, спокойный и рассудительный. В какую бы трудную ситуацию ни попадала батарея, он никогда не терял присутствия духа, вселял уверенность в подчиненных. Мы, молодые офицеры, искренне его

уважали и были довольны, что попали под начало такого опытного командира. Он не считался с опасностью, часто приходил на передовую или наблюдательный пункт, находившийся в боевых порядках пехоты, встречался с командирами поддерживаемых батальонов. Поэтому командование артполка и дивизиона поручали батарее самые трудные боевые задания. Вот и на этот раз мы были впереди своих собратьев.

В разгар февраля пошел холодный дождь, сгустились и нависли черные тучи, подул пронизывающий северный ветер, начался снегопад. Липкий чернозем покрылся белым ковром, а мороз прихватил сверху жидкую грязь. На какое-то время установилась морозная зимняя пора.

На нашем участке фронта наступило кратковременное затишье. Ни мы, ни немцы не проявляли былой активности. Наблюдали друг за другом.

Рано утром, чуть начало светать, повар принес на НП завтрак. Жаркое из молодой конины: на батарее раненого жеребенка прирезали. Принес и офицерский доппаек. После вкусной еды потянуло на воспоминания. Сидя у телефонного аппарата, Кашников стал рассказывать о родных местах. От воспоминаний проснулась тоска о родном Казахстане у Махана. Отца он не знал. Жил с большой матерью у старого деда-чабана. Мать умерла, когда мальчишке исполнилось одиннадцать лет. Скоро не стало и деда. Знакомые устроили его в детский дом. Там воспитывался и учился. Потом поступил на работу. Началась война, ушел в армию.

На родине остались товарищи. Как-то они прислали вырезку из газеты «Правда» с письмом казахского народа воинам-фронтовикам. С тех пор бережно хранил газетный листок Атарбаев. И при удобном случае доставал из кармана гимнастерки и читал: «Казахи-фронтовики! Ваш порыв, ваше наступление взволновало родной Казахстан. Народ встрепенулся от радостного сознания, что послал на фронт доблестных сыновей. Мы знаем, что это не последняя схватка. Враг еще пытается подняться... и снова броситься вперед. Для того, чтобы он не мог больше встать, тысячу страшных ударов должны мы нанести ему. Будьте же молнией, разящей и испепеляющей врага! Обрушьте на него всю силу народной ярости, разбейте его! Таков наказ Родины».

— Это дорогой для меня наказ,— в который раз говорил Махан.— И я постараюсь его выполнить.

Выдался ясный, солнечный день, белый снег отражал солнечные лучи до боли в глазах. Через стереотрубу Верхотуров заметил подозрительные передвижения немцев. Доложили командиру батареи. Он приказал продолжать наблюдение.

Прошло совсем немного времени, и немцы из орудий и минометов открыли интенсивный огонь по нашему переднему краю. С обоих флангов залаяли их крупнокалиберные пулеметы. Я скорректировал огонь батареи на огневые точки противника, и мы уничтожили оба пулемета. Но здесь двинулись вперед немецкие танки, а за ними солдаты. Наша пехота не выдержала напора и стала отходить. Враг вел массированный огонь по отступающим. Несколько раз нарушилась наша связь с батареей. Для восстановления ее я сначала послал связиста Приходько, затем разведчика Атарбаева. Они соединили линию, но вернуться на НП уже не могли. Пехота ушла, и комбат приказал мне с оставшимися бойцами отойти на позиции батареи.

Я взял на спину стереотрубу, в левую руку треногу, в правую автомат, а на шею спереди повесил телефонный аппарат. Остальные приборы, мотки провода забрали Верхотуров и связист Кашников. На батарею пошли прямиком, решив, что везде стреляют. Кругом глубокий, рыхлый снег. Пулеметные очереди прижимают нас к земле, двигаемся перебежками, мешает груз. Но ничего не поделаешь. Без артиллерийских приборов не станешь воевать.

Между деревней и батареей — лесопосадка, там наш передний край, местность открытая, ровная, все видно, как на ладони. Гитлеровцы под прикрытием танков вырвались вправо, опередили нас и находились недалеко от наших. Батарея вела огонь прямой наводкой по танкам. На наше счастье с левой стороны подход был свободен. Противник в завязавшемся бою сначала нас не заметил и открыл огонь, когда мы уже подходили к своим.

Снаряды рвались недалеко, мы спешили. Идущий сзади меня Кашников встревоженно крикнул:

— Товарищ лейтенант, вы ранены?

Я не чувствовал этого. Оглянулся и на белом снегу увидел пятна крови. Оказывается, осколком мне рас-

секло левую руку. Рана была неглубокой. Кашников быстро замотал ее бинтом.

К своим мы попали в разгар боя. Немцы перенесли весь огонь на батарею. Но и наши не сплоховали. Недалеко горел подбитый с перекосившейся башней немецкий танк, а еще дальше пытал бронетранспортер. Фашисты, получив достаточный отпор, медленно пятись назад, за лесопосадки, продолжая стрелять по батарее.

Мы с ходу подключились к поредевшим в бою орудийным расчетам. Верхотов подавал снаряды заряжающему. Запылал еще один вражеский танк. Подав очередной снаряд, Верхотов на секунду задержался на бруствере орудийного окопа и вдруг сник, переменился в лице и безвольно опустился на землю. Недалеко лежащий Кашников окликнул его:

— Что с тобой, Верхотов?

Но тот уже не ответил. По щеке быстро поползла тоненькая струйка крови. Маленький осколок вражеского снаряда попал прямо в висок. Мы потеряли еще одного товарища, славного, отважного разведчика. В то время ему было только восемнадцать лет.

Батарея отбила очередную атаку, и в короткую передышку мы похоронили Верхотова, наспех простившись с ним. Обстановка становилась опасной. С отходом стрелковых частей, мы остались совсем одни. Начальник артиллерии дивизии приказал мне разыскать командование пехоты и просить стрелковый батальон для прикрытия батареи. Но я вернулся ни с чем. До прихода темноты о помощи не стоило и думать. Организовали оборону своими силами. Мы с Атарбаевым и двумя связистами получили задание из лесополосы установить наблюдение за противником. Пробравшись туда, заняли хорошо оборудованный блиндаж, выставили пост.

Приближался вечер, а пехоты пока не видно. Смеркаться стало. Смотрим, от деревни в нашу сторону кто-то движется. Прислушались. Немцы! Разведчики! Подпустили ближе и открыли огонь. Двое остались лежать на поляне, остальные еле унесли ноги.

Немцы обрушили на нас плотный огонь, снаряд за снарядом ложились рядышком. При этом один из них упал прямо на крышу блиндажа, но, на счастье, не разорвался.

Только под утро подошли наши стрелковые части и

заняли в лесополосе готовую оборону. Пехота подтянулась, навела порядок в своих рядах, стала готовиться к наступлению.

Утром после небольшой артиллерийской подготовки наши танки и пехота дружно пошли в атаку. Мы их поддерживали огнем до тех пор, пока все село Большая Костромка не было полностью очищено от врага. Здесь укрепились. И батарея наша получила возможность передохнуть.

Село большое, но бани не оказалось, немцы разрушили. Старшина батареи Петр Прокопенко оборудовал под баню один из пустовавших домов. В железных бочках грели воду, в одной из них дезинфицировали белье. Солдаты помылись, подстриглись, постирали и пропарили белье, подшили белые подворотнички. После тяжелых боев, непролазной грязи привести себя в порядок было настоящим удовольствием. Настроение поднялось. Послышались песни, смех. Разрядка на фронте — вещь необходимая. Не случайно английский журналист Филипп Джордан, находившийся шесть месяцев в начале войны в СССР, писал на страницах «Ньюс Кроникл» в январе 1942 года: «Я имел возможность наблюдать армию на фронте и в тылу и могу сказать, что даже в самые тяжелые дни я не заметил ничего, кроме высокой веры в конечную победу, какой бы ценой за нее не пришлось заплатить».

Я и пишу об этом сегодня потому, что находятся еще фальсификаторы истории, которые первые дни Отечественной войны пытаются изобразить как упадок морального духа наших войск, их безвольность и обреченность. Дескать, фатальная судьба красноармейца — гибнуть в неравном бою. Да, было трудно, не хватало оружия и техники, но наш солдат зря не отдавал ни своей крови, ни своей жизни. Только трусы и паникеры гибли зазря, но это были единицы.

Правобережную Украину наши войска оставляли, находясь в старом обмундировании, а пришли освобождать ее в новом, с погонами. Любопытный разговор состоялся у меня в Большой Костромке с местным жителем. Старик меня спрашивал:

- Как вас теперь кликать — господа или товарищи?
- А ты, дед, как думаешь?
- Кто его знает, немцы и наши беглые всякое гово-

рили, будто порядки изменились, русских много перебили, а монголы идут.

— Ну и как же? — спрашиваю вновь.

— Хоть слабо вижу, товарищ, но различаю, что они врут. Среди солдат, что село освобождали, я приметил русских, украинцев, казахов, узбеков. Но монголов не видел, — улыбнулся дед.

— Смотри, старик слабо видит, а казаха заметил, — рассмеялся Атарбаев. — Есть, отец, среди нас грузины, армяне, таджики, но больше всего русских. Мы все одна семья, поэтому и бьем немцев. Хороший поэт Михаил Светлов в своем стихотворении к Джамбулу, казахскому акыну, написал:

...Но победные песни звучат
Там, где русский с казахом стоят,
И отнять эту песню нельзя,
Где народы стоят, как друзья!

— Так-то оно, батя, — заключил Махан.

И вот мы снова в пути. Немцы, не выдерживая нашего напора, отступают все дальше и дальше. Правда, они отходят на заранее подготовленные позиции, но чуют в блиндажах или в деревнях в украинских хатах. А пока мы их выбьем, располагаемся в открытом поле. Но мысль, что они отступают, а мы их гоним, согревала лучше тулупа.

Однажды весь день шел дождь, к вечеру повалил снег, мы подошли к деревне Великая Александровка. Немец прочно укрепился здесь. Пришлось нам, усталым, промокшим, располагаться на ночь в лесной полосе. Сверху снег, снизу грязь. Мы не стали в землю зарываться. Грязную жижу сверху с землей убрали, нарубили хворост, прикрыли им землю. Шинель, незаменимая плащ-палатка, вот и весь спальный комплект. Усталость свое взяла, а утром проснулись под снежной шубой. Кругом белым-бело. Ожесточенные шли на немца. Но первая атака нам ничего не дала. Тогда наши части стали обходить деревню и окружили засевшего там врага. Фашисты дрались с решимостью обреченных за каждый дом. Разведчикам удалось захватить в плен одного рыжего фрица. Первым его допрашивал командир стрелкового батальона. Этот ярый фашист ни на один вопрос не стал отвечать. Становится к стенке,

грудь нараспашку, стреляй, мол. Так, ничего не добившись, отправили его в штаб дивизии.

Скоро взяли второго. Этот оказался разговорчивым. «Мы,— говорит,— сами знаем, что находимся в окружении и наше положение безнадежно. Но эсэсовцы и власовцы не дают сдаваться в плен. Каждому, кто пытается поднять руки кверху, стреляют в затылок». Он подробно рассказал, в какой части воевал, кто командир, сколько солдат осталось в деревне, из каких они подразделений и как расположены. Получив точные данные, мы штурмом одолели врага и взяли деревню.

В начале марта наши войска вышли на восточный берег реки Ингулец. Кровопролитные бои продолжались несколько дней. Враг неоднократно переходил в контратаку. А когда настало затишье, к нам приехали артисты. Из окопов и землянок в более защищенное от снарядов место собирались красноармейцы и командиры. Каждый буквально впитывал слова: «Жди меня и я вернусь, только очень жди», «В степи под Херсоном — высокие травы, в степи под Херсоном — курган», «Расцветали яблони и груши», «В лесу не слышен, невесом, слетает желтый лист». Душу наполнило тепло. И мне показалось, что никто уже не сомневается, что завтрашнее наступление будет выиграно.

Утром 6 марта, по приказу командования, мощными орудийными залпами мы начали наш «концерт» немцам. В артподготовке участвовала реактивная артиллерия, прославленные «катюши» и «андрюши». Последними на фронте называли тяжелые реактивные снаряды, которые имели большую разрушительную силу. Стреляли ими с земли, а не с подвижных установок. На огневые позиции они поступали на грузовиках, в деревянной упаковке отдельно каждый снаряд. Ракетчики ставили снаряд на специальную раму, задавали необходимый уклон в сторону врага. Потом освобождали снаряды от обшивки. На этот раз они расположились недалеко от огневой позиции батареи, и мы наблюдали, как они стреляют. Сначала заурчали, заскрежетали «андрюши» и, окутанные тучами темного дыма, взмыли вверх, оставляя за собой огненные хвосты. Некоторые снаряды летели в горящей упаковке, с пронзительным воем, наряжающим ужас на врага. Немцы в таких случаях говорили: «Рус сарайми бросается», — хотя им было не до шуток.

После артподготовки мы форсировали Ингулец, зах-

ватали несколько плацдармов на противоположном берегу. Здесь мы убедились в силе реактивной артиллерии. То место, куда пришелся залп «андрюш» и «катюш», выглядело сплошным пепелищем, все уничтожено, все сгорело. Мне кажется, после одного из таких боев родились слова на мотив «Катюши»:

Налетит «катюша» вихрем —
Чем ее остановить?
И задумал Гитлер «тигров»
На «катюшу» натравить,
Но такие им гостицы
Приготовила она,
Что осталась от зверинца
Толька химия одна.

На этот раз удар был такой силы, что немцы, убегая, побросали даже исправные автомашины.

Красноармейцы осмотрели их, проверили, не заминированы ли. Завели и давай догонять по херсонской степи их хозяев.

Наступая в междуречье Ингульца и Южного Буга в направлении на Николаев, в районе Снигиревки, наши части вышли в тыл противника. Оказавшись в тылу врага, мы громили проходящие части, обозы, огневые средства. Наше появление было полной неожиданностью. Враги растерялись. Не обошлось и у нас без курьезов.

В темноте мы двигались за нашим стрелковым полком. Затем от пехотинцев отстали, переходя через овраг, и пристроились к какой-то колонне. Думали, свои. Стали приближаться и вдруг услышали чужую речь. Немцы. Тогда давай без шума отставать. Вперед послали разведчиков. Вернувшись, те доложили, что впереди большая колонна отступающих немецких войск. Так мы чуть было не влипли. Круто повернули на юг, давай искать пехоту. На счастье, скоро нашли. Они так же, пользуясь ночью, захватили без боя движавшийся по другой дороге немецкий обоз.

Этот случай научил нас многому. Движение замедлилось. Заместитель командира 243-й стрелковой дивизии приказал разведке выяснить обстановку, выставить боевое охранение и дать людям отдых. Мы несколько отошли от дороги в сторону, нашли удобное место и расположились на привал.

Солдаты легли отдохнуть, пыхтела дымом полевая

кухня, запах жареного витал в воздухе. Начало светать, когда со стороны противника к нам направились три человека. Оказалось, местные жители бежали от немцев. Они рассказали, что в деревне Новоалександровке скопилось много немецких обозов, но солдат и оружия мало, и что с рассветом они собираются тронуться на запад.

Заместитель командира дивизии приказал захватить немецкие обозы и освободить деревню. Сам он сел на верховую лошадь и поскакал впереди развернувшихся цепей. Не доходя с полкилометра, нас заметили. Два вражеских бронетранспортера открыли огонь из крупнокалиберных пулеметов. Пехота залегла.

Командир стрелкового полка попросил нас срочно развернуть батарею. Мы подкатили орудия близко к боевым порядкам пехоты и прямой наводкой подбили один бронетранспортер, второй скрылся в лощине. Уничтожили еще одну огневую точку на окраине деревни. Огонь противника ослаб. Слышалась отдельная разрозненная стрельба. Пехота опять встала во весь рост и двинулась в деревню. Мы за ней. В деревне, к нашему удовольствию, мы обнаружили три немецкие пушки с боеприпасами, из которых в суматохе враги ни одного выстрела не сделали. С бугра за деревней простым глазом было видно, как их бывшие хозяева удирали на лошадях.

Среди пехотинцев нашлись добровольцы, которые помогали нам с комбатом развернуть орудия в сторону противника, открыли огонь прямой наводкой по отступающим фашистам. Это понравилось пехоте, такой оперативности они не ожидали, и командир полка тепло поблагодарил артиллеристов.

Должен отметить, что мы всегда работали в контакте с поддерживающими подразделениями и частями пехоты. В свою очередь командиры стрелковых батальонов и полка, ставя боевую задачу своим подразделениям, не забывали и артиллеристов. Поэтому мы знали цель и боевые задачи стрелковых частей, старались внести наибольший вклад в их выполнение. Мне, как командиру взвода управления батареи, со своими разведчиками и связистами приходилось всегда быть на переднем крае, на наблюдательном пункте, в боевых порядках пехоты, рядом с командирами рот или батальонов.

Помню, капитан Амехин любил подшучивать: «Пехота — подвижный род войск и хорошо идет вперед тогда, когда артиллеристы ее поддерживают «огнем» и «колесами».

Однажды под сильным огнем противника стрелковые части залегли. Стали окапываться. Батарея находилась тут же. Немецкие самолеты бомбили передний край и тылы.

Вскоре после короткого огневого налета послышался гул моторов. Танки. За ними пехота. Далее, уступом, самоходные орудия. Когда до головного танка оставалось пятьсот метров, комбат скомандовал:

— Прямой наводкой по фашистским танкам, бронебойным, огонь!

Артиллеристы, ждавшие этой команды, заработали наперебой. Я наблюдал, как по головному танку новейшего типа, «тигру», ударило несколько снарядов, потом он дернулся, повернулся на бок и замер. Почти одновременно вспыхнуло пламя. Второй танк стал его обходить, развернулся к нашим орудиям боком. Этого только и ждали наводчики и остались довольны, увидев оранжевые языки.

О новой фашистской технике мы знали со времени Курской битвы. Еще тогда, готовясь к боям, тщательно изучали ее уязвимые места. Мы знали, что «тигры» крепко бронированы и сильно вооружены, но малоподвижны. Наиболее уязвимые места: борта и корма, командирская башенка и ходовая часть.

В бою мы их обычно подпускали как можно ближе, чтобы бить наверняка. Враг, как всегда, напролом рвался вперед. Он не жалел ни снарядов, ни пуль, казалось, какой-то смерч навис над нашими боевыми порядками, стойко переносившими ураганный огонь немецкой артиллерии, минометов, самоходок и танков. Обстановка обострялась. Отдельные фашистские танки с пехотой стали вплотную приближаться к нашим позициям.

Трудно представить, что чувствует артиллерист, прильнувший к своему орудию, выдвинутому на прямую наводку, когда прямо на него, лязгая гусеницами, ревя мотором, стреляя из пушек и пулеметов, надвигается стальная громадина. И спасение — в собранных в кулак нервах, в терпении и меткости выстрела.

Бесстрашно держались артиллеристы. Выходивших из строя заменяли другие. Вот замер и запылал еще

один немецкий танк. Пулеметы отрезали немецкую пехоту от танков, заставили ее залечь. Помогла авиация. Вовремя налетели штурмовики и реактивными снарядами уничтожили врага на подходе к нам. Прорвавшиеся танки повернули назад, но мало кто ушел.

Батарея понесла потери. Вышли из строя два орудия. Нас отвели на пополнение и скоро переместили на другой участок фронта.

Приближались к Николаеву. Днем были видны столбы черного дыма, а ночью пламя высвечивало контуры израненного города. На всем нашем пути по освобожденной Украине мы видели страшную картину разрушений, следы бесчинств, злодеяний и убийств. Это был результат осуществления кровавых планов «выжженной земли». Такая участь постигла и Николаев.

На подступах к городу мы с ходу захватили хорошо оборудованную немцами полосу обороны. Фашисты решили вернуть утраченные позиции психической атакой. Я впервые наблюдал такую. После небольшого огневого налета батальон пьяных эсэсовцев, в черных мундирах, четкими рядами, печатая шаг, на ходу паля из автоматов, грозной лавиной катился к нашему переднему краю. Зрелище действительно оказалось парализующим. Страх охватывал все, сковывал движения. Казалось, уйти живым из-под этого огневого шквала нельзя. И первые ряды дрогнули. Эсэсовцы заняли траншеи, стали преследовать нашу пехоту. Но на открытом месте плотным огнем орудий, минометов мы прижали их к земле. Ряды гитлеровцев дрогнули и стали быстро редеть. Их спесь прошла, атака захлебнулась. Остатки недобитых фашистов в панике бежали в укрытие.

Преследуя отступающего врага, наша 243-я стрелковая дивизия вышла на северную окраину Николаева. Овладев ею, продвинулись к центру города на соединение с другими частями, действовавшими с востока. Таким образом, город Николаев, важный порт на Черном море и стратегический узел на пути к Одессе, был освобожден 28 марта 1944 года.

Изрядно потрепанные фашистские войска, отходя за Южный Буг, пытались остановить наше наступление. В течение семи дней враг яростно сопротивлялся. Однако нашим частям в ряде мест удалось форсировать реку, создать плацдарм на ее правом берегу. Вместе с 912-ым стрелковым полком переправлялся и артиллерийский

дивизион. Переходили Южный Буг в самом широком месте. И опять нам помогли местные жители. И откуда столько лодок, самодельных плотов взялось?!

Теперь наш путь лежал к героической Одессе.

Перегруппировка войск и подготовка к одесской операции проходили в обстановке весенней распутицы, проливных дождей и вконец испортившихся дорог. Несмотря на трудности, боевой порыв наших войск не ослабевал. Мы стремились скорее очистить родную землю от врага, завершить войну.

Наша дивизия, развивая наступление вдоль побережья Черного моря, продвигалась с боями к Одессе. По грязи, преодолевая реки и широкие лиманы, ведя тяжелые бои с врагом, мы совершали переходы до 40 километров в сутки. 9 апреля дивизия завязала бои на ближайших подступах к Одессе. Вечером после короткой артподготовки начали штурм города. Ночью овладели населенными пунктами Усатово и Куяльник. А утром следующего дня ворвались на окраину Одессы и заняли морской порт.

К 12 часам 10 апреля 1944 года в городе пал последний бастион фашистов. Одесса была полностью очищена от оккупантов, освобождение ее ознаменовано многими героическими подвигами.

Тысячи бойцов и командиров пали смертью храбрых у стен города, на улицах. Каждый дом, каждый камень здесь стал свидетелем беспримерного мужества и отваги советских воинов.

В пригороде да и в самой Одессе мы встретили много жертв фашистского варварства. Кровь застыла в жилах, когда видели с порога в хате убитую мать, а в люльке застреленного годовалого ребенка. Фашисты, носившие на пряжке ремня имя бога, расстреляли попа и верующих прихожан на паперти в церкви в деревне Усатово. Вышедшие из катакомб и укрытых навстречу советским войскам партизаны и подпольщики помогли очистить город от врага и спасти от разрушения его важнейшие сооружения. Здесь же были воины словацкого батальона, который до прихода наших войск перешел на сторону партизан.

В разрушенном порту впервые в жизни я увидел Черное море. Спустился по каменному берегу, набрал в ладони черноморскую воду, омыл лицо.

Бои затихли, истерзанная врагом Одесса предстал

перед нами. От порта по широкой Потемкинской лестнице мы поднялись к Театру оперы и балета. О величии и красоте этого здания — шедевра архитектуры — я слышал давно, но то, что предстало перед глазами, превзошло всякие ожидания. Фашисты заминировали это великолепное здание, но под напором наших войск не успели взорвать. Настоящее величие дворца я увидел намного позже, будучи через несколько лет после войны в Одессе в командировке.

В этот ясный, по-настоящему весенний день, на притихшие после боя улицы и площади высыпали ликующие одесситы. Они обнимали воинов-освободителей, вызывались быть проводниками. Горожане, мужчины и женщины, старики и дети, вместе с партизанами отыскивали спрятавшихся на чердаках и в подвалах гитлеровцев и передавали их в наши руки.

Люди выносили на середину улицы столы и угождали своих освободителей всем, чем только могли. Они приглашали уставших воинов к себе домой.

Мы с капитаном Амехиным побывали в одной семье. И услышали рассказ, как издевались над людьми немецкие и румынские оккупанты, как они пытались вытравить все, что связывало их с Родиной. Но, пожалуй, больше хозяев интересовало все, что делалось на советской земле, как жила эти годы Большая земля.

В этот день, в честь освобождения Одессы, Москва от имени Родины салютовала 24 залпами из 324 артиллерийских орудий. Отличившиеся в боях за город части и соединения удостоились орденов и гвардейских званий. Наша 243-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

Лично для меня эти дни оказались весьма знаменательными. В войну я вступил комсомольцем. Давно мечтал быть коммунистом. Но мое пребывание в частях было скоротечным, не успеют тебя узнать, как по ранению или по другим причинам выбываешь в другие места. Всей своей жизнью я был подготовлен к вступлению в партию большевиков. Хорошо знал Устав, Программу партии. Безоговорочно их разделял, боролся за их осуществление. Происходил я из рабочей семьи. Фронтовые товарищи дали рекомендацию. И вот после взятия Одессы, в апреле 1944 года, парткомиссия политотдела Никопольской Краснознаменной стрелковой дивизии приняла меня кандидатом в члены Всесоюзной

Коммунистической партии (большевиков). С тех пор моя жизнь прочно связана с ленинской партией.

Продолжая преследовать врага, наша дивизия в составе 34-го гвардейского стрелкового корпуса совершила марш до Тирасполя, с ходу форсировала многоvodный Днепр и вышла на боевой рубеж у села Копанка. Теперь мы воевали на молдавской земле.

Здесь развернулись ожесточенные бои на Днестровском плацдарме. Враг засел на возвышенности вдоль побережья Днестра. Он занимал командное положение над поймой реки. Ровная местность и хорошие дороги позволяли противнику маневрировать танками и другой техникой, успешно отбивать атаки.

Мы были в худшем положении, и немцы не прекращали контратаки. Используя местность, они вели прицельный огонь по огневым позициям и расположению наших войск.

Массированным огнем мы наносили серьезный урон противнику. Но опять не хватало снарядов. Тылы не успевали за нами. Было обидно видеть запаренного врага, а еще обиднее — не иметь возможности его уничтожить.

Однажды перед нами расположилась немецкая пехота. Вели себя нагло, как будто чувствовали, что снарядов нет.

По телефону я доложил капитану Амехину обстановку. Он ответил: «На батарее остался только неприкосновенный запас. Найди сам средство уничтожить врага». Меня удивило такое задание. И тут же словно из-под земли вырос Атарбаев:

— Товарищ лейтенант, тут недалеко целый склад немецких мин. Давайте попросим пару минометов, сбьем спесь с фашистов.

Комбат услышал в трубку этот разговор и засмеялся:

— Давай, лейтенант, разворачивайся, постреляем. Действительно, немецкие 81-мм мины можно использовать на наших 82-мм батальонных минометах. Только нужно очень точно скорректировать огонь. Если правильно все сделать, то никакой опасности для стреляющих не будет.

Вообще, минометы показали себя как хорошее средство борьбы с пехотой противника. 82-мм миномет прост по устройству и обслуживанию, обладает высокой ма-

невренностью, крутой траекторией и большими углами падения мин.

У командира стрелкового батальона я попросил на время четыре миномета. Но минометчики вдруг засопротивлялись. Они ожидали подводы с боекомплектом. Тогда мы решили поделиться трофеинными минами, и проблема была решена.

К этому времени подоспел капитан с опытным на-водчиком, увидел, что мы устанавливаем минометы и довольно потер руки:

— Ну, теперь постреляем! Только не спешите. Сначала покажите цели.

Капитан долго рассматривал противника в стерео-трубу, что-то прикидывал. Затем навели минометы, скорректировали раз, второй, третий. Наконец мина разорвалась почти у цели. После этого комбат скомандовал: «Беглый огонь!»

Фрицы заметались в панике... Много их полегло тогда.

Все наши попытки наступать наталкивались на организованную оборону врага, на мощный заградительный огонь артиллерии, минометов, крупнокалиберных пулеметов. Занимая выгодные позиции на господствующих высотах вдоль поймы реки, гитлеровцы неоднократно переходили в контратаки, пытаясь сбросить нас в днестровскую воду.

Наши войска вели тяжелые бои за расширение плацдарма. После очередного мощного артиллерийского налета пехота стала продвигаться вверх, по лесистым склонам приднестровской возвышенности. Однако губительный фланкирующий огонь крупнокалиберного немецкого пулемета прижал к земле.

Засевший на сопке, прочно окопавшийся фашистский пулеметчик вел яростный огонь. Часть наших стрелков стала обходить пулемет с обоих флангов, заходить с тыла, но фашист вел огонь до последнего и, когда увидел, что ему грозит неминуемая гибель, разобрал пулемет и разбросал его части в разные стороны.

Уничтожив препятствие, мы выбрались на возвышенность. Стрелковые подразделения заняли исходный рубеж для атаки. Лесистая, пересеченная местность с крутыми склонами не давала возможности использовать танки. Зато противник, находясь сверху на равнине, ввел в бой танки, всю свою технику и обрушил на нас

мощный огонь. Враг атаковал молниеносно. Мы даже не успели окопаться. Я корректировал огонь своей батареи, находясь вместе с командиром стрелкового батальона. Батарея стреляла с закрытых позиций. В это время пошли в атаку вражеские танки. Я перенес огонь батареи на машины.

Прижавшись к земле, в правой руке держа бинокль, я следил за боем. Близко разорвался очередной снаряд, и осколок пробил мне левую руку насеквоздь, повредил кость и задел бок. Кровь ударила фонтаном. Командир батальона вызвал санитаров, они спустили меня вниз по откосу, остановили кровотечение, перевязали рану и проводили в медсанбат. Это было 25 апреля под г. Бендеры. Ранение оказалось серьезным. Пришлось согласиться на эвакуацию в тыл. И вот переправа через Днестр. Масса народа: раненые бойцы, старики, женщины, дети. Все скученно, укрытия нет, единственное спасение от самолетов — матушка-земля. Но и она всех укрыть не могла.

Фашистские стервятники низко пролетали над переправой, строчили из пулеметов, разворачивались и уходили на запад. Нас погрузили на паром и переправили на левый берег. Широк и многоводен Днестр, величественная река. Наконец паром благополучно уткнулся в левый берег.

В полевом госпитале врачи осмотрели раны, проверили, не засели ли осколки. У меня оказалось повреждение кости, тут же наложили гипсовую повязку. Через день нас погрузили в эшелон и отправили в Одессу.

Прошло немного больше двух недель, как мы освобождали этот солнечный город, и вот я вновь здесь. В госпитале раненых окружили заботой и вниманием. Однако тяжелораненых с длительным сроком лечения отправляли в глубокий тыл.

Дорога на восток оказалась невероятно длинной. Проехали затемненные города и села европейской части страны. А за Уралом никакой светомаскировки. Ночью подъезжаем к Челябинску, а он по-довоенному светится яркими огнями. Впервые за годы войны я увидел столько мирных огней.

Далекий путь. Весна. Деревни и города в зеленом убранстве. Женщины, старики и дети — на полях. Прикрыв ладонями глаза, грустно смотрели они на поезд с красным крестом. Даже ребятишки не махали руками.

В Омске я попал в эвакогоспиталь № 1497. В офицерской палате девять раненых, двое с перебитыми ногами. Только разместились, зашли две женщины в белых халатах: врач с сестрой. Представились:

— Зинаида Николаевна, буду вас лечить, а Нина — обслуживать вашу палату.— Чем-то домашним повеяло от этих женщин. Они осмотрели новичков, назначили прием в процедурном кабинете.

На следующий день Зинаида Николаевна внимательно осмотрела мои ранения, заглянула под гипс. Дала указание вырезать «окно» в повязке, очистить рану. Сама помогала сестричке. Потом ободряюще улыбнулась мне.

— Вылечим, лейтенант. Лучше прежнего будете.

Вернулся в палату. Все у репродуктора. Слышу: «6 июня 1944 года войска союзников успешно высадились в Нормандии, открыли второй фронт в Европе».

Обмениваясь мнениями, все сошлись на том, что самые трудные дни войны уже позади. Красная Армия твердой поступью шла на запад, и мы были уверены в окончательной победе. Конечно, второй фронт и сейчас был не лишним. И сейчас впереди предстояли бои. Скоро я получил письмо от фронтовиков. Из него я узнал, что на Днестровском плацдарме немцы нанесли сильный удар по нашей, 243-й, стрелковой дивизии. В тяжелых боях героически пал командир дивизии полковник Г. М. Скляров. Погибло много моих однополчан-артиллеристов.

IV. Победные залпы

Был на исходе сентябрь сорок четвертого года. В Сибирь пришла золотая осень. Скошены травы, уbraneы хлеба. Однако и здесь, в далеком тылу, чувствовался пульс войны. Люди жили нуждами и заботами фронта. Работали, не жалея ни сил, ни здоровья. Война задела всех без исключения.

После госпиталя мне хотелось скорее попасть на фронт. Но путь мой оказался не так прост. Сначала меня направили в отдел кадров командующего артиллерией Сибирского Военного округа, затем еще дальше на восток — в Абакан и Минусинск.

Наконец, из Абакана через неделю в маршевом эшелоне мы отправились на Запад. Поезд шел на большой

скорости. Не заметили, как миновали Новосибирск, Челябинск, Уфу.

Разгрузились в Нежине, где стоял 51-ый запасной артиллерийский полк. И к моему удивлению, меня назначили командиром взвода учебного дивизиона. Командиром дивизиона был майор Макарочкин, а батареей командовал старший лейтенант Воробьев. Оба фронтовики. Меня приняли, как равного.

Мы работали с молодежью. Многие из ребят побывали в оккупации, в партизанах, но в армии не служили. Теперь им предстояло освоить технику стрельбы из орудий.

Последняя военная зима на Украине выдалась холодной, снежной, с частыми метелями. Иногда метель превращалась в буран. Но занятия в учебном дивизионе шли по расписанию, проводили их в поле под открытым небом. Все знали суворовскую истину «Тяжело в учении, легко в бою». С моим товарищем, командиром учебного взвода лейтенантом Иваном Ферапонтовым, мы использовали любую обстановку для закалки курсантов. Работали на совесть и ждали отправки на фронт.

В марте 1945 года, еще до окончания курса обучения курсантов, мы отправились на фронт.

Простишись с курсантами, поблагодарили за хорошую учебу, объявили благодарности.

По пути вышла остановка во Львове, не так давно освобожденном от фашистских захватчиков. Удивило, что он меньше разрушен, чем другие города. Фронт уже ушел далеко на запад, но обстановка в городе была неспокойной. Давали о себе знать притаившиеся предатели, украинские буржуазные националисты, бандеровцы. Простой украинский народ: рабочие, крестьяне, интеллигенция радушно встречали советских воинов, помогали армии очистить родную землю от затаившихся врагов.

Чем дальше на запад, тем сильнее ощущалось дыхание фронта. По железной дороге, по шоссе двигался нескончаемый солдатский поток, боевая техника, машины. Многие войска были в полном боевом вооружении, а некоторые, как и мы, налегке ехали на пополнение действующих частей и соединений.

Навстречу шли люди из неволи. Кто пешком, с рюк-

заками и тележками, кого-то подбирал попутный транспорт.

Высадились на небольшой разбитой станции в Польше. Штаб I-го Белорусского фронта мы с Иваном Ферапонтовым отправились искать на попутках. Вскоре земли Польши кончились, и мы вступили на территорию фашистской Германии.

Здесь, на границе, были установлены временные пограничные знаки двух государств. Старых столбов не сохранилось. Фашисты давно их уничтожили, присоединив эти государства к третьему рейху.

Но пришло возмездие и на их землю. Мы только что проехали пол-России, прошли Польшу. Своими глазами видели, какие глубокие раны нанесли земле фашистские звери, какие творили злодеяния. Гнев и боль переполняли наши души. И мы гордились, что пришли сюда освободителями.

В отдел кадров Управления командующего артиллерией I-го Белорусского фронта мы с Ферапонтовым явились вместе. За полгода совместной службы мы сдружились и хотели попасть в одну часть. Мне нравился этот общительный, веселый парень. Он тоже дорожил нашей дружбой. Но, как часто бывает на фронте, меня направили в 65-ую легкую артиллерийскую Нарвскую Краснознаменную ордена Суворова II степени бригаду 18-ой артиллерийской дивизии прорыва резерва Главного командования, которой командовал полковник А. С. Герасименко. Назначили командиром огневого взвода — старшим на батареи 1428-го легкого артиллерийского полка. Иван попал в другую часть. Скоро получил боевое крещение, был ранен. Из госпиталя написал мне письмо, рассказал о своем житье-бытье. И на этом переписка оборвалась. Мы потеряли друг друга. Но до сих пор в сердце жива теплота фронтовой дружбы.

В часть я прибыл в начале апреля, она уже находилась на Кюстринском плацдарме. По пути заметил, что идет подготовка к большому, решающему наступлению. Сплошным потоком к фронту двигались войска, подвозились боеприпасы, подтягивались танки и артиллерия. Части маскировались в ближайших лесах или удобных складках местности.

Наш полк имел на вооружении 76-мм орудия, механической тягой служили автомашины «студебеккеры».

Батарея была полностью укомплектована людьми, боеприпасами и автотранспортом. Командовал батареей пожилой офицер капитан Маркелов.

Он бегло ознакомил меня с обстановкой. Познакомил с артиллеристами. Капитан Маркелов с командиром взвода управления постоянно находились в боевых порядках пехоты, уточняли передний край противника, выявляли и пристреливали цели. С запасных позиций подавлялись обнаруженные огневые точки противника.

В ночь перед наступлением командир нашего дивизиона капитан Соцкий сообщил нам, что в предстоящих боях наша 18-ая артиллерийская дивизия прорыва резерва Главного командования придается соединениям 8-ой гвардейской армии.

На слиянии реки Одер с притоком Варта находился крупнейший в Восточной Германии укрепленный район с крепостью Кюстрин. В этом месте ширина Одера превышала четверть километра, при трехметровой глубине. Крепость преграждала прямой путь к Берлину, ее не зря называли «воротами» германской столицы. Противник занимал оборону на расположенных вдоль Одера высотах. С них просматривалась вся долина реки. Фашисты вели прицельный артиллерийский и минометный огонь по нашим частям, находившимся на этом плацдарме. Закрепившись на выгодных оборонительных рубежах, немцы часто переходили в контратаку. Наши войска стойко отбивали их.

На Кюстринском плацдарме мы были в полосе главного удара, откуда I-ый Белорусский фронт готовился разгромить берлинскую группировку противника и овладеть столицей Германии. Пытаясь предотвратить катастрофу, немецкое командование создало прочную и глубокую оборону Берлина, используя для этого природные условия. Множество водных преград — озер, соединенных между собой реками и каналами, — были труднопроходимыми для танков и артиллерии, затрудняли широкое наступление большими силами. Здесь скопилось большое количество войск, плотно оснащенных техникой. Одним словом, резервы и силы здесь были внушительные.

Поэтому советское командование особенно тщательно готовилось к решающей битве за Берлин. Подготовка велась скрытно, с соблюдением всех мер предосторожности, маскировки, с расчетом на внезапный удар.

На берлинском направлении было создано наше подавляющее превосходство в живой силе и технике. Так, в направлении главного удара на один километр фронта приходилось 266 артиллерийских орудий и минометов. Боевой порядок был построен так, чтобы орудия всех корпусов и дивизий участвовали в артиллерийской подготовке и наступлении. Была создана высокая плотность огня в период артподготовки и обеспечена непрерывная огневая поддержка войск в течение всего наступления.

За два дня до наступления проводилась разведка боем. Наша батарея приняла участие в десятиминутном артнаалете, после которого разведывательные батальоны неожиданно для врага атаковали его первую позицию и захватили ее. Разведка боем помогла нам, артиллеристам, выявить новые цели, огневые точки и укрепления противника.

В ночь на 16 апреля политработники зачитали бойцам обращение военного совета I-го Белорусского фронта: «Славой наших побед, потом и своей кровью завоевали мы право штурмовать Берлин и первыми произнести грозные слова сурового приговора нашего народа немецким захватчикам... Вперед на Берлин!».

Ночь перед наступлением казалась невероятно длинной. Сон не шел. Беспокойство за исход боя, за судьбу каждого бойца вызывали тревогу,

Ровно в пять часов утра по московскому, в три часа по берлинскому времени по команде капитана Маркелова: «Батарея, беглый огонь!» — началась артиллерийская подготовка. Все слилось в сплошный гул невероятной мощи. На узком участке фронта бьют тысячи орудий. Как при сильном землетрясении дрожала и ухала земля. Непрерывный грохот бомб и снарядов сливался со сплошными всполохами зарниц над позициями противника. Это было ошеломляющее и грандиозное зрелище.

...Как справедливый гнев страны
гремят победные оружия —
неумолимый бог войны
свое свершает правосудие!

Это было грозное возмездие врагу за все причиненное им горе нашему народу. Огонь тысяч батарей ломал последние преграды на пути к Берлину.

Через несколько минут после начала артподготовки

одновременно по всему фронту вспыхнули сотни прожекторов, мощные пучки света воткнулись в клубящуюся стену из пыли, гари и дыма. А затем двинулись наши войска. Противник был обескуражен, он не мог понять, что все это значит. Его наблюдательные и командные пункты были подавлены огнем артиллерии и авиации. Вначале сопротивлялись только немногие уцелевшие пулеметы, самоходки и орудия, находившиеся в прочных укрытиях. За огневым валом продвигались наша пехота и танки. Но вот появились на пути водные препятствия, и танки с самоходками стали отставать от стрелковых частей. Взаимодействие между артиллерией, пехотой и танками нарушилось. Артиллерия перешла на ведение сосредоточенного огня. На рассвете уцелевшие орудия и минометы противника открыли огонь по нашим наступавшим частям.

Преодолев канал Хоупт, наши части начали штурм Зееловских высот. Танки не могли взобраться на крутые скаты и вынуждены были искать другой путь. Капитан Маркелов приказал перейти на новые позиции, ближе к высотам, чтобы точным и сильным огнем подавить оборону врага.

Сражаться приходилось в крайне сложных условиях. Наши войска с большим трудом пробивались через болота и топи. Используя задержку, враг сопротивлялся и закреплялся на своих позициях.

Ночью мы переместились на более удобное место, вели наблюдение за противником, изучали его оборону и вместе с пехотой готовились к штурму высот. А утром провели мощную артиллерийскую подготовку. Вместе с нами на вражескую оборону на высотах обрушилась штурмовая авиация.

Немцы отчаянно дрались за каждое укрытие, за каждый квартал городских и сельских поселков.

Прошло несколько часов напряженного боя, прежде чем нам удалось занять несколько населенных пунктов. Потери были велики с обеих сторон.

Вечером на огневые позиции батареи пришли командир дивизиона капитан Соцкий и комбат Маркелов. Было некоторое затишье, немцы бросали осветительные ракеты и вели редкий огонь из минометов. Нам приказали выставить охрану около орудий и собраться в одно место.

— Есть важные указания,— сказал капитан Соцкий.— Командование требует всю артиллерию подтянуть к первому эшелону и держать ее не далее 2—3 км от него. Действия артиллерии необходимо сосредоточить на тех участках, где намечен прорыв. Это касается прежде всего артиллерии большой мощности. Нам же, легкому артдивизиону, надлежит быть в боевых порядках пехоты, во всяком случае, не отставать от нее,— уточнил капитан.— Кроме того, враг, отступая к Берлину и цепляясь за каждый дом и куст, всюду, в лесах и на дорогах, расставил много минных полей и заграждений. Подбрасывает минированные сюрпризы — авторучки, велосипеды, простое прикосновение к которым вызывает взрыв. В нашем дивизионе есть такие потери. Обстановка требует от каждого командира и бойца особой бдительности.

На дорогах к Берлину мы поддерживали наступление стрелкового батальона. С сильно укрепленного населенного пункта фашисты начали массированный ураганный огонь и пошли в контратаку.

Мы вели огонь прямой наводкой. Показалось несколько фашистских танков, за ними пехота. Они медленно двигались, вели огонь по батарее. Я отдал приказ: «Зарядить орудия бронебойно-зажигательными снарядами. Приготовить боеприпасы». В это время с наблюдательного пункта позвонил капитан Маркелов:

— Вы видите танки? — спрашивает он.

— Не только видим, уже готовы к бою, — отвечаю.

— Хорошо. Подпустите поближе, бейте наверняка! — приказал капитан.

Подпустив машины на 350 метров, я дал команду открыть беглый огонь. Нас поддержали недалеко расположенные соседние батареи.

Для немцев это оказалось неожиданным. Враг нас не видел. Мы были хорошо замаскированы. Танки двигались под небольшим углом к нам. Наводчик второго орудия ефрейтор Степан Егоров с первого выстрела врезал бронебойный снаряд в бок вражеского танка, тот встал. Второй снаряд лег под башню, и языки пламени метнулись по подбитой громадине.

Обнаружив нас, танки рванулись на батарею, ведя прицельный огонь. Началась смертельная дуэль. Кто кого? Двумя выстрелами первого орудия был подбит головной танк. В это время разорвавшимся снарядом

убило наводчика Егорова. К панораме встал командир орудия старший сержант Орницкий. Несколько машин загорелось от огня соседних батарей. В разгар боя появились наши штурмовики. Они активно поддержали нас.

Такого дружного натиска противник не выдержал. Остановились, попятались назад уцелевшие танки, затем ринулась наутек пехота. У нас наступила передышка. А в небе завязались воздушные бои. Наблюдаем, как наши «Лавочкины» и «Яковлевы» гоняют фашистских стервятников. Стремительно выскочив из-за облаков, «ястребки» внезапно атаковали противника, расстроили его боевой порядок и вынудили сбросить бомбы на свои войска. Три фашистских самолета свечками ушли к земле, остальные обратились в бегство.

Сражение продолжалось весь день. Мы отбили все атаки. К вечеру на помощь подошли свежие войска, новые танки, и мы двинулись вперед. Пехота с криками «Ура!» ворвалась в большое село, где даже отдельные каменные дома были приспособлены к обороне. Немцы оказывали отчаянное сопротивление. Но нас уже нельзя было остановить. Село было взято. Пал еще один укрепленный пункт на пути к Берлину.

Мы упорно приближались к намеченной цели. Осталось сделать еще один решающий шаг — взять Берлин и на этом закончить войну.

Германское командование, не считаясь с потерями территорий на западе, приказало все имеющиеся силы перебросить на восток. Гитлер называет сражение за Берлин «Битвой за судьбу Германии».

Нужно было силой оружия заставить врага принять условия безоговорочной капитуляции. События развивались с невероятной быстротой. 20 апреля дальнобойная артиллерия 3-й ударной армии первой открыла огонь по Берлину, положив начало историческому штурму столицы Германии. Весть об этом с быстротой молнии разнеслась по всему фронту, быстро дошла и до нашей батареи. Мы рвались в бой.

На следующий день наши войска вышли на окружную берлинскую автостраду, вклинились в городские кварталы и завязали перестрелку, а 22 апреля началось сражение в городе.

В ночь передовые части 8-й гвардейской армии вышли на берег реки Шпрее и на подручных средствах в темноте форсировали ее. Нам для переправы артил-

лерийских орудий со «студебеккерами» саперы навели дополнительные pontonные мосты. Уже к концу дня поддерживаемые нами соединения 8-ой гвардейской армии, овладев пригородом Берлина, вели бои западнее реки Даме.

В этот день мы стреляли с закрытой позиции. В середине дня пришли капитан Маркелов и командир дивизиона капитан Соцкий. Они познакомили нас с приказом Верховного Главнокомандующего маршала И. В. Сталина, в котором за прорыв вражеской обороны и успешное наступление на Берлин войскам I-го Белорусского фронта, в том числе и нам, объявлялась благодарность. Соцкий вручил нам выписки из этого приказа, подписанные командиром полка.

Потом они осмотрели огневую позицию, каждое орудие, приборы. Приказали дооборудовать укрытия для орудий и расчетов. Я попросил подбросить боеприпасов. Капитан Соцкий сказал, что снаряды скоро подвезут, пожелал успехов и отправился на другую батарею. Комбат остался с нами. Долго беседовал с бойцами, приказал доложить, когда привезут снаряды. Затем с разведчиком ушел на наблюдательный пункт. Мы четко выполнили все распоряжения.

Уже стемнело, когда на батарею вновь пришел комбат. Он проверил, как выполнены его указания. Дал данные предстоящей стрельбы, приказал уточнить наводку орудий, подготовить снаряды. Затем он позвонил командиру дивизиона и доложил, что батарея готова выполнять боевую задачу.

Не первый раз приходилось нам участвовать в артиллерийской подготовке. Но эта показалась более ответственной. Предстояло вести огонь в большом городе.

Позвонил капитан Маркелов: ему, видно, тоже не спалось. Спросил, как обстановка на батарее, чем занимаются бойцы. Предупредил, что в пять утра необходимо поднять людей, накормить и ждать команды.

В шесть утра последовала команда: «К бою! Зарядить! По фашистскому логову, батарея, беглый огонь!» С грохотом и свистом, разрывая воздух, понеслись снаряды на врага. Исполинский шквал огня обрушился на оборону противника. Мощная артиллерийская подготовка возвестила начало решающего штурма столицы фашистского рейха, где каждый дом был превращен в

крепость. Под напором стали и огня рушились стены этих крепостей, вздымались к небу завалы и баррикады, перегораживавшие улицы.

В глубь каменных кварталов Берлина устремилась лавина танков и пехоты, поддерживаемая огнем артиллерии и авиацией. Ничто не могло устоять под мощным напором наших войск. Наступление шло беспрерывно, без передышки, днем и ночью.

Спасая свою шкуру, Гитлер поставил под ружье всех, кто только мог носить оружие. В фолькстурме были и старики, и юнцы. Унылый их вид не мог не вызвать жалости. Дело доходило до того, что команды гитлерюгендов, собранные из подростков, в школьных кителях с фаустпатронами, бросались против наших танков.

По мере нашего продвижения к центру города, поток пленных увеличился. Немецкие солдаты бросали оружие. Нам было не до них, и они уходили в тыл, порой, без сопровождения.

Но ярые фашисты, фанатики из войск СС и других частей, находясь в железном кольце, оказывали неистовое сопротивление. В каменных руинах зарылись не простые солдаты, а гитлеровские маньяки, преступники, обагрившие свои руки кровью невинных людей нескольких государств. Им было безразлично, где умирать.

Вести бой в таком крупном городе, как Берлин, очень сложно. Это огневой ближний бой, где на короткое расстояние ведут огонь не только автоматы, но и артиллерия. Противник, как в крепости, укрывается за стенами зданий, в подвалах, на чердаках, за баррикадами и завалами. Он из засад ведет огонь всеми видами оружия. В уличном бою враг иногда появляется в тылу, где его не ожидаешь.

В первый день штурма поддерживаемая нами пехота продвинулась к центру города на 3—4 километра. Заняв городские районы Бриц, Мариendorf, продолжала движение вдоль канала Тельтов. Около канала нам встретился какой-то завод. Недалеко от завода, на поляне, мы выбрали удобное место для размещения огневой позиции батареи. Пока оборудовали укрытие, маскировали орудия, немцы обнаружили нас и через канал открыли огонь. Мы не обратили внимания на лежащие неподалеку бочки с жидкостью. Но, как только снаряды попадали в эти бочки, жидкость воспламенялась, бочки взрывались

и неслись высоко в воздух, а затем падали на землю, разбрызгивая кругом горящую массу. Никакое укрытие не могло помочь, и нам пришлось срочно менять огневую позицию.

С земли трудно было наблюдать за ходом боя. Видишь только то, что перед тобой,— обзор закрывают многоэтажные дома. Хотелось видеть, что делается кругом. Поэтому я иногда взбирался на крышу высокого корпуса, чтобы посмотреть, что делается вокруг. Берлин раскинулся по обе стороны Шпрее на десятки километров. Сверху видны были бесконечные крыши, заводские трубы, шпили кирх. По всему городу разбросаны огни пожаров, вздымались к небу клубы черного дыма, вдалеке вспыхивали желтые взлохмаченные султаны от взрывов тяжелых бомб.

В Берлине мы не боялись нападения врага с воздуха. Наша авиация прочно защищала наземные войска.

На пути к аэродрому Темпельхоф предстояло форсировать канал Тельтов. Первым прорвался к берегу канала штурмовой отряд 39-ой гвардейской стрелковой дивизии во главе с лейтенантом Дмитрием Нестеренко. Мост через канал был взорван и серединой осел в воду. Но перебраться на другую сторону по нему было можно, если бы не огонь фашистских пулеметов и снайперов. Кругом пожары, дым от которых окутал прибрежные постройки так, что их трудно было разглядеть.

Мы, видя затруднения пехоты, выкатили орудия на прямую наводку и уничтожили ряд огневых точек противника. Под прикрытием нашего огня одна штурмовая группа бросилась через мост, другие же пехотинцы и саперы спустились к воде, где было несколько лодок, и с пулеметом переправились на тот берег.

Гвардейцы действовали решительно и умело, натиск их был стремителен. Фашисты не выдержали удара и побежали. Вскоре прибрежные дома были очищены от врага и на противоположный берег мы переправились с батареей.

Аэродром Темпельхоф имел большое значение для всего сражения за Берлин. Поэтому бои за него носили ожесточенный характер. Это была последняя площадка в Берлине, с которой могли взлететь самолеты.

Аэродром обороняли зенитные части, отряды войск СС и танки, расставленные в кайме взлетного поля.

На огромном поле аэродрома находилось много немецкой авиационной техники, в том числе новейшие реактивные самолеты. Здесь же, в ангарах, стояли самолеты, полностью заправленные, готовые к взлету в любую минуту. Около них дежурили экипажи, которые в прошлом перебрасывали по воздуху Гитлера, Геринга, Гебельса, Бормана и других главарей фашистского рейха. Нельзя было дать им ускользнуть. Пока гвардейцы окружали аэродром, брали его в кольцо, артиллеристы держали под огнем взлетное поле. К полудню 26 апреля весь аэропорт Темпельхоф был в наших руках.

Однако враг не хотел примириться с потерей аэродрома. Он беспрерывно контратаковал гвардейцев, расположившихся на севере взлетного поля. Нужно было поддержать пехоту артиллерийским огнем. Командир дивизиона капитан Соцкий приказал мне лично установить связь с поддерживаемым стрелковым батальоном и оттуда корректировать огонь. Как мы только со связистом ступили на летное поле, притаившийся враг открыл ураганный огонь из минометов и пулеметов. Пришлось по-пластунски добираться до ангаров, а затем, скрываясь за их стенами, перебежками пробираться на НП батальона.

Наше прибытие оказалось кстати. Огнем батареи удалось уничтожить огневые точки, сломить сопротивление врага.

Вокруг еще шел бой, а на летное поле аэродрома, несмотря на зенитный огонь, приземлилась первая пара наших истребителей. Их обстреляли вражеские минометы. Мы засекли минометные батареи и своим огнем заставили их замолчать.

Здесь, в городском бою, более всего ощущалось боевое содружество артиллеристов с пехотинцами, танкистами, летчиками и саперами. Мы чувствовали локоть друг друга и действовали плечом к плечу. В этом был залог успеха.

В уличном бою самая дальняя дистанция для стрельбы из орудия не достигала 350 метров. Это требовало от орудийного расчета четкого и слаженного действия, внезапности огня, поражения цели с одного-двух выстрелов.

Наиболее эффективным в городе был огонь прямой наводкой с открытых позиций. Если позволяла обстановка, мы ночью закатывали орудия на место, подноси-

ли снаряды, готовили расчет, а утром, как только намечался штурм, открывали огонь.

Меткий огонь, подавление цели, уничтожение огневых точек врага радовали не только нас, но и пехотинцев. Они всегда старались вовремя предупредить артиллеристов о нависшей угрозе, о появлении вражеских танков и самоходок, о местах расположения пулеметов, автоматчиков и фаустников. А если приходилось вести огонь со здания, через окно, то пехотинцы помогали нам втащить тяжелые орудия в дом.

К исходу 28 апреля основные силы 8-ой гвардейской армии вышли к последнему рубежу обороны гитлеровских войск в Берлине — к Тиргартену.

Этот остров, омываемый со всех сторон водами Шпрее и каналов, оборонялся отборными частями СС и охранными батальонами. Фашисты укрывались в высоких, прочных зданиях, из которых прицельным огнем обстреливались все подступы к мостам и водным преградам.

Нам предстояло форсировать канал Ландвер и захватить Анхальский железнодорожный вокзал, подступы к которому фашисты превратили в мощные опорные пункты. Мост через канал немцы заминировали, но не успели взорвать. С высоких зданий противоположной стороны канала они вели массированный огонь, не допуская нас к мосту. Мы выкатили орудия на открытую позицию и прямой наводкой подавили огневые точки врага. Под мощным прикрытием нашего огня по рельсам через мост двинулась пехота, а за ней и наши орудия.

Под сильным напором наших войск враг бежал, мы ворвались на платформы Анхальского вокзала, здание которого было разрушено бомбёжками и артиллериическим огнем. От вокзала мы продвинулись к центру города. Последние схватки были жестокими и кровопролитными. Противник бросал в бой все свои резервы, всей мощью огня пытался преградить нам путь. Однако все эти попытки были тщетными.

Каждый шаг по берлинским улицам стоил нам немало жизней. Острие удара наших войск теперь было направлено в центр Тиргартена, где находилась ставка Гитлера и откуда еще шли лишенные смысла приказы.

Последние бои отличались массовым героизмом советских воинов и безнадежным сопротивлением врага.

Камни и кирпичи развалин, асфальт улиц и площадей Берлина обильно полты кровью наших бойцов. В солнечные предмайские дни они шли на смертный бой. Они хотели жить, но не щадили жизни ради победы, ради людского счастья на земле.

В те дни мы, участники этих боев, клялись сохранить память о павших, чтобы и внуки наших детей знали, чьей жизнью и кровью завоевана победа над фашизмом.

Апрель кончался. Враг уже не мог оказать сплошное сопротивление по фронту. Выдыхаясь, он еще навязывал нам кровопролитные бои, неистово дрались отдельные гарнизоны, отряды войск СС и группы фанатиков. Однако в ночь на 1 мая мы узнали, что в расположение наших частей прибыли немецкие парламентеры с просьбой прекратить огонь. Но бои не утихали.

Ясный день выдался 1 мая 1945 года в Берлине. Блестела зелень под лучами весеннего яркого солнца. Усталые от многодневных боев, но бодрые духом наши солдаты хотели как-то по-особому отметить этот праздник.

Рано утром позвонили командир дивизиона и командир батареи, поздравили всех с праздником. За завтраком скромно его отметили и подготовились к бою.

В 10 часов 30 минут утра началась артиллерийская подготовка. Первомайский штурм был направлен в самое сердце развалившегося третьего рейха. Приказано огонь вести на полную мощность, боеприпасов не жалеть, скорее добить врага. Бьем с закрытых позиций. Тысячи снарядов полетели на правительственные кварталы рейха.

После мощного и хорошо подготовленного удара противник ослабил сопротивление. Занят квартал, где размещалось гестапо, уничтожено гнездо самых опасных гадин.

Где-то в полдень мы увидели в небе осажденного Берлина девятку «Яков», принесших нам на своих крыльях первомайский привет Родины. С ведущей машины сброшены два красных полотнища со словами: «Да здравствует 1 Мая!», «Победа!» и «Слава советским воинам, водрузившим Знамя Победы над Берлином!»

Привет Родины вызвал всеобщий восторг и вдохновил нас на завершение разгрома врага. Бои уже переместились в центр Тиргартена, агонизирующий Берлин

гримит и стонет от выстрелов и взрывов. Кольцо сжалось, наши войска подошли близко друг к другу и чтобы не повредить своих, капитан Соцкий приказал бить только по хорошо наблюдаемым целям прямой наводкой.

Началась добровольная сдача в плен немецких солдат и офицеров. Все труднее было разобраться, где наши, где противник.

Уже поздно вечером капитан Соцкий приказал открыть огонь по узлам сопротивления, комбат передал данные для стрельбы. Стволы пушек накалились. Снаряды подвозились постоянно. Мы буквально выкуривали засевшего в укрытиях врага. Всю ночь была слышна артиллерийская стрельба. К рассвету канонада стихла.

Днем 2 мая 1945 года мы вышли на улицу Унтер ден Линден к Бранденбургским воротам, недалеко от разбитого рейхстага, где уже было много наших войск. Здесь мы узнали, что сдавшийся в плен бывший командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг, по требованию маршала Г. К. Жукова, подписал приказ о капитуляции Берлинского гарнизона.

Теперь немецко-фашистские войска стали активно складывать оружие и сдаваться в плен. По широкой Унтер ден Линден мимо наших ликующих войск двигались унылые колонны пленных вояк во главе с генералами и офицерами. Они шли, повесив головы, шли среди развалин и пепелищ поверженного Берлина, где еще недавно вынашивались изуверские планы Гитлера о порабощении мира. В городе стало непривычно тихо, только слышались редкие автоматные очереди засевших в парке Тиргартена недобитых эсэсовцев.

Главное позади. Еще немного усилий и будут добиты разрозненные остатки гитлеровцев по всей Германии. Всему миру стало ясно, что победа за нами. Советский народ принял на себя главную тяжесть удара военной машины Гитлера и разбил ее. Война прокатилась по нашей земле от западных границ до Москвы и Сталинграда и обратно. Она принесла неисчислимые жертвы, бедствия и страдания нашему народу.

Но советские люди все перенесли и выстояли, совместно с народами стран антигитлеровской коалиции погасили пламя войны там, откуда оно взметнулось. Врага победил массовый героизм и высокий моральный

боевой дух наших воинов, оснащенных новейшей техникой.

Так был успешно завершен штурм фашистской столицы. У Бранденбургских ворот был праздник. Несмотря на усталость, советские солдаты и офицеры собирались группами, знакомились, интересовались, кто из какой части, где воевал, откуда родом, делились своими впечатлениями. Появились гармошки, и началось всеобщее веселье. А вечером в городе возник стихийный салют. Стреляли вверх из пушек, зениток, автоматов, ракетниц. Стреляли трассирующими снарядами, пулями, ракетами. Так отмечали победу в Берлине.

Здесь, на Унтер ден Линден, закончилась война для нашей части и для меня лично. После боев нас расквартировали в Берлине в малопострадавшем здании главного почтамта. Четыре дня приводили себя в порядок.

Потом нас вывели в лес под Берлином. Здесь обосновались капитально. Построили землянки для жилья, столовую, баню, материальный склад, разместили орудия, боеприпасы и автотранспорт. Началась боевая и политическая подготовка мирного времени.

8 мая в 24.00 в Карлхорсте был подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Это была полная победа!

Затаив дыхание, многие со слезами на глазах слушали голос Левитана, который торжественно читал приказ Верховного Главнокомандующего:

«Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков победоносно завершена. Германия полностью разгромлена... В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы в 22 часа столица нашей Родины Москва салютует доблестным войскам, одержавшим эту блестящую ПОБЕДУ, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий. Вечная слава павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины».

Ночью мы не спали. Радости не было предела.

Утром 9 мая, в первый день победы, все бурлило в нашем расположении. Торжествовала наша армия, весь советский народ, все прогрессивное человечество. Офицеры и солдаты группами и парами ходили по лесу. На поляне под гармошку плясали и пели артиллеристы и

пехотинцы. Все перемешалось: офицеры и рядовые, бойцы из разных частей и родов войск, все как одна семья, как родные братья отмечали победу.

Завоеванный мир пришел на землю. И не только те далекие сражения под Москвой и Ленинградом, но и совсем еще близкие бои за взятие Берлина почти на глазах становились историей.

Это была крупнейшая в истории человечества победа над сильным и коварным врагом. Прошлое нашей Родины знало немало битв и сражений. После Октября нам пришлось воевать с белогвардейцами и интервентами. Все попытки кончились крахом поджигателей войны. И слова Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет русская земля»— стали крылатыми словами.

Разум требует не забывать уроков истории. Пусть помнят о них и те, кто строит сегодня новые планы агрессии. И пусть не сомневаются: советский народ отстоит свою свободу и независимость от любых авантюристов.

Скоро нас преобразовали в 67-ую тяжелую минометную бригаду четырехдивизионного состава. Полки упразднили. На вооружение мы получили 16-мм тяжелые минометы. Нужно было освоить в короткий срок новую боевую технику. Началась демобилизация старших по возрасту солдат. Тепло проводив их домой, часть пополнилась молодежью. С ними и начали изучать новое оружие.

Кандидатом в члены ВКП(б) я стал еще в апреле 1944 года, вскоре после взятия Одессы, но в связи с ранением кандидатскую карточку не успел получить. И вот уже после войны, в июне 1946 года, как только поступили мои документы, парткомиссия 67-ой тяжелой минометной бригады приняла меня в члены ВКП(б) и выдала партийный билет.

Скоро и 67-ая тяжелая минометная бригада была расформирована. Нас направили в распоряжение командующего артиллерией группы советских оккупационных войск в Германии. Тепло прощались с товарищами, с которыми брали Берлин, закончили войну. С командиром бригады полковником Герасименко, его заместителями подполковником Мухиным, капитаном Будковым, командиром дивизиона капитаном Соцким, командиром

батареи капитаном Маркеловым, старшиной Орницким.

Я устал за войну, тосковал по дому, по земле. Командование группы войск выдало мне разрешение на вызов жены Анны Павловны в Германию. Но я не воспользовался этим. Попросил демобилизовать меня. Вскоре моя просьба была удовлетворена. И в августе 1946 года вернулся домой, к мирной жизни. На станции Кургантюбе, откуда я уехал в первый день войны, меня встретили родные и товарищи. Сюда я приехал по воинскому билету от станции Берлин-Силезский до станции Кургантюбе. Этот билет я и сейчас храню, как дорогую реликвию. Вот где мне вспомнился плакат, что я видел на фронте под Ленинградом: «Твой путь домой лежит через Берлин!» Провидцем оказался автор этих слов.

* * *

Спустя более трех с половиной десятков лет, обозревая пройденный путь, с гордостью говорю, что мне выпало счастье быть активным участником тех больших исторических событий и, если бы жизнь повторилась, то я без сомнения пошел бы тем же путем.

У нас говорят, кто думает о будущем, не должен забывать прошлое. Наш народ свято чтит память тех, кто отдал жизни за победу. По всей стране на местах былых сражений и в тылу, в городах и селах воздвигаются мемориалы боевой славы, монументы и обелиски погившим воинам, ратный подвиг которых навсегда останется в наших сердцах. «Воскрешая в памяти тяжелые годы войны,— говорит Леонид Ильич Брежнев,— мы отаем должное народу-борцу, народу-победителю, народу, который за три послевоенных десятилетия превратил свою Родину в могучую процветающую державу».

На Советской земле нет такого села, жители которого не потеряли бы родственников на войне. Среди них село Ульгули, центр колхоза имени Ленина Джетысайского района. Здесь, в мае 1975 года, в день празднования 30-летия Победы над фашистами открыт величественный монумент, памятник погившим на войне моим односельчанам. Впереди с автоматом в руке стоит статная фигура молодого офицера, Героя Советского Союза Жолдыбая Нурлыбаева. За монументом стена. На ней

в несколько рядов выбиты сотни фамилий и имен погибших на войне земляков.

Время неумолимо. Оно идет. И тех, кто воевал, становится все меньше и меньше. Но они среди нас. Это скромные люди, многие из них и сейчас не покладая рук трудятся на разных участках коммунистического строительства.

Ежегодно в День Победы ветераны войны со всего района собираются в город Джетысай. После возложения венков к памятнику погибшим воинам у средней школы имени Горького, на стадионе проходит торжественный митинг.

После войны минуло много лет, постарели ее участники, но память о тех днях, о фронтовых товарищах не ослабевает. Приятно было узнать, что в городе Ярославле, где формировалась 243-я Никопольская Краснознаменная стрелковая дивизия, действует Совет ветеранов, членом которого является бывший заместитель командира полка дивизии Виктор Иванович Грошков. На всем огненном пути от Ленинграда до Берлина, во всех частях и подразделениях было много боевых товарищей, забыть которых невозможно. И как писал поэт Михаил Матусовский:

Мне часто снятся те ребята —
Друзья моих военных дней,
Землянка наша в три наката,
Сосна, сгоревшая над ней...

Теперь весь мир знает, как нам неимоверно дорого стоила победа. Но не напрасно проливалась священная кровь наших людей. Советские солдаты не только отстояли свободу и независимость Отчизны, они спасли человечество от коричневой чумы.

В память о тех, кто славно сражался за Родину, хочется пожелать нашей молодежи достойно продолжить подвиги ветеранов в борьбе за мир и коммунистическое строительство.

...И МЕДНЫЕ ТРУБЫ

В поверженном Берлине уже не дымились руины. Смыло дождями с брускатых мостовых и асфальта пятна крови и бумажный пепел из канцелярии рейхстага. Зеленели уцелевшими ветками деревья. Наступило первое послевоенное лето.

На широком плацу у казарм Геринга выстроились в каре подразделения союзных войск. Впереди батальонов, сверкая медью, стояли оркестры: наш, советский, американский и английский. Ждали командование.

Американцы, одетые в аккуратно подогнанные цвета хаки костюмы, напоминающие спортивные, только с крылышками на рукавах, заиграли что-то веселое, бравурное. В бешеном ритме отбивали дробь барабаны. Два негра-саксофониста выделявали виртуозные коленца. Ритм мелодии и тональность то и дело менялись. Военный оркестр напоминал скорее джаз. И парни, которые стояли напротив нас, казались какими-то маскарадными: будто только что их взяли из ресторана, одели в эту форму и привезли сюда, в Берлин.

Потом заиграли вальс англичане. Их оркестр был меньше, но звучал задушевнее. Вальс волновал, напоминал что-то нежное, полу забытое.

Наш капельмейстер — молодой капитан — волновался, наверное, больше всех. Он будто спрашивал нас глазами, советовался: что, мол, сыграть, ребята?

— Товарищ капитан, давайте «Все выше», — предложил пожилой трубач, стоявший в первом ряду.

Капельмейстер окинул нас взором, ожидая возражения или поддержки, и, прочитав немое согласие, сказал с хрипотцой, появившейся от волнения:

— «Все выше»!

Когда отзвучал последний аккорд английского вальса, грянул наш, советский, оркестр.

Над громадами домов, над широкими улицами со следами баррикад плеснулась широкая, как чистое небо Родины, мелодия:

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц...

Оживленно говорившие до этого американцы присмирили, прислушались. Я видел, как за чугунной оградой остановился пожилой немец и снял шляпу.

Мы играли, и будто говорили трубы: «Слушайте нас! Мы пришли из далекой России сквозь муки и страдания! Мы пришли сюда победителями. И пусть никогда больше не будет войны. Отступая на восток в сорок первом, мы не сомневались, что рано или поздно придем в Берлин. И вот настал наш час...»

Марш как птица взлетал к весеннему небу, где, казалось, в бесконечной лазури все шли и шли армады стальных советских воздушных кораблей.

Подтянулись наши солдаты и офицеры, стоявшие рядом. Я видел, как счастливой гордостью засветились их лица. Мне казалось, что в эти минуты военный марш слушает весь Берлин, вся Германия, весь мир!

Седой майор со звездой Героя Советского Союза замер по стойке «смирно». Военные корреспонденты что-то записывали в блокноты. А у капельмейстера было такое светлое, одухотворенное лицо, какого я никогда раньше не видел. Может быть, это был и для него самый памятный в жизни день.

Когда мы кончили играть, произошло неожиданное. Первыми, прямо с инструментами, к нам подбежали американцы. Они пожимали нам руки, говорили что-то, предлагали сигареты и жевательную резинку. Кто-то фотографировал нас. Англичане выражали свой восторг рукопожатиями, улыбками.

Был конец мая сорок пятого года. До этого плаца, до этих незабываемых минут вел путь в тысячи километров. На дорогах войны, не дойдя до Берлина, пали многие мои сверстники — боевые товарищи, которым в ту пору едва минул двадцатый год.

* * *

Наш учебный батальон остановился на деревенской площади у здания школы. Комбат, чеканя шаг, подошел к командиру полка и доложил о том, что дневные учения закончены.

Около полковника стояли двое. Один — в артиллерийской фуражке с черным околышом, высокий, смуглый; другой — пониже, с красивыми карими глазами, со смоляными усиками.

— Кто умеет играть на духовых инструментах? — обратился к строю высокий. — Шаг вперед!

Я оказался единственным музыкантом. Первый тенор и баритон были моими любимыми инструментами в мирной жизни.

Офицеры подошли ко мне. Тут же велели сдать оружие и следовать в штаб полка.

— Наверное, самодеятельность? — поинтересовался я по дороге.

— Приказ — создать в гвардейских частях музыкальные команды, — сказал высокий. — С песней воевать будем, братец!

Я спросил, много ли музыкантов в оркестре, и усатый ответил, что теперь трое. Инструментов нет, поэтому придется ждать, пока появятся трофейные. Предстоит брать их в бою.

Высокий покачал головой и сказал:

— Шутит Миша Пильник. Инструменты будут наши, советские.

В ту ночь мы спали в пустом классе деревенской школы на соломе, покрытой плащ-палатками. Перед сном я спросил, как Миша Пильник и другой, по имени Иосиф Копылов, который был назначен капельмейстером, представляют действие муззвода на фронте? Но ни тот, ни другой ничего определенного сказать не могли.

Во сне я, вчерашний курсант Тамбовского пехотного училища, без пяти минут командир пулеметного взвода, вел кинжалный огонь. Торопливо, под градом вражеских пуль заливал в кожух раскаленного «максима» воду.

Потом, точь-в-точь, как в кинофильме «Мы из Крон-

штадта», один из оставшихся в живых играл на трубе не то что-то грустное, не то торжественное.

Так, в мае 1943 года, в небольшой деревне Беломестной близ Белгорода, я стал военным музыкантом.

Когда через три дня в новенькой офицерской гимнастерке, хромовых сапогах и фуражке я появился в учебном батальоне, товарищи, курсанты военного училища, встретили меня по-разному: одни радушно, другие с оттенком какого-то недоверия, с неодобрением.

— Через неделю станем лейтенантами, а ты в музыканты подался,— говорили мне.

И вдруг стало обидно, что ребята вот-вот погоны наденут, а я легкой жизни захотел.

Старшина роты посоветовал мне пока не поздно вернуться в учебный батальон.

— На дудках должны играть нестроевики. Твое дело — воевать на передовой,— подвел он итог немногословной солдатской беседы.

И тут я окончательно растерялся.

Вернувшись в школу, увидел, кроме Пильника и Копылова, удивительно белобрысого, какого-то розового парня — почти альбиноса. Это был Вил Гречишкун, родом из Саратова.

Вечером я сказал Копылову, что решил вернуться в учебный батальон. Это — мой комсомольский долг. А кроме того, через неделю мне присвоят звание лейтенанта. Ведь с первого дня войны я больше всего боялся опоздать на нее. А теперь, когда попал на фронт, вдруг стану музыкантом...

Копылов усадил меня, как школьника, за парту и стал говорить о военных профессиях — от солдата до генерала. Выходило, что нужны на войне пехотинцы и саперы, связисты и повара. Разговор он вел так ловко, что получалось, будто без музыкантов воевать невозможно.

— Устали солдаты в походе. Пыль, жара. Еле представляют ноги. А где-то впереди — деревня с колодцами, с садами, с девчатами,— говорил Копылов.— Но вид у солдат вовсе не бравый. И вдруг сверкнули на солнце трубы. Грянул марш. И куда девались усталость, жара, жажды? Сразу же подтянулись взводы и роты. Четче стал шаг.

Долго говорили мы в тот вечер о военной музыке. На другой день я не пошел в учебный батальон.

С утра мы уже вчетвером отправились по полкам искать среди солдат своих коллег.

Мы с Пильником зашли к разведчикам. Спросили, есть ли музыканты среди них. Здоровый парень,увешанный орденами и медалями, сказал, что есть. И даже солисты. А находятся они рядом, в овраге за перелеском.

У спуска в балку нас остановил часовой. Миша спросил: где здесь располагаются музыканты. Часовой удивился:

— Ты что, шутник? Здесь подразделение РЕ.— И тут мы увидели укрытые ветками «катюши».

Посмеялись остроумию здоровяка и пошли дальше.

Среди саперов обнаружили басиста Костю Ковалева. Человека лет сорока с лишним, тучного, с маленькими, по отношению к большому носу, глазами.

— Я как раз тот, кого ищете — духовенство,— пошутил Ковалев.— Всю жизнь в духовых оркестрах.

Капельмейстер и Вил привели в школу Виктора Саяпина, молоденького, аккуратного солдата с красивыми, будто удивленными карими глазами, уроженца далекой дальневосточной станции Борзя. Теперь нас стало шестеро. Копылов сказал, что завтра уезжает в Москву за инструментами, и командиром взвода временно остается старшина Ковалев, как старший по званию и возрасту.

— Дисциплина должна быть железной, без всяких вольностей,— добавил он.

Костя Ковалев оказался удивительно энергичным командиром и в то же время предприимчивым человеком. После завтрака он строем сводил нас в баню, выдал еще по одной паре новенького белоснежного белья.

Жили мы теперь по хатам, спали на кроватях. И это произошло тоже по инициативе Ковалева.

Я поселился в хате, стоявшей на самом краю глубокой балки, в которую веселыми аллейками сбегал молодой вишневый сад. Жили в доме старуха и ее дочка лет тридцати пяти. Болезненная, да и к тому же глуховатая, хозяйка относилась ко мне по-домашнему, охотно меняла на молоко мой армейский гороховый суп с американской колбасой.

Копылов приехал через неделю. Ковалев, видимо, получил хороший нагоняй за самодеятельность, ослаб-

ление дисциплины и был отстранен от должности старшины. Его заменил Миша Пильник.

В больших ящиках из-под немецких винтовок Копылов привез комплект довольно подержанных, с потускневшим никелем инструментов. Мы разобрали их, очистили от древесных стружек, промыли водой и вскоре по селу разнеслись первые нестройные звуки.

На знакомую мелодию к нам пришел Боря Гофман — трубач, высокий, худощавый, мой ровесник. Когда он снял пилотку, мы увидели густую седину в его черных волосах.

— Где это ты успел? — спросил Костя Ковалев.

— Там, — кивнул Борис на запад.

Больше никто не стал задавать ему вопросов.

Появление Мити Косенко запомнилось всем. Это был красивый русоволосый парень. Обмотки у него были разные — черная и грязновато-голубая, вещевой мешок — совершенно пустой. Когда новичка спросили, на чем он играет, тот сказал вполне серьезно:

— На всем, начиная с трубы и кончая барабаном.

Копылову такой ответ не понравился.

— Фармазонщик ты, как посмотрю, хотя молод еще, — сказал он. — Запомни, что в истории духовой музыки еще не было универсала, который играл прилично хотя бы на четырех-пяти инструментах. Только одним может владеть настоящий музыкант.

Косенко смущился, но не сдался.

— Конечно, я бы смог играть на барабане.

Сразу же попробовали его способности. И приобрели превосходного барабанщика.

За ним в муззводе появился Коля Жариков — очень уверенный в себе парень. Прежде чем ответить на вопросы, он как-то снисходительно улыбался и пожимал плечами. Манера эта сразу же не понравилась нам.

В тот же день провели первую серьезную репетицию. Первый марш, который мы сыграли, был «Ленинский призыв», написанный главным инспектором военных оркестров РККА С. Чернецким. Отдышались. Помолчали. И решили, что работать нам предстоит очень много.

Мне казалось, что из-за меня и других таких же молодых, капельмейстер просит начать марш в двадцать пятый раз.

Около школы собирались солдаты, офицеры и граж-

данские. В открытые окна заглядывали любопытные ребяташки. Очевидно они ждали, когда мы, наконец, заиграем дружно, весело. Но Копылов закончил сыгровку, приказав заниматься самостоятельно.

Вот тут я понял, что такая военная музыка, и что значит играть в военном оркестре.

Весть о нашем оркестре облетела все подразделения пехотной бригады. И вскоре к нам пришли астраханский татарин Саша Мамышев — солдат-сверхсрочник, служивший переводчиком в особом отделе, следом появился кларнетист Гурей Прыгунов — уроженец города Мурома.

Теперь мы выглядели солиднее. Репертуар пополнялся новыми маршами, патриотическими песнями, которые оркестровал и расписывал сам Копылов.

Однажды во время очередной репетиции около школы остановился «виллис» командира бригады. В комнату вошел плечистый, тщательно выбритый полковник. Капельмейстер скомандовал «смирно» и доложил, что музыкантский взвод занимается разучиванием пьес.

Комбриг осмотрел нас — одетых разношерстно, и приказал адъютанту проверить экипировку каждого. Потом спросил, что мы играем. Копылов — он держался свободно, с достоинством — ответил, что пока толком один-два марша. Комбриг сел за парту и попросил чем-нибудь порадовать его.

Мы исполнили несколько маршей. Полковник слушал, слегка отстукивая носком такт за тактом. Подбодрил нас, обещал поддержку в добром деле и уехал.

А вскоре мы были отлично экипированы. И жизнь наша пошла более активно.

Однажды пасмурным утром, когда не было опасности воздушного налета, к нам на репетицию пришел командир комендантского взвода и передал Копылову приказание комбрига явиться в расположение полка на строевой смотр.

Полк расквартировали в овраге за южной оконечностью села Беломестного.

На широкой поляне выстроились в полном боевом вооружении батальоны: автоматчики, пулеметчики, взводы истребителей танков с длинноствольными ПТР. Немного в стороне виднелись палатки медсанраты, повозки связистов, штабные подразделения. Командир

прошел мимо строя, кося глазами на пригород, где стояли офицеры, и подал команду:

— Полк, смирно! Равнение на середину!

Чеканя шаг, он подошел к командиру бригады и отрапортовал, что вверенный ему полк выстроен для прохождения строевого смотра.

Комбриг поздоровался со строем. Ему дружно ответили батальоны. Потом покатились, передаваемые по инстанции, команды. И под звуки марша мимо нас двинулись батальоны.

Шли молодые и старые солдаты. Было что-то торжественное и грозное в этом движении. Солдаты были выбриты, подтянуты. В их лицах читались сила, решимость, мужество. Невольно пришла мысль — эти люди бесстрашно встретят врага. Жестоко и упорно будут биться с ним — отлично вооруженным, обученным. Гордо звучал марш. Сверкала медь труб, а передо мной словно Родина шла: русские и узбеки, татары и грузины, чуваши и казахи... Шли, как братья, плечом к плечу, шаг в шаг. Вот когда я испытал гордость за свое дело.

Спустя несколько дней, спешно захватив вещевые мешки, шинели, инструменты, мы покинули Беломестное и двинулись на запад, к фронту.

Новое место, где расположилась часть, было мелколесным, изрезанным неглубокими балками. До этого здесь уже стояли части, поэтому подразделения разместились в обжитых землянках. Муззводу выделили две: в одну из них ушли Копылов, Ковалев и Пильник, а в другую — остальные семеро. Меня назначили часовым.

Прохаживаясь у землянки, я слушал ночные звуки прифронтовой полосы: легкий шум листвы, лошадиный храп, почти непрерывное гудение невидимых самолетов и грозный гул теперь уже совсем близкого переднего края, над которым тревожно-ало светилось небо.

Я вспоминал о доме, о матери, о родных и близких. Мысленно беседовал с каждым из моих новых друзей. Выходило, что все они замечательные люди, с которыми не страшны любые трудности и испытания. Все были разные, имели свои привычки, манеры, особенности. У каждого было еще много нерассказанного о себе и, наверное, самого интересного.

Местность называлась Гнилым яром, наверное, от того, что в низинах было болотисто, пахло застоявшейся водой и какой-то травой с очень резким, незнакомым

мне запахом. В мирное время здесь, может быть, располагался стан пахарей и косарей. А сейчас, распуганные войной, по кустам кое-где порхали редкие птицы.

После завтрака мы с Прыгуновым решили обследовать окружавший землянки орешник. И вдруг наткнулись на немецкие листовки. Белые листы, словно змеи, притаились под кустами. Мы посоветовались: читать или не читать? Решили — прочесть.

Напечатанная на русском языке, листовка призывала нас, русских солдат, сдаваться в плен. Это, якобы, была гарантия сохранить жизнь и получить хорошее питание.

Мы были потрясены: на кого рассчитывали немцы, разбрасывая с самолетов эти воззвания? Мы уже видели зверства фашистов, убитых людей, дотла сожженные города и деревни. И после этого нам предлагали сдаваться в плен? Мы подобрали всю эту мерзость, изорвали в мелкие клочья и втоптали в землю.

В Гнилом яру полки стояли дней десять. Так же, как и в Беломестном, мы аккуратно проигрывали по утрам гаммы, разучивали поодиночке и всем оркестром новые марши, вальсы, простенькие концертные пьесы.

Самым разным было отношение к нам солдат и офицеров. Увидев музыканта с инструментом, кто-то добро-душно шутил. И от улыбки радостно становилось на душе. Я в таких случаях думал о том, что, очевидно, каждый при виде музыканта вспоминал свое, далекое, родное, мирное. Может быть, первомайский праздник, или торжество в рабочем клубе по случаю вручения Красного Знамени, или танцы в парке. А может быть, веселую свадьбу — словом, все то дорогое, милое сердцу, ради чего сейчас наши полки готовились к новым битвам. Все гордились тем, что у нас появились военные оркестры. Заметно веселее стала солдатская жизнь, острее чувство победы.

Впрочем, встречались и такие, кто не скрывал своего пренебрежения к военным музыкантам.

— Духарики! С кривыми ружьями воевать приехали! — кричали иногда нам вслед. И было удивительно неприятно слышать такое, разбирала обида. Тем более, что вместе со всеми мы жили в постоянной боевой готовности.

С запада, где проходил передний край, непрерывно

доносился грохот, напоминая неутихающую ни на час летнюю грозу.

Однажды капельмейстер сообщил, что наш музыкантский взвод переходит в боевое подразделение. На время военных операций мы становимся стрелками. Были назначены командиры отделений. Каждый получил автомат.

Маскировка в Гнилом яру соблюдалась самая строжайшая: не разрешалось днем разжигать полевых кухонь, но повара ухитрялись каким-то образом варить вкусный гороховый суп, заправленный американской колбасой. Командиры предупредили, что зажженная ночью спичка может демаскировать наши части и тот, кто это сделает, будет немедленно предан военно-полевому суду. Строгость не была лишней: почти целыми днями в небе кружились фашистские самолеты-корректировщики — «рамы».

Каждый день на проческу уходило несколько рот. Однажды привели фашистского разведчика, одетого в форму русского лейтенанта. Поймали его недалеко от старой землянки, где он устанавливал радио. Я видел, как двое автоматчиков вели шпиона к автомашине. Был он смертельно бледен, пугливо оглядывался по сторонам белыми от страха глазами. На следующую ночь горела железнодорожная станция. Рвались склады, пылали составы с продовольствием. До утра мы тушили пожар, расталкивали вагоны, заливали водой горящие тюки, ящики, банки. Часть имущества и продовольствия удалось спасти.

В Гнилой яр возвращались под утро усталые, в прожженных гимнастерках. Капельмейстер впервые отменил в тот день занятия.

Как-то вечером в нашем расположении появился связной из штаба. Он отыскал землянку капельмейстера и юркнул под плащ-палатку, закрывающую вход. И сразу же вслед за ним выскочил Копылов.

— Трубачи! — крикнул он. — Ко мне! Играть тревогу!

Оказалось, никто не знал этого сигнала. Капельмейстер сам схватил трубу, и в вечерний сумрак понеслись беспокойные звуки.

— Тревога! Тревога! — раздалось по землянкам. Послышались команды, зазвенело оружие. А Копылов все

сыпал и сыпал звонкое серебряное стакатто в тишину Гнилого яра.

Потом он отдал трубу Борису и сказал:

— Пять минут на сборы. Начинается наступление.

Мы собирались, выстроились. Слова, что сказал капельмейстер, запомнились каждому из нас.

— Я сейчас пережил, может быть, самое постыдное за все времена войны. Никто из вас не знает сигнала «Тревоги». Часть вины я беру на себя.— Он сурово помолчал и сухо добавил:— Пока у нас нет настоящего музыкантского взвода. Но он будет, товарищи!

Нам было стыдно. Особенно трубачам. А впрочем, откуда было им, вчерашним школьникам и студентам, игравшим самые мирные песни и танцы, знать торжественный и вместе с тем суровый язык военной музыки?

С того вечера и до конца войны я не видел, чтобы Копылов, несомненно прекрасный трубач, вся жизнь которого прошла в военных оркестрах, брал трубу и играл. Правда, когда он оркестровал музыкальные пьесы, личная его, томпаковая, труба стояла раструбом на колене. Иногда он что-то тихонько подбирал на ней и вслед за этим торопливо писал нотные знаки на специально разлинованных листах.

В кузове штабной трехтонки мы выехали на большак. Шофер зачем-то остановил машину и заглушил мотор. И тут я услышал приглушенный расстоянием сплошной гул. Гремели сотни орудий, алев горизонт. Там начиналась одна из грандиозных битв Великой Отечественной войны, которую позднее назовут битвой на Курской дуге. А впереди нас лежал Белгород. Спешным маршем из третьего эшелона туда двинулись наши свежие полки.

Через несколько километров появились первые раненые. Их везли в кузовах автомашин. У кого были целы ноги, шли пешком.

Один из них энергичными жестами остановил нашу машину.

— Музыканты! Жалко, что скоро не догоню вас,— сказал он.— Я трубач. Может, кто видел меня в Минске? Я в ресторанах играл.

Но никто из нас в Минске не бывал, не знал этого человека в испачканной глиной гимнастерке.

Мы спросили, как на передовой.

— Там, братцы, трудно. Очень трудно.— Его взгляд

углубился, словно он вновь представил поле боя. Потом попросил закурить. Пожелав доброго пути, пообещал после госпиталя догнать наш взвод.

У въезда в маленькое, утопающее в зелени село нас остановили автоматчики. Стоявший у шлагбаума лейтенант спросил, кто мы такие, и, когда Копылов сказал, что музыкантский взвод, тот обрадовался:

— Только что начальник медсанбата спрашивался о вас. Вон к тому лесочку поезжайте.

Сошли у больших палаток, верх которых был заброшен зелеными, еще не успевшими завянуть ветками. Через несколько минут нас распределили по отделениям санитарного батальона. С Николаем Жариковым мы попали в эвакоотдел, которым заведовал молодой военфельдшер Саша Долгов. Оказывается, он уже воевал под Сталинградом, был четыре раза ранен и имел орден Красной Звезды и три медали. Мы сразу прониклись к Саше уважением не только за то, что он многое успел повидать на войне, но и за его мягкий, общительный и веселый характер.

Палатки только что натянули и ждали раненых, которые пока отправлялись в ХППГ — хирургический полевой пересыльный госпиталь, прямо из полковых сандрот на попутном транспорте. Через час примерно появились раненые и у нас. Их перевязывали или оперировали и лежачих на носилках несли в нашу палатку. Отсюда раненых увозили в тыл.

Когда была заполнена вся палатка, Саша направил меня в полевой госпиталь, находившийся в селении Короча. Он вручил железную никелированную коробку со шприцем внутри, несколько ампул, показал, как нужно в случае необходимости делать укол. Раненых плотно уложили в кузов трехтонного грузовика, и мы двинулись в путь.

По дороге шофер решил долить в радиатор воды и свернул с большака на проселок, который, по его словам, должен вывести к речушке. Шофер, немолодой, степенный солдат с нашивками о ранениях, уже, видать, бывал здесь раньше. Проехав уверенно примерно с километр, мы увидели небольшую речушку в илистых берегах. Когда водитель залил воды в радиатор и мы развернулись к большаку, впереди над дорогой мелькнула тень и послышался грохот авиационного мотора. В кузове закричали раненые. Я увидел, как немецкий самолет на

бреющем полете развернулся на нашу автомашину. Из его плоскостей сверкнули огоньки пулеметных очередей. За какие-то доли секунды фашистский «мессер» прошротал над нами. Я не понял сначала, почему машина остановилась. Глянул на ветровое стекло, на радиатор, прошибший пулеметной очередью, и понял: стряслась беда. Шофер убит. Я выскочил из кабины и заглянул в кузов. Той же очередью, прошедшей слева от меня, задело двух солдат и капитана-артиллериста. Мотор разбит, задний скат автомашины осел. Я выбежал на шоссе, остановил первую машину и рассказал водителю о случившемся.

— Никак, браток, не могу. Хоть стреляй. Еду за снарядами,— сказал мне шофер и, извиняясь, посоветовал останавливать подряд все идущие в тыл машины. Наверняка кто-нибудь возьмет раненых. Я так и сделал. Наконец, из кабины остановленного мной автомобиля выпрыгнул старший лейтенант медицинской службы. Он выслушал мой взволнованный и сбивчивый рассказ о случившемся и приказал лезть в кузов. Подъехали к нашей трехтонке и вместе с шофером и старшим лейтенантом перенесли раненых в кузов, убитых тут же похоронили. Старший лейтенант приказал мне возвращаться в медсанбат и доложить Долгову о случившемся.

В медсанбат я вернулся уже глубокой ночью. Коля Жариков, оставшийся вдвоем с Долговым, ваился с ног от усталости. Я предложил ему идти спать, но Николай наотрез отказался:

— Какой тут сон! Смотри, сколько людей!

Большинство солдат и офицеров молча, мужественно переносили боль. Стонали и бредили только тяжелораненые.

К утру с переднего края в числе тяжелораненых в операционную поступил старшина. Разрывом немецкой мины его ранило четырнадцатью осколками: перебило обе ноги и руки, изуродовало лицо... Он без конца запевал хриплым баритоном:

Напрасно старушка ждет сына домой,
Ей скажут, она зарыдает...

Даже, когда на лицо ему наложили маску для наркоза, морячок продолжал песню...

После операции его принесли в нашу палатку на носилках. Старшина спал. Я не дождался его страшного

пробуждения: три пустоты под серым суконным одеялом обозначали те места, где у него были ноги и рука. Военврач Теплякова говорила, что если она после войны расскажет об этом случае своим московским коллегам, то вряд ли те поверят, что человек может вынести такое...

Позднее я узнал о подвиге этого воина. В батальоне он служил поваром. Рослый, крепкий, весельчак и балагур, бывший флотский кок, он неплохо справлялся со своими обязанностями и в пехоте. Он участвовал в Сталинградской битве и теперь в составе морской бригады сражался на Курской дуге.

...Под деревней Мясоедово бой был неравный. Немцы бросили на небольшой участок много танков и пехоты, обстреливали наши позиции из орудий, минометов, вели плотный ружейный и пулеметный огонь. Потери росли. К тому же прямым попаданием убило командира взвода. Его заменил сержант.

Вечером, когда обстрел немного стих, повар наполнил из кухонного котла термосы кашей и направился на передовую. Он благополучно достиг траншеи и стал раздавать еду. В это время с немецкой стороны началась стрельба. Сержант пожаловался, что вот уже скоро сутки, как фрицы не дают поднять головы. Оттого и потери большие.

— А вы попробуйте контратакой отбить у них этот бугор,— сказал повар.— Прямо врасплох захватите, выбейте фрицев, и будет полный корабельный порядок.

Он собрался уходить. Сержант в это время повернулся, чуть приподнялся над бруствером и тут же упал, смертельно раненный в голову. Бойцы заволновались.

Повар осмотрел ход сообщения и все пространство нейтральной полосы. С минуту подумав, он обратился к бойцам:

— Ребята, я временно принимаю командование. Не может взвод быть без командира.

Вскоре после сильного артиллерийского налета немцы поднялись в наступление. Новый командир подождал, пока они достигли примерно половины нейтральной зоны и повел взвод в контратаку. Сам он первым выскочил из траншеи. Солдаты вступили в рукопашную и, сломив наступление немцев, успешно продвинулись вперед. Были заняты немецкие траншеи. Наступление поддержали соседи справа и слева...

Вот трое немцев навалились на молоденького солдата, причем никто из них почему-то не стрелял. Повар в три прыжка очутился рядом, заколол одного немца, ударили прикладом в плечо другого. Солдат, наконец, выстрелил в третьего. И в это время рядом разорвалась фашистская мина... Вот так дрался корабельный кок, смекалистый русский солдат...

На другой день поток раненых заметно уменьшился. А к вечеру поступила команда готовиться к переезду на новое место. Настроение у всех было приподнятое, хотя никто из нас за трое суток не сомкнул глаз. Наши войска, сломив вражеские заслоны и перейдя в наступление, вышли на оперативный простор. Впереди лежал Харьков.

По дороге остановились в небольшом — три дома — хуторке, стоявшем на лесной опушке. Довез нас туда шофер из артиллерийского полка. Переночевав в запущенном, грязном домике, рано утром тронулись к большаку по зеленой низине. Впереди виднелись два наших обгорелых танка, валялась убитая лошадь. В конце поляны появились двое солдат. Они жестами приказали нам остановиться.

— Стой! Мины! — донеслось до нас.

Шофер выключил мотор. Словно норы кротов, чернули вокруг нас ямки от немецких мин. Оказывается, саперы еще полностью не разминировали низину.

Едва вышли на большак, как на проходившую колонну автомашин налетели немецкие самолеты. Началась жестокая бомбейка. Прямо на нас мчалась трехтонка, груженная снарядными ящиками. Шофер с серым от страха лицом гнал машину к опушке. Вот он свернул на зеленую лужайку. Мы невольно сжалась, ожидая взрыва мины. Проехав полсотни метров, водитель остановился и, встав на подножку, наблюдал за тем, как фашистские самолеты бомбили шоссе.

Впрочем, если не считать единственной подбитой ремонтной «летучки», ущерба вражеские самолеты не причинили.

Когда фашистские стервятники ушли, мы собрались у обочины. Копылов спросил, все ли в порядке. Мы ответили, что никто не пострадал. Тогда он приказал двигаться вперед в пешем строю. Шофер, с которым мы ночевали на хуторе, в суматохе куда-то исчез. И тут Виктор Саяпин спросил:

— Ребята, а где моя труба?

Как ни напряжены были после только что пережитого нервы, мы дружно засмеялись и стали искать пропажу. Нашел трубу Миша Пильник. Инструменты у нас, кроме баса, были в зеленых футлярах, сшитых из плащ-палаток или вещевых мешков. У меня, например, тенор умещался в вещевом мешке.

Построившись в колонну по два, двинулись по обочине дороги вперед. Отошли метров двести, и в это время сзади раздался взрыв. Обернувшись, увидели, как падали, поднятые взрывом, щепки от снарядных ящиков, куски жести, тряпки: это все-таки взорвалась на самом краю заминированной лужайки автомашина со снарядами.

К Харькову подошли к вечеру. Когда появились постройки пригорода, около сухой балки нас остановил солдат в каске и накинутой поверх гимнастерки плащ-палатке.

— Дальше нельзя, передовая,— сказал он.

В сумерках я увидел траншею, бруствер, который был замаскирован ветками. В кустарнике стояли 45-мм пушки, как их называли «сорокапятки». Появившийся старший лейтенант спросил, кто мы такие, как оказались здесь. Мы рассказали, что ищем свою часть. Старший лейтенант выслушал нас, попросил подождать и куда-то исчез. Через некоторое время вернулся и велел нам немедленно идти в расположение тылов полка.

На переднем крае в это время было относительно тихо. Молчали обе стороны. Лишь изредка, где-то на флангах, раздавались одиночные винтовочные выстрелы и короткие пулеметные очереди. Копылов попросил у старшего лейтенанта разрешения остаться в расположении его взвода, так как ночью мы все равно не найдем ни места для ночлега, ни своих. Нам разрешили.

На заре началось наступление на Харьков. Тысячи трассирующих полос пересекли чуть светлеющее небо. От грохота снарядов дрожала под ногами земля. «Ура» было чуть слышно, его заглушал сплошной треск пулеметов и автоматов. Полк, в который мы попали, наступал в районе пограничного училища.

Взрывы мин и снарядов, грохот авиабомб, которые сбрасывали наши и немецкие самолеты, кровь раненых,

обезображеные трупы — все это смешалось в моем сознании. Я увидел войну во всем ее ужасе.

Вот немец выскоцил из-за развалин кирпичного разрушенного строения и, отстреливаясь из автомата, побежал назад, но будто споткнувшись, взмахнул руками и упал лицом вниз. Вот остановились, точно наткнувшись на что-то твердое, невидимое, сразу двое наших пехотинцев. Один из них схватился за живот, сделал несколько шагов и упал. Другой судорожно схватился за лицо.

За наступающей цепочкой пехоты густо взметнулись фонтаны взрывов. Вслед за этим снаряды разорвались неровной линией, которая оттянулась дальше. Взрывы и на этот раз не достигли цели, а рукопашный бой шел уже на окраинах города. Нашлась работа и для наших автоматов.

После трудного дня на ночлег мы расположились в небольшом домике, хозяева которого, видать, в начале войны были эвакуированы. В воздухе пахло гарью. В центре города еще гремели взрывы, а один из районов на наших глазах только что отбомбили немецкие самолеты.

От усталости и впечатлений боя почти не спали. А утром нас встречали ликующие горожане. Проходя впереди полка, с которым мы, наконец, соединились, мы играли «Колонный марш». Мне запомнились букеты астр, выращенных, как мне тогда показалось, украдкой в этом городе, где улицы, скверы были истерзаны фашистами. Люди встречали своих освободителей.

Дивизия расположилась на Холодной горе. Мы заняли домик недалеко от штаба. Вскоре оттуда пришел посыльный за капельмейстером. Вернувшись, Копылов рассказал, что местные жители, увидев нас, попросили командование дать концерт духовой музыки, о которой они стосковались, как впрочем, по всему советскому. Прямо на улицу вынесли скамейки и стулья, открыли концертные сборники, которые мы называли «сериями». И первыми зазвучали мелодии из оперы «Запорожец за Дунаем».

А как дирижировал Копылов! Держался он прямо. Голову поднимал так, что смотрел на нас как бы свысока. Но самое главное заключалось, конечно, в движениях его рук. Поднятые на уровне плеч, они означали «приготовиться». Копылов смотрел на нас сосредото-

ченно и строго. И мы, набрав в легкие воздуха, ждали последующего движения. Если это был военный марш,— взмах был резкий, отрывистый. Копылов перекрещивал руки. Затем, задав темп марша, обращался к каждому из нас со строгим повелением. Вот движение в сторону трубачей,— и те ведут сольную партию. Едва она кончается, начинается «дуэт» баритона и тенора. Соло басов,— и капельмейстер приподнимается на носках, прося у мощных геликонов полного голоса.

Веселые польки, галопы, небольшие пьесы он заставлял играть легко, задушевно. И сам при этом хранил лукавое выражение глаз. Зато вальсы, которые Копылов страстно любил, исполнялись широко, немного задумчиво. При этом наш капельмейстер преображался. Лицо мечтательное. Жесты плавные, подчеркивающие широту прекрасной, никогда не стареющей музыки Штрауса и Вальдтеяфеля, Кальмана и Чайковского. Дирижировал Копылов даже в тех случаях, когда, казалось, этого совсем не требовалось, например, когда играли походный марш или развод караулов. Мы привыкли к каждому его жесту, хорошо понимали его. Если мелодия не ладилась — кто-то брал фальшивую ноту или сбивался с такта, что бывало исключительно редко, Копылов хмурился. Это было неприятно всем нам — будто он обругал сфальшивившего музыканта, из-за которого нарушилась стройная мелодия оркестра. Если фальшив повторялась, капельмейстер закусывал нижнюю губу и даже бледнел. Однако он никогда не делал замечания в присутствии слушателей. Зато потом, когда мы возвращались «домой», устраивал жестокий, беспощадный разнос. И, конечно, тот, кто проштрафился, занимался столько, чтобы никогда не сбиваться в этом месте. Но в тот день, когда мы играли на одной из украинских улиц, Копылов был в ударе. Все мы чувствовали себя представителями Красной Армии, которая принесла людям долгожданную свободу. Слушателей становилось больше и больше. Они выходили из подвалов, из руин. Шли мальчишки, девушки, люди пожилые. Слушали молча, не шевелясь, точно боясь пропустить хоть один звук популярнейшей украинской оперы.

А потом начались танцы. Вот молодой лейтенант ввел в вальс зардевшуюся дивчину, каким-то чудом спасшуюся от фашистской неволи. Оба были счастливы, радостно улыбались и немного смущались тому, что их

счастье было так заметно для всех. Вот пара пожилых людей, видимо, супругов. По слухам праздника они приоделись в сохранившиеся до военные костюмы. Счастье переполняло их сердца, и старые люди выражали его добрыми улыбками, рукопожатиями.

Нас плотно обленила детвора. Дети всегда рядом с нами. Подходят так близко, что порой ощущаешь затылком их горячее дыхание.

— «Синий платочек», пожалуйста, — просит медицинская сестра с орденом Красной Звезды и тремя медалями на гимнастерке. — Это моя любимая песня.

— А «Гопака» играете? — спрашивает пожилой дядько с висячими усами, одетый в косоворотку по слуху сегодняшнего праздника.

Звучит «Синий платочек», и благодарная девушка дарит нам теплую улыбку. При звуках «Гопака» дядько настолько волнуется, что даже смахивает с ресниц слезу. Потом робко, а затем все энергичнее, задиристее отбивает каблуками тakt танца.

Через несколько дней дивизия пошла на отдых. Музвозд распался в дачном поселке, который каким-то чудом сохранился от бомбежек, артиллерийских обстрелов. В нем не пострадал ни один домик.

— Пока полки пополняют свой состав, — сказал Копылов, — мы должны расширить свой репертуар.

Занятия шли целыми днями. Разучивали довольно сложные пьесы, новые марши, песни, наверстывали упущенное.

Мы «оккупировали» сцену небольшого поселкового клуба, зал которого был завален деревянными крашенными скамейками. До войны здесь наверняка проводились праздничные торжества, со сцены звучали песни самодеятельных артистов, а потом были танцы под духовой оркестр. За пыльными изодранными кулисами нашли разбитое пианино, пюпитры и стопку нот. Это были фокстроты и танго военных лет: «Дымок от пирожки», «Аникуша», «В парке Чайр». Духовых инструментов в клубе не сохранилось.

Как сейчас вижу эту сцену. Мы сидим полукругом — справа трубачи, слева кларнетист, в центре тенор и баритон, за ними — вторые голоса.

Гурий Прыгунов — единственный среди нас грамотный музыкант. У него слегка вьющиеся волосы, правильные черты лица, серые выразительные глаза. Он редко

улыбается, почти всегда строг и задумчив. Любит рассказывать о красивом городе Муроме, о своих замечательных земляках — людях мастеровых, талантливых умельцах, о студентах, с которыми три года делил хлеб и соль, радости и горе. В институте он научился играть на кларнете. Родителей у Гурия не было, воспитывался в детском доме, работал на заводе токарем, откуда и поступил в институт. До войны он успел прочесть полное собрание сочинений Горького, Джека Лондона, Куприна, Диккенса и Сервантеса.

До того, как попасть в муззвод, Гурий был минометчиком в пехотном полку. В армию его призвали в сорок первом. За это время он трижды побывал в окружении и всякий раз выходил из него цел и невредим. В последнем бою его ранило. Выше правой брови у Прыгунова остался блестящий рубец от осколка.

Как-то при мне Гурий развязал свой довольно пухлый вещевой мешок и выложил содержимое: чистые носовые платки, белые тряпочки для подворотничков, зубную щетку и несколько книг: «Словарь политических терминов», «Основы ленинизма», томик стихов Валерия Брюсова. Их он нес от западной границы. Я спросил о книгах: зачем их нести в такую даль?

И Гурий рассказал такую историю.

«Как-то в окружении я разложил на траве книжки, чтобы просушить, так как ночью переплывали реку и они вымокли. В это время подошел командир взвода. Нагнулся, посмотрел оглавление книг, хмыкнул: «С «Основами ленинизма», — говорит, — в плену с тобой долго не будут разговаривать». — «А почему я должен сдаваться живым в плен? — спрашиваю лейтенанта. — Если на то пошло, то у меня в кармане еще и комсомольский билет». — «Вот, вот, тебе как раз первому и не поздоровится. При случае немцы с тебя начнут свои экзекуции». — Говорит, а сам внимательно, словно изучая, смотрит на меня.

Очень удивил меня лейтенант — кадровый командир, встречавший, наверняка, не раз смерть. «Почему он так страхуется и намекает на плен?» Но лейтенант внес ясность: «Все это верно, солдат. С этой книгой и с таким настроением в плен живым не сдаются. Значит, ты об этом и мысли не допускаешь. Значит, будешь биться насмерть с врагом». И стали мне понятны слова командира», — закончил рассказ Прыгунов.

После войны Гурий мечтал стать инженером. Но как далеко было нам до осуществления этих планов!

Напротив Гурия Прыгунова сидел трубач Борис Гофман. Молодой парень, наш одногодок, и совсем седой.

Родителей своих не помнил, воспитывался Борис у тетки в Бобруйске. С первого дня войны пареньку пришлось испытать такое, что его смоляные волосы стали серебристыми от седины. Он видел, как закапывали людей живьем в землю, как насиливали совсем маленьких девочек. Только чудом пробрался Борис за передовую линию. Очутился он в пехотном училище, откуда попал вместе с другими курсантами под Белгород. Был он нервный, легко ранимый и скрытный.

Прекрасный трубач, он обладал красивым чистым звуком и довольно высокой техникой исполнения. Среди нескольких трубачей легко было угадать Гофмана по его характерным синкопам, по крещендо, по рисунку игры. Занимался он больше других. Почти все свободное время посвящал упражнениям из учебника для трубы.

— Если останусь живым, — говорил он, — поступлю в консерваторию.

Второй трубач, Виктор Саяпин — самый низкорослый в муззводе парень. Он как-то не то всерьез, не то в шутку сказал, что на призывающем пункте его военную судьбу решил сантиметр. Когда измеряли рост, Виктор, оказывается, чуть приподнялся на носках.

Беспечный, немного рассеянный, добродушный и компанейский, Саяпин был сначала предметом дружеских «подначек» — подтруниваний, розыгрышей. Однако на это он никогда не обижался и вскоре его перестали разыгрывать. Как музыкант, Виктор сначала не понравился Копылову: звук у него был резкий, техника — невысокой. Капельмейстер предупредил Саяпина, что, если он не будет упорно заниматься, не «поставит звук», придется уступить место второго трубача другому музыканту. Виктор внял совету капельмейстера, стал больше заниматься, однако, «звук» у него не изменился, хотя техника исполнения и стала выше. Любли мы Виктора за его душевность, участливость, за готовность поделиться последним, за то, что в трудный момент он не раз выручал из беды товарищей.

Виктор своим ростом напоминал мальчишку-шалу-

на, которого одели в военную форму и заставили изображать военного. Ребячество так и перло из него. О будущем он никогда не говорил всерьез. Отец у него был машинистом паровоза на дальневосточной станции Борзя, многочисленные братишки и сестренки учились и работали. Письма из дома он получал аккуратно, но отвечал на них редко.

— Не могу я много писать,— жаловался он нам,— а десять строчек, что жив-здоров, посыпать неудобно...

Баритонист Николай Жариков — уроженец города Ворошиловграда. Вначале он не понравился буквально всем манерой своего поведения — позерством, высокомерием. Прошла неделя, другая, и он оказался в одиночестве, с ним стали редко разговаривать. Однажды Костя спросил его:

— Чего ты, Николай, изображаешь из себя какого-то лорда?

— Кого, кого?

— Иоганна Штрауса — вот кого! Чего надуваешься, важничаешь? Заметил, что ребята стали тебя сторониться? Придет час, и скажут: «Маэстро, не нужен в муззводе граф Потоцкий».

Жариков покраснел, смешался.

— А разве я что-то не так? Вроде я ничего...

— Вот именно, что ничего. Вон Гурый Прыгунов, можно сказать, ученый человек, а держится с нами как положено, как с равными, по-товарищески, по-солдатски.

Резковато говорил Ковалев, но, видать, разговор заставил задуматься Жарикова. Вечером, лежа на соломе, покрытой плащ-палаткой, Николай вздыхал, долго ворочался. А утром, переломив гордыню, сказал Саяпину:

— Давай, Витя, я тебе полью, а потом ты мне. И будем дружить.

Услышав это, мы улыбнулись. А вскоре вся спесь у парня улетучилась. Как баритонист, Жариков не устраивал Копылова. Вскоре он стал играть на второй трубе.

О себе Николай рассказывал очень немного. После средней школы поступил в авиационное училище, но закончить его не успел: курсантом попал под Сталинград. Участвовал в боях в качестве стрелка, служил у командира батальона ординарцем. Ни о семье, ни о лю-

бимом городе Николай не говорил и только тосковал об авиации.

Случилось это в период труднейших боев на Курской дуге. В районе деревни Мясоедово завязался неравный бой: на наш истребитель, сопровождавший бомбардировщиков, напало сразу два «мессершмитта». Наш летчик, видать, был опытный, боевой ас. Сделав разворот, он выпустил пулеметную очередь по «мессеру». Тот сразу задымил и пошел в крутую пике, из которого так и не вышел. Может быть, именно в этот момент, захлестнутый радостью победы, советский пилот увлекся. Откуда-то сверху коршуном упал второй «мессер». В воздухе стал слышен только один мотор. Советский летчик покинул горящий самолет и стал спускаться на парашюте. И тут фашист жестоко отомстил за сбитый самолет. Он стал кружиться у самого парашютиста. Мы кричали: «Давай, давай, спускайся быстрее!» Но парашют относило ветром, и спускался летчик точно в замедленном кино. Но вот вражеский самолет прошел совсем близко от летчика. Купол парашюта вспыхнул.

— Собака! — сказал Николай и зарыдал. — Ведь безоружного убил...

Вот тогда, возбужденный воздушным боем, Жариков рассказал мне, что с детства мечтал стать летчиком. Он занимался в авиамодельном кружке в Доме пионеров, потом поступил на курсы парашютистов при летнем клубе.

Наконец его мечта осуществилась — военное летное училище. Но доучиться не пришлось. Шли бои и фронт требовал солдат. Вместе с другими курсантами пришлось Николаю взять трехлинейную винтовку и воевать в пехоте.

...Сзади нас, во втором ряду, стоят вторые голоса — альты, теноры, валторны и басы. Самым опытным музыкантом-профессионалом, несомненно, был валторнист Миша Пильник. Он играл во многих духовых и симфонических оркестрах, прекрасно знал теорию музыки, мог похвастаться знакомством со многими знаменитостями. Перед войной вместе с Копыловым работал во Владивостоке в военно-морском оркестре, в «экипаже», как принято было его называть. Старше нас, рассудительный, серьезный, он пользовался большим авторитетом. К сожалению, ни о семье, ни о прошлом Михаила Вульфовича я так и не узнал — мы мало общались с

ним запросто, по-товарищески,— слишком велика была разница в возрасте.

Теперь о другом валторнисте — Виле Гречишкine. О нем хочется рассказать побольше. Вещевой солдатский мешок, если он попадает в руки наблюдательного человека, может рассказать о многом. Например, Гурий Прыгунов перенес через водные переправы, сквозь огненное кольцо окружений любимые книги. У Коли Жарикова в мешке оказался офицерский ремень с портупеей и голубые петлицы авиатора, в которые оставалось ввинтить заветные «кубарики». Виктор Саяпин, не державший про запас даже сахар, хранил в своем полотенце кусочек черного вонючего мыла.

Войдя однажды в землянку, я увидел, как Вил Гречишкин снял с головы танковый шлем, погладил его и, бережно свернув, заложил в мешок. Увидев меня, сказал:

— Увидел, ну и шут с тобой. Только не болтай.

— О чём? — сразу не поняв, спросил я.

— Да хотя бы о шлеме. Я же был в училище. И отец у меня капитан, танкист. Будет возможность, снова убегу из музвзвода к танкистам. Только молчи.

Вил так и не убежал из музвзвода. Мы дошли с ним до Берлина и на прощанье, в сорок пятом, расцеловались.

Довольно высокий, плотный, совершенно белый, даже с белесыми ресницами Вил, как и все альбиносы, при сильном гневе как-то розовел. Он вмешивался во все дела, смело, хотя и не всегда правильно, судил о многих вещах и вел дневник. Это была очень любопытная «лентопись» нашей музыкантской команды. Каждый вечер Гречишкин раскрывал толстую общую тетрадь и мелким убористым почерком записывал, что сегодня на завтрак была гороховая каша, что находились мы в это время в таком-то населенном пункте, репетировали такой-то марш.

— Ты, никак, книгу про нас сочиняешь? — полюбопытствовал однажды Костя Ковалев. — Пиши, но только не все. Например, не включай в нее, как мы иногда халтурим.

— Это не книга. Это просто дневник. Записываю все: где, когда были, что делали.

— Знал я одного писателя, — не унимался Ковалев, —

так он тоже наблюдал, слушал, записывал. А потом всю эту писанину отдавал куда следует.

Гречишким стал малиновым.

— Это ты на что намекаешь, товарищ Ковалев?

— Разве я намекаю? Я просто рассказываю, как иногда бывает. Я же не имею в виду тебя. Что ты в пузырь лезешь? Только знай, Гречишким, что народ у нас честный, советский. И не сердись на меня,— закончил Ковалев с улыбкой,— пиши на здоровье.

Вил вел дневник до самого конца войны. Забегая вперед, я расскажу об одном курьезном случае, который произошел с ним.

В молдавском городе Дубоссары немцы обстреляли нас из-за Днестра. Один из снарядов попал в забор, сложенный из бетонных плит. Вил находился в это время в саду, и кусок отбитой взрывом стены упал к его ногам. Гречишким внимательно его осмотрел и торжественно, без малейшего намека на шутку, сказал:

— Смотрите, до чего дошел немец! У него кончается металл и фашист стал делать железобетонные снаряды. Вот я поднял еще горячий осколок такого снаряда. Думаю, что надо срочно сообщить об этом командованию.

Мы стали рассматривать находку. В это время в соседнем саду разорвался снаряд. Довольно крупный осколок просвистел у нас над головами, врезался в стену хаты. Гурий ножом извлек его:

— Вил, не спеши сообщать командованию о своем открытии. У Круппа, к сожалению, видать, еще есть. А твой осколок похож вот на эти.— И он поднял с земли горсть бетонных крошек, точно таких, что нашел Вил.

В этот вечер Гречишким писал дольше обычного. Зачеркивал что-то, морщил лоб...

Одно время он был старшиной оркестра. Очень педантичный, излишне придирчивый к каждому пустяку, Гречишким не понравился нам. Например, причиталось каждому из нас сто граммов водки, курящим табак, не курящим — сладкое. И тут проявляя излишнее служебное усердие, Вил половину из нас лишил спиртного, мотивируя тем, что «молодым пить нельзя». На фронте нет ничего обиднее несправедливости. Мы пожаловались капельмейстеру на Вила. Он выслушал нас и сказал:

— Наверное, Гречишким не сможет быть другим. Он

очень пунктуальный человек, но в старшины не годится. Обязанности старшины будет выполнять Ковалев.

Вил никогда не позволял себе расстегнуть пуговицу на воротнике гимнастерки или не начистить до зеркального блеска сапоги. Он отдавал честь всем офицерам. Но если встречный солдат не козырял ему, старшина Гречишким распекал его. Когда ввели погоны, Вил вырезал из консервной банки цифры, обозначавшие номер нашей дивизии, и пришил их к погонам. Правда, эту глупость сразу же исправил Копылов. Он объяснил Гречишким, что носить на погонах такие цифры равносильно раскрытию военной тайны.

Но, несмотря на суховатость, чрезмерную строгость, некоторые странности, он был смелым человеком.

Весной сорок пятого он до последнего патрона отстреливался из пистолета от фольксштурмовцев, неожиданно захвативших его в домике лесника. Когда подоспела подмога, он безоружным бросился на немцев. Вил люто ненавидел их.

Дальше сидел Костя Ковалев — уроженец Подмосковья, человек интересной и сложной судьбы. Всю жизнь он руководил музыкальными кружками, хоронил покойников, любил выпить, поухаживать за женщинами.

К тому времени он имел уже орден Красной Звезды, две медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда».

Семья у Кости была большой. В письмах из дома, которые он иногда читал вслух, передавались приветы от дочерей: Маничек, Верочек, Любушек. По натуре своей Ковалев был человек бережливый, аккуратный. На язык — очень острый. Всегда первый начинал розыгрыш-подначку. И еще одно качество отличало Ковалева — огромная физическая сила. Я часто любовался, как постоянно, в любую погоду, умываясь холодной водой по пояс, он играл хорошо развитыми мускулами. Костя великолепно дирижировал, мог оркестровать новые мелодии, а на басе-геликоне исполнял такие сложные виртуозные коленца, что мы просто заслушивались.

...Сашка Мамышев, прозванный Тугриком, заканчивал кадровую службу в Красной Армии где-то на границе с Монгoliей. И в это время началась война. Астраханский татарин, он хорошо знал восточные языки. Под Сталинградом его взяли переводчиком в особый отдел. Часто рассказывал Мамышев не о род-

ной Астрахани, а о том, какие широкие степи в Монголии, сколько можно купить на тугрик папирос, конфет. Когда Виктор Саяпин спросил, что такое тугрик, Мамышев даже удивился:

— Неужели ты не знаешь, что такое? Тугрик — это и есть тугрик.

Такое объяснение и стоило ему клички.

Музыкантом он считался опытным, хотя и не отличался, как Ковалев, мастерством исполнения.

Однажды, после ликвидации Сталинградской группировки, Мамышев набрел в степи на немецкий фургон, в котором оказался сейф.

— Любопытство разобрало меня,— рассказывал он.— Что, думаю, может быть в этом железном сундуке? Кто-то до меня уже пробовал его открывать, но не смог. Я бросил в сейф гранату — не открылся. А любопытство все растет. И тут внезапно решил я, хоть и противно, пошарить по карманам у двух убитых немцев, что валялись недалеко от фургона. У одного в полевой сумке оказалась связка ключей.

Открываю сейф, и глазам не верю — почти доверху забит советскими деньгами, прессованными, переклеенными крест-накрест бумажками, будто только что из банка. Посмотрел деньги на свет — все честь по чести — с водяными знаками, не фальшивые. Прихожу в часть и докладываю капитану, своему начальнику, что нашел сейф с советскими деньгами. Привел капитана к фургону. Тот взял пачку билетов, посмотрел, понюхал даже и говорит мне:

— Работа чистая, но если фальшивка, то в любом районном отделении Госбанка финансисты сразу же ее распознают.

Недавно встретил я капитана. Спросил он, как служится в музыкантском взводе, как здоровье, а потом говорит:

— А между прочим, деньги, которые ты нашел в фургоне, оказались не фальшивыми. Молодец ты, парень.

В первое время нас поражало, что Сашка — ветеран войны, участник Сталинградской битвы, панически боится немецких самолетов. Во время бомбёжки у него стекленели глаза, отвисала челюсть, мелко дрожали колени. Даже, когда, отбомбив, самолеты улетали, он не мог в течение нескольких минут разговаривать. Он

объяснил это тем, что в Сталинграде попал под бомбёжку, длившуюся непрерывно в течение почти суток. С тех пор не выносил завывания мотора вражеских самолетов.

Капельмейстер ценил в Мамышеве аккуратность, хорошее знание уставов, четкое несение караульной службы.

Митя Косенко всегда воскресает в памяти таким, каким мы сидели с ним в Берлине, во дворе большого дома, в беседке, увитой плющом, и мечтали о том, как после войны будем учиться в институтах, всегда помнить друг друга и войну...

Представьте себе двадцатилетнего, хорошо развитого физически парня. Рост — метр восемьдесят. Голубые глаза, ровные белые зубы, яркие, красиво очерченные губы, упрямый волевой подбородок. Смотрел он всегда прямо в глаза. Если огорчался, сокрущенно махал рукой, если смеялся, то громко, заразительно, до слез.

Митя не знал, что такое ложь. Он рассказывал, что отец, мать и старшая сестра никогда не обманывали друг друга. Его воспитали таким же — честным, искренним, прямым.

До войны он закончил во Владивостоке среднюю школу. Мне он однажды признался, что еще никогда не любил, и девушки у него не было. В комсомоле был бесценным секретарем. С первого дня возглавил он и у нас во взводе комсомольскую организацию.

О Владивостоке Косенко рассказывал с восторгом. Выходило, что на земле нет другого более красивого города:

— Первым в стране Владивосток встречает утро. Почти каждый дом, каждый камень говорит здесь о героическом прошлом. А главное — какие люди! Небывалые!

Немцев он считал глубоко обманутыми, несчастными. Он был уверен, что гибли они, в основном, в результате этого обмана. И хотя мы доказывали ему, что это культурный народ, Митя не соглашался:

— Какая может быть культура — убивать женщин, старииков, детей, сжигать целые города, уничтожать памятники?

Как-то сложилось, что нам с Митея всю войну доставалось чаще других стоять по ночам в карауле, выполнять не всегда приятную работу — чистить картофель, колоть дрова, быть ездовыми. А когда отставали

от своей части, или уходили вперед с медсанбатом, я ни разу не услышал от него ропота, недовольства. Любую работу он выполнял старательно, точно любимое дело.

И еще любил Митя стихи и музыку. Он умудрялся возить с собой патефон и чемодан грампластинок, коллекцию которых все мы активно пополняли за счет трофеев в городах и селах, которые встречались на пути до Берлина.

Часто мы, самые молодые, обращались к Мите с просьбой рассудить, кто прав, кто виноват, советовались с ним по самым различным вопросам.

...Но, пожалуй, труднее всего мне рассказывать о нашем капельмейстере Копылове. За всю войну мы не называли его иначе, как «товарищ капельмейстер».

Я не знаю, где он учился, какие учебные заведения закончил, но писал очень грамотно, чуть угловатым четким почерком, был начитан. Если попадалась в освобожденном от немцев селе или городе книга, первым прочитывал ее и давал нам краткую характеристику:

— Хорошая книга. Читайте.

Или:

— Ерунда. Лучше не читать.

Он не допускал ни панибратства, ни поблажек.

Миша Пильник — его давний довоенный друг, спал всегда рядом с Копыловым. Часто ели они из одного котелка. Но что касается повседневной службы, то тут Пильник был поставлен в равные со всеми условия — нес ночами караульную службу, получал от Копылова, взбучки, если заслуживал их, и ни единой похвалы. Мне казалось, что с Пильника Копылов требует даже больше, чем с других. Однажды они сильно повздорили. Миша выскочил из комнаты, где они были вместе.

— Никогда не будет у меня двух дисциплин, — кричал ему вслед Копылов. — Для меня все одинаковы, кроме бездарей и фармазонщиков. — И, войдя в нашу комнату, обратился ко всем:

— Запомните! Любимчиков в муззводе не будет. Пусть это солист Большого театра, пусть сам бог. Каждый исполняет свою партию.

Второй эшелон на фронте — это тылы дивизии. За передовой линией, постоянно держа с ней самую тесную связь, располагается большое и сложное хозяйство — штаб дивизии, политотдел, различные службы — связь, артснабжение, саперы, медсанбат, полевая пекарня,

прачечная — словом, все то, без чего нельзя воевать. Во втором эшелоне эти службы находятся на разном расстоянии от передовой линии: одни ближе, другие дальше.

Копылов сам определил наше место во втором эшелоне во время наступления. Мы были постоянно прикреплены к медсанбату. Известно, работа эта не из легких.

Разные происходили за войну случаи с ребятами нашего музвзвода, и за каждый дисциплинарный проступок Копылов наказывал со всей строгостью. Но никогда он не обидел никого несправедливостью.

Любовь, уважение, готовность пожертвовать жизнью за командира, — все это пришло к нам гораздо позднее, почти к концу войны, когда нам пришлось не раз встретить смертельную опасность.

Некоторые наши проступки Копылов старался не замечать. Однако при удобном случае напоминал, что повторения не допустит. Сам исключительно трезвый человек, он нетерпимо относился к выпивкам, а нас, молодых ребят, просто оберегал от них. Он умело руководил нами.

Таким был в начале состав нашего музыкального взвода. Потом к нам приходили новые музыканты. Некоторые из них по разным причинам уходили в воинственные подразделения. Другие служили до победы. И к нам капельмейстер питал особое уважение, как к проверенным в самых различных обстоятельствах, как к ветеранам.

Копылов был человеком сложным: чутким, не лишенным некоторой сентиментальности, в меру строгим и любящим свое дело безгранично.

Теперь о себе. Закончил среднюю школу и в сорок втором был призван в армию. Все наше Тамбовское пехотное училище направили на фронт. Из родни у меня остались — мать, учительница начальной школы, да многочисленные двоюродные сестры и братья. Отца я лишился в год своего рождения. Помню, жили, в основном, в небеленных неуютных комнатах при школах, как их называли, — в сторожках. Впрочем, в каждой из них мать умела создавать удивительно теплый уют, к которому я быстро привыкал и при очередном переезде, а мать часто отправляли в глухие места «налажи-

вать» дело, сильно тосковал, как о чем-то привычном, родном.

Музыкантом стал в небольшом городке, куда приехал из глухой таежной деревушки десятилетним пареньком. Было это в тридцать четвертом году, когда городок жил чем-то средним между старым уездным захолустьем и районным центром, в котором на старых домах появились новые вывески.

Пожалуй, больше всего поразил мое ребячье воображение увиденный однажды на школьной перемене духовой оркестр.

Был мартовский пасмурный слякотный день. Всю главную улицу заполнила большая толпа провожающих покойника. Впереди, разрывая тишину, вдруг много-голосо-печально до слез, до сладкой боли в сердце зазвучал оркестр. Я увидел музыкантов с медными, никелированными трубами — пожилого, усатого, средних лет, краснолицего человека и двух совсем маленьких, чуть старше меня.

Обвитый басом-геликоном шел, чуть прихрамывая, невысокий человек в кубанке. Трубы рыдали. Стоявшие по обочинам улицы горожане снимали шапки, некоторые крестились.

И в это время зазвенел звонок, известивший окончание перемены. Но, поддавшись каким-то чарам, забыв о школе, не думая что делаю, я устремился к оркестру и, пристроившись около барабанщика, как был в одной рубашке, зашагал, загипнотизированный, оглушенный никогда неслыханными звуками духовой музыки.

Прошел я почти до самого кладбища, не чувствуя холода, забыв о школе и обо всем на свете. И только когда музыканты перестали играть, человек, опоясанный геликоном, спросил меня:

— А ты куда, пацан?

Я не знал, что означает слово «пацан», и на всякий случай сказал:

— Меня не так звать.

Музыканты засмеялись, а тот, что был с басом-геликоном, совсем серьезно спросил:

— Нравится духовой оркестр?

Я не мог найти слов, чтобы выразить восторг, восхищение, очарование и только, торопливо слогнув слюну, кивнул головой.

— Тогда вот как сделаем, — неожиданно предложил

музыкант.— Если хочешь учиться, приходи с отцом или мамашей в клуб вечером и спроси Аркадия Попова.

Мать категорически воспротивилась моему желанию посещать занятия в духовом оркестре. Было выплачено много слез, целый месяц умолял я ее записать меня в музыканты. В конце концов соврал Аркаше Попову, что получил разрешение матери. И стал вечерамитайком заниматься. Спустя полгода мать узнала об этом. И, странное дело, отнеслась теперь к моему увлечению совершенно равнодушно. Почти восемь лет до войны играл я в оркестре. И вот теперь стал военным музыкантом.

...Во время формирования дивизии под Харьковым мы занимались почти весь день.

Раскрыты ноты, капельмейстер поднял руки.

— Трубы, повторяем с четвертого такта.— И трубачи повторяют в седьмой, десятый раз трудное место музыкальной пьесы. Мне кажется, что исполняют они это место предельно четко, стройно, со всеми нюансами. Но капельмейстер улавливает какую-то невыразительность, какую-то фальшь ловит его чуткое ухо. Он терпеливо и спокойно объясняет, как нужно акцентировать начало и конец фразы, тихонько напевает это место. И снова:

— Еще раз с четвертого такта.

Все это время мы сидим молча. Капельмейстер не допускает разговоров. И вот, наконец, он говорит трубачам:

— Вам все понятно? Будьте добры к следующему занятию разучить.

Затем исполняем пьесу всем оркестром. Копылов большое внимание уделяет громкости звучания. А это иногда зависит не только от нас, но и от акустики помещения. Не так часто приходилось нам на фронте играть и тем более репетировать в клубах, в больших залах. Чаще всего играли в комнатах уцелевших домов, в сараях, а то и на улице. Инструменты почти у всех у нас медные. Капельмейстер требовал, чтобы они постоянно были начищены.

— Ведь не бывает так, чтобы у солдата, идущего в бой, отказала от ржавчины, грязи винтовка,— говорил он.— Инструмент — наше оружие, мы всегда с ним в бою.

Живя в дачном поселке, мы встречали пополнение.

Обученные в запасных стрелковых полках, хорошо обмундированные и вооруженные солдаты, выгрузившись из железнодорожных эшелонов, шли к местам формирования дивизии. Их встречали командиры, работники политотдела. И каково же было удивление солдат, когда в прифронтовой полосе навстречу колонне появлялся сверкающий медью военный оркестр. Гремел походный марш. Батальоны сразу же выравнивались и чеканили шаг у гвардейского знамени.

Музыка, музыка! На войне я узнал ее силу, красоту, способность делать с человеком настоящие чудеса.

После одного тяжелого кровопролитного боя мы хоронили прославленного командира батальона. Могилу ему выкопали на опушке леса у околицы небольшого украинского хуторка.

Неправда, что на войне люди привыкают к смерти. Чем ближе победа, тем тягостней смерть боевых друзей. На этот раз хоронить командира батальона пришли представители рот и взвод автоматчиков. Политрук сказал о том, каким хорошим человеком был комбат, как храбро он воевал. Потом говорил старший лейтенант — самый близкий друг покойного комбата. Он поклялся отомстить за смерть боевого товарища. Молча слушали эти речи и солдаты, и пришедшие на похороны жители хуторка. И вот зазвучала скорбная мелодия похоронного марша Шопена.

С первых аккордов все стало будто совсем иначе. Заплакали, зарыдали трубы, глухо зарокотал барабан. И все увидели, что настали самые последние минуты прощания с этим прекрасным, еще молодым человеком, который больше не увидит ни вон той березки, ни озера с осокой. Он не дожил до весны, до победы, до встречи с родными, любимыми. Обо всем этом напомнили рыдающие трубы. У меня по спине пополз холодок. Я видел, как смахнул с ресниц слезу один из автоматчиков, как заголосили незнакомые женщины. А марш высоко вздымался минорными аккордами и затихал почти в шепоте, в шелесте. Строгий, седоголовый подполковник из политотдела дивизии, бросив горсть земли в могилу, мелко, судорожно зарыдал, точно простился с родным сыном.

Музыка, музыка! В каком-то районном центре, отбитом у немцев в смелой атаке, состоялось вручение боевых наград. Мы стояли у крыльца большого здания

с обгоревшей крышей. Заместитель командира дивизии вызывал по списку представленных к наградам. Для подобной церемонии полагалось исполнять «туш». Но Копылов изменил традиции. Больше того, он нарушил заведенный порядок. Вместо «туша» мы стали исполнить «Славься» Глинки — эту чисто русскую, звучную мелодию, которую оркестр играет в особо торжественных случаях — при объезде командующим частей парада, например. И вдруг «Славься» грянул, когда была названа фамилия младшего лейтенанта, подорвавшего гранатами три танка. К столу, покрытому кумачом, он шагал, полный достоинства, гордый, сразу как-то по-взрослевший. Сияющий, чеканил шаг от стола, неся коробочку с орденом Отечественной войны...

Младший лейтенант командовал батареей противотанковых сорокапяти миллиметровых орудий. На участок, где в мелколесье стояли на прямой наводке пушки, фашисты бросили много танков. Шли они на большой скорости, с ходу стреляя по батарее. Прямыми попаданиями была уничтожена крайняя справа «сорокапятка». Потом выведен из строя весь второй расчет. Младший лейтенант побежал к пушке и стал наводить ее на ближайший танк. Но у орудия осколком повредило замок. И тогда в какие-то доли секунды младший лейтенант успел спрыгнуть в небольшой окопчик, открытый рядом с орудием. Над головой прогремел гусеницами танк. В окопчике оказалось несколько противотанковых гранат. Младший лейтенант швырнул одну из них в танк, проезжавший окопчик, и подбил его. Потом стал бросать гранаты под гусеницы других проходивших танков. Оставшись целым и невредимым, без единой царапины, он подбил три танка. Через несколько минут в бой вступили наши самоходчики и окончательно отбили атаку немцев.

Я помню митинг в другом районном центре. Проходил он на площади у разрушенного немцами кинотеатра. На сколоченную саперами трибуну поднялся генерал. Он поднял руку и зазвучал широко и торжественно «Интернационал». Площадь замерла. Люди, которые почти три года томились в фашистской неволе, которые давно забыли родную музыку, услышали знакомый и родной для каждого из них гимн. По стойке «смирно» стоял на трибуне генерал, замерли боевые командиры у трибуны и строй солдат со знаменем. А «Интернацио-

нал» гремел по широкому плацу, утверждая свободу, счастье.

В боях за освобождение Украины мы постоянно были в самой близости к переднему краю. В наше распоряжение выделили повозку и буланого коня, которого мы окрестили Мальчиком. Потребовался человек, который умел бы ухаживать за лошадью, запрягать и распрягать ее. По-военному он назывался ездовым. Копылов попросил в штабе выделить ездового, но получил отказ. Я помню, как все вместе мы запрягали Мальчика, как смеялись над своим неумением: то оказывалась криво поставленной дуга, то сползала набок шлея, то не могли надеть хомут. Ездовым временно стал Косенко. Он более умело управлялся с конем.

По дорогам Украины шли пешком. На повозке лежал инструмент, вещевые мешки, ноты, небольшой чемоданчик капельмейстера, в котором он хранил нотную бумагу, тушь, кое-что из личных вещей: патефон, чемодан пластинок, кухонный скарб. Двигались по обочине, уступая путь автомашинам, мотоциклам, танкам. Ночлег выбирали в селе, последнем на нашем дневном марше. Размещались постоянно все вместе, выставляя на ночь часовых.

Довольно часто мне приходилось слышать пренебрежительно брошенную фразу кому-нибудь из новичков: «Он еще близко вооруженного немца не видел».

Не считая боя за Харьков, я тоже не видел близко вооруженного немца.

Первая встреча с фашистами у нас произошла при довольно нелепых обстоятельствах.

Копылов раз и навсегда завел порядок — любой, даже самый незначительный переход, согласовав в штабе, проверять по карте, на которой были обозначены все населенные пункты, речушки, лески, болотца. Так было и на этот раз.

Мы переправились через Днепр по pontонному мосту и сразу же попали под сильную бомбеку. На переправу пикировали, как мне казалось, не меньше пятидесяти фашистских самолетов. Зенитные батареи, густо расположенные в прибрежном кустарнике, вели по ним плотный огонь. Мы перескочили песчаную, сильно разбитую колесами, всю в воронках дорогу, и рассыпались. Бомбы рвались по берегу Днепра и в воде царила жут-

кая паника: машины и повозки, давя друг друга, валились в воду с pontона.

После того, как самолеты отбомбились, разрушив переправу, мы двинулись, но не по главной, а по соседней проселочной дороге, которая была меньше обезжена и вскоре на повороте увидели немецкий указатель с названием села, направление на которое обозначалось стрелкой. Я не помню названия села — не то Грушовка, не то Вишневка, — словом, связанное с фруктами.

— Десять километров, — произнес задумчиво Копылов. — Мы за пару часов их пройдем и сделаем привал.

Селеньице стояло в живописной местности. За невысокой возвышенностью, утопая в вишневых садах, раскинулся хуторок с соломенными крышами, с высокими журавлями колодцев, с темными ивовыми плетнями. Высокие осокори у окопицы будто стерегли от зноя спокойную степенную речушку. Война прошла рядом, большим шляхом, минуя этот хуторок, и все здесь было таким же, как до войны, а может быть, даже во времена, воспетые еще Гоголем. Только в самом центре, на высокой опрятной хате уцелела доска с немецкой надписью «Комендатура».

Оказалось, что в хутор мы вступили первыми, и у первой же хаты высокий седобородый дядько, увидев нас, удивленно воскликнул:

— От то, наши хлопцы! Червона Армия наша!

Вскоре к нам сбежался весь хутор. Копылов приветствовал жителей от имени Красной Армии, поздравлял с освобождением от фашистской неволи. Посыпались десятки вопросов: скоро ли кончится война, что нового на родной советской земле, как идет наступление советских войск, как здоровье товарищей Сталина, Ворошилова, Буденного. Всех удивляли наши погоны.

Разместились мы, вопреки обычаяу, не в одной, а в двух хатах. Жители сразу же сообща организовали праздничный ужин. На стол выставили сало, вареники, сметану и самогон. В нашей хате за старшего Копылов оставил Мишу Пильника. Когда хозяин — одноглазый человек неопределенного возраста — наполнил стакан до краев, мы вопросительно посмотрели на Мишу.

— По такому случаю можно выпить, — сказал он. — Но только по одной.

Посидев часа два за столом, улеглись спать.

Под утро я проснулся от непонятного тревожного шума. Гудела земля, звенели стекла в рамках. Я подскочил к окну и в туманном лимонном рассвете увидел, как по улице на восток шли три немецких танка. На броне сидели одетые в пестрые маскировочные халаты автоматчики. Мгновение, и мы были на ногах. Едва третий танк миновал хату, как на улице что-то ухнуло. Стреляли танки. Автоматчики, соскочив с брони, перебегали вдоль плетней. На улице разорвалось несколько снарядов. Мы забежали во двор. Улица была пуста. В конце хутора горел подбитый танк, два других, отстреливаясь на ходу, шли теперь на запад, минуя село. По ним из-за осокорей ожесточенно била батарея наших противотанковых орудий, неизвестно когда там появившаяся. Вскоре был подбит второй танк, а третий, уходя все дальше, временами отстреливался. И тут к нам прибежал усатый сержант.

— А ну, славяне, быстро собирайтесь добивать автоматчиков! — приказал он. Мы молча подчинились. Короткими перебежками двинулись мы, вшестером, во главе с сержантом, к горящему танку, возле которого, видать, залегли немцы. Когда миновали ложбинку, сержант совсем не по-военному сказал:

— Теперь трое направо, трое — налево. Я пойду прямо. И вроде окружать будем. Как кто увидит фрица — стреляй прицельно. Главное — не бояться. У фашистов сейчас полные штаны, небось.

Борис Гофман, Митя Косенко и я поползли влево. Николай Жариков, Миша Пильник и Саша Мамышев — вправо. Перед нами невдалеке чадно догорал танк. Фашистские автоматчики, как вскоре выяснилось, залегли на дальнем бугорке, заняв круговую оборону. Косенко выпустил в ту сторону длинную очередь из автомата. Сержант, который полз посередине наших групп обхвата, погрозил Мише кулаком.

— Эй, ты, — крикнул он. — Себя демаскируешь. Рано стреляешь. Ведь автоматом не достанешь.

Мы двигались, немцы молчали.

— Эй, фриц, сдавайся! Хенде хох! — крикнул сержант.

Немцы сразу же ответили двумя очередями, заставив нас пригнуться к земле. Завязалась перестрелка.

— Не бойся, — крикнул сержант, — сейчас их наши ребята накроют.

И вот радость: буквально сразу же после этих слов возле бугорка разорвался снаряд.

Я ожидал, что после следующего разрыва немцы поднимут руки и сдадутся. Но они быстро сменили позицию и, перебегая, успели дать по нас несколько очередей из автоматов. Немцев было около десятка, причем двоих раненых они поочередно тащили на себе. Мы открыли, как мне казалось, прицельный огонь. Но, странное дело, ни одного попадания. Между тем немцы удалялись из зоны обстрела.

— Вперед, ребята! — крикнул сержант, поднимаясь во весь рост. — Нельзя их отпускать!

Мы побежали за сержантом. Неизвестно, сколько было длился этот бой, если бы не танк, неожиданно появившийся позади нас. Увидев «тридцатьчетверку», немцы сразу же сложили оружие. Мы подошли к ним. Были они разные — молодые и пожилые, с медалями и какими-то значками. В тот момент ни у кого из нас не было ненависти к немцам, которая еще несколько минут назад жила в каждом. Сержант деловито обыскал пленных и жестами велел им построиться. Потом спросил у лейтенанта, который до пояса вылез из башни танка: куда девать пленных? Конвоировать их на батарею некому.

— Может того? — спросил он и подмигнул. — Чего с ними возиться?

— Ты что, сержант? — послушал командир танка.

— Все ясно, товарищ лейтенант, — козырнул сержант, — пленные и трофейное оружие будут сданы.

Мы донесли до батареи немецкое оружие и расстались.

В муззводе мы горячо обсуждали этот боевой эпизод. Получилось так, что разделившись на ночлег по двум хатам, мы по-разному встретили немецкие танки. К нам шестерым прибежал сержант, а те, кто ночевал с Копыловым, на улицу выскочили только тогда, когда мы под командой усатого сержанта ушли в бой.

Больше всех сокрушался Костя Ковалев.

— Могли бы сказать нам. Мы тут труса праздновали, выходит, а они, видишь, герои, в боевой операции участвовали! Не по-товарищески, не по-солдатски это.

Были, разумеется, кроме поздравлений, обычные разыгрыши. Особенно острили те, кто не участвовал в на-

шёй вылазке. Досталось Мите Косенко, когда он рассказал, что первым открыл по немцам стрельбу с большого расстояния. Этим он, вроде, хотел их испугать, заставить сдаться. Тем более, что сержант сказал, немцы до смерти испуганы и взять их будет легко.

— А ты знаешь, на сколько достает автоматная пуля? — спросил Ковалев.

— Наверное, в пределе видимости, — ответил Косенко.

— Выходит, если ты видишь немецкий «мессер», то его можно сбить из автомата?

— То «мессер», а то автоматчики, — превращал Митя в шутку разговор.

— Дело, товарищи, оказывается, серьезное, — сказал капельмейстер. — Сегодняшний случай показал, что некоторые из нас не знают даже убойной силы оружия, да и не умеют им в совершенстве владеть. Боевая и музыкальная подготовки будут равными дисциплинами. Мы увлеклись музыкой, забыв, что прежде всего, каждый из нас — солдат. В любую минуту мы должны быть готовы сменить духовые инструменты на автоматы и пулеметы.

Таким было наше первое боевое крещение. Оно заставило каждого из нас быть бдительнее, готовым в любое время вступить в бой.

После памятного утра мы целую неделю не могли найти свою часть. Нам попадались стрелки, указывающие направление в подразделения незнакомых командиров. На восьмой день Копылов приказал мне и Косенко как можно быстрее разыскать нашу дивизию и сразу же возвращаться в хутор, где нас будут ждать ровно три дня.

В вещевые мешки уложен сухой паек. Проверены автоматы. Прощаемся с ребятами и выходим из хутора. Идти договорились вместе, не разлучаясь, а главное — хорошо запомнить дорогу назад, где нас ждут.

Вышли на шоссе, по которому почти непрерывно в двух направлениях шли машины, повозки, мотоциклы, а иногда и танки. Мы решили двигаться на запад любым видом транспорта, исключая, конечно, гужевой. Однако остановить проходящую машину оказалось делом нелегким. Мы «голосовали» добрый час и, когда совсем отчаялись, около нас неожиданно остановился танк «Т-34».

— Садись, пехота, подвезу,— сказал механик-водитель.

Мы взобрались на броню, уцепились за скобы, которые были устроены специально для танкового десанта, и двинулись на запад. Езда на «тридцатьчетверке» нам понравилась. Не тряслось на неровностях, танк, идя на большой скорости, только покачивался, обгоняя обозы и колонны автомашин. Мы зорко всматривались в путевые указатели, чтобы найти след нашей дивизии, и часа через два остановились на развилке. Из машины вышло трое танкистов — молодых ребят в комбинезонах. Они стали разминаться, бороться и боксировать. Командир танка спросил, куда мы направляемся. Он почему-то решил, что мы из госпиталя. Мы не стали разочаровывать танкиста рассказом о том, что музыканты и ищем свою дивизию. Мы назвали фамилию комдива. Никто из танкистов ее не знал. Попрошавшись, двинулись по левому свертку к видневшемуся, примерно в километре, селению. Ища место для ночлега, мы узнали, что в селе расположились связисты из нашего корпуса. Об этом рассказал солдат, которому мы дали закурить.

— Слушай, браток,— обратился к нему Митя,— мы потеряли свою дивизию. Не поможешь разыскать?

Солдат насторожился и сразу замкнулся.

— А как у вас с документами? — спросил он.

Мы показали красноармейские книжки и начистоту выложили все, что случилось с нашим музвзводом.

— Музыканты, говорите, — улыбнулся солдат. — Дело у вас, видать, и вправду сложное. Лучше всего обмозговать его с нашим командиром взвода. Да спит он сейчас, а будить его не велено без неотложного дела.

Мы согласились подождать, пока командир проснется, но солдат с минуту подумал и сказал:

— Это дело непростое. Зря время теряете, лучше идите к начальнику связи.

Седоголовый тучный полковник встретил нас не очень дружелюбно, выслушал и осмотрел с головы до ног.

— Если думаете, что я из справочного бюро, то глубоко ошибаетесь. Здесь подобных справок не дают, — сказал он.

— Товарищ полковник,— сказал Митя, стоя по стойке «смирно», — мы готовы понести любое дисциплинар-

ное взыскание от командования нашей гвардейской дивизии. И, наверняка, мы понесем его. Но представьте себе, как беспокоятся о нас в штабе дивизии, в политотделе. Не может же просто так пропасть без вести целый взвод музыкантов.

Полковник на этот раз более внимательно посмотрел на нас.

— Говоришь ты, солдат, хорошо, умеешь убеждать. Но вдруг оба вы не те, за кого себя выдаете.— Он потепел и лукаво посмотрел на нас. У меня сразу же отлегло от души.— Так и быть, помогу,— сказал после небольшого раздумья полковник.

Он тут же распорядился покормить нас. После того, как мы поели, старший лейтенант, которому нас поручил полковник, толково и обстоятельно объяснил, как найти часть. И как быстрее вернуться в оставленный нами хуторок.

Ночью связисты погрузили на машины имущество и уехали из деревни.

— Ты хоть запомнил название деревни, которую назвал нам старший лейтенант?— спросил меня спросонок Митя. Я даже похолодел от этого вопроса: название выскоцило у меня из головы.

— А ты?

— А я записал ее,— сказал Митя.— Новая Прага.

Чуть свет мы снова «голосовали» на шоссе. На этот раз нас сразу же взял водитель порожнего «студебекера».

И снова несется серая лента фронтовой дороги — с воронками от снарядов и бомб, с трупами по обочинам, с обгорелыми танками и остовами автомашин, с невысокими холмиками солдатских могил. Совсем недавно здесь гремел кровопролитный бой, а сейчас это место уже называлось тылом, и на нем люди начинали новую мирную жизнь. Мы встречали их у обгорелых хат, у разбитых немецких автомашин. Люди рыли землянки. Начиная свою нелегкую жизнь, верили, что фашисты больше не вернутся на эту землю.

Новая Прага раскинулась, как и большинство украинских селений, на склонах балки. Мы поблагодарили водителя и пошли искать своих. Вскоре я встретил знакомого пулеметчика Алешу Горгуленко, который с крупнокалиберным пулеметом охранял штаб дивизии.

Он рассказал, что командование дивизии находится в Новой Праге.

Мы устроились в хате стариков-супругов. Вечером, поужинав, стали укладываться спать. Старики расспрашивали нас о боевых делах Красной Армии, справлялись о Москве, о Сталине. Мы рассказывали о том, как наши войска на всех фронтах громят оккупантов, гонят их с родной земли.

Вскоре послышался надсадный, с завыванием, гул немецких самолетов. Загрохотали зенитки, в ночное небо потянулись трассы пулеметных очередей. Грохнули первые, сброшенные фашистами, бомбы. Я спросил у хозяина, есть ли во дворе щель. Тот ответил, что стоявшие раньше в хате немцы во время бомбёжки бегали к огороду. Ночной налет был массированным. Бомбовые разрывы теперь гремели почти непрерывно. Мы потащили стариков на улицу, в открытую немцами щель, но те наотрез отказались — не все ли равно, где погибать.

Щель нашли без труда и, едва спрыгнули в нее, как прямо над головой загудел немецкий бомбардировщик. Взрыв, другой, третий. Они приближались, казалось, прямо на нас. Сверху полетели комья земли, сильно запахло взрывчаткой. Последний взрыв был настолько сильным, что я оглох и на какое-то мгновенье мне показалось, что я убит. Тут меня ударило земляным комом в плечо. Потом все стихло и только в разных концах Новой Праги разгорались пожары. Прямым попаданием разрушило хату. Постояв несколько минут над печальными руинами, направились к центру, где солдаты и местные жители тушили пожары, вытаскивали из-под обломков раненых. Мы стали помогать им. А под утро с попутной машиной поехали к своим.

А вскоре нам пришлось надолго спрятать инструменты в чехлы и идти в медсанбат.

Саша Долгов встретил меня, как старого знакомого.

— Настраивайся на путешествие, — сказал он. — Тут недалеко, на хуторе, остались раненые. Их нужно срочно доставить сюда. Вот тебе помощница. — Саша привлек невысокую плотную медсестру с припухлыми глазами. — Добирайтесь до того хутора своим ходом и ждите машину. Если ее не будет завтра утром, организуйте эвакуацию людей сами.

В первой же хате, куда мы вошли, на меня напустилась пожилая женщина. Она стала выговаривать, что

бессердечно бросать на произвол судьбы раненых и повела в хату, где они лежали. Их было восемь человек. Увидев нас, ребята обрадовались.

— Думали, пропадать придется, браток,— сказал заросший медной щетиной старшина.— Или жениться.

Я сразу же взял на себя инициативу: собрал женщин и велел им помыть раненых, а медсестре — каждого перевязать.

И вот закипела в чугунах вода, появились тазы и деревянные шайки. Мои помощники проявили большое старание. Нашелся брадобрей, который подмолодил солдат. Теперь оставалось ждать машину. После бани и перевязок солдаты повеселились. Почти все они были ранены в ногу.

Я распорядился, чтобы каждый, кто увидит машину, направил ее к нашему «лазарету».

Утром хозяйки принесли завтрак. Однако машины не было. Я оставил медсестру с ранеными и пошел «голосовать» на шоссе, которое проходило примерно в километре от хутора. Шоферы не останавливались на мои отчаянные сигналы. Наконец, один из них затормозил.

— Куда тебе? — спросил он.

Я взобрался на ступеньку кабины, вцепился на всякий случай в баранку и стал рассказывать о раненых, которых нужно срочно доставить в санбат, иначе они погибнут от заражения крови. Я умолял, заклинал и даже угрожал.

— Ты понимаешь, солдат, что я выполняю приказ командира — доставить продукты на передовую? Отвезти раненых — это три, а то и четыре часа. А там бой, солдат кормить надо, — ответил шофер.

— Но ведь погибнут красноармейцы, и мы, которые могли их спасти, будем потом всю жизнь себя проклинать. Я от тебя не отстану, — отчаянно заявил я, — хоть стреляй в меня!

Шофер ответил, что пусть его отдадут под трибунал, а приказ командира он не нарушит.

— И ты лучше уйди, парень, не тревожь мне нервы, не агитируй. Я человек сознательный и без твоей агитации понимаю, что такое раненый боец.

Он включил скорость и машина тронулась.

— Не пущу! Поеду с тобой до самого склада и расскажу, какой ты человек, кто ты такой!

И странное дело — мой последний отчаянный аргумент неожиданно подействовал на водителя.

Провожали нас все жители хуторка. Женщины вынесли на дорогу пироги, моченые яблоки и хрустящие соленые огурцы. Многих солдат называли по имени, звали после войны в гости.

А водитель всю дорогу жаловался медсестре, что нарушил приказ. Задержался в пути на четыре часа.

Зимним вечером вошли в большое село. Дневной переход утомил нас. Ковалев назначил часовых, мы без ужина повалились спать. Мне пришлось дежурить с двух ночи до четырех часов утра.

Без единого огонька спало большое село. В холодном чистом небе перемигивались яркие звезды, и зловеще грохотал передний край, обозначенный огненным росчерком трассирующих пуль, призрачным мерцанием ракет и вспышками взрывов. Село находилось в стороне от главного шляха. Вечером, проходя улицей, я заметил в нем несколько крытых автомашин.

Две хаты, в которых мы расположились на ночлег, находились у самой оконицы. Дальше простиралась заснеженная степь. Во время дежурства я имел привычку на ходу считать шаги. Солнная тишина села убаюкивала меня. И только Мальчик в сарае иногда вздыхал и похрапывал, переступая с ноги на ногу.

Посмотрев на часы, я подпрыгнул несколько раз, стараясь отогнать одолевавшую меня дремоту. В это время на дороге в сторону передовой появились тусклые огоньки. Военные шоферы обычно закрывали фары сверху козырьками, свет пробивался сквозь специально прорезанные узкие щели. Вот машина рядом со мной. Я шагнул навстречу. Шофер затормозил.

— В чем дело? — спросил он.

— Далеко направляешься? — довольно громко, как-то чересчур по-казенному, спросил я.

Кто-то с заднего сиденья спросил:

— Вася, кто там? В чем дело?

— Часовой, товарищ полковник, — ответил шофер.

Полковник, который, очевидно, полулежал на сиденье, выпрямился, и я увидел высокую серую папаху.

— Молодец, часовой. Хорошо несешь службу. Прoverяй каждого, кто движется от передовой.

Подошли еще две или три штабных машины. Из них вышли офицеры, стали закуривать.

— А что за хозяйство в селе? — спросил полковник. Я назвал командира нашей дивизии и сказал, что квартирует здесь одна из тыловых служб.

— Опасно так близко подтягивать тылы, — сказал кому-то полковник.

Я хотел ответить, что это всего-навсего муззвод, но полковник подал знак, и машины тронулись.

«Что за близость? О чём говорил полковник?» — стал я раздумывать, поглядывая в сторону переднего края.

Тишина была недолгой. Через несколько минут в село въехала «полуторка».

— Часовой, — обратился ко мне шофер, — где тут дорога на Звенигород?

— Не знаю, я не регулировщик. А дорога тут всего-навсего одна, валяй по ней, думаю, не собьешься.

Кряхтя и чертыхаясь, уже немолодой шофер вылез из кабины автомашины.

— Слушай, почему здесь так тихо? Немец окружает, а вы как в глубоком тылу. Ты что, один собираешься оборону держать?

— Какое тебе окружение? Посмотри, где передовая, — ответил я, удивляясь тому, что о близости передовой теперь говорит и этот смертельно усталый и от того, наверное, злой, как черт, шофер.

— А ты не туда смотришь, повернишь вон туда, — указал шофер.

Я обошел хату и посмотрел в сторону, где, по-моему твердому убеждению, должен быть глубокий тыл. На востоке стояло в полнеба зарево. Слышались гулкие пулеметные очереди и даже, как мне послышалось, треск автоматов. Зарево двигалось, огибая огненным кольцом наше село.

Через минуту поднятый по тревоге муззвод был на ногах. Шофер все еще копался в моторе своей «полуторки». Копылов спросил у него о положении на переднем крае.

— Окружает нас фашист, вот тебе и положение. Уже километров с десяток осталось, не больше, чтобы сомкнулось кольцо. Я ехал ремонтировать свою «антлиопу Гну», — неожиданной шуткой закончил шофер, — куда теперь ехать — ума не приложу. Вот опять мотор отказал.

Через село прошло несколько тяжелых «студебекеров», потянулся обоз. Двигались они к югу. И по тому,

как усердно хлестали ездовые лошадей, как не объезжая воронок, рывками, нервно вели машины шоферы, чувствовалась нервозность.

— Убери свою колымагу, — кричали они водителю «полуторки». — Встал на самой дороге!

Когда рассвело, на окопице появились два броневомобиля и несколько автомашин из заградотряда. Офицеры и солдаты направлялись на запад, к передовой. С рассветом стала стихать перестрелка на переднем крае, который ночью казался мне похожим на огненную подкову. Мы так и не вышли из села, хотя Митя давно запряг Мальчика, и все были готовы выступить в любую минуту.

Ближе к обеду над селом со страшным грохотом на бреющем полете пронеслась пятерка «хейнкелей». Один из них сбросил бомбу, которая не причинила никакого вреда, другой обстрелял скопившиеся в центре села автомашины. Там кого-то ранило. Мы проводили воздушных пиратов недобрными словами. Но вскоре самолеты снова появились над селом. По ним началась беспорядочная стрельба. По ней можно было судить, что, кроме нас, здесь находилось довольно много военных. Сбросив несколько бомб, фашисты повернули на запад.

Связь с командованием дивизии мы установили через инструктора политотдела, приехавшего в село на мотоцикле. Он советовал Копылову пока оставаться на месте. Обстановка на переднем крае за последние часы улучшилась, и два полка нашей дивизии перешли в контрнаступление. Немцы отступают, бросая много техники. Если наступление будет развиваться и дальше, нам можно будет завтра двинуться в соседнее село, куда прибудет медсанбат. А пока лучше переждать здесь.

Ночью началась бомбежка. В хате выпетели стекла. Взрывная волна вздыбила нашу соломенную постель. Я сильно стукнулся головой о печку. Новый взрыв, и в ослепительной вспышке я увидел Гурия Прыгунова, закрывшего руками лицо. Когда наступила тишина, он негромко сказал:

— Ребята, меня ранило.

Маленький осколок попал в скулу. Рана кровоточила. Николай Жариков достал бинт. Осколок сообща вытащили, рану промыли водкой и забинтовали. К утру

лицо у Гурия распухло, требовалась врачебная помощь. Мы его отправили в медсанбат.

Началась знаменитая Корсунь-Шевченковская операция. Мы снова работали санитарами. Снова бессонные ночи, поездки за ранеными в полки и батальоны и в полевой госпиталь. Многие из нас к тому времени научились оказывать раненым медицинскую помощь, накладывать жгуты, делать уколы.

В то время никто из нас, разумеется, не знал о масштабах этой грандиозной военной операции. Мы видели огромное количество пехоты, артиллерии, танков. Сутками не умолкала канонада. Временами казалось, что орудийный гул слился в сплошной грозный звук. К тому же нельзя было определить куда и откуда стреляли: грохотало впереди, справа и слева. Было много раненых. Разве могли мы предположить, что с января по 17 февраля шло окружение и уничтожение фашистских дивизий.

...Летом 1971 года мне довелось побывать на местах, где в войну в неимоверную распутицу шли кровопролитные бои. Я попал в городе Корсунь-Шевченковском в музей истории этой битвы. Молодой человек — экскурсовод, которого, очевидно, в то время не было еще на свете, рассказывал нам о том, как были окружены и взяты в плен 18 тысяч немецких солдат и офицеров. Мы посмотрели в специальном зале документальную ленту, на которой фронтовые кинооператоры запечатлели отдельные эпизоды этого сражения. И вдруг в одном из залов музея я увидел фотографии комдива Шостацкого, начальника штаба Баранова, начальника политотдела Полякова, снимки солдат и офицеров нашей родной Звенигородско-Берлинской дивизии... Все это было очень давно, все это теперь овеяно романтикой фронтовых лет. Я увидел на одном из снимков совсем молоденьких солдат и подумал, что я был именно таким же в ту пору. И вот нахлынуло, захватило, понесло туда, в прошлое. Сразу запершило, будто застяло что-то в глотке, какой-то комок. И я не смог сдержать слез...

Когда я вышел из музея, ослепительно сверкало августовское горячее солнце, зеленели, наливаясь тучным урожаем фруктов, сады. Веселая компания молодых парней и девчат что-то напевала. Какую-то современную мелодию разносил транзистор в руках у одного из парней. Но вот ребята умолкли. Они остановились

возле танков, орудий и «катюш» — немых свидетелей тех огненных лет. Молодые люди молча постояли у этой грозной техники, словно дань прошлому отдали, и пошли дальше.

Я подумал о том, что не зря погибали мои сверстники в сорок четвертом. И, если понадобится, эти парни и девчата повторят бессмертный подвиг своих дедов и отцов...

В конце февраля, когда операция по окружению и разгрому фашистов была закончена, мы направились на юг. По дороге двигались нескончаемые колонны пленных.

Прошла зима. Дела на фронте радовали. Все дальше на запад шли наши дивизии. Но до победного дня еще было далеко.

Мартовским теплым днем мы вошли в первое молдавское село. Здесь буйствовала весна. Мы увидели абрикосовые сады, все в нежно-розовом наряде. Для многих из нас — сибиряков, дальневосточников, жителей средне-русской полосы — это зрелище было удивительным: еще ни травинки на земле, еще кое-где в тени домов с северной стороны грязные остатки снега, а на голых деревьях — цветы.

Как мы обрадовались весне, как ждали победы, как широко распахнулись наши сердца! Мы стали еще добре и уважительнее друг к другу.

Теперь, когда дивизия стояла в обороне, вышел приказ ежедневно давать концерты для солдат. Полки стояли за Днестром, на плацдарме. Передовая линия проходила местами совсем близко от берега.

Один такой концерт мы дали в опущенном первой дымкой зелени прибрежном лесу. Уселись на пеньках, на бревнах, заготовленных, наверное, для блиндажей. Перед нами сидели и стояли солдаты и офицеры, пришедшие с переднего края. Настроение у всех было приподнятое.

— Штраус. Вальс «У голубого Дуная», — объявил капельмейстер. Мы раскрыли ноты. Стало будто тише в сырватом весеннем лесу, казалось, даже птицы подготовились слушать прекрасного, вечно молодого Штрауса. И вальс зазвучал.

Нежно и вкрадчиво, точно голубые воды далекого

волшебного Дуная, потекли звуки труб. Ласково, задумчиво пропели валторны. Я глянул на зрителей. Одетые в темные от окопной грязи шинели, в мятых, линялых пилотках, одни совсем юные, с легким пушком на щеках, другие пожилые — они по-разному слушали эту признанную всем миром мелодию.

Вальс ширился. Ему было уже тесно среди серых корявых стволов дубняка и темных ольховых ветвей. Он рвался в лазурь, все нарастал, захватывал своими чарами. Мне показалось, что солдаты уже видели себя совсем другими. Одни вспоминали ту первую золотую весну любви, другие — студенческий веселый карнавал, третьи — снега русских равнин, в которых стояли под снеговой ризой столетние сосны. И вдруг почудилось, будто эту прекрасную мелодию запели и деревья, и таившиеся до этого в первой клейкой листве птицы.

Позднее знакомый капитан рассказывал, что Штрауса, оказывается, слышали даже на передовой. Правда, сначала там не поняли: откуда льется музыка. Притихли даже на какое-то время и немцы.

Затем мы играли марш «Герои Сталинграда», «Марш танкистов» и, ставший в годы войны знаменитым, «Прощание славянки». Нам никогда не аплодировали, не вызывали на «бис». Наша аудитория выражала свой восторг молчаливым благодарным взглядом, изредка — хорошей улыбкой, означавшей «молодцы, музыканты!» Духовая музыка не относилась на войне к искусству, не равнялась с выступлением фронтовых агитбригад или дивизионного клуба. Мы играли до начала выступления артистов или после их концерта точно в цирковом представлении, когда под звуки оркестра блещут мастерством жонглеры, акробаты или эквилибристы, а музыкантов, исполняющих «галопы» и «тrot-марши» никто из публики не видит, никогда не аплодирует их мастерству. Мы были строевым подразделением, делали свое обычное, очень нужное и важное в то время дело.

Вспоминая это, теперь далекое, незабываемое, я думаю о том, как заботились в Москве о военных оркестрах! Мы получали красиво оформленные, на отличной бумаге сборники, где были напечатаны музыкальные пьесы на все случаи фронтовой жизни — от встречного марша до небольших отрывков из опер и оперетт. Сборники были составлены со знанием дела, с учетом фронтовых условий.

В Дубоссарах жили мы в двух уютных домах. Из-за близости переднего края жители вынуждены были временно оставить городок, уйти в тыл. Занимались, как всегда, с утра, а после обеда шли в полки. Был конец апреля. А первомайский праздник встречали в штабе дивизии, затем переправились через Днепр, играли на плацдарме. Концерт наш затянулся до вечера. Домой возвращались затемно.

Уселись в старую лодку с низкими бортами и оттолкнулись от берега. Ковалев сел на корме за руль. Борис Гофман и Николай Жариков — за весла. Течение быстро подхватило утлую, сильно осевшую от тяжести груза лодку, она неуклюже раза два повернулась на месте, но Ковалев выпрямил ее ход рулевым веслом. Примерно на середине реки кто-то сказал:

— Ребята, а лодка-то течет!

Это фраза была произнесена с оттенком юмора, очевидно, в расчете на то, чтобы не посеять панику. Воды действительно набралось уже по щиколотку, и она угрожающе прибывала.

Сообщение это мы встретили молча. Потом тишину нарушил Мамышев:

— А как же я с басом поплычу?

Сказал он это тоном человека, который оказался в горящей комнате и теперь не без юмора спрашивал, как ему прыгать в окно с пятого этажа.

— Молчи, убогий,— сказал Гурий Прыгунов.— Во-первых, никто не собирается покидать нашу лодку, а во-вторых...

Что было во-вторых, мы так и не узнали. Лодка черпнула бортом первую, довольно солидную порцию воды. Стало страшно.

Между тем нас занесло в стремнину. Лодка, наполненная водой, стала неповоротливой, медленно развернулась к берегу кормой и еще раз черпнула воды, и все же мы какой-то непонятной силой направились к берегу.

— Спокойно, товарищи, без паники! — сказал чужим, тусклым голосом Копылов.— Главное — сидеть спокойно, не вертеться.

До берега оставалось метров пять-шесть. В это время кто-то сделал резкое движение, и мы оказались по грудь в воде. До берега добрались благополучно. Самое удивительное было в том, что никто не утопил

инструмента. И только Виктор Саяпин, которого вода скрыла с головой, лишился пилотки.

Мы жарко вытопили печь. Копылов приказал Ковалеву выдать каждому по сто граммов водки. Так закончился первомайский праздник.

На другой день, делая запись в дневнике, Вил спросил у Прыгунова:

— Что ты думаешь насчет лодки?

— Дырявая пирога, — ответил Гурый.

— А не кажется тебе, что это дело чьих-то рук? Не наших — вражеских?

Гурый сделал очень серьезное лицо и ответил:

— Как всегда, ты прав, Вил. Ну конечно же, это вражеский поиск! Очевидно, фашисты пронюхали, что взвод музыкантов будет переправляться в этой посудине и послали своего лазутчика с долотом... Так и пиши в дневнике.

Вил осоловело посмотрел на Гурия — правду ли тот говорит или разыгрывает его, и застрочил в общую тетрадь очевидно свои предположения.

Однажды утром в сад, где мы репетировали, вошли двое смуглых красивых мужчин, удивительно похожих друг на друга. Одеты они были в гражданские поноженные костюмы, обуты в постолы — куски конской кожи, подвязанные веревочками наподобие лаптей. Старший поклонился сначала Копылову, затем всем нам.

— Можно послушать? — попросил он.

В ответ Копылов пожал плечами: слушайте, мол, на здоровье. Мы продолжали репетировать. Гости стояли в стороне и слушали так, как это делают люди, искушенные во всех тонкостях искусства. Когда капельмейстер объявил перекур, они подошли к нам.

— Музыканты, что ли? — спросил Копылов.

— Музыканты! — в один голос ответили пришельцы. — Мы местные, братья Жулавские — Иван и Андрей.

Через несколько минут состоялась «проба» братьев Жулавских. Андрей оказался трубачем, Иван — тенористом. Играли они настолько великолепно, что даже далекий от эмоций Миша Пильник сказал:

— Просто не верится, что в таком mestechke и такие мастера могут отыскаться.

Через несколько дней братья Жулавские были призваны в действующую армию и сразу же прочно вошли

в нашу дружную семью. А еще через неделю они привели «на пробу» четырех солдат-молдаван — Семена Дынула, Селиверста Мушеманского, Ивана Храновского и Иосифа Штефирца — местную знаменитость. Всех их вскоре тоже зачислили в муззвод. Спустя полмесяца, приняли еще одного новичка — кларнетиста Александра Красникова.

Молдавские музыканты оказались людьми веселыми, дружелюбными. Все они играли на духовых инструментах по многу лет.

Иван Жулавский до войны был учителем музыки. Лет сорока с лишним, очень вежливый, всегда с добродушной шуткой в запасе, он быстро сдружился с каждым из нас. Его младший брат Андрей был несколько темпераментнее, азартнее. Он обладал высокой, почти виртуозной техникой исполнения и задушевным, мягким звуком. Андрей Жулавский стал у нас трубачем-солистом, а Иван — первым тенористом.

Иосиф Штефирц был человеком грузным, неповоротливым, в возрасте, который ближе к старости. По-русски говорил с сильным акцентом. Походка у него была совсем не армейская, гимнастерка постоянно топорщилась на спине. Но когда он брал баритон и начинал играть, преображался настолько, что казался совершенно другим человеком. В каждом деле бывает мастер и бывает вершина этого мастерства. Штефирц относился к тем немногим людям, которые достигли этой вершины в духовой музыке. С его приходом оркестр зазвучал как-то иначе, словно в самодеятельный хор включился известнейший певец. Штефирц долгие годы руководил музыкальными кружками в детских домах, работал в цирке, несколько лет служил в армейском оркестре.

Селиверст Мушеманский пришел в муззвод со своим стареньkim альтом. Это был тихий, задумчивый человек. Ходил он осторожно склонив голову набок, иногда даже разговаривал сам с собой вслух. Костя Ковалев решил, что Селиверст — блажененький, и относился к нему, как к человеку с недостатком. Но мы любили Селиверста.

Как-то укладывались спать. Вдруг в углу замяукала кошка, и вслед за этим несколько раз тявкнула собака.

— Еще не хватало, чтобы по моим ногам собаки гонялись за кошками, — возмутился Вил. — Сейчас я их пугану из пистолета...

Как бы в ответ, откуда-то от печки зажжал конь, и вслед за этим замычала корова. Засветили трофеиную стеариновую плошку. Конечно, ни кошечек, ни лошадей в комнате не было. Оказалось, что звуки издавал второй альтист Иван Храновский. Все рассмеялись. Иван был прирожденным щутником. Умел подражать голосам не только животных, птиц, жужжанию насекомых, но и выделявал такие потешные вещи, как игра на тополином листе или исполнение совершенно уникального номера на зубах, постукивая по ним ногтями. При этом щеками ухитрялся менять звук так, что получалась мелодия. Храновский научил нас говорить по утрам и вечерам «буна сара», «буна дзива», мы знали несколько обиходных фраз, при помощи которых общались с молдаванами, что вызывало у них добродушные улыбки.

Семен Дынул был, очевидно, цыганом, хотя упорно это отрицал. Оказалось, что он совершенно не знает нот. Копылов решил немедленно отправить его в стрелковый полк. Тогда Дынул сказал капельмейстеру:

— Я, товарищ начальник, могу делать все, что твоя душа пожелает — инструменты паять, и сбрасывать чинить, и даже лечить могу.

Копылов кинул на нас озорной взгляд:

— Видели фармазонщика? Он же доктор! Может, его послать главным хирургом в медсанбат?

Но Дынул и глазом не моргнул:

— У меня, товарищ начальник, кила, меня в армию не возьмут. А если ты попросишь, могут мобилизовать. Я такой повар, каких нет ни в Григорополе, ни в Кошице, а уж в Бельцах и подавно.

Семен Дынул остался в муззводе поваром, вторым ездовым (у нас уже было две повозки), музыкальным мастером, фуражиром и всем на свете вплоть до парикмахера. Правда, он постоянно менял где-то ездовых лошадей, но всегда удачно. В остальном это был послушный, работающий солдат.

О Саше Красникове мы узнали, что он учился в Одесском музыкальном училище, с первого дня войны был на передовой. Бежал из плена, немного партизанил. Как и Дынул, Красников подлежал демобилизации. У него был поврежден глаз, но он очень просил Копылова зачислить его в оркестр, и капельмейстер через командование сделал это.

Весну сменило лето. Поспела черешня в садах,

обмелел Днестр. Каждый день мы переправлялись на плацдарм и всю вторую половину дня находились в полках.

И вот однажды ранним июльским утром я вышел на берег Днестра. Над рекой стоял белесый туман, скрывавший противоположный берег. Еще только просыпались птицы, восток алел и золотился, предвещая ясный хороший день.

Я зачерпнул пригоршню студеной обжигающей воды и плеснул ее на лицо. В это время зашуршала листва прибрежного кустарника.

— С добрым утром,— сказал, выходя оттуда, офицер в плащ-накидке.— Холодная, небось, водица?

Голенища сапог у него были в росе до самого верха, лицо серое, утомленное, глаза с красными веками. Вопрос, заданный военным, требовал ответа, с которого обычно начинается знакомство.

— Прохладная вода, хорошо освежает,— ответил я.

— Может, закурим?— предложил офицер, вытаскивая из кармана пачку папирос «Красная звезда»— самых популярных на фронте.— Из госпиталя иду. Вот никак не отыщу свою часть. Третий день скитаюсь по тылам.

— А какая дивизия?— спросил я.

— Ишь какой!— натянуто улыбнулся собеседник.— Ты сам-то из какой?

— А ты тоже... наивный. Свою не называешь, а мою хочешь узнать,— превратил я свой ответ в шутку.

Военный скинул плащ-накидку, и я увидел полевые, видавшие виды погоны старшего лейтенанта. На гимнастерке красовались орден Красной Звезды и две медали.

— Между прочим, товарищ старший лейтенант, в Дубоссарах расположен комендантский взвод. Я провожу вас туда. Мне как раз по дороге. Там получите нужные справки.

— Бдительность — сестра победы. Но я фронтовик и без твоей помощи найду дорогу, куда мне надо. Так что будь здоров, до встречи после победы.

В сказанном старшим лейтенантом я уловил что-то фальшивое. Смутное подозрение и тревога вкрадались вдруг мне в душу. Офицер был, несомненно, фронтовик. Но какое-то чувство подсказывало: тут что-то не так. Почему в это время утра был он в кустах и вышел ко

мне, безоружному, чтобы узнать, какая здесь стоит в обороне часть? Ведь чего проще обратиться к первому офицеру и расспросить все по правилам. И потом, зачем этот разговор о бдительности?

Мне нечего было больше сказать старшему лейтенанту, а тот торопливее, чем надо, поправил кобуру пистолета, перекинул через плечо плащ-накидку и не спеша зашагал от реки к Дубоссарам. Я еще раз ополоснул лицо и, повернувшись к реке, докрасна растирался полотенцем. Неожиданно за спиной раздался знакомый голос:

— Молчи, иначе пристрелю, как собаку!

Я машинально повернулся и увидел, как старший лейтенант целится в меня из пистолета. Я подумал, что это глупая шутка и хотел ответить на нее тоже шуткой, но, увидев его лицо, понял, что дело куда серьезнее.

Прыгать в воду нельзя — Днестр в этом месте мелкий. Метнуться в кусты — до них добрых метра четыре.

— Ты руки подними! — приказал он. — Так какая здесь стоит дивизия? Отвечай, или укокошу.

Сказано это было так решительно, что я ни на секунду не усомнился: этот человек обязательно выполнит свою угрозу. И тут неожиданно мелькнула отчаянная мысль, появилось ощущение, как перед первым прыжком в воду с высокой вышки — и страшновато, и в то же время — испытание нового, совсем непривычного, сулило удовольствие.

— Товарищ старший лейтенант, ну зачем такие шутки? Сорок девятая дивизия здесь стоит. Командир — генерал-майор Копылов, начальник штаба полковник Ковалев, начальник политотдела — полковник Косенко.

Я выпалил все это самозабвенно, в злом юморе, присваивая своим товарищам генеральские и полковничьи звания.

— Так бы сразу и сказал. Я как раз в эту дивизию и направлен. — Старший лейтенант спрятал пистолет в кобуру. — Я, пожалуй, тоже искупнусь, а потом — в комендатуру. Ты не жди меня. Иди. И не сердись. Понимаешь, пошутил я. А если откровенно, то усомнился в тебе: почему в это время здесь один? Не на передовой...

Туман над рекой разнесло ветерком. Взошло пока еще нежаркое солнце. И я вдруг отчетливо понял, что живым меня с пустынного берега этот человек не от-

пустит. Вот только почему он тянет время? Может, ждет, когда пойду в гору, на подъем, и тогда выстрелит в спину? Человек, носивший погоны старшего лейтенанта, очевидно, тоже над чем-то раздумывал. И в это время на реке послышался спасительный скрип уключин, плеск весел. Простуженный бас сказал, обращаясь к нам:

— Эй, земляки! Примите чалку!

Большая лодка с солдатами причалила к берегу. Я схватил конец веревки, которую бросили мне. Обернувшись, увидел, как мнимый старший лейтенант, пригибаясь в кустарнике, торопливо уходил от реки.

— Ребята! Это — шпион. Он меня чуть не застрелил,— выкрикнул я выходившему из лодки старшине.

Солдаты в лодке дружно засмеялись.

— Ты не с похмелья, парень? — спросил старшина.

— Честное комсомольское, товарищи, это шпион! Он допытывался у меня, какая здесь дивизия, он чуть меня не застрелил, да, видать, испугался, что выстрел могут услышать.

Говорил я взволнованно, торопливо и так искренне, что старшина перестал улыбаться.

— Набоков, Федорако, Захарченко! А ну, быстро задержать этого! — кивнул он в ту сторону, где скрылся «старший лейтенант». — Будьте осторожны. И не стрелять. Берите живым.

Трое солдат, маскируясь в зарослях, проворно зашагали за странным гостем. Но едва они поднялись на берег, как раздался пистолетный выстрел. Кто-то крикнул «стой!» Вслед за этим прозвучало еще несколько пистолетных выстрелов, потом раздалась автоматная очередь.

В своей дивизии я подробно рассказал о нашей встрече на берегу Днестра с загадочным «офицером».

— А в общем-то ты действовал правильно, — сказал мне капитан, — только жалко, солдаты сплоховали — убили «старшего лейтенанта». Тот гад успел одного ранить.

Вскоре мы перебрались на плацдарм, в землянки. Через несколько дней началось сражение, которое позднее получило название — окружение Ясско-Кишиневской группировки.

Наступление наших полков было стремительным. Мы шли через дымящиеся вражеские траншеи, где в самых

неестественных позах лежали убитые фашисты, разбитые орудия, шестиствольные минометы, автомашины, обгорелые танки. В одном из селений нагнали медсанбат. Раненых, по сравнению с прежними наступлениями, было немного. Их теперь сразу же эвакуировали в тыловые госпитали.

В небольшом селе Принчепете карол, что означает по-молдавски «сорви цветок», прозвучали последние залпы наших орудий: Ясско-Кишиневская операция была завершена. После Корсунь-Шевченковского я не видел такого количества военнопленных. В Принчепете кароле они расположились на большом дворе, обнесенном ивовым плетнем. Немцы сидели и лежали на земле. Некоторые из них раздевались до трусов и уничтожали в одежде паразитов. Как только мимо проходили наши солдаты и офицеры, фрицы кричали:

— Сталин гут, Гитлер капут! Комрад, дай макорка.— Их угожали крепчайшей махоркой или трофейными сигаретами. Немцы благодарили, улыбались, некоторые даже раскланивались.

— На Сибирь?— спрашивали одни.

— Война капут!— радостно сообщали другие. Но были и трети — молчаливые, в холодном, настороженном взгляде которых я часто читал лютую ненависть. Дай оружие, и вон тот недобитый чубатый ефрейтор обязательно будет драться до последнего патрона. Но теперь он был безоружным в общесолдатской массе, которая в большинстве своем была против войны. Как правило, они держались особняком, небольшими группами. И на них мало кто обращал внимание.

В то же время меня удивляло слепое, бездумное подчинение немецких солдат офицерам даже здесь, в пленау. При виде их солдаты умолкали, вытягивались и, казалось, переставали соображать.

Военнопленных большими партиями конвоировали на восток. В эти дни я выполнял обязанности ординарца у начальника штаба тыла дивизии. Были они несложны и сводились, в основном, к тому, что я носил иногда майору обед, да ходил в штаб с бумагами.

Однажды утром после завтрака майор ушел в штаб, но вскоре вернулся и приказал мне с оружием идти в распоряжение лейтенанта Попова.

У «доджа» стояли шофер и автоматчик. Я поздоро-

вался с ними и спросил, где могу видеть лейтенанта Попова.

— Сейчас выведут немецкого генерала с его адъютантом,— сказал шофер,— вот тут и увишишь Попова.

Из хаты, где размещался один из отделов штаба, в сопровождении молодого лейтенанта вышел немецкий генерал-майор и его адъютант — пожилой офицер в очках со впалыми щеками.

— Это тебя послали в наш конвой? — строго спросил лейтенант.

Услышав мой четкий рапорт, он, как мне показалось, подобрел.

— Я слышал, что ты из музвзвода. Надеюсь, стрелять из автомата умеешь?

— Как бывший курсант пехотного училища, товарищ лейтенант,— сказал я с обидой.— Могу и из пулемета...

Знойным днем по пыльной дороге, обгоняя колонны военнопленных, мы двинулись в Кишинев.

Я сидел рядом с лейтенантом напротив генерала и наблюдал за выражением его лица. Это был средних лет, невысокий, довольно полный блондин, со светлыми старческими глазами. Генерал часто стирал носовым платком пот с шеи и сопел. На трупы, разбитые немецкие машины, танки, колонны пленных он смотрел, помоему, безучастно. И только в одном месте, у небольшого мостика, обратился к адъютанту. Тот, осмотрев местность, быстро заговорил о чем-то.

— Тут их в плен наши ребята взяли,— сказал молчавший до сих пор солдат.

— А ты что, по-немецки понимаешь? — спросил шофер.

— Понимаю,— ответил солдат,— раз переводчик, значит, кое-что кумекаю.

— А ну, спроси генерала, что он думает насчет второго фронта? — сказал шофер.— Как насчет конца войны соображает?

— По инструкции в дороге с военнопленными мне разговаривать не положено,— ответил солдат.

— А ты нарушишь ее, инструкцию, я буду в ответе,— не унимался водитель.— Уж больно интересно знать мнение фашистского генерала. Как, товарищ лейтенант? — обратился он к лейтенанту.— Не возражаете?

Солдат вопросительно посмотрел на Попова.

— Спрашивай,— ответил тот.

И солдат-переводчик заговорил. Сначала немного робко, подбирая слова, точно ученик на уроке, потом увереннее, как и подобает разговаривать победителю с побежденным. Генерал выслушал солдата и, пожав плечами, коротко ответил что-то.

— Он говорит, что не имеет желания беседовать на эту тему,— перевел солдат.

— Не желает с русским солдатом объясняться?— обиженно сказал шофер.— А если я ему по морде? Как, товарищ лейтенант? Я ведь не посмотрю, что генерал...

— Отставить разговоры,— оборвал водителя лейтенант.

— Не хочет говорить, не надо. Невелика птица. Когда надо, его заставят говорить. Будь уверен!

— Может, перевести это генералу?— спросил солдат, не скрывая лукавой улыбки.

— А что, и в самом деле — переведи, чтобы не нахувался, как индюк,— по-мальчишески озорно сказал лейтенант.

Переводчик помолчал, очевидно, составляя в уме наиболее остроумный и, уж конечно, ядовитый ответ, и заговорил спокойно, с достоинством. Генерал, выслушав солдата, побагровел и заговорил отрывисто, будто давая команды. Адъютант сразу подтянулся, испуганно посмотрел на нас и на говорившего генерала.

— Генерал говорит, что очень устал, расстроен и зволнован. Он спрашивает, что ждет его в плену? Ему теперь безразлична судьба фюрера, который оказался плохим стратегом, тактиком и политиком. О союзниках он ничего сказать не может.

До самого Кишинева мы больше не разговаривали с генералом.

...Когда, наконец, муззвод собрался вместе, мы стали ежедневно провожать роты и батальоны на отдых. Играли в расположении землянок, в садах, на площадях городов и в селах. Полки готовились для последнего наступления на фашистскую Германию.

Составы один за другим шли лесами мимо хуторов, болот на север. На платформах везли орудия и лошадей, тюки сена, полевые кухни и штабные радиостанции. Из теплушек раздавались звуки трофейных аккордеонов и веселые солдатские песни. Все знали, что скоро предстоит последняя решающая схватка, теперь уже на немецкой земле. И все оживленно обсуждали это,

строили планы на будущее, когда наступит мир. В эшелоне мы получили дивизионную газету «Сталинская гвардия», которую поочередно читали до последней строки.

На третий день пути нас предупредили, что скрывающиеся в лесах изменники Родины — украинские националисты — обстреляли щедший впереди эшелон. Имелись человеческие жертвы. В любой момент мы должны быть готовы к бою. Особо напомнили о бдительности. В связи с этим мне припомнился один случай. Произошел он с артистом дивизионного клуба Николаем Фоминым. Жили артисты довольно свободно, некоторые из них позволяли себе ходить без погон, или в трофейных офицерских бриджах и сапогах. Фомин как раз был одет в немецкие шаровары, сапоги и кубанку с малиновым верхом. Погон на его гимнастерке не было.

На небольшой станции в Полесье он отправился на базарчик и задержался. В это время эшелон отошел. К артисту тут же подошли пограничники.

— Ваши документы! — потребовал лейтенант, с головы до ног осматривая странно одетого человека.

Фомин полез в карман гимнастерки, но красноармейской книжки там не оказалось.

— Вот ведь как бывает, — смущенно сказал он, — в другой гимнастерке у меня документы, а ее только что увезли.

— А куда ее увезли? — спросил лейтенант.

— Ну, конечно, в сторону Берлина, — шуткой ответил артист.

Дальнейший разговор происходил в комендатуре. Фомин продолжал отшучиваться. Но когда его стали допрашивать и записывать ответы в протокол, он понял, что шутить неуместно.

— Кто ты такой? — спросил дежурный офицер.

— Артист дивизионного клуба, — ответил Фомин, — отстал от эшелона.

Офицер не на шутку рассердился:

— Это вы, «артисты», недавно эшелон обстреляли? — спросил он.

— Братцы, поверьте, я действительно артист. Ну, как вам это доказать? Давайте сделаем так: прошу выйти со мной на станцию к любому эшелону. Меня каждый солдат и офицер нашей дивизии знает. А уж если

никто не признает, тогда ведите следствие по всем правилам.

Пограничники так и сделали. Но в первом вагоне, к которому подвели Фомина, его никто не узнал. То же самое было у второго и третьего вагонов.

— Чего голову морочишь, шкура бандеровская! — сказал лейтенант. — Пошли!

И в это время проходивший мимо старший лейтенант спросил:

— Эй, Фомин, ты чего под охраной?

Николай бросился к нему и даже всплакнул от радости. Конфликт был разрешен. Лейтенант, сопровождавший Фомина, обратился к его спасителю:

— Прикажите своему артисту, если он не вольнонаемый, носить положенное по форме обмундирование и соблюдать устав, — он козырнул и ушел.

Но Фомин вскоре забыл это наставление. Мне рассказывали, что в Восточной Пруссии с ним произошел еще один случай, который только чудом не закончился трагически.

В только что занятом поместье Николай нашел парадный генеральский мундир и надел его. Мундир пришелся впору, фуражка с высокой тульей — как раз по голове.

— Ну, вылитый фашистский генерал, — пошутил кто-то из друзей.

Николай был доволен находкой: теперь для выступления на сцене у него было подходящее по росту, да к тому же генеральское обмундирование. Не снимая фашистской формы, он вышел на улицу.

В это время наши солдаты наткнулись в сарае на целое отделение вооруженных фашистов, очевидно, отставших от своей части. Завязалась перестрелка. Фомин вышел из дома как раз в тот момент, когда несколько бойцов пробежали мимо. Увидев «немецкого генерала», они остановились.

— Стой! Халт! Руки вверх! — крикнул один.

Фомин подумал, что это шутка, и, вместо того, чтобы выполнить команду, комично схватился за пустую кобуру.

— Гитлер капут! — гнусавым голосом, картавя, крикнул он. — Капут, капут! — продолжал паясничать Фомин. — Гитлер капут!

Солдат не выдержал и пустил чуть выше головы «фашистского генерала» автоматную очередь.

На выстрелы из соседнего дома выскоило несколько солдат.

— Ребята, глядите, генерал! — крикнул кто-то.

Фомин упал и, поспешно срывая с себя мундир, что было сил закричал:

— Я не генерал, я артист, черти полосатые! Не стреляйте!

Однако даже этот случай с переодеванием не послужил ему уроком. В Берлине я видел его в монашеской сутане.

Ненастным вечером мы выгрузились в Ковеле и сразу же через город двинулись в лес. Накрапывал холодный дождь. В темноте было слышно чавканье ног да поскрипывание колес многочисленных повозок. Кругом лежала непроницаемая тревожная тьма. Перед рассветом движение колонны остановилось. Мы немного вздрогнули. Неожиданно сумрак разрезала ракета, раздались гулкие винтовочные выстрелы и треск автоматов. Через несколько минут стрельба утихла. Как вскоре выяснилось, на авангард колонны наткнулся летучий отряд фашистских кавалеристов. Схватка с ними была короткой: большинство всадников уничтожили, за остальными началась погоня.

Мы остановились в селе с высокими шестами у домов, на которых были установлены скворечники с колодезными журавлями. К самой окопице подступали густые леса. Нас предупредили, что возможно нападение бандитов из местных националистов. Мы несли круглосуточную патрульную службу. К вечеру на шляхе у въезда опускался шлагбаум. Каждый въезжавший и входивший в село предъявлял документы.

И все же как-то ночью крайнюю хату, где размещались работники политотдела дивизии, кто-то поджег. От опушки из темноты прозвучало несколько винтовочных выстрелов.

Сразу же по тревоге на поимку бандитов выступила рота автоматчиков. После небольшой перестрелки они поймали бандеровцев. Двое из них были молодые парни, третий — пожилой, высокий, кадыкастый, в немецком солдатском кителе. Их отправили в комендатуру.

И вот полки снова в наступлении. Перед нами теперь лежала польская земля с ее обездоленными

селами, со сломанными крестами костелов. Скорбные матки боски из дерева и гипса встречали нас у развалин дорог, у колодцев, на околицах сел. Появились солдаты в конфедератках из Войска Польского. И то, что когда-то мы учили по географии в школе, теперь видели воочию: и богатство одних, и беспросветную нищету других.

К этому времени оркестр у нас звучал уже так, как положено военному оркестру. За годы его существования мы добились отличных успехов. В репертуаре были сотни пьес. Кроме военных маршей, песен, небольших произведений, написанных для оркестров, мы исполняли отрывки из оперетт и опер. Занимались ежедневно по несколько часов в день. Копылов по-прежнему строго и, как мне казалось, даже излишне придирчиво требовал от каждого в отдельности самого безукоризненного, идеально четкого исполнения оркестровых партий, заставлял выучивать многие из них на память.

В одном польском городке Николай Жариков добыл метроном — небольшой прибор, отсчитывающий такты. Теперь стали репетировать с его помощью. И порой было похоже, что оркестр стал как хорошо отрегулированный и выверенный механизм, где просто немыслима даже малейшая неточность, фальшь. Мы знали, что скоро придет тот заветный день, когда просто не смогут обойтись без нашей музыки. Она будет звучать под грохот салютов, под наши марши пойдут по Берлину победители. Разве можно было играть средне, посредственно в такой день? Конечно, оркестр должен звучать только отлично!

В польских городах и селах мы играли мазурки и полонезы, польские народные песни и танцы. Поляки с одинаковым удовольствием слушали Шопена и Огинского, Бетховена и Глинку. Всюду мы встречали самый радушный, сердечный прием.

Во второй половине января 1944 года вошли в Варшаву. По мостовым холодный ветер гнал пепел. Разрушенные, истерзанные дома. Нигде не видно белого — все почернело, закоптилось от пожаров, взрывов. Мы вошли в серый, разрушенный почти до основания город.

За всю войну я видел много истерзанных и сожженных городов, но польская столица поразила своими страшными руинами. Вначале было даже непривычно видеть в Варшаве живых, смеющихся, счастливых го-

рожан, приветствовавших своих спасителей и освободителей.

На площади, окруженной руинами, мы заиграли что-то сухое и торжественное. Кажется, это был Шостакович. Сначала нашими слушателями были несколько советских и польских солдат. Постепенно из темных лазов, из уцелевших среди руин уголков и комнат, из землянок стали выходить варшавяне. Многие пришли с детьми. И через несколько минут вокруг стояли десятки взрослых и детей. Лица их были сначала непроницаемы. Когда прозвучал последний аккорд, кто-то попросил сыграть «Катюшу». Зазвучала эта простенькая и очень близкая почти каждому в те годы песенка. После нескольких тактов мелодию «Катюши» подхватили наши солдаты. К ним присоединились поляки. Вскоре образовался импровизированный хор. И было совсем не важно, что не получались слова, которых, конечно, поляки не знали. Наша родная русская «Катюша» все равно звучала в необычном исполнении очень громко, весело, радостно. Это было всеобщее выражение переполнившего каждого высшего счастья. Лица поляков расцвели улыбками. Кто-то пел в обнимку с нашими солдатами. В образовавшейся толпе молодая женщина дирижировала хором. Когда закончили играть «Катюшу», посыпались новые заказы. На улицах, вливающихся в площадь, сигналили шоферы, которые не могли проехать через толпу.

— Товарищи музыканты,— пробрался к капельмейстеру ехавший на грузовике капитан,— ради бога, дайте возможность проехать.

Копылов кивнул на толпу. Капитан понял смысл копыловского жеста и неожиданно улыбнулся.

— Придется искать объезд. Тут и танкам не прорваться. Настоящий праздник.

Несколько дней мы прожили в Варшаве и завели много друзей. Провожали они нас с самыми добрыми пожеланиями, горячо приглашали после войны в гости. Покидали Варшаву с чувством гордости за ее замечательных людей, вынесших неимоверные страдания и не сломленных, гордых, готовых всегда драться с лютым врагом — фашистами — насмерть.

Познакомились мы с тремя участниками варшавского восстания, жестоко подавленного немцами. Это были рабочие парни. Они рассказали, что даже во сне не рас-

ставались с трофеинным оружием. Парни торопились попасть в Войско Польское, чтобы отомстить ненавистным оккупантам за родную Варшаву, за страдания своего народа.

Наш путь пролегал через хутора, местечки и города.

Здесь, за границей, для нас жизнь как бы уготовила наглядный урок истории: богатые панские поместья и крытые темной от времени соломой хаты бедняков, великолепные замки шляхтичей и бедняцкие рабочие окраины.

Мне запомнился хутор Кички. Не столько из-за показавшегося тогда почему-то чудным названием, сколько из-за довольно жуткой стычки, как потом выяснилось, с хозяевами одного из поместий. Целые дни играли в полках. Как-то состоялся вечер в штабе дивизии. На нем присутствовали гости из Войска Польского. Когда командир дивизии поднял тост за скорую победу, за доблестных воинов, за Родину и партию, мы сыграли Гимн Советского Союза. Ответный тост офицера Войска Польского,— и зазвучал Польский гимн. Потом начались танцы. Мы играли популярные танго, вальсы, фокстроты, блюзы. Бальные танцы танцевали всего две-три пары. Под конец капитан-грузин сплясал огненную «Лезгинку», что вызвало восторг собравшихся.

Домой, в Кички, шли по еле заметной среди чистых снегов тропинке, делясь впечатлениями о вечере-встрече. Храновский потешал нас, подражая голосам животных и птиц.

Я задержался у калитки и вошел в дом последним.

— Вот ты и будешь сегодня первым нести караул,— сказал Ковалев.— Бери автомат и шагай на пост.

Я положил инструмент, проверил автомат и заступил на дежурство. Наш довольно большой старый дом окружали деревянные добротные сараи, за которыми началось поле. Зимняя ночь была тихой, теплой. Не хотелось думать о том, что совсем рядом, на передовой, где было пока тихо, каждую минуту мог вспыхнуть жестокий кровопролитный бой, что впереди таких схваток еще много.

Я прислонился к углу сарая. И вдруг в глубине сарая зашуршала солома. Я насторожился. Шорох повторился. Лошадь не могла так шуршать. Хозяин— дома. Значит в сарае чужой. Вот он приглушенно

кашлянул, подошел к двери. Я замер, еще не зная, как поступить: ждать его появления или поднять муззвод по тревоге? Скрипнула дверь и из сарая осторожно, не прикрывая за собой двери, вышел мужчина. Я стоял в тени навеса, и он меня не видел.

Человек был одет в короткую, выше колен, куртку и сапоги. Осмотревшись, что-то негромко сказал по-немецки. Из сарая ответил хрипловатый голос, и вскоре оттуда вышло еще трое. Один из них был в шинели.

У меня от волнения замерзли концы пальцев, гулко застучало сердце. Передо мной стояли враги! Требовалось что-то сделать немедленно, но я застыл, оцепенел. Стрелять по ним без предупреждения? Я на это сразу не решился. Крикнуть «хенде хох»? Вряд ли они поднимут так просто руки и сдадутся.

Тот, что был в шинели, вытащил из-под полы автомат. Дальше медлить было нельзя: враги могли напасть на сонных ребят. Я выпустил по направляющимся к дому немцам очередь и громко чужим, диким голосом крикнул: «Стой!»

Двое упали. Один бросился к калитке, а одетый в шинель пригнулся и с колена выстрелил в мою сторону из автомата. Я мгновенно ответил новой очередью.

В это время распахнулась дверь, очевидно, открытая пинком, и на пороге появился кто-то из ребят. Я мельком глянул на него, и с ужасом подумал, что, стоя в белой нижней рубашке, в нише темного проема открытой двери, он представляет собой неплохую мишень. И тотчас по доскам, чуть выше его головы, прошла густая автоматная очередь. Рубашка мгновенно исчезла в проеме. Теперь я потерял из виду стреляющего немца и стал опасаться, как бы неосторожно не выдать себя. В то же время меня охватил азарт — во что бы то ни стало как можно быстрее уничтожить врага.

В это время на улице послышался треск нескольких автоматов. Кто-то громко крикнул:

— Стой! Стрелять буду!

И вслед за этим часто забили винтовочные выстрелы. Я понял, что наши солдаты подошли мне на помощь. Не теряя ни минуты, держа наготове автомат, я выскоцил за ворота и увидел, как по освещенному лунным светом снежному полю бежали двое. Один прихрамывал. Пробежав несколько метров, он опустился на колено и пустил по преследовавшим его солдатам ав-

томатную очередь. Почти в то же мгновение ему отвели плотным огнем. Немец упал. Скоро и второй убивший пошатнулся и рухнул в снег.

Мы обшарили сарай. Борис Гофман крикнул по-немецки, что если те, кто там скрывается, не выйдут сейчас же, то через две минуты сарай будет подожжен. Но никто не вышел. На всякий случай мы дали несколько очередей.

На мои выстрелы первым, оказывается, выбежал Вил. Сразу он ничего не понял. А когда над головой просвистели пули, он бросился за оружием и разбудил всех ребят. Испуганный хозяин клялся и божился, что понятия не имел о пришельцах. Он истово крестился, призывал в свидетели матку боску.

Какое-то время я был героем дня, но вскоре новые события захлестнули этот ночной случай.

Дул пронизывающий ветер, мела поземка. Ежились на морозе колонны пленных немцев. Возвращавшиеся на восток беженцы грелись у дорожных костров. К вечеру этого памятного дня мы подошли к сильно разбитому, сожженному селу. На доске, установленной у въезда, кто-то уже сделал надпись: «Вот она, проклятая Германия».

Мы остановились у доски. Очевидно, каждый, как и я, в эту минуту вспомнил дороги, оставшиеся позади, и подумал о том, что наконец-то пришел день, когда мы ступили на германскую землю. Каждый отчетливо понял, что конец войны уже близок.

Глубокой ночью остановились, наконец, в пустом холодном доме прусского бауэра, бежавшего на запад.

Виктор Саяпин, разыскивая бумагу для растопки печи, нашел пачку писем. Борис Гофман прочитал с переводом одно из них вслух. Судя по дате, письмо было недавнее. Сын бауэра сообщал о глухих белорусских лесах, о надоевших холодах. Заканчивал письмо он желаниями отцу, матери и сестрам доброго здоровья и выражал надежду, что пока жив фюрер, великая Германия непобедима.

Мы стали всяк по-своему комментировать письмо, выходило, что этот немецкий солдат уже не возлагал надежды на победу. Он говорил о непобедимости Германии, и, значит, и ему, слепому исполнителю воли фюрера, стало наконец ясно, что о завоевании России не может быть и речи. Теперь предстояло защищать свою

страну, которая совершила самое грязное, гнусное в истории человечества преступление, и, наверное, думал о грозном возмездии.

В одной из комнат сохранился портрет Гитлера в рамке из папье-маше, изготовленный, очевидно, массовым тиражом,— такие портреты позднее встречались по всей Германии. Но портрет не висел на стене, где от него остался на извести светлый квадрат, а стоял на полу, прислоненный к комоду. И в этом тоже угадывалось колебание бауэра: уничтожить портрет у него, видно, еще не хватило смелости, но и вера в Гитлера поколебалась.

Ясность в спор о сомнительной преданности всех немцев Гитлеру внес Копылов. Он сказал о том, что вера в Гитлера, конечно, давно поколебалась. Еще после поражения под Москвой, а потом под Сталинградом. Но есть фанатики, и их, наверное, не два и не три... Впереди будут суровые битвы. Чем ближе к Берлину, тем они будут ожесточеннее. Копылов тут же привел наглядный пример: почему бежал на запад хозяин фольварка? Да потому, что боится нас и все еще, наверное, верит Гитлеру, но скоро окончательно поймет, как жестоко был одурачен, какой ценой обошлась эта авантюра для всей Германии, для всего народа.

На запад мы двигались ежедневно после небольших привалов. Проходили хутора и небольшие города. Все чаще стали встречать длинные вереницы местных жителей. Брели они на запад и восток, на север и юг, возвращаясь домой. Иногда шоферы брали их в машины. Мы прошли города Шепланке, Лукатц, Крей, Вальденберг. Встречались старинные, с крепостными башнями и воротами, города-крепости. Позади остались города Ландсберг, Мезеринц, Швибус, Цюллихау. Впереди была река Одер.

Промозглым ветреным днем подошли к pontонной переправе через бурную, по-весеннему полноводную реку. В лицо пахнуло терпкой свежестью большой воды. Мы сразу же попали под жестокую бомбёжку. Мне показалось, что длилась она по меньшей мере час, хотя на самом деле фашистские самолеты сделали всего один заход и, как позднее выяснилось, из-за огня зениток сбросили бомбы беспорядочно, не причинив особого вреда переправе. В этой сумахоте я потерял своих и, при-

строившись к одной из колонн, перешел по понтонному мосту на противоположный берег.

Тут встретился знакомый коновод командира дивизии Григорий. Он вел на поводу прихрамывающего верхового каурого коня.

Мы зашли с коноводом в приземистый каменный дом перекусить. Коня привязали к дереву недалеко от дома. Только разрезали шпик и хлеб, как налетели немецкие самолеты. Я увидел, как один из них спикировал прямо на нас. Из дюралевого брюха бомбардировщика, кувыркнувшись в воздухе, отделились бомбы. Я буквально свалил Гришу на пол и в ту же секунду раздался грохот бомбового разрыва. Нас будто прижало к полу взрывной волной, засыпало штукатуркой и осколками стекла. Мне порезало руки, Грише шею. Бомбы разорвались совсем близко от дома. Взрывной волной сорвало крышу, выбило окно. Там, где был привязан к дереву конь, зияла воронка.

Гриша зарыдал и послал страшные проклятия фашистам.

Расстались мы с ним утром следующего дня. За придорожными кустами я услышал звуки похоронного марша. Наши ребята хоронили погибших при форсировании Одера. Я вынул из чехла тенор и встал в строй.

В третий раз нас бомбили за Кюстрином. На этот раз убило коня и разнесло повозку с фуражом и нотами. В тот же день все перешли работать в медсанбат, где пробыли до самых подходов к Берлину.

Много раз представлял я день и час, когда войдем в этот город. Мысленно видел его зловеще-серым, безликим, с однообразием стандартных немецких «штрассе», где все под шнурок, под линейку, и даже деревья одинаковой высоты с кронами-близнецами.

А Берлин начинался с бесконечного хаоса пригородов, с обгорелых зданий складского и барабанного типа, с многочисленных железнодорожных путей. Назывался этот район Панков.

Грохотала артиллерия. Буквально над самыми крышами носились тройками и парами «хайнкели» и «мессеры». Впереди и позади нас рвались снаряды крупного калибра, мины. А дальше, строго на запад, было то, куда мы спешили — логово Гитлера.

Почти все дома в этом районе оказались целыми и далеко не стандартными: встречались фигурные метал-

лические ограды перед особняками, иные здания украшали лепные узоры, встречались старые замки, точно на иллюстрациях в «Сказках братьев Гrimm».

— Все, ребята! — сказал Костя Ковалев. — Вот он, Берлин! Все, братки! Дошли мы до него!

Костя был лихорадочно возбужден. Он обнял Николая Жарикова и троекратно поцеловал. Потом все мы обнимались, целовались.

— Выходит, вот-вот победа! — Костя от переполнившего его счастья и восторга не нашел больше слов и замысловато, но не злобливо ругнулся.

Да, настало это незабываемое время! Не бритые и не умывающиеся целую неделю, с воспаленными от недосыпания глазами, мы поняли в этот час, что окончательно переступили последний, может быть, один из самых решающих рубежей в войне. Я подумал, что для моих сверстников, вроде, и не было совсем юности, будто прямо из детства, из отрочества шагнули мы, минуя прекрасную пору, в суровую зрелость, и стали теперь сами в какой-то мере частицей истории. Захватывало дух от того, что совсем рядом, впереди, может, вон за тем высоким обгорелым домом, вон за той кирхой уже победа.

А фашистский Берлин доживал последние часы. Теперь в нем дрались, в основном, обреченные. Одурченные пареньки и древние деды из фольксштурма держали оборону за уличными баррикадами. Взятые в плен, ребятишки размазывали грязные слезы по щекам и просились домой.

Единственную уцелевшую повозку поставили во дворе дома, служившего раньше, судя по кабинетам, полным бумаг, какой-то канцелярией. Теперь дом занимала санчасть одного из наших полков. Всю ночь мы помогали санитарам.

Над городскими громадами в полнеба вздымалось смрадное зарево пожарищ, над которым роились трассы пуль снарядов и блекло расцвечивались ракетные сполохи.

Утром мы наконец разглядели Берлин. Трудно было составить впечатление о нем в сплошном хаосе звуков, грохоте канонад; в многообразии цветов — от аспидно-черных дымов пожарищ до белых простынь-флагов на балконах и окнах — знаков капитуляции; от многообразия нарядов — форм, нашей — зеленой, цвета по-

бедной весны, и мышиной — пленных фашистов, разно-пестрой, цивильной; от целого букета запахов — крови и пепла, пороховой гари, людского и конского пота и еще чего-то совсем непривычного. Мы видели освобожденных из неволи французов и югославов, поляков и наших, русских. Почти на каждом шагу были улыбки, счастливые слезы, рукопожатия, горячие объятия и поцелуи. Были встречи с земляками.

Постепенно, вначале, как правило, осторожно разведывая обстановку, стали появляться жители. Были они смертельно испуганы «ужасами неминуемой жестокой расправы над ними», о чем, оказывается, день и ночь твердил по радио Геббельс, призывая до последнего дыхания защищать Берлин.

На одной из улиц в центральной части города меня остановили вылезшие из подвала берлинцы — женщина с девочкой и одногодий пожилой инвалид. Я оказался для них первым русским солдатом, которого они увидели. Мобилизовав весь запас немецких слов, я стал втолковывать, что во всем виноваты фашисты.

— Гитлер капут? — спросил я напоследок.

— Капут! — дружно и даже, как мне показалось, с радостью подтвердили немцы, еще не зная, что в это время в своем бункере Гитлер действительно уже покончил с собой.

Инвалид попросил обменять на пачку сигарет зажигалку. Я отдал ему сигареты. Подошли Борис Гофман и Виктор Саяпин. Борис выслушал непривычно картавую для нас речь берлинцев и перевел ее. Оказывается, фрау интересовало: как поступят русские с семьями военнослужащих: Сибирь или еще что-то? Борис ответил, что если бы русские поступали так, как об этом говорил Геббельс, то как ни велика Сибирь, а места в ней всем не хватило бы. Ведь Гитлер поставил под ружье всю Германию, многие страны Европы. Нет, никто не собирается посыпать немцев в Сибирь.

Берлинцы внимательно слушали, изредка вставляя «гут» и «зер гут».

Короткий и толковый ответ Бориса понравился берлинцам, которые, как это было видно по ним, чертовски устали от войны и, очевидно, давно потеряли веру в своего фюрера, принесшего Германии столько горя и слез.

— Что же будет с немцами, с Германией? — спросил

инвалид.— Как будем жить дальше? Теперь ведь можно считать, Германии нет?

— Скажи ему, что дальше будет полный порядочек,— вставил Виктор Саяпин.— Мы не людоеды, как ихний Гитлер, и вовсе не нужна нам чужая земля — своей хватает.

Борис сказал немцам что-то такое, отчего они оживились.

— Объяснил,— сказал Борис,— что обижать женщин и стариков никто не собирается. Красная Армия принесла всем немцам мир. Ну, а кто виноват, тот, конечно, ответит.

Вскоре прямо на улицах, у неубранных баррикад, на площадях потянулись очереди жителей к армейским кухням. Повара с шутками и прибаутками разливали берлинцам вкусный суп, накладывали кашу.

Около одной такой очереди меня потянула за рукав женщина. Она была взволнована и показывала на окно большого дома напротив, приглашая туда. В просторной, богато убранной квартире на третьем этаже я увидел целую семью немцев — мужа, жену и троих ребятишек, перерезавших себе вены. Они были еще живы — с закрытыми глазами, с лицами цвета слоновой кости, истекая кровью, тихонько стонали. Я выбежал на улицу и вскоре привел к умирающим фельдшера и санитаров. Спасли женщину и старшего мальчика.

А в Берлине гремела канонада, горели дома и ценные кварталы. Черный дым во всех частях города поднимался в пасмурное небо.

Утром Первого мая мы помылись в медсанбатской бане, побрились, переоделись в новое, хранившееся для особо торжественных случаев, обмундирование и вышли на улицу. Заиграли на одном из перекрестков.

Был первомайский праздник. Война еще не кончилась, хотя никто не сомневался в том, что победа близка. Все хорошо понимали, что сейчас за громадами берлинских домов дерутся самые обреченные. Постепенно грохот боя стал стихать.

Мы играли «Марш танкистов». После первых же тактов, распахнулись окна домов и среди белых простыней и тряпок, вывешенных в знак капитуляции, на балконах появились любопытные. Слушали молча. Первыми осмелели молодые люди. Они начали сначала робко

махать нам, улыбаться. И вот уже спустились вниз, встали неподалеку от оркестра.

В перерывах между маршами немолодой старшина обратился к немцу:

— Что, Ганс, капут Гитлеру? В самый рейхstag войдем. И все — крышка! Понял?

Немец не понял ни слова, но радостно и согласно закивал головой, не забыв прибавить фразу, повторявшуюся в те дни особенно часто:

— Гитлер капут, криг капут.

Во второй половине дня мы хоронили солдат и офицеров, погибших в уличных боях. В небольшом сквере у братской могилы прозвучал прощальный салют, и потекла густая мелодия печального марша.

Нет, Первомай сорок пятого не получился таким, каким мы представляли его — с победным маршем по главным улицам впереди полков, осененных гвардейским знаменем. Много было еще крови и горя на его улицах.

В эти дни, особенно горячие дни — последние перед победой, — мы работали в медсанбате. Почти ежедневно участвовали в оцеплении отдельных домов, где прятались вооруженные фашисты, собирали трофейное оружие, помогали разбирать на улицах баррикады, мешавшие движению. Работали, не чувствуя усталости, хотя спали от силы по четыре-пять часов в сутки. Праздник Победы встретили в берлинском районе Райникендорф. В полках проходили митинги, о приказе Верховного Главнокомандования еще не знал никто из нас.

Но вот из армейских громкоговорителей, установленных на улицах, прозвучал голос Левитана из нашей милой, далекой Москвы. И что тут началось! Взлетали ракеты, гремели, казавшиеся ошелело радостными, выстрелы. Все подряд обнимались и целовались друг с другом, по-русскому обычью, поздравляя с победой. А чуть позднее, как высшее выражение этого восторженного счастья, раздались песни. Душа потребовала музыки. Мы играли, почти не отрывая мундштуков от губ. Вот когда мы стали самыми желанными. Везде нужна была музыка. А мимо этой сверкающей боевыми наградами, поющей массы солдат и офицеров, понуро тянулись колонны разбитого берлинского гарнизона.

На одной из улиц, выходящей на Александерплац, на нас выссыпалась толпа русских, работавших на каком-

то заводе. Все в одинаковой робе, коротко острижены, с синюшными лицами, они обнимали и целовали нас, не скрывая счастливых слез. Какая-то женщина сняла с головы Виктора Саяпина пилотку и несколько раз поцеловала на ней малиновую звездочку, потом обняла Жарикова и мелко, судорожно затряслась в рыданиях.

А мы все играли в разных частях города, куда нас перевозили на полуторке из политотдела дивизии.

Только к вечеру приехали в штаб дивизии. В просторном зале особняка за длинным столом собралось командование. Поднимались тосты за победу, за доблестного советского солдата, за мир. Один за другим сыпались заказы. Потом нас усадили за стол, налили вина.

Возвращались в расположение медсанбата глубокой ночью, под непрерывные залпы салютов, всплески ракет. Несмотря на то, что играли почти двенадцать часов, никто не чувствовал усталости — так велико было ликование этого незабываемого дня.

Перед отбоем Копылов собрал нас вместе и, волнуясь, сказал:

— Друзья мои, дорогие мои товарищи. Вместе мы дошли до Берлина и вместе встретили победу. Скоро многие из нас разъедутся. И хочется напоследок пожелать вам каждому счастья в мирной жизни. Завтра мы едем в штаб группы оккупационных войск, в состав сводного оркестра. Наша служба в дивизии сегодня закончилась.

Новость была неожиданной и просто ошеломила нас. Как же так: прослужить в родной дивизии всю войну, пройти такой огромный путь и теперь вдруг уезжать куда-то? Мы буквально засыпали вопросами капельмейстера.

Копылов сказал, что так нужно, что ничего в этом особенного нет. Надо полагать, что это временный приказ. Скорее всего, репетиция для парада Победы, который вот-вот состоится.

— А теперь — отбой! — И добавил опять непривычно, как-то по-граждански: — Спокойной夜里, пусть каждый сегодня смотрит самые мирные сны.

Они действительно пришли в ту первую ночь мира, эти сны. Только у родного дома, у самого крылечка притаился фашист с автоматом. Он целился мне прямо в сердце и почему-то не мог выстрелить — наверное,

узнал, что Берлин пал. Я видел могучий Иртыш, летнее небо — все в кучевых облаках. А на их фоне кружил одинокий «хейнкель».

Проснулись на рассвете от сильного грохота. Поспешно оделись, выбежали на улицу, ожидая нового взрыва.

Вскоре мы узнали, что в подвале соседнего дома взорвался целый склад боеприпасов, оставленный фашистами и затем, очевидно, подорванный самими же. Наполовину разрушенный дом загорелся. Из соседних домов выбегали полураздетые жители. Вместе с ними до самого утра тушили пожар, вытаскивали из руин раненых и убитых.

Один из жителей,— пожилой, взлохмаченный — сказал по-русски:

— Будь ты проклят, самый грязный и злой зверь,— и плунул.

Все мы поняли, кому адресовал он свое проклятие. Перед рассветом к Копылову подошли двое немцев и рассказали, что неподалеку, в подвале одного из домов, находится много людей, гражданских. Они боятся русских, не решаются выйти из-за железной двери. Трудно сказать, живы они сейчас, или нет, так как спрятались туда еще в начале штурма Берлина русскими.

Это был многоэтажный дом с несколькими подъездами. Немцы завели нас в один из них. Ступеньки вели в глубокий подвал, дохнувший на нас холодным смрадным воздухом. Кто-то зажег электрический фонарик, осветивший железную массивную дверь с облупившейся краской, сквозь которую проступали коричневые пятна ржавчины, похожие на засохшую кровь. Вил постучал в дверь и прижался к ней ухом.

— Вроде никого нет,— сказал он.— А может, зашли вооруженные солдаты? Ведь взорвал же кто-то сегодня боеприпасы в подвале. Не могли они сами рвануть ни с того, ни с сего?

Постучали еще раз. В ответ — молчание. Борис Гофман спросил сопровождавших немцев: не ошиблись ли они дверью? Те показали на меловую отметку в верхней части, сделанную ими для приметы после того, как некоторые соседи панически бежали в этот бетонный панцирь, спасаясь от расправы большевистских комиссаров.

Мы поинтересовались: может быть, в подвале те, кто

боится справедливого суда за преступления, кому так и так в петлю? Немцы заволновались, ответили, что там мирные люди — женщины, дети и старики, инвалиды, которых не взяли даже в фольксштурм.

— Наверное, придется выламывать дверь, — сказал Костя Ковалев. — Думаю, лучше подложить пару гранат, а еще лучше — мину. И дом останется цел, и дверь откроется. Беру это на себя.

Копылов колебался, о чем-то раздумывал. Наконец спросил немцев, откуда в подвал поступает воздух. Стали сообща искать отдушину и вскоре обнаружили ее снаружи дома в фундаменте. В эту отдушину один из немцев стал кричать о том, что русские предлагают выйти из подвала и никому не причинять вреда, что Берлин пал, войне конец. И вот дверь с отвратительным визгом открылась. В чуть освещенном стеариновыми свечами и плошками подвальном помещении находилось около ста человек. Несколько стариков вытолкнули в коридор связанных двух мужчин, и стали горячо объяснять, что эти люди не разрешали открывать дверь, уговаривали лучше всем погибнуть своей смертью, чем отдаваться на мученья русским. В конце концов, эти люди стали угрожать оружием, повторяя то же самое, о чем твердили берлинское радио и газетные статьи. Когда стало трудно дышать от недостатка воздуха, от запаха испражнений, стали невыносимы плач женщин и детей, жажда и голод, несколько мужчин и женщин, услышав голос через отдушину, связали обоих и открыли дверь.

Умерли в подвале трое, несколько человек были в обморочном состоянии. Мы показали добровольным пленникам путь к кухне, а связанных сдали в комендатуру вместе с двумя парабеллумами, обнаруженными у них в карманах.

Мы хорошо отоспались и после обеда сдали в хозяйственный взвод лошадей, повозку, многие, ставшие теперь ненужными, вещи: котел, запасную сбрую, мешки, ведра. Потом вышли в сквер недалеко от нашего дома и на прощанье с родной дивизией дали концерт. Играли марши, многие из которых теперь, в мирное время, стали, как и солдаты, отставными, ушедшими в запас. Было грустно и радостно. Грустно от того, что прощались с друзьями, товарищами, которые делили с нами все тяготы и невзгоды фронтовой жизни. И радовало победа. Радовало и, вместе с тем, волновало неиз-

вестное, что завтра будем играть в другом незнакомом оркестре, что капельмейстер уходит от нас, может быть, навсегда.

* * *

С тех пор миновало много лет. Многое позабылось. В памяти от времени выцвели краски, забылись многие люди.

Но вот что удивительно. Всякий раз, когда я слушаю военный оркестр, который играет «На сопках Маньчжурии» или вальс «В лесу прифронтовом», «Марш танкистов» или «Все выше», снова вижу в молодых ребятах, погоны которых украшает маленькая бронзовая лира, свою юность, одетую в солдатскую шинель. Прошлое обжигает мою память.

Где вы сегодня, мои фронтовые друзья-музыканты? Как сложилась ваша судьба? Исполнились ли ваши мечты? В мыслях я нет-нет, да и встречаюсь с фронтовыми друзьями, то в цветущем вишневом саду на берегу Днестра, где звучат мелодии огненной «Молдовенески», сменяясь вальсами бессмертного Штрауса, или в Берлине, на площадях, в парках, где гремели наши советские победные марши.

Улыбается Саяпин удивленно, первый раз в жизни рассматривая цветущие ветки абрикоса. О чем-то мечтает в уединении Борис Гофман. Как всегда шутит Ковалев.

Но чаще и чаще вспоминается та далекая весна, пахнувшая порохом, потом и Победой!

О чём бы мы говорили, встретившись сегодня вместе? Конечно же, о войне, о том, что пережили на казавшихся бесконечными фронтовых проселках и большаках. О грустном и смешном, о том, как изменились, кем стали. И конечно, о том, что с честью прошли огонь пожарищ, воду переправ. И что верно служили нам медные трубы.

ОТ АРЗАМАСА ДО ЭЛЬБЫ

От автора

Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов мне довелось служить в штабах 238-ой стрелковой Карабинской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова II степени дивизии и 121-го стрелкового корпуса (в оперативных отделах) под непосредственным руководством генералов Ивана Даниловича Красноштанова и Дмитрия Ивановича Смирнова.

Три тяжелых года войны мы, оперативные работники дивизии и корпуса, были вместе с ними, делили горесть утрат и радости побед. И вот отгремели боевые годы, многие из нас демобилизовались — ушли в отставку и активно включились в созидательный труд народа.

На наших глазах выросло новое поколение советских людей, которое не испытало ни ужасов, ни неимоверных невзгод той поры. Счастливое поколение!

Мирная жизнь. Дорогой ценой она нам досталась. И снова вспоминаешь ту войну. Страшную, навалившуюся на нашу землю. Сколько страданий она принесла, сколько унесла жизней советских людей.

И хочется рассказать молодежи, как мы шли к победе... Рассказать о том долгом, трудном пути моих однополчан, дорогих моему сердцу людей.

Мне уже много лет, и пишу эти строки не в назидание, а чтобы поведать правду о войне, солдатом которой я был. Чтобы по мере своих возможностей дорисовать, дополнить и внести свое в великую картину всенародной битвы.

И сказать людям еще раз — берегите мир!

Согласно приказу Ставки Верховного Главного командования, 238-ая стрелковая дивизия стала формироваться в Московском военном округе с 18 июня 1942 года. Ее первым командиром был полковник Куталев Гавриил Антонович, начальником штаба — подполковник Максимовский Степан Васильевич. А с начала февраля 1943 года до Дня Победы — 9 мая 1945 года — дивизией командовал Иван Данилович Красноштанов.

Полное формирование частей дивизии и штаба дивизии закончилось к 30 августа 1942 года, а уже в ноябре дивизия перешла в наступление.

С 25 ноября 1942 года по 25 января 1943 года она принимала участие в освобождении города Гусево, севернее города Белый (Калининский фронт); до начала августа 1943 года вела бои местного значения и находилась в резерве Белорусского, Брянского фронтов.

С 15 августа 1943 года в результате тяжелых и упорных боев освободила от немецких захватчиков город Карабев (Брянский фронт).

В ознаменование одержанной победы приказом Верховного Главнокомандующего от 15 августа 1943 года дивизии было присвоено наименование «Карабевская».

Здесь, видимо, уместно будет несколько подробнее рассказать о небольшом древнем городе на Брянщине — Карабеве, а также о том, почему фашисты придавали огромное значение его обороне.

Карабев возник еще в XII веке и являлся опорным пунктом в борьбе с половцами. Его неоднократно грабили монголо-татары. Он был ареной ожесточенных боев между войсками Московского государства, Литвы и Польши. В одно время был уничтожен совсем. Но возродился, вновь окреп и к началу XIX века стал еще лучше, чем раньше.

В годы Октябрьской революции карабевцы принимали активное участие в борьбе за установление Советской власти, разгроме контрреволюции, интервенции, строительстве социализма. В годы первых пятилеток в Карабеве развивается промышленность. Строятся фабрики и заводы, оснащенные новейшей техникой.

5 октября 1941 года в город вошли немцы. Оккупация длилась 22 месяца. Однако сломить волю карабевцев

враг не смог. Они боролись с ненавистными иноземцами на смерть — уничтожали фашистов как в городе, так и в его окрестностях. Большую помощь им оказывали партизаны.

На завершающем этапе борьбы против Орловской группировки врага началась битва за Карабев. Именно здесь пересекаются шоссейные и железные дороги, идущие от Орла до Брянска. У Карабева кончается открытая холмистая местность, и начинаются брянские лесные массивы. Через них идет на запад всего лишь одна шоссейная дорога. Поэтому для противника Карабев был вдвое важен: как опорный пункт против нашего наступления с севера, востока и юго-востока, и как своеобразная плотина, закрывающая единственно выгодный путь к Брянску с востока.

Сам город и подступы к нему были заблаговременно приспособлены к длительной обороне. Здесь стоял многочисленный немецкий гарнизон. Все дороги были заминированы, а чтобы как-то задержать продвижение наших частей и соединений, противник выделил крупные подвижные группы танков, самоходок и автоматчиков.

Наступательные бои на подступах к Карабеву начались 12 августа 1943 года. Непогода затрудняла продвижение наших войск. Не прекращающиеся дожди размыли узкие лесные дороги. Приходилось строить и ремонтировать их, на руках нести боевую технику.

Расчеты врага, строящиеся на убеждении, что в этих местах невозможны наступательные операции, потерпели крах. Лесные массивы были пройдены нашими войсками с присущим им упорством. Бойцы и офицеры проявили чудеса героизма. Смелые и дерзкие ночные действия помогли преодолеть рубежи немецкой обороны, рассечь ее на части.

13 августа после упорных боев части 238-й стрелковой дивизии совместно с подразделениями других соединений освободили село Одрино, а утром 15 августа 1943 года ворвались в Карабев.

Действуя в составе II Белорусского фронта, Карабевская дивизия, форсировав реку Проня западнее города Мстиславль, при поддержке мощных ударов артиллерии и авиации прорвала сильно укрепленную оборону немцев, прикрывавшую Могилевское направление.

Затем форсировала Днепр на участке протяжением 120 километров, уничтожила вторую оборонительную

полосу немцев, подготовленную на западном берегу реки, и 28 июня 1944 года отбила крупный областной центр Белоруссии Могилев.

14 августа 1944 года был взят Осовец — мощный укрепленный район обороны немцев на реке Бобр, прикрывавший подступы к границам Восточной Пруссии.

13 сентября 1944 года враг оставил город-крепость Ломжа, свой опорный пункт на реке Нарев.

21 февраля 1945 года пал Черск — важный узел коммуникаций в северо-западной части Польши.

8 марта 1945 года дивизия с боями взяла города Бытув (Бютов) и Косьцежина (Берент) — важные узлы железных и шоссейных дорог на путях к Данцигу.

10 марта 1945 года овладела городами Лауенбург и Картузы (Картхауз).

30 марта 1945 года под натиском наших войск пал Гданьск (Данциг) — важнейший порт и первоклассная военно-морская база немцев на Балтийском море.

Продолжая непрерывно развивать наступление, дивизия с боями выходила в города Барт, Бад, Доберан, Нойбуков, Варин, Виттенберге и 3 мая 1945 года на линии Висмар-Виттенберге соединилась с союзными английскими войсками.

За два года пять месяцев и три дня (с 22 ноября 1942 года по 3 мая 1945 года) дивизия нанесла врагу огромные потери в живой силе и технике. Было уничтожено 39 тысяч немецких солдат и офицеров, 12 самолетов, около 250 танков и самоходных орудий, 348 орудий различного калибра, 414 минометов. Кроме того, дивизией было захвачено у противника 48 танков, 256 минометов, взято в плен 28570 немецких солдат и офицеров, освобождено 986 населенных пунктов.

За мужество и героизм, проявленные в боях, за это время получили ордена и медали 10129 бойцов, сержантов, офицеров и политработников. В их числе 13 Героев Советского Союза, 18 кавалеров ордена Славы всех трех степеней. Сама 238-ая дивизия и ее стрелковые полки — 830-ый, 837-ой, 843-ий, 693-ий артполк Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1944 года награждены орденами Красного Знамени.

За участие в освобождении города-крепости Осовец Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1944 года дивизия награждена орденом Суворова II степени, за освобождение города Гданьск (Данциг)

Указом от 17 мая 1945 года — орденом Кутузова II степени.

Генерал называет имена героев

Генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Смирнов Дмитрий Иванович — командир 121-го стрелкового корпуса, в состав которого входила 238-ая Карабинская дивизия, и офицеры управления корпуса питали чувство глубокого уважения к ее командиру генерал-майору, впоследствии генерал-лейтенанту, Красноштанову Ивану Даниловичу, так как 238-ая дивизия одна из немногих: наступая — брала, а обороняя — не отдавала. О генерале, как это часто бывало, ходили легенды. Помнится такой случай.

На войне, как известно, штабные работники при подготовке операции, в ходе самих боев пользовались кодами. По телефонной связи, по радио передавались указания и приказы командира.

Одно кодовое слово — «Калмык» — до самого Дня Победы осталось неразгаданным не только немецким командованием, но и многими работниками управления 121-го стрелкового корпуса II Белорусского фронта, в состав которого входил этот самый «Калмык».

Летом 1944 года мы пленили несколько немецких генералов, в том числе командира 12-го армейского корпуса.

Давно понявший свое безвыходное положение, немец охотно отвечал на все вопросы нашего комкора Героя Советского Союза Д. И. Смирнова. Вдруг по окончании допроса генерал спросил: «Скажите, пожалуйста, что значит «Калмык»? И добавил, что, как они ни бились, не могли расшифровать это слово. Тем более, что сводки под этим кодом всегда были весьма интересны.

Дмитрий Иванович Смирнов, хитро прищурившись, ответил, что в Советском Союзе есть такая национальность. Пленный закивал головой и больше вопросов не задавал.

Вот его-то, Ивана Даниловича Красноштанова, и искала наша рация под кодовым словом «Калмык».

Талант и полководческое мастерство командира 238-ой стрелковой Карабинской дивизии отмечены орденом Ленина, пятью орденами Боевого Красного Знамени, орденом Суворова и двумя орденами Кутузова.

Встречаясь с ним или читая письма этого уже пожилого человека, постоянно удивляешься тому, как много сохранила его память, как много сделал сам он для победы. Иван Данилович был не только командиром, но и душой солдатского братства. До сих пор с гордостью и любовью называет имена своих солдат и офицеров. А из военных операций наиболее памятны ему освобождение Могилева, города-крепости Осовец, взятие Данцига.

И поэтому свои воспоминания я начну с рассказа о людях, которых мы знали оба. Один из них — Семен Кузьмич Калинин — командир артиллерийского полка. На подступах к городу Каравеев огнем артиллерии было уничтожено 11 танков и несколько самоходных установок; при штурме вокзала убит командир 247-ой немецкой пехотной дивизии, генерал-майор Хенгель. Операция удалась, благодаря четкому расчету командира полка. После Каравеева военные дороги вели С. К. Калинина все дальше на Запад. Трудный и славный его путь отнесен тремя орденами Боевого Красного Знамени. Первый орден он получил в боях за освобождение Могилева. На штурм города его пушки шли в боевых порядках пехоты, разили врага прямой наводкой.

Крупные силы фашистов пытались вырваться из Минского «котла». На их пути железным заслоном встали артиллеристы подполковника Калинина. Стойко отбивали они яростный натиск гитлеровцев. Уцелевшие немцы начали сдаваться. В плен были взяты около 3500 солдат и офицеров. За этот бой С. К. Калинин был награжден вторым орденом. Третий орден Красного Знамени боевой офицер-артиллерист заслужил за прорыв долговременной обороны противника на западном берегу Вислы. Артиллеристы Калинина и здесь били точно и сокрушительно.

Отгремели боевые годы. Ушел в отставку Семен Кузьмич Калинин. Живет он ныне в Ливенском районе Орловской области.

В наступательных боях на Могилевском направлении отличились воины 837-го стрелкового полка 238-ой Каравеевской дивизии, которым командовал полковник Александр Кириллович Разумов. 25 июня 1944 года этот полк после пятидесятикилометрового марша вышел к реке Бася и с хода форсировал ее. Он же первым прорвал оборону противника севернее города Чаусы.

Стремительные удары, нанесенные полком на главном

направлении, позволили дивизии успешно преодолеть реки Реста и Днепр. Полк первым ворвался в город Могилев, завязал уличные бои.

Вот что рассказывает о тех днях бывший командир полка Александр Кириллович Разумов:

— Время тогда было жаркое. Задачи, которые ставились перед полком, часто имели большое значение для успеха наступления всей дивизии. Мне, естественно, в такие дни приходилось постоянно быть в подразделениях. Я видел, как солдаты рвались вперед, проявляли самоотверженность и мужество.

Помню, наш полк наступал правее Луполово — пригорода Могилева. Когда первые подразделения вышли на берег Днепра в районе железнодорожного моста, я вместе с разведчиками переправился на противоположный берег. Вышли левее вокзала, и сразу же были контратакованы противником. Тогда переправившийся резервный батальон принял бой.

В тот день мне пришлось ходить в атаку не один раз. Нужно было любой ценой сломить противника: за спиной, на берегу Днепра, находились раненые товарищи. Переправить их в тыл пока не было возможности. А бросить воинов в беде мы не могли.

Когда меня самого ранило, я спустился к реке. Заместитель по политической части подполковник Родионов, уже отправлял раненых на тот берег.

В этих боях 837-й стрелковый полк уничтожил свыше тысячи вражеских солдат и офицеров. Среди пленных оказались командир 12-ой пехотной дивизии, генераллейтенант, и комендант города генерал-майор. В плен попали также два полковника, офицера штаба дивизии, другие высшие чины.

За умелое руководство боем и личные подвиги, совершенные в боях за Родину, Александр Кириллович Разумов удостоен звания Героя Советского Союза. В настоящее время он живет в Москве.

В 837-ом полку служили мужественные воины. Один из них — гвардии лейтенант Василий Иванович Кравченко. На подступах к реке Реста Кравченко, командовавший взводом, заменил убитого в бою командира роты.

Рота первой форсировала Днепр в полосе Могилева и, захватив господствовавшие в этом районе высоты, обеспечила успех продвижения всему полку.

Гвардии лейтенант Василий Иванович Кравченко

погиб на земле Белоруссии. Указом Президиума Верховного Совета Союза СССР от 24 марта 1945 года ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Храбро сражался на белорусской земле сын армянского народа Сурен Арташевич Саркисян. В армию был призван в 1942 году и до того, как попасть в 837-ой стрелковый полк нашего корпуса, участвовал в боях на Калининском и Брянском фронтах.

При переходе Днепра комсомолец ефрейтор Саркисян получил задание: обеспечить телефонной связью переправившиеся подразделения полка. Река в этом районе достаточно широкая и находилась под сильным обстрелом вражеских орудий и минометов. Кипела от взрывов вода.

Саркисян, скав зубами конец телефонного кабеля, смело вошел в реку и поплыл. Он словно не замечал разрывов снарядов, свиста пули, не чувствовал тяжести провода, мокрой одежды. Еще несколько усилий — связист на отмели. Быстро установил аппарат, передал данные. Но в это время осколком перебило провод в воде. Ефрейтор нырнул, нашупал руками кабель, спастил его концы. Связь была восстановлена.

Но вскоре новый осколок нарушил связь. Опять Саркисян вошел в холодную воду, нашупал порыв.

Нырять Саркисяну в тот день пришлось много раз. Дважды он переплывал Днепр. И все под огнем противника. На третий раз получил тяжелое ранение. С трудом добрался до своих и потерял сознание.

Полковник Разумов послал ординарца узнать фамилию смельчака. Ефрейтора Саркисяна представили к званию Героя Советского Союза.

Сурен Саркисян демобилизовался из армии в 1946 году. Поступил в Ереванский политехнический институт имени Карла Маркса. После учебы работал инженером-технологом. Сейчас возглавляет управление «Армянстанлеснабсбыт». К его боевым наградам — Золотой Звезде Героя Советского Союза, орденам Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды — прибавились ордена Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

Звание Героя Советского Союза было присвоено и сержанту Пантелейю Даниловичу Юрченко. Днепр он любил и знал с детства. Он вырос в этих местах. Когда полк вышел к водному рубежу, сержант Юрченко, не обращая внимания на сильный обстрел, бросился к пра-

вому берегу. Он легко преодолел реку, нашел в зарослях тальника четыре лодки, связал их и погнал к своим. Но на обратном пути получил пулевое ранение в спину. Однако прыгнул в воду, подтащил лодки к берегу. На них тотчас расселись мотострелки. Сам Юрченко, не обращая внимания на ранение, продолжал помогать товарищам в переправе. С поля боя ушел только по приказанию заместителя командира стрелкового батальона по политической части капитана Тисовского.

Несколько взводов 843-го стрелкового полка под командованием Семена Алексеевича Разинкина первыми форсировали реку Бася и, выбив противника из траншей, ворвались в деревню Каменка. Убегая, фашисты бросили четыре 37-мм пушки с боезапасом. Офицер приказал открыть из них огонь по врагу.

26 июня эти бойцы одними из первых перешли реку Ресту. А 27-го, после переправы через Днепр, раньше всех начали штурм Могилева.

С минимальными потерями провели бои в городе. Хотя действовать им пришлось под сильным минометным и артиллерийским огнем, преодолевать минные заграждения.

В этих боях подчиненные Разинкина уничтожили до пятидесяти вражеских солдат и офицеров. Сто человек взяли в плен, захватили много трофеев, в том числе шесть артиллерийских орудий.

Указом Президиума Верховного Совета СССР военному интенданту первого ранга Разинкину Семену Алексеевичу присвоено звание Героя Советского Союза.

Помощник командира взвода 830-го стрелкового полка старший сержант Рыжов Иван Тихонович был в первых рядах бойцов, одолевавших под сильным пулеметным и минометно-артиллерийским обстрелом Днепр. Затем группа солдат, используя холмистую местность, вышла на важную в стратегическом отношении шоссейную дорогу, обстреляла колонну вражеских автомашин. Четыре из них загорелись, остальные остановились в замешательстве. Группа Рыжова, воспользовавшись этим, довершила уничтожение противника.

В бою за деревню Нижняя Половина Лога сержант Рыжов обошел немецкий дот, остановивший своим огнем наступающие подразделения, забросал его с близкого расстояния гранатами. Гитлеровцы, выскочившие из дота, были уничтожены автоматными очередями.

Под Могилевым сержант Рыжов взял в плен группу немцев, занимавших целую траншею. В Могилеве ликвидировал хорошо замаскировавшегося вражеского снайпера.

За мужество и героизм, проявленные в боях за освобождение Могилева, старшему сержанту Рыжову Ивану Тихоновичу присвоено звание Героя Советского Союза.

Ныне Иван Тихонович, полный сил и здоровья, живет в Белореченском районе Краснодарского края. Работает шофером.

Командир конного разведывательного взвода 830-го стрелкового полка старший лейтенант Яшин Николай Иванович вместе со своими бойцами форсировал Днепр. Его подчиненные выявили расположение боевых порядков противника, часть его огневых точек.

На окраине Могилева воины вступили в рукопашную схватку с вражеским подразделением и вынудили его отступить. Взвод под командованием старшего лейтенанта Яшина долго удерживал захваченный на правом берегу плацдарм, обеспечив тем самым переправу дивизии. Николай Иванович погиб в одном из боев на улицах Могилева. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Большую роль в успешном преодолении Днепра сыграли 45-мм пушки взвода старшего сержанта Шутова Семена Ивановича.

Переправить артиллерию через реку под ураганным огнем было нелегко. Так, вероятно, считали и гитлеровцы. Но пушкари ценой неимоверных физических усилий и героизма оказались в числе первых, кто покорил Днепр. Еще не выкатив орудия из воды, они открыли огонь прямо с отмели по гитлеровцам, что засели в деревне Селец. Эффект от появления в рядах штурмующих «сорокапяток» был столь велик, что гитлеровцы расстремились. Это облегчило переправу главных сил полка, а затем и дивизии.

Командир взвода старший сержант Шутов предложил оригинальный способ переправы пушек. К каждому орудию прикрепили бревна, которые выполняли роль поплавков. Пушки плыли в полу затопленном состоянии. Солдаты подталкивали их. Едва колеса коснулись отмели, как Шутов подал команду открыть огонь. И сам встал к орудию, заменив наводчика, погибшего при переправе.

Что касается самого генерала Красноштанова, то приходится только поражаться великодушию и доброте Ивана Даниловича. Даже четырехлетняя сюровая война с озверелыми фашистами не ожесточила его, он остался добреишим и очень простым в обращении с подчиненными, скромнейшим человеком.

Когда я попросил его рассказать о себе, он ответил:

— Дорогой Джанбулат, лучше расскажи о наших бесстрашных разведчиках.— И напомнил мне один из эпизодов.

Перед июньским наступлением 1944 года штабу II Белорусского фронта необходимо было получить разведданные о численности и дислокации войск, инженерных сооружений и прочее в районе предполагаемых операций.

В дивизию позвонили из штаба армии, попросили выделить четырех разведчиков и прислать их в развед управление фронта для выполнения специального задания. Иван Данилович, великолепно зная своих дивизионных разведчиков, вызвал к себе сержантов Елизарова, Синельникова, Воронина и лейтенанта Скуратовского. Поговорив с ними по душам, предупредив о серьезности предстоящей вылазки, генерал попросил их выполнить задание как подобает и добавил: «Пожалуйста, не забудьте доложить мне, когда вернетесь обратно в дивизию».

Через две недели разведчики доложили о выполнении задания. Их забросили в глубокий тыл противника с целью собрать данные о противнике и привести языка. Они искоlesили сотню километров в отведенном им месте, собрали данные о противнике, оставалось только захватить языка и держать обратный путь через фронт. Засаду устроили в районе населенного пункта, засели с утра во ржи у шоссейной дороги и стали наблюдать. К концу дня на дороге показалась рота немецких солдат. Четверым нашим ребятам справиться с ними было не под силу. И они пропустили их мимо. Через час из той же деревни вышел еще один немец. Он спешно догонял своих.

Скуратовский с Елизаровым выскоили из засады ему навстречу, а Воронин и Синельников — сзади и сбоку. Немец успел выхватить пистолет и выстрелить, но с испуга промахнулся. Елизаров ударом автомата выбил из рук оружие. Потом, схватив фашиста, поволокли его в рожь, рот заткнули индивидуальным пакетом. Пленно-

го (он оказался капралом) благополучно доставили в разведуправление фронта. По дороге он, боясь, что его расстреляют, сам подсказывал путь перехода линии фронта.

А 23 июня войска II Белорусского фронта пошли в решительное наступление и в первых числах июля освободили те населенные пункты, в которых были наши герои-разведчики. Данные, добытые ими, сослужили добрую службу.

В своем рассказе о людях прославленной дивизии использовал письма, воспоминания ее командира, однополчан, некоторые документы. Читатель, наверное, заметил, что, говоря о том или ином человеке или боевом эпизоде, я постоянно возвращался к берегам Днепра, боям на Могилевском направлении. Ибо, это были одни из напряженнейших моментов в жизни дивизии. А для каждого бойца, офицера был свой Днепр, свой Могилев, тот клочок советской земли, где они пролили свою кровь, или оплакивали гибель боевых друзей.

Севернее города Белый

Старший сержант командир первого орудия седьмой батареи 693-го артиллерийского полка, ныне учитель, Жернаков Игнатий Тимофеевич поделился воспоминаниями о двух днях войны, относящихся к самому началу боевого пути дивизии, когда она еще не называлась Караваевской.

20 октября 1942 года. Наша седьмая батарея заняла огневые позиции у деревни Осмянки в полутора километрах от переднего края, недалеко от города Белый.

К двум часам ночи, долбя мерзлую землю, мы с трудом закончили окоп для орудия. Надо еще рыть землянку, а потом уж, если удастся, поспать. К рассвету яма была готова. Навалив бревна и затянув плащ-палатками потолок, мы разожгли железную печку, которую возили с собой. Разморились у огня, и нас потянуло в сон. Но, не дав подремать, приехал повар Черкас, и мы с котелками побежали к завалившемуся сараю на краю Осмянки.

Разрезав мерзлые буханки хлеба, Леня Перерядкин уравнял пайки и спросил:

— Кто сегодня кричит?

— Пусть Яша Асанов,— отзовались сразу двое.

Асанов повернулся спиной, и зазвучал его негромкий надтреснутый голос:

— Гошкову, Сальникову, Ямзину, сержанту, мне...

Все стоявшие вокруг следили за ножом Лени, которым он показывал вразброс на пайки. Каждому хотелось получить горбушку, она казалась сытнее.

Неожиданно в землянку ввалился почтальон. Пробиваясь к печке, потянулся греть руки. Все торопили его:

— Давай письма, не тяни, целый месяц ждем.

Почтальон, обводя глазами нетерпеливых, пошутил: «Успокойтесь. Коля Кузьменко, тебе нет, а тебе, Лаврентий Кононов, еще пишут».

Я получил два письма: одно — от матери — прочитал, другое, не распечатывая, сунул в карман гимнастерки: это от Кати из Новосибирска.

— Что ты не читаешь от девушки? — подтолкнул меня Миша Горбачев.

— Продлим удовольствие, пусть оно около сердца погреется, — ответил я.

— Да, чуть не забыл, — спохватился почтальон и протянул мне листок дивизионной газеты. — Тут про вас пишут.

Я развернул газетку «Боевое знамя», все насторожились, и вслух прочел: «Разгром вражеских дзотов». В статье говорилось:

«Славными боевыми делами встречают артиллеристы наступление великого праздника — 25-ой годовщины Октябрьской социалистической революции.

Н-ской батарее был дан приказ поддержать орудийным огнем соседнее подразделение, блокировавшее одну из высот. Меткими залпами артиллеристы подавили 105-мм орудие, станковый пулемет и подожгли полевой склад противника. Уничтожили наблюдательный пункт.

Орудийные расчеты сержантов Жернакова и Федотова прямым попаданием разрушили два вражеских дзота с пулеметными установками. Подлинное мастерство проявил наводчик Перерядкин.

Честь и слава артиллеристам!»

У меня перехватили газету. Наперебой стали поздравлять именинников.

Послыпался сигнал зуммера. Вздрогнув, мы замерли и разом подумали: опять менять огневую позицию. Ох, как много перелопачено земли за последние полторы недели. Но пронесло... Комбат Харченко переда-

вал цели. Вскоре начали пристрелку, после обеда вели огонь. Стреляли много, а в час ночи вели стрельбу кочующим орудием, чтоб ввести в заблуждение противника.

Вот таким обычным был фронтовой день артиллеристов, когда Совинформбюро сообщало: на фронте — без перемен.

4 декабря 1942 года. Фронтовые сутки были жаркими, хотя и мороз держался на минус 20° С. Противник активизировал свои действия. С раннего утра, с небольшим перелетом, за огневой позицией нашей батареи рвались снаряды. «Рама» подолгу висела в воздухе. Более десятка раз мы бежали к орудиям и открывали огонь. К полудню вроде угомонились, а когда мы получили запоздалый обед, немец устроил такой налет, что едва ли кто сумел поесть. Не принесла покоя и наступившая темнота. Методически, беспрерывно и более метко, чем днем, падали и рвались снаряды на опушке леса, где стояла седьмая батарея. Чтобы не подвергать себя опасности во время перебежек от блиндажа к орудиям, мы находились в ровиках около орудия, так как комбат часто требовал «огонька». На задавленной темнотой опушке леса с шумом падали сбитые ветки деревьев, а порой со стоном валялись сосны. О щит орудия ударились осколки снарядов и комки мерзлой земли. В землянку комиссара и второго расчета угодил снаряд, но тройной накат выдержал, лишь слегка контузило одного солдата, а другого царапнуло осколком.

Задолго до рассвета на батарею пришел комбат, вызвал меня в землянку комиссара Чудина и приказал готовить орудие и расчет на прямую наводку. Орудие вытянули на дорогу. Мороз ослаб, шел небольшой снежок, уменьшилась стрельба, как бы давая нам возможность выйти на указанный рубеж.

Хорошо шагать по свежему снегу, всю ночь был шел, да коротка фронтовая дорога, за сосняком кончался след, а в Ивановке и дальше на запад — враг, хотя земля и там наша.

У НП остановились, нам выдали масхалаты, и, надев их, мы перестали узнавать друг друга.

Построившись у орудия, ждали комбата. Он появился перед строем и сказал: «Вот что, хлопцы, сейчас у нас сравнительно тихо, а с рассветом посыплет, дай боже, может, с непривычки покажется страшновато, но

приказываю вести огонь до полного уничтожения дзотов. Десятки людей погибнут, если вы не выполните своей задачи. Вам, как лучшему расчету, я доверяю эту ответственную задачу и потому уверен, что вы ее выполните».

— Служим Советскому Союзу! — ответили мы негромко.

Комбат проводил нас на опушку леса, указал место для орудия, показал на чернеющие амбразуры дзотов и, уходя, сказал: «В шесть утра по сигналу — залп нашей батареи — вы откроете огонь и будете вести его самостоятельно».

Орудие на руках подкатили на указанное место, отправили передок с ездовым Кондратовым Васей, а потом, укрепив сошники, разнесли снаряды по ровикам, которые вразброс были вырыты, видимо, пехотинцами. Мы с Перерядкиным навели орудие на левый дзот, зарядили, распределили взаимозаменяемость у панорамы. К этому времени уже весь расчет был ефрейторским, то есть каждый мог выполнять работу наводчика.

Занимался рассвет. Отчетливо обрисовались избитые, надломленные сосенки, вершинок не было почти ни на одной. В ожидании команды мы разошлись по окопчикам, чтоб погрызть сухарей. Мое укрытие было у самого колеса орудия. Раздвинув ветки, я следил за жизнью дзотов. Вот стали появляться редкие, перебегающие черные фигуры немцев.

Темнота редела. Четко обозначились заснеженные крыши Ивановки. А вот и огонь уплотнился и скоро достиг такой силы, что, казалось, носа нельзя высунуть. Минь, снаряды разных калибров, пулеметные очереди и одиночные выстрелы — все это обрушилось на нас. Гудел и стонал лес, градом сыпались пули и осколки, летела земля и ветки. Дым вместо темноты запутался в израненном сосновке. Казалось, никто не останется в живых, но милостива родная земля, она хранила в складках своего белого савана притаившихся, готовых на самопожертвование людей. Скорей бы залп наших батарей! Скорей бы сигнал к открытию огня! В нем наше спасение. Сомневаясь, все ли расчеты живы, я стал кричать, перечисляя пофамильно — на мой зов отозвался только Гриша Игошкин. Не успел я осмыслить, что же с остальными, как с нашей стороны закло-

котали выстрелы, и воздух огласился воем летящих снарядов. На переднем крае немцев взметнулся веер разрывов.

Как из земли вырос мой расчет. Все были живы и на местах. Страх больше не существовал. Мы открыли огонь, заглушая своими выстрелами разрывы вражеских мин. Первые снаряды дали перелет; уменьшение прицела и команда: четыре снаряда, беглый огонь!— дали эффект: черный, мохнатый дым взлетел на белом фоне. Иванов Филипп, Гошков Семен и другие ребята подносили снаряды, Асанов проворно загонял их в орудие, Перерядкин проверял наводку и стрелял. Коротко взвывали снаряды, рвались там. Раскатился по снегу накат второго дзота, пламя объяло третий.

Не следя за временем, не считая снарядов, мы видели и знали только цель: «Огонь! Огонь! Огоны!» Это был настоящий азартный бой.

В суете мы не чувствовали огня противника, но вот осколки брызнули в щит орудия. Потом рядом, чуть левее, снова разрыв. Перерядкин закрыл руками лицо, крикнул Асанова и отскочил за лафет. Асанов сменил его у панорамы. Стрельба продолжалась. Через несколько выстрелов Асанова бросило через станину, меня ударило комьями земли. Я еле удержался на ногах, стал к панораме и продолжил стрельбу. Скоро очнулся от удара Асанов. Его легко контузило, осколок разорвал шинель на груди. «Пуговицу у гимнастерки оборвал, гад!»— ругался он, подойдя к панораме. Оправился от удара и Перерядкин, но стрелять много не пришлось. Немцы ударили по нас беглым огнем, пригвоздив к земле. После артналета мы сделали еще один выстрел, но орудие не накатилось. Оказалось: пробита люлька и смяты полозки. Я послал одного из номеров к комбату, тот вернулся с распоряжением — выходить на НП. Мы с трудом свели станины орудия, приготовив его для вывода с позиций, и, уклоняясь от пуль и осколков, потянулись к дороге. Немец проводил нас фейерверком, стреляя вдогонку. Крупнокалиберные пули с воем низкого тона обгоняли нас. Я падал, утопал в снегу и думал: «Хоть бы никого не убило».

Вечером, вытянув раненое орудие на огневую позицию, мы долго не спали. Опаленные огнем переднего края, мы радовались успеху и тому, что все живы.

О тяжелом сражении, которое произошло около деревень Крутой Лог и Жуковка, ныне Брянской области, рассказал командир минометной роты капитан Д. П. Богданов:

— Девятого или десятого мая 1943 года II кавалерийский корпус под командованием генерал-майора Крюкова прорвал оборону немцев. В этот прорыв успел войти наш 837-ой стрелковый полк, командовал которым подполковник Баландин. При прорыве под артиллерийский налет попала наша минометная рота: были убиты рядовые Смирнов, Высоких, ранены командир первого взвода младший лейтенант Савостьянов, сержант Кузьмин и другие. Кавалерийский корпус ушел дальше, а полк к концу дня вышел на реку Десна и занял перевязку.

Первый стрелковый батальон полка под командованием старшего лейтенанта Абрамова в это время расположился в перелесках у деревни Крутой Лог, которая к тому времени была разрушена немцами. В южном направлении, километрах в трех от Крутого Лога, в деревне Косилово, находились немцы. Комбат Абрамов приказал командиру первой роты старшему лейтенанту Карпову отбить у врага эту деревню, а мне со своим взводом минометчиков поддержать его наступление. Какого-либо серьезного сопротивления противника мы не ожидали. По данным разведки, в деревне было не больше взвода фашистских солдат. Минут через 20—30 после ухода роты Карпова по телефону взволнованно передали команду командира минометной роты Самойленко: «Дистанция 1500 метров, углер правее 0-90», — и связь оборвалась. По этой команде мы развернули минометы на запад, вместо юга. Перед нами разорвались первые мины, перелесок затянуло сизым дымком, запахло толом. Возникло недоумение, замешательство. Связи ни с наступающей ротой Карпова, ни с батальоном не было. Знали только, что командир батальона с заместителем по политчасти прошли по опушке на восток. Я послал на разведку минометчиков Думанова и Сладкова, но они не возвращались.

Прошло еще несколько минут, и с того направления, куда ушла рота Карпова, появились наши солдаты. Они отступали. Командир роты подтвердил, что противника

в деревне оказалось намного больше, чем донесла разведка и предполагало командование батальона. Вскоре мы увидели немцев. Они двигались цепью, перекрыв все поле (1,5—2 км). Мы выпустили по пять мин беглым по цепи и, взвалив минометы и остаток снарядов на плечи, через поле отошли на север к лесу. Тут увидели два наших двигающихся танка «Т-34». Я встретился с танкистами. Оказалось, что у них нет боеприпасов и кончается горючее, а у противника на опушке леса довольно большое количество самоходок. Вот они едут туда подкрепиться. Я пожелал им удачи и попросил поддержать огнем. А немцы приближались. Мы заняли позиции. Во взводе всего 15 человек, 12 винтовок, 1 автомат, 12 мин — цепь немцев...

В это время от командира батальона подоспел связной Сладков с двумя снайперами и солдатом, у которого был ручной пулемет и два диска патронов. Связной доложил, что батальон занял холм (высоту) и отражает атаки фашистов. И передал приказ: держаться до последнего.

Расстояние между нами и немцами сократилось до ста метров.

Меня охватила такая злость — фашисты нахально идут во весь рост, даже не нагибаясь, а тут еще из лощинки, у подножия холма, вышла четверка огромных битюгов с короткоствольной пушкой. И я закричал:

— Прицел — 3. Целиться по выбору. Кисилеву стрелять по пехоте, всем остальным по артобслуге, пока не развернулись и не укрылись за щитами!

Первые пули у Кисилева прошли чуть выше, второй очередью он прошил цепь, как огневой струей. Потом сменил диск — и дело пошло.

Мы потом прошли возле поверженной цепи только что шагавших врагов и глазам своим не поверили. В каких только позах не захватила их смерть. Кто-то из бойцов успел подсчитать количество убитых немцев — 90, а у нас погиб только один человек — боец Агапов.

Когда соединились с батальоном, комбат Абрамов поблагодарил нас и сказал:

— Не только выручили, но и спасли. Если бы фашисты обошли фланги, всем было бы трудно.

Но на этом бой не закончился. На следующий день немцы начали наступление уже на левый фланг батальона, то есть на третью стрелковую роту старшего лейте-

нанта Злобина. К этому времени я уже командовал минометной ротой и огнем своих орудий помогал Злобину. Целый день мы отбивали атаки немцев. Положение создалось тяжелое. К концу дня наши ряды уменьшились вдвое. А тут немцы ввели в бой несколько самоходок, и положение еще ухудшилось. Наступил критический момент тяжелого боя. Выручили нас те самые наши танки «Т-34» и подоспевшее подкрепление из полка. Поздно вечером немцы вынуждены были отступить на запад, оставив на поле боя убитыми и ранеными свыше 250 солдат и офицеров, несколько подбитых самоходок, пушек и другой техники.

В этих боях отличились бойцы и командиры Кисилев, Таманов, Щеглов, Иманов, Васильев, Стародуб, Федоров, Ковалев, Дьяков, Полежаев, Романов, Моисеев, Прусаков, Ерошкин — они проявили не только умение воевать, но и геройзм.

* * *

Сохранился дневник бывшего командира взвода противотанковых орудий 830-го стрелкового полка дивизии, лейтенанта в отставке Езута Герасима Георгиевича.

Привожу выдержки из него:

«...12 июня 1943 года была прорвана оборона противника на Орловском направлении.

5 августа освобожден г. Орел. А мы, преследуя противника, подходили к городу Карабашу. В то время я командовал взводом противотанковых орудий. Шел с 4-ой ротой в головной походной заставе 830-го стрелкового полка.

Не доходя до города Карабаша примерно 2—2,5 км, встретили небольшое болото. Западный берег его был выше нашего, восточного. Там проходила фашистская оборона. Подошли мы к ней утром; немцы нас подпустили поближе и открыли пулеметно-минометный огонь. Пехота залегла. Я приказал снять орудия с передков и подавить огневые точки противника. До подхода главных сил 830-го стрелкового полка семь орудий врага перестали существовать.

Поле боя осталось за нами. Командир 4-ой роты дал в мое распоряжение солдат, мы перешли болото. Фашисты подбрасывали сюда солдат на бронетранспорте-

рах. Два из них мы уничтожили. Контратака захлебнулась.

14 августа. К обеду мы вышли на восточную окраину города. Немцы бросали в бой все новые и новые силы и наступали. Артиллеристы огнем орудий заставляли замолкать пулеметные точки на чердаках, в подвалах. Разрубили гусеницу одному «фердинанду», подбили 3 танка и 4 бронетранспортера с фашистами.

15 августа Карабчев был полностью освобожден. На поле битвы, в самом городе, на выходе из города лежали сотни убитых и раненых фашистских солдат и офицеров. И много-много всякой техники — подбитые танки, штурмовые орудия, артиллерия, 6-ствольные минометы, бронетранспортеры и др.

Особенно трудно пришлось в районе станции Жуковка. Фашисты там стояли насмерть. По 3—4 раза в день немцы ходили в контратаки. Но наша авиация и танки наносили им мощные удары. Потери были огромные с обеих сторон. Из моего взвода, например, осталось три солдата, ни одного орудия, конная тяга была полностью уничтожена».

* * *

Бывшие минометчики 837-го и 843-го стрелковых полков дивизии — наводчики Кузнецов Прокопий Александрович, Воробьев Иван Иванович и командир батареи 120-мм минометов Кеферов Хабала Хамидович, вспоминая отдельные критические моменты, пережитые ими в минувшей войне, не без гордости говорят: «Если принято называть артиллерию «богом войны», то минометы — заместители этого «бога».

И. И. Воробьев, П. А. Кузнецов с волнением рассказали о танковых сражениях на подступах к городу Карабчеву в районе села Хотынец.

Гитлеровцы, используя местные естественные препятствия — овраги, озера, болотистые места, оказали упорное сопротивление нашим войскам. Но мы шли вперед, преодолевая все препятствия, хотя, конечно, несли потери. У села Хотынец гитлеровцы бросили против нас довольно большую группу тяжелых танков «тигр» и самоходных орудий «фердинанд» в сопровождении пехоты.

Разгорелся бой. Вначале немцы имели успех и при-

остановили нас. Контратака немцев была сильной и внезапной, а немецкие машины психически подействовали на наших бойцов.

Но через некоторое время мы повторили подготовку, в воздухе появились наши самолеты и буквально накрыли поле боя сплошной завесой огня. Содрогалась земля. И тут же через наши боевые порядки пошли в бой танки, в том числе прославленные «Т-34». Разгорелось страшное танковое сражение. Оно продолжалось довольно долго, но, в конце концов, противник, потеряв на поле боя несколько своих хваленых «тигров» и «фердинандов», вынужден был отойти на исходный рубеж. Новые контратаки немцев успеха им не принесли.

«Как раз в это время,— уточнил И. И. Воробьев,— и сделали свое дело наши минометчики. Во время боя мы расположились в овраге, недалеко от немецких окопов. Вместе с нами встали подразделения противотанковых ружей и станковых пулеметов. Все мы вели наблюдение за противником и хорошо пристрелялись. Немцы же не могли поразить нас, так как мы были очень близко к ним, и к тому же в овраге. А наши орудия прицельным огнем одну за другой уничтожали огневые точки фашистов. И пулеметчики, и противотанковые ружья с удобной позиции вели губительный огонь по живой силе и танкам противника. Получилось отличное взаимодействие всех видов оружия. Огонь убавили, услыхав громкое «ура» пехотинцев, которые стремительным броском ворвались в первую линию обороны немцев».

При освобождении города Карабаша особый героизм проявил батальон Ширяева, которого поддерживал огнем своей батареи Кеферов. На одной из улиц города, увидев, что ширяевцы попали в затруднительное положение, минометчики вместе со всеми поднялись в атаку и в совместном бою уничтожили до 80 и захватили в плен около 150 солдат и офицеров противника. Так же отважно минометчики действовали при форсировании Днепра, при штурме Могилева, в боях за Осовец, Ложму, Картхауз. А солдаты-казахстанцы Толочко П. Ф., Сыщенко Н. Н., Покатилов Н. И. стали полными кавалерами ордена Славы. Рассказывая о боевых подвигах солдат своей минометной батареи, Кеферов позже с гордостью скажет, что такого числа полных кавалеров ордена Славы в одном подразделении трудно найти. Сам

Кеферов Х. Х. воевал с лета 1942 года по февраль 1945 года, до тяжелого ранения.

Бывшие воины-герои и ныне здравствуют, живут и работают: Иван Иванович Воробьев — в Рязанской области директором интерната; Прокопий Александрович Кузнецов — в Волгограде в облпрофсовете; Хабала Хамидович Кеферов — в Нальчике, начальник одного из управлений в Совете Министров Кабардино-Балкарской АССР.

Через Проню к Днепру

Вспоминает майор Михаил Иванович Шарин — бывший начальник штаба третьего стрелкового батальона 843-го стрелкового полка.

«К концу августа 1943 года Карабачевская дивизия вышла на рубеж Чаусы — Славгород, что в сотне километров западнее города Кричев. В результате сильного вражеского сопротивления подразделения дивизии вынуждены были занять оборону по реке Проня, с тем, чтобы подтянуть тылы, обеспечить войска боеприпасами, разведать оборону немцев по ту сторону реки, затем провести подготовку к форсированию ее и захвату плацдарма для дальнейшего наступления на запад.

По своему размеру река Проня небольшая: ее ширина 50—60 метров, глубина в отдельных местах достигает четырех метров. Начало свое она берет из района Орши и впадает в реку Сож в районе Славгорода. Левый берег крутой, обросший мелкими, преимущественно лиственными деревьями и кустарником. Правый — наоборот — пологий, открытый.

Для стрелковой дивизии, не имеющей средств для переправы, и такая река явилась серьезным препятствием на пути продвижения.

Вдоль правого берега реки, занятого немцами, проходила низина шириной до полсотни метров. Постепенно она переходила в возвышенность, на склоне которой располагалась деревня Ужар. Вокруг деревни немцы создали глубокоэшелонированную оборону с тремя оборонительными траншеями, пулеметными гнездами, артиллерийскими и минометными позициями. На строительстве укреплений немцы использовали не только пленных солдат, но и стариков, женщин, подростков из

ближайших деревень. Нам через реку хорошо было видно, как немцы сгоняли жителей деревни на центральную улицу и строили их в колонну.

Мостов через реку на участке расположения дивизии не было. Единственный сохранившийся в полосе обороны паром стоял на правом берегу, занятом врагом. От местных жителей удалось узнать, что паром действующий: до подхода наших войск немцы переправлялись на нем на левый берег, грабили мирных жителей и упывали обратно.

«Полк,— вспоминает М. И. Шарин,— получил задачу — под покровом ночи захватить паром, переправить подразделения полка на правый берег, прорвать оборону укрепленного пункта и захватить деревню Ужарь.

Желающих принять участие в этой боевой операции оказалось много. Отобрали из числа коммунистов и комсомольцев пятерых полковых разведчиков. Командовать группой было поручено командиру седьмой стрелковой роты старшему лейтенанту Ващенко Сергею Афанасьевичу. Это был широкоплечий небольшого роста человек. Всегда и во всем аккуратный и требовательный командир. Смелый и решительный в бою, он пользовался заслуженным авторитетом среди бойцов и офицеров не только в полку, но и в дивизии.

Собрав группу захвата в укрытие, Ващенко предложил обсудить ход операции. После незначительной корректировки план захвата парома был утвержден командованием дивизии. Место действия группы определили на участке обороны третьего батальона, где и располагался паром. Никто не сомневался в том, что исправный и действующий паром будет при случае использован немцами против советских войск. Ясно было и другое: немцы, оставляя паром в целости, не могли не предполагать, что передовые подразделения советских войск, не имея средств переправы, попытаются захватить его. Значит, паром мог быть заминирован и усиленно охраняться в ночное время. Открытая местность, близкое к реке расположение обороны противника лишили нас возможности захватить паром в дневное время, поэтому операция была назначена на два часа ночи. К намеченному часу был связан небольшой плот из трех бревен и доставлен к причалу. А на берегу реки вырыты небольшие траншеи для укрытия группы захвата. Подготовлены две длинные веревки, гранаты. Приведены в

боевую готовность все подразделения полка. Ни выстрелами, ни осветительными ракетами не нарушалась таинственная тишина этой ночи. А вспыхнувшее в глубине обороны противника зарево пожара еще сильнее ухудшило видимость.

За полчаса до начала операции группа захвата была выведена на исходный рубеж. В целях полной маскировки необходимо было без шума опустить плот на воду и занять свои места. В момент спуска плота один из разведчиков обратил внимание на движущиеся тени, отражаемые водой и от зарева пожара. Как потом выяснилось, это была охрана парома из четырех солдат, вооруженных автоматами, гранатами и одним легким ручным пулеметом. Задача охраны состояла в том, чтобы при попытке наступающих увести паром — захватить пленного. О замеченных тенях было доложено командиру полка. Полковник Хромов приказал действовать по намеченному плану и в случае необходимости прикрыть своих ребят артиллериейским, пулеметным и минометным огнем.

В точно назначенный момент группа приступила к выполнению боевой задачи. Конец одной из веревок был прикреплен к плоту, концом другой был обвязан один из разведчиков, которому поручалось переплыть на плоту и обрезать веревку крепления парома у причала. Вторые концы обеих веревок оставались в руках разведчиков, сидящих в траншеях.

По команде Ващенко на правый берег к месту стоянки парома были выпущены две осветительные ракеты. В это время разведчик на плоту, перехватывая руками натянутый для парома канат, достиг его. Перевязав паром за конец снятой с себя веревки, он обрезал ножом узел крепления и на том же плоту возвратился на левый берег реки в расположение своих подразделений. При помощи же закрепленной веревки паром был доставлен к месту форсирования на левый берег.

Когда немцы заметили пропажу, переправа подразделений нашего полка уже началась. С обеих сторон полетели вверх осветительные ракеты, огонь из автоматов и пулеметов усилился, в бой вступили артиллерия и минометы, но остановить или задержать нас немцам не удалось.

Третий стрелковый батальон одним из первых вышел на правый берег реки и с ходу атаковал противника. Его

поддерживали тяжелая артиллерия и минометы. Но им с трудом приходилось сдерживать натиск наших бойцов.

В рукопашном бою была захвачена оборонительная траншея. Но командир батальона капитан Хвостиков вынужден был принять решение занять оборону до подхода остальных подразделений полка. Спустя три часа полк предпринял первую атаку на оборону противника. Однако прорвать ее на этот раз не сумели. На захваченном плацдарме, по фронту в один километр и глубиной в 200 метров, полк занял оборону.

Присутствие воинов Советской Армии на этом плацдарме, конечно, не устраивало фашистов. Поддерживающие танками, они предприняли ряд последовательных атак с тем, чтобы отбросить наши подразделения на прежние позиции за реку. В одну из очередных атак в нашу оборону вклинились два немецких танка. Пушечным и пулеметным огнем они оттеснили к берегу бойцов двух рот, оборонявших левый фланг плацдарма.

Бой за Ужарь нарастал с каждым часом. Стояла жаркая безветренная погода. Дым от артиллерийского и пулеметного огня, от деревенского пожара, поднятая разрывами бомб и снарядов пыль мешали командирам вести наблюдение за полем боя. Однако бойцы и командиры полка мужественно защищали каждый квадратный метр плацдарма, отражая яростные атаки противника. И такой тяжелой обстановка на этом небольшом участке фронта оставалась до следующего дня. Лишь позже мы узнали, что бой за деревню Ужарь был отвлекающим маневром в замыслах нашего командования фронта. Мы отвлекли на себя достаточно большие силы противника. А в это время, в двух километрах от нас, относительно спокойно переходили водный рубеж другие части соединения. В другом месте подразделениями одной из саперных частей готовилась переправа для танкового соединения. На рассвете следующего дня машины благополучно и без потерь перешли на правый берег реки и при поддержке авиации с ходу вступили в бой. Для развития атаки в прорыв были введены свежие силы пехоты и ракетной артиллерии.

Враг не выдержал мощного огневого удара наших войск, дрогнул и в панике начал отступать, оставляя на поле боя военную технику, раненых.

Так подразделения 843-го стрелкового полка, выбив немцев с рубежа обороны, захватили деревню Ужарь.

К этому времени деревни как таковой уже не существовало, она была разбита и сожжена. Оставались лишь остатки печей и труб, как надгробные памятники крестьянским домам.

Получив задачу — преследовать противника, части дивизии уходили все дальше на запад, навстречу полному разгрому врага».

* * *

Река Проня оказалась для наших частей серьезной преградой.

Из дневника лейтенанта Езута Г. Г.:

«3 октября 1943 года. С тяжелыми боями мы подошли к реке Проня. В наших ротах оставалось от 13 до 17 человек. Ночью рыли траншеи на переднем крае, против деревни Грязевцы. Здесь же мы получили пополнение личного состава, боеприпасы. Фашисты заранее подготовили на западном берегу реки три линии обороны, примерно через 200—300 м друг от друга, с выходными траншеями и блиндажами.

9—10 октября 1943 года. Перед форсированием реки Проня нас поочередно вывозили с переднего края в полевые бани — мыли, давали чистое белье. Вечером, после бани, я со своими солдатами пришел в тылы 2-го стрелкового батальона, которому был придан со своим взводом противотанковых орудий. Получили ужин и по 100 грамм водки. Солдаты у старшины достали муки. Развели тесто в каске (ведра не было) и возле небольшого костра пекли «коржики» на саперной лопате. За ужином шел азартный разговор, как лучше и быстрее форсировать реку. В это время к нам подошел командир дивизии Иван Данилович Красноштанов, с ним пять офицеров в накидках. Знаков различия не видно было. Я растерялся, вскочил, доложил генералу. Последовала команда «вольно». Меня мучило одно: на прожарке оторвало пуговицу от левого погона на шинели: я не успел ее пришить. Докладывал генералу в таком виде. Но Иван Данилович замечания не сделал. Вместе они расположились у костра и начали разговоры. Иван Данилович спрашивал солдат, как их кормят, получают ли махорку, спички, попросил одного из них снять сапоги, проверил портнянки и обувь, спросил, когда получал. Прощаясь, Иван Данилович и офицеры закурили, угос-

тили моих солдат и меня папиросами и ушли дальше в другие подразделения.

15 октября 1943 года. Утром в шесть часов, после сорокапятиминутной артподготовки наш 830-ый стрелковый полк форсировал реку Проня и занял первую траншею фашистов. Контратаки немцев успеха не имели. На следующий день мы заняли вторую траншею и перешли на оборону. Полк понес большие потери. Только в моем взводе погибло семь человек, уничтожено одно орудие. В этом бою пал замполит второго стрелкового батальона капитан Ефремов. Его похоронили в небольшом лесу на берегу реки Проня. Сам я был контужен.

В обороне мы стояли до 19 ноября.

В ночь с 19 на 20 ноября 1943 года наша дивизия сделала бросок вверх по реке Проня к западу, примерно до 20 км от места обороны. Там находилось болото. Саперами заранее были подготовлены щиты из бревен, сшитых болтами, проволокой и скобами. От 6 до 12 человек брались за один щит и перекладывали через трясину. Примерно в два часа ночи мы перешли болото и реку прошли вброд. С пушками вышли на трассу, ведущую в районный центр Лопатичи. В то время там располагался штаб немецкой армии.

Шел тихий, пушистый снег, мы двигались по правой стороне дороги, а навстречу нам двигалась колонна из 16 немецких танков по направлению к реке. Мы получили приказ: танки пропустить. Заметив нас, танкисты открывали верхние люки, что-то кричали веселое, прятались и следовали дальше. Они явно принимали нас за своих. Снег шел так плотно, что рядом идущего человека трудно было различить.

Не доходя села Лопатичи примерно два километра, около 4 часов ночи мы остановились. Пехота приняла боевой порядок. Нам, артиллеристам, дали задание: по сигналу ракеты открыть огонь с переброской снарядов через село, на ту сторону.

В конце села на реке Усушке стояли водяная мельница и плотина, по которой проходила дорога, там же находился небольшой деревянный мост. Пехота вошла в село. Начался пулеметно-ружейный бой. Фашисты спросонок в панике бежали в сторону плотины. Здесь мы и получили сигнал открыть огонь по обеим берегам реки и плотине. Фашисты бежали босиком, закутываясь

в одеяла, в одних длинных нижних рубашках. Потерь было много и пленных тоже.

Освободив Лопатичи, в шестнадцати километрах заняли оборону под деревней Черенки».

В боях за Могилев

Фашистское командование придавало огромное значение своему Могилевскому плацдарму на Днепре. Гитлер не раз хвастался, что Могилевский плацдарм — это трамплин для летнего наступления на восток. И для этого были некоторые основания.

Мы, штабные работники, из разных разведывательных источников знали, что фашисты укрепили все подходы к городу, его окраину и центр. Ясно было и то, что все рубежи этой глубокоэшелонированной обороны связаны между собой огнем и ходами сообщения, перекрыты противотанковыми рвами, баррикадами, минными полями и проволочными заграждениями.

Дивизия, преследуя противника, не давая ему закрепляться на промежуточных рубежах, 26 июня 1944 года вышла к пригороду Могилева — Луполово. А саперы 64-ой стрелковой дивизии к этому времени захватили в Луполове мост, подготовленный фашистами к взрыву. Быстро разминировали его и открыли путь для подразделений и частей нашей дивизии.

Мне хорошо запомнилось, как протекала операция по форсированию реки Днепр и как начался штурм города Могилева. 27—28 июня 1944 года мы, майор Боев Н. Е. и я, находились на наблюдательном пункте (НП) комкора, расположеннем на возвышенной местности вблизи реки. Поочередно с Боевым посещали подразделения и части, которые переходили Днепр, и докладывали комкору, который с вечера 27 и до утра 28 июня находился на НП комдива Красноштанова.

К началу дня 27 июня наши воины были уже у Днепра. Овладев предместьями Луполово, они стали перевопляться на противоположный берег. В ход пошли рыбакские лодки, плоты, бочки, бревна, а многие под прикрытием дымовой завесы преодолевали широкий Днепр вплавь. К двенадцати часам река осталась позади. Личный состав подразделений и частей дивизии, пулеметы, батальонные и полковые минометы, артиллерия

дивизии были на правом берегу. Как раз здесь отличилась рота старшего лейтенанта Василия Кравченко, которая, захватив маленький клочок земли и удерживая его, обеспечила успех всему полку.

К этому времени гитлеровцы успели подтянуть резервы и открыли сильный огонь. Строительство понтонного моста для переправы гаубичной артиллерии и танков еще не было закончено. Нам приходилось ждать. Обстановка осложнялась. Тогда высшее командование и командиры приданных частей приняли экстренные меры: были выдвинуты на прямую наводку ранее подоспевшие танки и артиллерея, сюда же подтянулась армейская артбригада, которая могла вести огонь как с закрытых позиций, так и прямой наводкой. Эта огневая поддержка помогла дивизиям, штурмующим город, по пойме реки подойти вплотную к Могилеву.

К двенадцати часам 27 июня мы готовы были к штурму города. В семнадцать часов 30 минут артиллерея начала обстрел окраин, где были сосредоточены главные силы немцев, и с последним залпом орудий в атаку пошла пехота. Вначале все шло хорошо: мы продвигались вперед. Но на пути к центру города атакующих встретил плотный артиллерийский и минометный огонь вражеских батарей. Командование приняло срочные меры по усилению огневой мощи наших подразделений. После продолжительной, но мощной артподготовки в полночь мы вновь пошли вперед, уничтожая противника огнем и вступая в рукопашный бой.

Ожесточенные уличные схватки продолжались всю ночь, а утром 28 июня мы вышли на восточную окраину города. Фашисты, не выдержав такого натиска, отступили. В плен сдалось свыше полутора тысяч вражеских солдат и офицеров, в том числе два генерала, которых взял в плен Ионов Федор Васильевич — рядовой солдат 843-го стрелкового полка 238-й стрелковой Каравеевской дивизии.

В уже освобожденном Могилеве около десяти часов утра заметили колонну пленных немцев человек в тридцать. Ее конвоировал совсем юный солдат. Колонна направлялась на командный пункт, где находился командир корпуса генерал Смирнов. Остановившись у КП, солдат доложил: «Рядовой 843-го стрелкового полка Ионов доставил фашистов, захваченных лично в бою!» Генерал не удержался, спросил, как ему это удалось.

И вот, что рассказал восемнадцатилетний Федор Васильевич.

Как нужно наступать в поле он знал: там все видно и понятно. Но когда подразделение ворвалось в город, солдат растерялся. Стреляли отовсюду, сбоку, сверху, снизу. Ионов нырнул в первый попавшийся подвал. И обомлел: помещение было забито фашистами. Федор решил, что терять ему нечего, и бросил в подвал гранату, не надеясь и самому остаться в живых. Но, к его удивлению, после взрыва и он и немцы остались целыми. Многие побросали оружие:

— Хенде хох, командую,— рассказывал Ионов генералу.— Ну, они и подняли вверх руки. А тут и товарищи подоспели. Всех разоружили. Вот, привел...

Среди тридцати пленных, доставленных на КП корпуса рядовым Ионовым, были командир 12-ой пехотной дивизии генерал-лейтенант, комендант города Могилева, генерал-майор, два общевойсковых полковника, офицеры штаба 12-ой пехотной дивизии. Они так и не смогли убежать из города.

Рядового 843-го стрелкового полка 238-ой стрелковой дивизии Ионова Федора Васильевича представили к награждению орденом Красного Знамени.

Позднее выяснились некоторые детали этой необычной «операции». В составе 238-ой стрелковой дивизии находилась рота разведки, которой командовал капитан Шауали. Он и его подчиненные под покровом ночи переправились на западный берег Днепра, установили наблюдение за противником. Вскоре от них стали поступать ценные разведывательные данные. Когда воины корпуса уже дрались на улицах Могилева, командир разведывательной роты по ряду признаков сумел определить местонахождение штаба врага. По его приказу разведчики вывели из строя телефонную связь, стали окружать дом, где укрылись офицеры. Все попытки врага прорвать кольцо окружения успеха не имели. Разведчики удачно организовали прицельный автоматно-пулеметный обстрел, взяли под наблюдение все выходы из подвала. Оставалось последнее — ворваться в штаб. Но капитан не рискнул послать туда роту, так как ее силы были подорваны во время штурма города. Шауали решил подождать подхода частей дивизии. Вскоре показались цепи атакующих. С криками «ура!» воины выбежали к окруженному разведчиками дому. Гитлеровцы усилили

огонь. И вот в это-то мгновение рядовой Ионов прыгнул в подвал.

Разоружили гитлеровцев разведчики капитана Шауали. Рядовой Ионов из подвала вылез вслед за немцами и... бросился обнимать своих. Капитан Шауали позвал солдата.

— Молодец, не растерялся!

В это время к капитану подбежал связной командира полка, передал приказ: «Разведроте срочно выйти на западную окраину города». Офицер выделил одного бойца для конвоирования вместе с Ионовым пленных в штаб корпуса. Благополучно переправились через реку. Разведчик, окинув взглядом пленных гитлеровцев, сказал Федору:

— Дуй, солдат, дальше один. А я своих догою. Им, небось, опять жарко...

И убежал.

Так утром 28 июня 1944 года рядовой Ионов доставил на командный пункт корпуса тридцать пленных фашистов.

* * *

А вот что рассказывает о взятии Могилева бывший заместитель по политической части командира 409-го отдельного саперного батальона дивизии Саманов Илларион Тимофеевич:

«Политработники занимались не только воспитательной и политмассовой работой, в нужный момент они ходили в атаку вместе с бойцами. Когда подразделения и части дивизии, преследуя противника, 26 июня 1944 года подходили к реке Днепр в районе пригорода Могилева — Луполово, мост через Днепр, ведущий в Могилев, был не только заминирован, но и в нескольких местах подорван. Наш саперный батальон получил приказ восстановить переправу в течение одной ночи. Всю ночь под 28 июня 1944 года батальон вел восстановительные работы. Мы несли потери убитыми и ранеными, но работы не прекращались ни на минуту. К утру мост был восстановлен. Одновременно под прикрытием ночи части дивизии на подручных средствах с помощью саперов переправлялись на левый берег реки и утром на рассвете ворвались на окраину города. Разгорелись бои за каждый дом. Одна наша рота получила приказ идти вместе с наступающими в город для обезвреживания

заминированных объектов. Вместе с бойцами пошел и я. Вспоминается, что мы шли в город через городское кладбище, которое отделялось от города небольшим овражком. Враг обстреливал нас из минометов, но мы продолжали перебежками продвигаться вперед. Вдруг совсем неожиданно из крайнего дома, стоявшего над овражком, застрочил пулемет, заставивший нас залечь. Обстановка требовала принятия быстрого решения, и мы с командиром роты Петраковым, взяв 4-х солдат нашего взвода разведки Долгополова, Ракитина, Краснополова, Семенова, ползком, незаметно добрались до оврага и по нему пробрались к дому. Пулемет короткими очередями продолжал стрелять. Мы бросили две гранаты и, забыв об опасности, ворвались в дом. Взрывом гранаты два пулеметчика были убиты, а в углу комнаты с поднятыми вверх руками стояли семь немцев и кричали: «Гитлер капут! Гитлер капут!» Обезоружив пленных, мы вывели их из дома и тут я увидел мчавшегося на «виллисе» генерала Красноштанова Ивана Даниловича. Я остановил генерала, доложил, что среди пленных есть офицер, хорошо понимающий русский язык. Генерал задал пленному несколько вопросов, поблагодарил нас и умчался к центру города, где разгорался ожесточенный бой.

* * *

Из дневника лейтенанта Езута Г. Г.:

«27 июня 1944 года. Подошли к Днепру против Могилева и в 10 часов утра на подручных средствах форсировали Днепр. Здесь, на реке Днепр, подразделения и части нашей дивизии впервые широко применили дымовые завесы, обстреливая гитлеровцев дымовыми снарядами и минами. В результате враг был лишен возможности вести прицельный огонь по переправляющимся подразделениям. Это сыграло весьма положительную роль во время переправы.

Я со своим взводом противотанковых орудий действовал со вторым батальоном, а командовал им майор Ардышев. Он приказал командиру роты дать в мое распоряжение солдат. На нашем берегу стояли деревянные постройки. Мы с солдатами их быстро разобрали. Бревна, волоком и на плечах, подтащили к берегу Днепра. На самодельных плотах в 14.00 переправили два орудия, и пехота заняла небольшой плацдарм. Фа-

шисты пытались сбросить нас в Днепр, им это не удалось. К концу дня 27 июня 1944 года мы уже были под стенами Могилева, а 28 июня 1944 года приняли участие в его освобождении.

* * *

А вот какой документ, датированный 8 июля 1944 года, сохранился в военкомате в личном деле бывшего командира батареи 693-го артполка капитана Любченко А. А.: «Командиру 6-ой батареи 2-го дивизиона 693-го артиллерийского полка капитану Любченко Андриану Александровичу.

В ожесточенных боях с немецко-фашистскими захватчиками, выполняя приказ товарища Сталина № 70, Вы проявили личное геройство, отвагу и беззаветную преданность нашей Великой Родине. В боях при штурме города Могилева Ваша батарея и Вы лично в числе первых переправились через Днепр и обеспечили огнем своих орудий расширение захваченного плацдарма.

В боях по уничтожению окружённой группировки немецких войск 7 июля уничтожили более 50 немцев и взяли в плен 11 немецких солдат и офицеров, а 8 июля 1944 года, выполняя приказ командования полка, в деревне Дедовская Слобода разгромили немецкий гарнизон в количестве более 90 человек, взяли трофеи и 16 пленных.

Отмечая большие заслуги в деле разгрома немецких захватчиков, Вашу личную отвагу, мужество и геройство, объявляю от лица службы Вам и Вашим бойцам т. т. Абочараеву М. Р., Мазурину В. Т., Молчанову К. П., Аршинникову и Сенину А. И. благодарность и поздравляю Ваших орлов-артиллеристов с награждением медалью «За отвагу», а Вас с представлением к ордену Ленина».

Подписано:

«Командир 693-го артполка полковник Калинин. Зам. командира по политической части майор Макаров».

Осовец

В конце июля 1944 года 238-ая стрелковая Каравеевская дивизия получила приказ совершить переход по маршруту Трофимовка — Янцы, Бялоусы — Немчин и

наступать на Кнышин, Крамовку, Осовец — станция Моньки.

Утром 4 августа дивизия устремилась на штурм Кнышина. Но враг оказал упорное сопротивление. Его 12-ая и 367-ая пехотные дивизии не только приостановили наступление наших частей, но и сами перешли в контратаки. Завязался жестокий позиционный бой.

5 августа после дополнительной разведки района Кнышина 238-ая стрелковая дивизия возобновила наступление. На исходе дня 6 августа Кнышин был взят. В дальнейшем части и подразделения, не давая возможности противнику закрепиться, наступали в направлении Пжитулянка — Мануш — Монька — Крамовка.

13 августа наши части под ураганным огнем противника преодолели двухметровую полосу открытой болотистой местности и завязали бои на южном и юго-восточном подступах к крепости Осовец.

Успешно действовал в наступлении специально сформированный отряд пехоты, танков и самоходных артиллерийских установок. Отряд стремительно атаковал населенные пункты Монька, Крамовка и захватил их. Рядом находились две плотины. Если бы гитлеровцы успели их взорвать, дивизии пришлось бы форсировать водную преграду. Подходы к крепости Осовец и без того были сложными. Справа и слева тянулись непроходимые болота. Сухая перемычка между ними находилась под обстрелом.

13 и часть ночи 14 августа разведка по приказанию командира корпуса Смирнова уточняла силы защитников крепости, инженерные заграждения и сооружения, систему расположения огневых средств. Осовец был подготовлен к длительной круговой обороне. Гитлеровцы опоясали город каналом, ширина которого доходила местами до десяти метров, а глубина — до полутора-двух. По берегу протянулись многорядные проволочные заграждения. Далее были вырыты траншеи с разветвленной сетью ходов сообщения, дотами, дзотами. Каменные дома гитлеровцы приспособили для ведения пулеметного и артиллерийского огня, все улицы и перекрестки заминировали. Штурм Освица начался 14 августа 1944 года в пять часов утра. После мощного артиллерийского обстрела, воины, поддерживаемые штурмовой авиацией, поднялись в атаку. Противник оказал

яростное сопротивление. Временами он контратаковал наступающих, пытаясь любой ценой удержать Осовец в своих руках. Наши части сильными ударами с северо-востока, юго-запада и востока смяли гитлеровцев. К вечеру 14 августа, уничтожив почти весь гарнизон крепости, дивизия вышла на западную окраину города и восточный берег реки Бобр.

В оперативной сводке штаба 121-го стрелкового корпуса отмечалось, что в боях за крепость Осовец и Ломжу особенно отличились части 238-ой стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Красноштанов И. Д., особенно отмечался стрелковый полк Смурыгина.

* * *

Из дневника лейтенанта Езута Г. Г.:

«После освобождения Могилева дивизия брала крепость Осовец.

При взятии крепости первая наша атака была неудачной. Я стоял на огневой позиции, на переднем крае. Вели огонь по крепостным дотам. На прямой наводке находились 76-мм и 152-мм орудия. И все-таки выбить немцев нам не удалось. На следующий день командир дивизии Иван Данилович Красноштанов сам обследовал подходы к крепости и укрепления. После повторной артподготовки и атаки крепость пала. Много пленных взяли в крепости. Много было убитых и раненых.

За военные операции наш 830-ый стрелковый полк был награжден орденом Красного Знамени. Ему присвоили наименование Осовецкого.

13 сентября 1944 года. После одного часа артподготовки мы прорвали линию обороны фашистов под городом и крепостью Ломжа. Шел ожесточенный бой, немцы переходили в контратаки, бросали все новые и новые силы, но успеха не имели.

Преследуя противника по пятам, наша пехота не давала врагу закрепиться на новых позициях. Однако мы тоже несли большие потери, в некоторых ротах осталось после ломженской операции от 25 до 15 человек.

В дальнейшем, преследуя отступающего противника, с тяжелыми боями мы вышли на реку Нарев и заняли станцию Астромика».

На границе Польши с Восточной Пруссией

Комсорт второго батальона 843-го стрелкового полка дивизии Иван Иванович Воробьев хорошо помнит ночные бои на границе Польши с Восточной Пруссией.

«В начале января 1945 года, после форсирования реки Нарев, части дивизии с боями продвигались дальше на запад, а 843-й стрелковый полк, куда входил второй батальон, овладел польской деревней Ольшевка. Впереди, в 7—8 километрах, находилась последняя польская деревня Ягодное, которая граничила с Восточной Пруссией.

В 15.00 20 января 1945 года батальон получил приказ — внезапной ночной атакой овладеть деревней. Собрав весь офицерский состав, комбат капитан Решетников Николай Николаевич провел совещание. Предупреждая об опасностях и трудностях предстоящего ночного боя, сказал:

— Путь батальона к деревне, вплоть до ее окраины, лежит через полузамерзшее болото, рядом речка Омулев. Ни справа, ни слева не будет своих, еще хуже — толком не знаем силу противника, обороняющего Ягодное.

За командира батальона, командиров рот и замполита батальона я не беспокоился — они бывалые воины. Комбат Решетников, несмотря на свои 23 года, имел достаточный боевой опыт, был авторитетным и волевым командиром, а пожилой, степенный замполит капитан Боронин воевал еще на Халхин-Голе и с белофиннами. Меня тревожили новички, пришедшие в батальон только перед форсированием реки Нарев. Слишком уж молоды и неопытны. Я попросил у комбата и замполита разрешения провести беседу с комсоргами рот, комсомольцами и всем личным составом. Получив добро, подробно рассказал бойцам об обстановке, посоветовал, как лучше преодолевать полузамерзшую болотистую местность. Меня поняли хорошо. «Деревня будет наша», — заявили бойцы. Приподнятое настроение личного состава было понятно — мы выходили к границам фашистской Германии.

По принятому решению батальон должен был двигаться и наступать двумя группами. Расстояние между ними 400—600 метров. Первой группой руководили капитан Сидоров И. С. и я, как комсорт батальона. Трону-

лись с наступлением сумерек. Под покровом густого тумана над болотом продвигались по бездорожью. Солдаты, обремененные тяжелым оружием и боеприпасами, выбивались из сил, пот заливал лицо, глаза и шею. Привалы делали буквально двухминутные, чтобы не замедлять темп движения. Связь со второй группой батальона действовала хорошо.

Вдруг совсем близко от нас в темноте застричили автоматы. Пришлось развернуться и принять боевой порядок. Мы наткнулись на небольшое боевое охранение. Гитлеровцы, робко отстреливаясь, быстро исчезли. Дозор во главе с комсоргом четвертой роты Орловым стал преследовать их, но фашисты как в воду канули. Такая обстановка нас не радовала, ибо успех нашей операции был рассчитан на внезапность атаки, а теперь мы были обнаружены, и нам ничего другого не оставалось, кроме как ускорить движение вперед и ворваться в деревню. Но это легко сказать. Бойцы и без того сильно устали, выбились из сил. Наконец болото пройдено. Орлов доложил комбату Решетникову, что совсем недалеко от нас, на опушке леса, хутор из трех домов, гитлеровцы в нем не обнаружены, а до Ягодного не больше двух километров.

В хуторе во время короткого привала комбат Решетников объявил личному составу свое решение — немедленно развернуться в боевой порядок и наступать на деревню, иначе наступит рассвет и вся внезапность пойдет насмарку.

Команда — «Вперед!» И к нашему удивлению, мы вошли в Ягодное без единого выстрела со стороны противника. Потом мы поняли, что боевое охранение фашистов, перепуганное нашим внезапным появлением с неожиданного направления — через болото, в переполохе, видимо, посчитав и болотные кочки (а они были высотой до метра) за наступающих, доложило командованию о большом количестве наших войск, и гитлеровцы поспешили отойти на границу Восточной Пруссии, на заранее подготовленный рубеж в пойме реки Омулев. Итак, мы в трех-четырех километрах от границы, перед немецкой деревней Зендровин.

Вслед за нашим батальоном в Ягодное вошли и другие подразделения полка и две батареи 693-го артполка дивизии. Короткий отдых до утра 22 января. Батальон приводил себя и оружие в порядок, пополнялся боепри-

пасами и с нетерпением ждал. В одиннадцатом часу утра узнали, что некоторые части дивизии вместе с другими соседними войсками перешли границу Восточной Пруссии. Это была радостная весть. Наконец-то Советская Армия вступила на территорию врага.

Днем в батальон прибыл комбат Решетников с новым приказом командира дивизии И. Д. Красноштанова — ночью перейти речку Омулев, атаковать противника в деревне Зендровин и овладеть ею. Весь остаток дня 22 января батальон готовился к предстоящему бою. Из разведывательных данных было уже известно, что деревню обороняет немецкий батальон, усиленный танками и артиллерией, и что боевое охранение выставлено вдоль реки Омулев. Командир батальона Решетников сообщил нам также, что пойма реки Омулев разведана — она почти не замерзшая, с низкими берегами, и что найдено место для перехода. А перед деревней — траншея в полный профиль, с огневыми точками, в самой же деревне подвальные помещения превращены в доты с сектором обстрела в 180 градусов.

Когда стемнело, батальон выступил тем же боевым порядком и теми же группами, что и при овладении Ягодного. Двигались предельно осторожно, разговаривали шепотом, соблюдая все виды маскировки. Впереди шла группа разведчиков. До речки и при переправе столкновения с противником не имели. Речку перешли вброд. Около трех часов вышли из леса на опушку. Деревня Зендровин была в 500 метрах от нас — наступил самый ответственный и решающий момент. Разведгруппа, высланная вперед, доложила, что в деревне вдоль улицы стоит много автомашин, но часовых не видно. Решено было без крика «ура» молниеносно атаковать спящий гарнизон. Быстро приняв боевой порядок, 4-ая и 5-ая роты стремительно бросились в деревню, но при входе в нее были встречены криками «Хальт!» и беспорядочной, бесприцельной стрельбой. Стрельба подняла гитлеровцев на ноги, и вскоре они открыли шквальный огонь из крупнокалиберных пулеметов, минометов и даже пушек. Завязался тяжелый ночной уличный бой. Очень скоро подоспела вторая группа батальона, на этот раз во главе с комбатом Решетниковым. Решетников понял, что силы гарнизона противника значительно превосходят наши, и вызвал огонь нашей артиллерии и минометов. Минут через 30—40 по противнику открыли огонь бата-

реи 693-го артполка дивизии и 120-мм минометы. Более трех часов батальон вел бой с численно превосходящим противником и перед рассветом обратил фашистов в бегство. Утром 23 января деревня была занята. Правда, дорогой ценой. Было убито более 30 человек. Но гитлеровцы понесли значительные потери — более ста вражеских солдат и офицеров.

Война, навязанная нам гитлеровскими захватчиками, перешла на вражескую землю.

Не числом, а умением и мужеством

В городе Краснодаре живет и работает гвардии подполковник Ширяев Михаил Алексеевич. Он награжден многими орденами и медалями. В годы войны гвардии капитан Ширяев служил в 837-ом стрелковом полку, сперва в должности помощника начальника штаба, а затем командование, оценив его организаторские способности выдвинуло Михаила Алексеевича на должность командира второго батальона.

На встрече с однополчанами в городе Карабеве я попросил Михаила Алексеевича поделиться воспоминаниями о минувшей войне.

Развивая наступление в направлении города Бишофсбург (южнее Кенигсберга), 238-ая дивизия прошла с боями 100 км, прорвала семь сильно укрепленных полос обороны противника, заняла много населенных пунктов.

Совершая 200-километровый марш на западный берег реки Висла, в феврале и марте месяце 1945 года в условиях сильной распутицы, дивизия участвовала в Восточно-Прусской операции. Освободив города Картузы, Кольцежин, Оливы, совместно с 65-ой, 70-ой армиями и частями Польской Народной Армии заняла крупный город и порт Данциг.

В ходе этих тяжелых, кровопролитных боев противник оказывал сопротивление, часто переходил в контратаки, что приводило к большим потерям с обеих сторон в людях и технике. Нередко в батальонах оставалось по 40—60 активных штыков, а задачи им ставились прежние — уставные. Офицеры рот и батальонов были вынуждены приблизиться к боевым порядкам своих подразделений, часто находиться непосредственно в боевой цепи, личным примером вдохновлять солдат, по-

казывая образцы умения, стойкости и мужества в бою. Как раз в это время, в начале февраля 1945 года, в Восточной Пруссии штаб во главе с капитаном Богдановым Д. П., командный пункт 3-го стрелкового батальона, которым руководил майор Мартынов Н. В., поддерживающая их артиллерийская батарея и хозяйственный взвод были отрезаны от батальона и окружены автоматчиками противника.

Противник своим огнем уничтожил весь обоз и артиллерийские упряжки с ездовыми, а командный пункт, штаб и артиллерийские расчеты блокировал огнем, не давая, как говорится, поднять головы. Чтобы окончательно расправиться с ними, немцы ожидали подхода подкрепления. Майор Мартынов по чудом уцелевшей телефонной кабельной линии попросил помочь у командира полка. В 10 часов утра подполковник Тарусин А. В. вызвал меня и приказал выбрать десять человек из стрелкового батальона, прорваться к окруженным и выручить их.

Ну что ж, задача поставлена. Ее нужно выполнять, а людей мало. Решили пойти на хитрость. Прикрываясь густым лесом, скрыто зайти к немцам в тыл, разыскать окруженных, развернуться в широкую цепь и, громко команда «батальоном», ввести противника в заблуждение, посеять панику, атаковать, уничтожить его и освободить своих.

Мы действовали смело и решительно. По карте вышли к круглой поляне с тригонометрической вышкой, где были наши товарищи. На опушке — землянки, огневые позиции с 76-мм орудиями, множество перебитых лошадей, повозки, кухня и ни одного живого человека. Немцы, не более взвода, полукольцом охватив все это, лежали спинами к нам, держа на прицеле землянки. Они уже не стреляли, видимо, ожидая подхода подкрепления. Тишина.

Согласно принятому решению, наша боевая цепь внезапно открыла по лежащим сильный автоматный огонь, раскаты которого гулко разнеслись и усилились лесом. Громко команда «батальоном», я поднял людей, и «цепь», стреляя на ходу, пошла в атаку. Растигнувшись среди деревьев на возможно широкое расстояние, все мы стреляли и все громко «командовали батальоном». Это ошеломило немцев. Враг не выдержал и, отстреливаясь, стал в беспорядке отходить и вскоре

оказался у реки. Преследуя отступающих, мы взяли пленного, который показал, что за речкой обороняется их рота, и что они ждут подхода свежих сил. Это заставило нас прекратить преследование и вернуться к освобожденным.

Только я успел спуститься в штабную землянку и доложить по телефону командиру полка о выполнении поставленной задачи, как сверху наблюдатель сообщил о появлении на противоположной опушке леса (через поляну около полутора километров) пехоты противника силой до роты. Обходя поляну, немцы двигались к нам. Они были уверены, что группировка надежно окружена и огневого сопротивления им не окажет. Наших солдат в белых немецких маскировочных халатах они приняли за своих — тех, что их вызвали, и потому двигались с минимальными мерами предосторожности. Но один из них все же шел впереди других метров на 30—40, придерживаясь опушек леса. Чтобы избежать ошибки, я пошел ему навстречу. Оба в белых немецких халатах, с надвинутыми на шапки капюшонами, прикрывающими знаки различия, и только автоматы разные. Он первым окликнул меня. Я окончательно убедился, что это немцы и не целясь, дал по нему автоматную очередь и в ту же секунду был отброшен вправо, в кусты, волной пролетевшего снаряда. Это ударила по немцам батарея, стоявшая на КП на прямой наводке. Стреляли те, кого мы только что выручили.

Противник был полностью уничтожен и рассеян по лесу.

Наша группа, не имея потерь и ранений, с честью выполнила поставленную задачу, своевременно выручила своих товарищей, спасла от неминуемой гибели около 40 человек.

Некоторые из них дошли до Берлина. Здравствуют и трудятся поныне. Так, майор Мартынов Н. В. был секретарем Ярославского обкома КПСС, капитан Богданов Д. П. читал лекции по психологии студентам. Живет сейчас в Москве.

За этот бой вся группа была представлена к правительенным наградам.

Из дневника лейтенанта Езута Г. Г.:

«19 января 1945 года. Прорвана линия обороны фашистов на реке Нарев. Вступили на территорию Восточной Пруссии.

8 марта 1945 года взят город Берент. Освобождено много русских, украинцев, белорусов, поляков, французов и других угонанных в Германию молодых парней и девушек.

10 марта 1945 года штурмом взят город Картхауз в Восточной Пруссии. На станции захвачены два эшелона, груженных танками и самоходными орудиями вместе с экипажами, направляющимися на восточный фронт. Сдаются в плен тысячи солдат и офицеров противника, еще больше убитых и раненых. Отступающие на запад фашистские войска угоняют скот, минируют дороги, в лесах подвешивают к деревьям мины, расстреливают граждан, угонянных в рабство в Восточную Пруссию. Хочу заметить: когда фашисты отступали по нашей и польской земле, они уничтожали все села, города, заводы, железные и шоссейные дороги, мосты, большие и малые, рельсы рвали на 3—4 куска каждое звено. На своей территории, отступая под напором наших войск, щадят материальные ценности.

Противник отходит в направлении Данцига на Балтийском море. В 20 км от города — районный центр Банино. Нам было известно, что впереди идет польская дивизия им. Т. Костюшко, она должна брать Банино. Мы — во втором эшелоне. Поляки натолкнулись на сильное сопротивление фашистов, которые бросили против них самоходную артиллерию, танки и артиллерию портовых кораблей. Польское войско не выдержало нацистского давления, отступило. Командир дивизии генерал Красноштанов приказал нам вступить в бой. Контратакой немцы были отбиты. На поле боя остались 12 подбитых фашистских танков, 7 самоходных орудий, бронетранспортеры. И конечно, убитые и раненые.

26 марта. Мы заняли Банино.

29 марта 1945 года. Бои на окраине Данцига.

В ночь с 29 на 30 марта 1945 года. Штурм города. Наш 830-ый стрелковый полк шел по направлению главной улицы города с задачей взять здание, где располагалось гестапо. Задание было выполнено. Впервые

увидел своими глазами зверства гестаповцев. В подвалах обнаружили закованных в цепи людей, заросших, неузнаваемых. В другом отсеке сотни трупов расстрелянных. Подвал залит кровью.

К вечеру форсировали Мертвую Вислу и вышли на небольшой остров. Там концлагерь и «фабрика» смерти. В больших длинных бараках пятиэтажные нары, на них чуть живые пленные, глаза их смотрели, а разговаривать люди не могли. Рядом лежали мертвые.

30 марта, примерно, в 14 часов дня. Вышли на берег Балтийского моря. Нас встретили граждане с фашистскими нашивками на рукавах. Они каждому кланялись в ноги, приветствовали, отрывали на рукавах нашивки, топтали их ногами. Недалеко от берега волны беспорядочно гоняли подбитые корабли. Мои солдаты попросили разрешения дать салют по одному из них. Это было сделано, солдаты остались довольны. Я разделял их радость.

В концлагере на острове Данциг (между Мертвой Вислой и Вислой) освободили 57 тысяч советских людей, угнанных в рабство в Восточную Пруссию, 6 тысяч граждан других государств Европы.

18 апреля. Подошли к Одеру против города Шведт. Вдоль реки маневрировали по направлению на Штейцин, оставляли ложные огневые позиции (ночью раскладывали небольшие костры), дезориентируя авиацию противника.

20 апреля. Между Шведтом и Штейцином форсировали Одер. Фашистская артиллерия обрушила на нас ураганный огонь. Наша артиллерия по прямой наводке непрерывно вела мощный огонь.

26 апреля. Прорвана фашистская оборона на Одере. Мы овладели городами Штейцин и Шведт.

3 мая 1945 года. Вышли к Эльбе и соединились с англичанами».

Плацдарм на Одере

Как известно, Советская Армия на завершающем этапе войны, преследуя отступающего противника, не давала ему закрепиться на промежуточных рубежах. Одер был последним препятствием на пути к Берлину. До 20 апреля войска II Белорусского фронта (куда входила и наша дивизия) готовились к переходу реки.

Опережая воспоминания солдата-снайпера (он же пулеметчик) 2-го батальона 830-го стрелкового полка Мещерякова Ивана Константиновича, хочу только коротко напомнить, что здесь фашисты, используя естественные преграды реки Ост-Одер и Вест-Одер, двухкилометровую пойму между ними, решили удержать рубеж любой ценой и дрались с отчаянием обреченных, чтобы не допустить переправы наших войск на дамбы, расположенные на западном берегу реки Ост-Одер.

Иван Константинович Мещеряков рассказывает:

«Еще мальчиком, посмотрев кинофильм «Чапаев», я загорелся желанием стать пулеметчиком. Мечта моя сбылась в 1943 году. После учебы на курсах снайперов в городе Пугачеве, как раз в родных местах В. И. Чапаева, я прибыл на фронт и попал в батальон 830-го стрелкового полка 283-й дивизии.

До апреля 1945 года я уничтожил из своей снайперской винтовки и пулемета до ста фашистских солдат и офицеров. А 16 апреля наш батальон, которым командовал капитан Старцев, получил особое задание командования дивизии — овладеть мостом и насыпной дамбой на реке Ост-Одер. Темной ночью бойцов батальона подняли по тревоге, и мы пришли к берегу, где погрузились на подготовленные лодки. Бесшумно проплыли примерно 5—6 километров, незаметно подошли вплотную к мосту. Открыв внезапный ураганный огонь из всех видов оружия, которые у нас имелись, и пустив в ход гранаты, уничтожили фашистов, охранявших мост, штурмом овладели и дамбой. Быстро заняв небольшой плацдарм — окопы, блиндажи и казематы фашистов, расставили по местам огневые точки, заняли круговую оборону. Пока наши саперы и разведчики финками и штыками работали на мосту и под мостом, разминировали мост, подготовленный для взрыва, мы очистили плацдарм от трупов. На рассвете мы услышали горящие немецкие крики. Гитлеровцы, численностью до батальона, шли в атаку, а нас всего 120 человек. Но мы уже успели окопаться, пристреляться и имели хороший обзор. В течение 17—20 апреля немцы без конца атаковали нас, однако, неся большие потери, каждый раз вынуждены были отходить. Нас поддерживала авиация и артиллерия с берега. Рано утром 20 апреля немцы

опять пошли в атаку, причем на этот раз их было еще больше. Мы встретили атакующих огнем. Били наверняка. Но, несмотря на это, они волна за волной все шли и шли на штурм — казалось, им не будет конца. В этот день и мы понесли большие потери — осталось около сорока человек. Но фашистам и на этот раз не удалось овладеть плацдармом и мостом. В этой схватке мы взяли в плен несколько фашистов, в том числе офицера-лейтенанта, назвавшего себя Фишером. На вопрос, что их заставляет идти на верную смерть, тот ответил: «Два наших генерала арестованы за ротозейство. Их собираются повесить, если мост сегодня не будет взорван. И вот мы их спасаем». Боясь, как бы мы его не застрелили, Фишер рассказал, что недалеко от нас находится группа немецких снайперов во главе с опытным мастером Фогелем. Группа имеет задание выследить каждого из нас и уничтожить. Не успели мы отправить Фишера в штаб, как через минут десять немецкий снайпер убил нашего наводчика станкового пулемета Головина. Комбат капитан Старцев предупредил всех быть предельно осторожными и приказал мне выследить снайперов и доказать, кто лучше стреляет. Я подполз к пулеметной позиции Головина и замаскировался в траве. Первого снайпера обнаружил в кустах, метрах в ста от меня, и с одного выстрела убрал его. Ночью приволок убитого в свои окопы, извлек его документы. Убитым оказался тот самый хваленый Фогель — пуля угодила ему в лоб и прошла навылет.

21 апреля ночью на плацдарм прибыл командир дивизии И. Д. Красноштанов, поговорил по душам с солдатами и попросил продержаться еще одни сутки. Мы обещали стоять насмерть и слово свое сдержали — выстояли.

22 апреля при последней атаке немцев меня тяжело ранило, но хорошо помню, что наши прочно удерживали плацдарм и мост, который был назван переправой номер четыре через Одер. Отправляясь в тыл, в медсанбат дивизии, я видел, как с нашего берега мчались колонны боевых машин — танки «Т-34», самоходные установки, бронетранспортеры с надписью на броне: «Вперед на Запад!», «Даешь Берлин!», «За Родину!», «Смерть фашистам!», «Москва — Берлин!» и т. д.

В медсанбат, располагавшийся на восточной стороне реки Ост-Одер, в лесу, лейтенант Езут привез меня позд-

но вечером. Там встретил заместителя командира полка майора Смирнова.

Медицинскую помощь мне оказала очень приветливая и проворная медработница. Позже я узнал, что это была Рождественская — мать ныне хорошо известного поэта Роберта Рождественского».

Через всю войну в белых халатах

Наверняка на меня обидятся врачи, медсестры, санитары и другие работники 397-го медсанбата дивизии, если не расскажу об их трудной и благородной работе во время прошедшей войны. В первый раз я у них был курьезным пациентом. Однажды (если память не изменяет, в начале декабря 1943 года) офицеры штаба решили помыться в полевой бане, наспех сооруженной в лесу из сырых лесоматериалов. Первыми зашли в эту баню пять офицеров, в том числе и я, и все угорели. Так мы оказались в медсанбате.

Там я и познакомился с врачами Мубашаровой Гафифой Гафаровной, Надеждой Александровной Солодилиной и старшиной медслужбы Линьковой (имя, отчество не помню).

Вскоре я второй раз попал в медсанбат с легкой контузией, только в этот раз понял, как трудно и в какой тяжелой обстановке приходится им работать. Медсанбат располагался в больших и малых палатах, больные и раненые лежали на носилках, которые ставились на козлы. В палатах стояли железные бочки-печки, они топились круглые сутки, чтобы люди не мерзли. Помню суровый, озабоченный вид медработников, но работали они удивительно спокойно, без суеты и растерянности.

В 1973 году я трудился над небольшой книжкой, которая увидела свет под названием «Корпус шел на запад». Прежде чем писать названную работу, долго разыскивал своих однополчан, которых я еще не запоминал, в том числе и врачей Мубашарову, Солодилину. Однако, к сожалению, нашел их после того, как книга уже была выпущена.

Трудясь, по просьбе моих однополчан, над этой небольшой работой, я после долгих поисков нашел адрес бывшего командира эваковзвода — врача медсанбата Каждана Семена Абрамовича, и написал ему письмо,

на которое он быстро и любезно откликнулся. Привожу текст его воспоминаний:

«Вместе с Александром Лабинским, Александром Ковалевым, Шарифом Календаровым, Борисом Тарабриным, Федором Фоменко, Василием Константиновым, Борисом Серединым мы прибыли в 238-ую стрелковую дивизию в город Арзамас в июне 1942 года после окончания Ленинградского военно-медицинского училища Красной Армии им. Н. А. Щорса (оно было перебазировано в сентябре 1941 года в город Омск). Все мы были распределены по полкам дивизии, а я, Середин и Константинов направлены в медсанбат. Одновременно в Арзамас из Военно-Медицинской академии им. Кирова в дивизию прибыли врачи Иван Васильевич Ракитин, Баранов (имени, отчества, к сожалению, не помню), Михаил Гончар, из институтов городов Горького и Иванова — врачи Юрий Сытин, Евгений Симонов, Евгения Синская, Лидия Алымова, Ася Алисова, Яковлев, Николай Васильев и другие.

Позднее прибыли Вера Касинская, Надежда Солодилина, Владимир Карманов — это и был костяк медслужб полков и 397-го медсанбата. В этом составе под командой Николая Васильева с 1 октября 1942 года мы вступили в бой. Под станцией Торопа эшелон подвергся бомбежке. Затем бои под городом Белый, прорыв немецкой обороны на Калининском фронте под Нелидово, и так до января 1943 года. В эти тяжелые декабрьские и январские бои через медсанбат прошло около 4500 человек раненых. Хирургическую помощь им оказывали командир операционно-хирургического взвода майор Касинская, хирург Синская, врач Сычов. Подключались зубной врач Женя Сазанович, ассистировали старшие медсестры лейтенанты медицинской службы Варя Сморжевская, Клавдия Саракупа, медсестры сержанты медслужб Евгения Толмачева (моя жена), Антонина Кропачева, Нина Езерская и другие. Оперировали побригадно — в каждой палатке врач, старшая сестра, медсестра, санитар. Раненые поступали в приемно-сортировочный взвод (врач старший лейтенант Евгения Симонова, врач Юрий Сытин, фельдшер лейтенант Панна Ларионова). Оттуда те, кто нуждался в операции, отправлялись в хирургический взвод, остальные — в спецотделение на эвакуацию в полевые госпитали.

Прооперированные переводились в терапевтический

взвод, его возглавляла Надежда Солодилина. С ней работали врачи Шамис, фельдшер Вера Кочетова. Через несколько дней, окрепнув, раненые уезжали в тыл. Я был командиром эвакоотделения. В штате, кроме меня, работали медсестра сержант Александра Пушкина, санитары Лиза Носкова и Лопин (имени не помню).

Бомбежки и обстрелы были делом привычным. Не помню случая, чтобы кто-либо ушел со своего поста (от хирургического стола) или из палатки, землянки, от раненых. Это мне хорошо известно, так как в 1941—44 г.г. я возглавлял парторганизацию 397-го медсанбата, а позднее, его основного подразделения — медицинской роты в составе названных четырех взводов, то есть был бессменным парторгом этих подразделений. Замполитом МСБ был Василий Иванович Носков — майор. Позднее командиром МСБ стал майор медицинской службы Федор Павлович Терехин, умело и самоотверженно руководивший всеми силами своего подразделения. Начальником санслужбы дивизии был майор медицинской службы Кондрашов. Надо сказать, что эвакуация раненых являлась очень сложным делом. Мы не имели машин. Использовать транспорт автороты, выполнявшей боевые задачи (автоснабжение), удавалось далеко не всегда, чаще просили сани, повозки у местных жителей, и, конечно, добрыми нашими друзьями были «попутки». Часто случалось и так: легкораненые после оказания им первой помощи направлялись в госпитали пешком с карточкой передового района и сопровождающим. Иногда в пути попадали под обстрел и бомбежки. Холода, плохие дороги затрудняли их продвижение, но медики честно делали свое дело. Быстрейший вывоз раненых из дивизии, а также быстрый маневр медсанбата вслед за частями обеспечивались успешно. За эту операцию (зима 1942—43 г.г.) хирург Касинская, врач Симонова и я — втроем — первыми из медиков дивизии получили медали «За боевые заслуги».

Сутками иногда не выходили из операционной врачи и медсестры. Особенно стойко переносили тяготы военной службы молодые девушки: передислокации МСБ, иногда длительные пешие переходы, рытье землянок для себя и раненых, холод, а подчас (в окружении) и голод. Через все они прошли мужественно. Часто МСБ для оказания быстрейшей хирургической помощи выбрасывал вперед, ближе к полкам, оперативные группы мед-

работников. Им приходилось эвакуировать раненых из полков, делать операции под бомбажкой. Медики не прятались от осколков. Как-то ночью в одной из палаток хирург Сычов, медсестра Толмачева и санитар оперировали раненого. Налетавшие немецкие самолеты бомбили медсанбат и весь участок леса. Во многих местах осколки пробили палатку, но мужественные люди не бросили раненого, которому делали ампутацию ноги, и закончили операцию. Об этом случае я написал заметку в дивизионную газету. Кажется, ее перепечатала центральная газета.

Во время боев через наши руки проходило ежесуточно до 200—250 раненых. За самоотверженный труд многие из нас были награждены орденами Красной Звезды. В операциях в Польше, под Данцигом, в Померании медики не раз попадали не только под бомбажки, обстрелы, но и в окружение. Весной 1945 года мы были атакованы прорывающимися власовцами. Врачи, фельдшеры, легко-раненые заняли круговую оборону и отбили нападение. Несколько человек получили ранения. По окончании боевых действий в Восточной Пруссии врачи Касинская, Солодилина, Терехин, Симонова получили ордена Отечественной войны. Удостоен этой награды и я.

За время войны почти все врачи и фельдшеры взводов вступили в ряды коммунистической партии. В 1944—1945 г. г. по нашей инициативе, высоко оцененной командованием дивизии и санотделом армии, при медсанбате была организована команда легкораненых, которых лечили до 15—20 дней у нас, на месте, и по выздоровлении они возвращались в части своей же дивизии. Эта команда, иногда по 200—300 человек, двигалась пешим порядком вместе с нами. И надо отметить, являлась хорошей защитой от внезапных нападений врага. Они же помогали нам рыть землянки, делать нары, ухаживать за тяжелоранеными бойцами. Сложная, трудная работа требовала четкой организации, высокой дисциплины и самоотверженного выполнения своего долга, не взирая на трудности быта, бессонные трудовые ночи. Нельзя не преклоняться перед мужеством и самоотверженностью наших медиков.

Вскоре после окончания войны счастливая судьба свела капитана медицинской службы Гафишу Гафарову Мубашарову с прославленным разведчиком капитаном Шауали Сарсеновым. 23 марта 1946 года состоялось

их бракосочетание в Советском консульстве Берлина. Это было радостным событием не только для них, но и для всех нас. Они демобилизовались из рядов Советской Армии и выехали в город Стерлитамак Башкирской АССР, на родину Гафиы. Так долгая и трудная дорога войны определила счастье двух капитанов.

Как и все мы, Шауали и Гафида активно включились в мирный созидательный послевоенный труд: муж работал строителем, жена врачом. Вскоре у них родились сын Тимур и дочь Венера. Однако раны и контузии, полученные во время войны, давали о себе знать: у Шауали из года в год ухудшалось здоровье, и в 1956 году он скончался.

Вдова героя Великой Отечественной войны сумела пережить и это горе. Она сделала все, чтобы ее дети выросли достойными людьми. Сын в настоящее время работает инженером-технологом на одном из заводов в Уфе, дочь окончила Томский политехнический институт, по специальности — геолог, работает в городе Янаул Башкирской АССР. Сама Гафида Гафаровна Сарсенова-Мубашарова — врач железнодорожной больницы города Стерлитамака.

Когда задаешь ей вопрос, не пора ли уйти на заслуженный отдых, она отвечает: «Пока бьется мое сердце, я должна помогать моим землякам, заботиться об их здоровье».

Надежда Александровна Солодилова оказалась моей землячкой — она живет в городе Саратове, т. е. недалеко от города Уральска, где теперь живу я. Мы переписываемся. Она довольна жизнью, счастливо живет со своей семьей.

Хочется знать о судьбе всех моих однополчан. Живы они или нет, я говорю им спасибо! Это они помогли мне достойно пройти по жизни».

Мы думали только о победе — и победили

Роберт Салихович Сафин — майор в отставке. Последняя должность перед окончанием войны — командир стрелкового батальона 843-го стрелкового полка 238-ой дивизии.

Этот энергичный, смышленый и храбрый офицер отличался умением трезво оценивать боевую обстановку и выходить из боя победителем с минимальными потерями

в личном составе. Не раз его смекалка выручала полк в тяжелых, кровопролитных боях.

За умение воевать, за личную отвагу Роберт Салихович Сафин был представлен к званию Героя Советского Союза.

Вот что говорилось в его наградном листе: «В боях при форсировании рек Бася, Реста и взятии города Могилева товарищ Сафин проявил мужество и героизм, показал организаторские способности и умение командовать взводом. Личным примером увлекал и вдохновлял бойцов. При форсировании рек Бася и Реста товарищ Сафин с расчетом станкового пулемета переправился первым и огнем своего пулемета прикрыл переход батальона. 26 июня 1944 года при форсировании реки Днепр товарищ Сафин сильным огнем противника сумел переправить на бревнах свой взвод, первым ворвался на берег, уничтожая огневые точки врага, и открыл дорогу всему батальону. При штурме города Могилева его взвод первым вошел в город и вступил в бой с превосходящими силами немцев. В этом бою товарищ Сафин лично уничтожил 12 фашистов, а со своим взводом — до десяти пулеметных точек, мешавших продвижению нашей пехоты, чем блестяще обеспечил выполнение боевой задачи».

Сам Роберт Сафин рассказывает:

— На завершающем этапе Орловско-Курской битвы 15 августа 1943 года наш 834-й стрелковый полк, в том числе и я, командир пулеметного расчета, участвовал в освобождении города Карабчева.

После Карабчева полк был отведен во второй эшелон, и мы двигались по Брянским лесам за передовыми частями.

Помню: ночь, мы лежим в лесу. Кругом тишина, где-то далеко слышны орудийные выстрелы.

В 12 часов ночи вызывает меня командир взвода младший лейтенант Потык и говорит: «Со второй ротой выступишь на деревню. Она отсюда в одном или полутора километрах. Если овладеете, продержитесь до утра».

Это было 9 или 10 сентября 1943 года. И вот мы в пути. Вышли из леса. Со стороны деревни ни одного выстрела. Подходим ближе. Вдруг вспыхнули ракеты, и с горки застрочил пулемет, по звуку слышу — «МГ-42».

Но нас не видно, мы идем по конопле, высотой почти в рост человека. Мы идем, а немец стреляет и стреляет.

На окраине деревни мы себя обнаружили, и немец бьет уже прицельным огнем.

На углу крайнего дома сумел поставить пулемет и дал несколько очередей в сторону немцев. Двигаясь ползком, прячась за домами, вышли к огородам. И здесь сразило двух моих ребят: первого номера Герасименко и подносчика патронов. Горевать было некогда, кое-как укрыли их и через два дома вышли к речке, шириной 15—20 метров, но, видно, глубокой. Смекнул, до берега доходить не надо. Поставили пулемет в углубление и притаились. Деревня горела. Переполоху мы наделали много. Но я ждал главного: если немцы решат уходить, они пойдут по единственной дороге, в нескольких метрах от нас, по тому берегу. И точно, из-за строений начали выезжать машины с орудиями и подниматься на гору.

Я мгновенно открыл огонь по одной из них, и она рухнула в воду — видно, водителя убило сразу. Через несколько минут загорелась вторая. Пулемет косил врага без передыху.

Вдруг один из солдат крикнул: «Нас окружают!»

Берем пулемет — и в коноплю, предварительно бросив гранаты во все четыре стороны. В конопле затаились, заняв круговую оборону, и стали ждать, что будет дальше.

Время шло к утру. Вдруг стало тихо, только за речкой слышен гул удаляющихся моторов. Неужели уходят?

Когда совсем рассвело, я ползком выбрался из конопли. Догорают дома, дым по всей деревне, и никого не видно.

Возвращаюсь к ребятам, берем пулемет и на всякий случай даем по тому берегу несколько очередей по домам — никто не отвечает. Убедившись, что деревня пуста, все четверо углубляемся в лес, искать своих. Встретили их сразу за деревней. Они спешили к нам. Командир роты капитан Бисерев обнял меня: «Вы, наверно, родились в рубашке: оттуда выйти живыми!»

Все-таки, что же случилось? Как мы одни остались в деревне? Ночной бой — это неразбериха, не поймешь, где свои, где враг. Вот и немцы попались на это. Беспорядочная стрельба, пулеметные очереди из разных мест убедили командование, что нас много, да видно, и разведка подтвердила, обнаружив роту недалеко от деревни. Вот они и драпанули.

Чуть позже вместе с поварами я поехал в деревню,

чтобы похоронить тела убитых — Герасименко и подносчика патронов.

В деревню уже приехали артиллеристы, танкисты, кавалеристы, подошла пехота, и — надо же такому случиться! — в это время налетели 27 «юнкерсов» и все смешали с землей. Погибли наш повар и парикмахер, а мне — опять ничего. Я от бомбы... убежал! Смотрю, идет в пике последний самолет — смерть неминуема! — и побежал ему навстречу. От бомб мне достался только осколок.

Заканчивая свои воспоминания, Роберт Салихович вздохнул: «Конечно, это только один эпизод. Легких боев не было. Но самое главное — все бойцы и командиры дрались насмерть, думали только о победе. И победили!»

Артиллерист Моисеенко

Максим Алексеевич Моисеенко до войны жил в Воронежской области, работал в колхозе скотником. В 830-й стрелковый полк дивизии прибыл в марте 1943 года. Действительную службу он проходил на Тихоокеанском флоте, а в полку его зачислили в расчет 45-мм противотанковой пушки. В душе Максиму не очень понравилась эта легкая пушка, его брали сомнение, можно ли из нее выводить из строя немецкие танки. Но Максим хорошо изучил свою пушку и противотанковые ружья, которые находились при расчете, и вскоре стал наводчиком орудия. Свое боевое крещение он получил в боях за освобождение Карабача. По танкам из своей «противотанковой» стрелять ему не пришлось (на его участке танки не действовали), но шесть пулеметных точек врага огнем своей пушки он подавил. Уже в первом бою Максим показал себя толковым бойцом. Его поздравили, обещали представить к награде. И получить ее вскоре случай представился.

После короткой передышки полк с тяжелыми боями двигался вперед, на запад. Был конец марта — начало апреля, распутица, пушку пришлось тащить на себе — лошадей не хватало, и Максим, шагая по грязи со снегом, думал: «Вот тебе и «легкая» пушка!»

Ну, а полюбил и оценил ее Максим попозже, когда вступил в бой с немецкими танками в июне 1944 года в Белоруссии. Здесь в одном из боев на их позицию шли

во весь рост фашисты, численностью до батальона, в сопровождении «фердинандов».

Максим со своим расчетом выкатил противотанковые орудия на огневую площадку и, подождав, когда «фердинанды» показали бока, скомандовал: «Огоны!»

Один из танков завертелся на месте. Второму снаряд попал в гусеницу, из третьего повалил густой дым. И снова скомандовал: «Осколочным, огоны!» — так как фашисты начали вылезать из горевших машин.

За уничтожение трех «фердинандов» весь расчет был представлен к правительенным наградам.

Почти до конца войны не расставался Максим со своей «сорокапяткой». В последний бой с фашистами он вступил в первой половине марта 1945 года под Данцигом, где его расчет вместе с другими артиллерийскими подразделениями занял позицию на танкоопасном направлении. Здесь Максима ранило, и он был отправлен в госпиталь. Ранение оказалось тяжелым — ампутировали левую ногу.

Из госпиталя солдат вернулся в родной колхоз только в 1946 году. Работал заведующим фермой, был бесменным депутатом сельского Совета. Ныне кавалер ордена Славы всех трех степеней. Максим Алексеевич Моисеенко — персональный пенсионер союзного значения.

Разведчик Даян

В начале 1943 года 830-й стрелковый полк получил пополнение из вновь призванных в ряды действующей армии. В их числе оказался молодой, худощавый, смуглый парень из деревни Ясляйкино Чистопольского района Татарской АССР Булатов Даян, которому только-только исполнилось 18 лет. На вопрос, как он, такой молодой, попал в армию, Даян обиженно ответил: «Очень просто — хочу вместе со всеми защищать свою любимую Родину. Я — доброволец». Его зачислили в роту автоматчиков. Парень плохо говорил по-русски, но оказался смышленым и трудолюбивым. Быстро освоился, стрелял на редкость хорошо, а свой автомат держал в идеальном порядке. И в обороне, и в наступательных боях показал себя дисциплинированным и храбрым, ни в чем не уступал солдатам старше его по возрасту. А однажды, услышав рассказ полковых разведчиков, как они

ходили за «языком», попали в тяжелое положение и понесли потери, Булатов сказал: «Э-э, ипташляр (друзья), надо стараться обхитрить фрицев. Они умнее нас, что ли?»

— Ишь ты, нашелся хитрец. Попробуй с нами побывать в разведке — увидим, какой ты умный, — резонно ответили ему.

На другой день Даян настоятельно просил зачислить его в полковую разведку, и его просьбу удовлетворили.

В начале марта 1944 года дивизия после тяжелых наступательных боев, примерно в 100—120 км от Могилева, временно перешла к обороне. А в конце марта полковая разведка получила задание командира полка — достать «языка». Молодой солдат горел желанием не столько отличиться, сколько доказать, что он умеет действовать в трудной обстановке. Оборона у немцев была крепкой — траншеи в полный профиль, доты, дзоты, блиндажи, минные поля и проволочные заграждения в несколько рядов. Ночью передний край периодически освещался ракетами. Из-за этих ракет очень медленно шло разминирование немецкого переднего края. Надо было уничтожить ракетчика, и Булатов попросил это дело поручить ему. По сделанному в проволочных заграждениях проходу разведчики по цепочке проникли на территорию врага. Как мышь, быстро и бесшумно Даян подполз к ракетчику и ударил его автоматом по голове. С этим было покончено. Достигли блиндажа, сняли часового. Немцы спали, а из маленькой трубы блиндажа шел дымок. Даян думал не долго. Потихоньку залез на блиндаж и своей шапкой заткнул трубу. Остальные разведчики с оружием наготове ждали у выхода. Через минут 10—15 задыхающиеся от дыма фрицы, не понимая, в чем дело, начали по одному, без оружия, высакивать наружу (их было целое отделение). Всем им заткнули рты кляпами и по тому же проходу привели в штаб полка.

За успешное выполнение задания разведчики были награждены орденами и медалями. Булатов Даян получил свой первый орден Славы III степени.

Орденом Славы II степени Даян Булатов награжден в июне 1944 года за форсирование реки Днепр и участие в штурме города Могилева.

Особенно отличился и прославился Даян при штурме города-крепости Осовец. Бои здесь были очень трудны-

ми и кровопролитными. Прежде чем наступать на крепость, много поработали полковая, дивизионная, корпусная и армейская разведки.

Однажды Даян получил задание: проникнуть в крепость, взять языка и разведать систему обороны в полосе наступления полка. Семь человек действовали бесстрашно и умело. Для начала взяли в плен экипаж немецкого танка. Расспросили пленных, у кого может быть карта. Те дали точный адрес. И вот офицер-сапер с ординарцем в руках у разведчиков. Топографическая карта крепости с подробными данными о системе обороны, системе огня — перед командованием. Это был бесценный документ для организации наступления на крепость.

За отличное выполнение задания разведчики были представлены к правительенным наградам. Булатов Даян, теперь уже прославленный человек, был удостоен ордена Славы I степени.

У Даяна, полного кавалера орденов Славы, много и других орденов и медалей. Он остался живым и вернулся в свое родное село. Обзавелся семьей, живет счастливо. Односельчане глубоко уважают своего знаменитого земляка. Даян — частый гость пионеров и школьников. Детвора с искренней любовью и уважением называют имя дяди Даяна.

Подлинно сенсационной была встреча с Даяном в городе Карабаше. Однополчане, окружив его тесным кольцом, долго качали, обнимали, целовали. И Даян, все такой же маленький, смуглый, подвижный, с блестящими черными глазами, казался совсем не постаревшим.

Связист Сафуков

Когда началась Великая Отечественная война, Фоат Сафуков учился в девятом классе средней школы в поселке Параньга Марийской АССР. А в день выпускного вечера в 1942 году Сафукова и его сверстников призвали в ряды Советской Армии и отправили на фронт. И всю войну Фоат был рядовым солдатом — сперва стрелком, потом связистом, прошагал по фронтовым дорогам с катушкой провода за плечами, телефонным аппаратом на боку и радио на спине от Калинина до Одера и Эльбы. Смерть часто глядела ему в глаза, несколько раз был он контужен, но свой телефонный аппарат и радио Фоат

всегда держал в готовности, связь на линии обеспечивал бесперебойную и оперативно устранил повреждения. Командиры восхищались расторопностью и мастерством этого не очень сильного на вид и малоразговорчивого солдата. Усталости он не знал.

Фоат Сафуков служил связистом во взводе управления первого дивизиона 693-го артполка дивизии. И все его начальники — командир взвода управления связи Уваров, командир дивизиона Столяров и командир 693-го артполка Калинин всегда были уверены в том, что Фоат обеспечит бесперебойную связь и в трудных условиях боя не подведет.

А сам он вспоминает один из последних боев, который произошел весной 1945 года на реке Одер, закованной в дамбы.

Здесь накануне, переправившись через реку, занял одну из дамб стрелковый батальон дивизии и дрался на смерть, с трудом удерживая небольшой плацдарм.

В ходе тяжелого боя батальон нес заметные потери. Были повреждены и все средства связи. Капитан Столяров, лейтенант Уваров и радисты Сафуков с Карапбаевым получили задание — срочно восстановить связь с батальоном, ведущим тяжелый бой на дамбе — плацдарме, доложить по радио обстановку и корректировать огонь нашей артиллерии.

С волнением Сафуков рассказывает:

«Я тогда был радистом. Командир взвода лейтенант Уваров велел тщательно подготовить радио, взять автомат, финку и побольше гранат — лимонок.

Рано утром, в темноте, через кустарниковые заросли мы осторожно перебрались к берегу, спустились в лодку. Погрузились вчетвером: капитан Столяров, старшина Сопроненко, второй радист Карапбаев и я. Добраться до дамбы было непросто. Лодку заносило в сторону. Впереди — город Шведт. Сначала было тихо, справа и слева от нас солдаты, кто как мог, переправлялись на дамбу. Все спешили туда. Вдруг заработали автоматы, вокруг нас стали рваться снаряды. Мы доплыли уже до середины реки, и тут наша лодка начала наполняться водой. Пробило, значит.

— Черпайте воду касками, нагнитесь! — скомандовал капитан.

Стало светать. Вот и дамба. Слева от нас шлюз. Его

металлические ворота закрыты не до конца. В шлюзе, как в водопаде, бурлит вода.

— Стой! Лодку привязать. Окопайтесь! — тихо приказал капитан. — Радисты, вызывайте штаб! Тихо, тихо, товарищи, на другой стороне дамбы немцы. Слышите, как они забеспокоились?

А сам побежал к пехотинцам, которые находились правее нас, узнать обстановку. Связь установили быстро. Карапбаев перекинул антенну, а я, четко различив голос штабного радиста, передал трубку капитану. Вернувшийся капитан, доложив обстановку, попросил: «Огурчиков, огурчиков!» А на дамбе наши уже вступили в бой.

— Немцы атакуют, товарищ капитан! — доложил Сопроненко.

Действительно, немцы поднялись на дамбу, кричали и даже по-русски ругались. Рядом беспрестанно рвались немецкие гранаты. Наши отвечали из пулеметов и автоматов.

Работали отлично. А наши части продолжали переварваться. Карапбаев сидел с рацией, рядом стоял капитан. Мы с Сопроненко над бруствером вели наблюдение, держа наготове оружие.

— Гранаты береги, Сафуков, — предупредил меня старшина. Немцы продолжали бросать гранаты, но чаще перекидывали.

— Ох, варвары! — раздалось рядом. — Ранило! — Капитан Столяров всегда называл немцев варварами. Нагнувшись, он что-то пытался сделать. Я оказал ему помощь.

Когда немцы стали отходить, капитан произнес:

— Сафуков! Найди лодку, ты меня проводишь, а вы, ребята, держите связь с нашей пехотой.

Уложив капитана и привязав к лодке ремень, я потянул ее вдоль берега. Потом поплыли по течению реки. Немцы постоянно обстреливали нас. Постепенно стрельба стала уменьшаться и наконец совсем стихла. Впереди я увидел другой шлюз. Выбрались на берег и долго шли. Капитан крепко держался за мою шею. Оба устали. Оставив капитана в защищенном месте, побежал смотреть шлюз. Одному там можно было пройти через проложенные доски. Вернулся к капитану, доложил обстановку, и он спросил: «Сможешь перенести меня?» Я понял, что ему тяжело, и ответил: «Доставлю, товарищ капитан, не

беспокойтесь». У него даже появилась улыбка. Я взвалил капитана на спину и ползком переправился на другой берег.

До палаточного полевого госпиталя добрались к рассвету. Я осторожно уложил своего капитана на нары.

Капитан искренне поблагодарил меня, попросил взять на память часы. Но я отказался, сказав на прощание, что он теперь выздоровеет, и мы с ним еще встретимся».

Сохранилось пожелавшее от времени письмо командира взвода Уварова, написанное им 3 марта 1945 года, матери и двум сестрам Сафукова. Привожу выдержки из письма:

«Здравствуйте,уважаемые Рабига, Накия, Халима! Радостные дни переживает вся наша страна. Героическая Красная Армия изгнала немецко-фашистских захватчиков с нашей земли и бьет их сейчас в собственном логове, не давая передышки...

В великой освободительной борьбе принимает активное участие и Ваш сын и брат, коммунист Фоат Сафуков... За мужество и отвагу, проявленную в боях, он награжден двумя медалями «За отвагу». Поздравляю Вас с успехами Красной Армии и успехами Вашего сына. Желаю Вам полного здоровья и счастья.

Командир подразделения старший лейтенант Уваров».

Солдат Великой Отечественной войны Фоат Сафуков с победой вернулся на Родину — в родное село Параньга. Окончив после войны педагогический институт, работает там же учителем химии и биологии, воспитывает молодое поколение. Счастливы, должно быть, ученики, которые учатся у такого учителя.

На родине героя

Советский народ свято чтит память тех, кто погиб в боях за свободу и независимость нашей Родины. В этом отношении нельзя не отметить большую, истинно патриотическую работу юных следопытов — учеников Боголюбовской средней школы Марьиновского района Омской области. Люба Черепанова, Катя Лоос, Галя Бурлак, Лариса Ставская, Света Заяц, Галя Тулекина, Света Бехгольд и их руководитель Любовь Андреевна Базанова приехали на встречу в Карабев. Они настойчиво ведут поиски сведений о павших своих земляках, героях минувшей войны.

Юные следопыты Марьиновской школы награждены Почетной грамотой Совета ветеранов 49-й армии. В школе выпущен специальный стенд, посвященный Ивану Самсоновичу Пономаренко. Рассказ о герое предваряет эпиграф:

«Бессспорно, человек знал, что идет на верную смерть. Но вряд ли говорил себе в этот момент: «Сейчас совершу подвиг». Нет, эта храбрость была не картинно-героическая... Человек делает то, что должен он делать, несмотря ни на что.

Л. И. Брежнев»

И. С. Пономаренко родился в 1922 году в деревне Михайловке Марьиновского района Омской области. Рано лишился родителей. Приютил его старший брат Григорий. В его семье Иван стал седьмым ребенком. Добрая и ласковая Варвара Лаврентьевна заменила сироте мать. Окончил мальчик всего четыре класса: надо было помогать семье.

О героическом пулеметчике рассказали в своих мемуарах генерал-лейтенант Д. И. Смирнов, бывший командир 121-го стрелкового корпуса, и подполковник в отставке Жижко Иван Васильевич: «Вашего земляка, Героя Советского Союза тов. Пономаренко И. С., я хорошо помню,— отвечает Жижко юным следопытам Боголюбовской средней школы.— Помню, как он прибыл в наш полк, как во время боевых действий разговаривал с ним на НП. Учитывая, что он еще не совсем окреп после ранения, я хотел оставить его во взводе автоматчиков для охраны полкового знамени. Однако товарищ Пономаренко И. С. запросился только на передовую. Через несколько дней он погиб в боях с фашистами...»

В похоронке сообщалось, что Пономаренко Иван Самсонович в бою за социалистическую Родину был убит 27 августа 1944 года. Похоронен с отдаием воинских почестей в роще — 500 метров севернее пограничного знака № 122 вблизи деревни Бучин-Полез Белостокской области.

Президиум Верховного Совета СССР Указом от 24 марта 1945 года присвоил Пономаренко Ивану Самсоновичу звание Героя Советского Союза.

Его имя носит пионерская дружина Боголюбовской средней школы. В Боголюбовке, в саду, воздвигнут монумент земляку-герою. На высоком постаменте фигура бой-

ца-пулеметчика, юное лицо его устремлено вперед. Сжимая в руках оружие, он, кажется, готов броситься в атаку...

По торжественным дням сюда приходят люди. К подножию памятника возлагают венки и живые цветы, здесь пионерам повязывают галстуки, призывники дают клятву на верность Родине.

Две встречи. Слово к молодым

Воспоминания и рассказы моих однополчан о минувшей войне 1941—1945 годов можно было бы продолжать дальше. Но в связи с тем, что прошло уже много времени после войны, удержать в памяти события оказалось очень трудным делом. Многие участники запамятали время, места, детали боев, фамилии солдат, сержантов и офицеров.

В заключение хочу рассказать о двух поразивших меня встречах и от имени ветеранов войны обратиться к нынешней молодежи.

Середина 1944 года. С ожесточенными боями I и II Белорусские фронты продвигались на запад, выбивая фашистских захватчиков из Белоруссии.

Однажды я получил приказ командира корпуса генерала Смирнова принять руководство походной колонной корпуса, куда входила и 238-ая стрелковая дивизия. Она должна была сосредоточиться в лесу и занять исходный рубеж для наступления. Шли всю ночь. До рассвета надо было быть в указанном районе.

Начало светать, когда наша колонна подошла к деревне Закутье Кличевского района.

Вдруг из кустов выскоцил навстречу нам худенький оборванный и босой рыжий мальчик лет двенадцати. Оказалось, он бежал из ближайшей деревни, оккупированной фашистами.

Кровь стыла в жилах от его рассказа: «Немцы сожгли дотла деревню. Мать зверски убили. Расстреливали по девять человек за каждого уничтоженного партизанами немца. А сына партизана, Петю Коваленко, застрелили за то, что не встал на колени. В поселке Усакино, недалеко от деревни Закутье, фашисты выкопали большую яму и под дулами автоматов согнали к ней всех жителей. Допытывались, где командир партизанского отряда Изох, но его не выдали. Фашисты начали расстреливать

женщин, детей, старииков. Раненым детям, пытавшимся выкарабкаться из рва, лопатами пробивали головы».

О трагедии, постигшей деревню Закутье, я немедленно доложил по радио командиру корпуса Д. И. Смирнову. И как бы угадав наше горячее желание немедленно отомстить фашистским извергам, комкор приказал выделить усиленный стрелковый батальон и догнать отступающих фашистов. Приказ был выполнен: большая группа фашистов была уничтожена и взята в плен.

Прошли годы... В июле 1975 года мне довелось побывать в городе Кустанае по служебным делам. Зашел я к начальнику отдела кадров облсельхозуправления Баймагамбету Дихаеву. Наша беседа с ним часто прерывалась, то и дело заходили по делам сотрудники управления.

В очередной раз открылась дверь, и вошел средних лет мужчина. Густые, с рыжим оттенком волосы, волевое лицо. Новый костюм ладно сидел на его стройной фигуре. Кивком он поздоровался со мной и обратился с каким-то вопросом в Дихаеву. Меня же не покидала мысль, что лицо его мне знакомо. Где же я его видел? Когда? Нет, не могу вспомнить. Несколько раз на себе ловил и его пристальный взгляд. Уходя, уже у самой двери, он обернулся в мою сторону, помедлил и вышел.

Долго мы беседовали с Баймагамбетом. Собираясь уходить, я спросил его: «Кто этот молодой человек?»

— Это Саша Кривонос, замечательный специалист, белорус, приехал на целину и остался у нас в Кустанае.

Я прошел в кабинет Кривоноса. Поднявшись с места и приглашая меня садиться, он смущенно сказал:

— Извините, пожалуйста, где-то вас видел, но никак не вспомню!

— Вот уже битый час и я думаю о том же. Может быть, вдвоем будет легче вспоминать?

Разговорились о его родине — Белоруссии.

— Никогда не бывали в наших краях? — спросил Кривонос.

— Бывал. Но только давно. Воевал там.

Вдруг он вскочил с места и обрадованно схватил меня за руки:

— Погодите, погодите! Помните Кличевский район? Ну, вспомните рыжего пацана у дороги! Деревню Закутье! Это я, Саша Кривонос.

Как наяву ожили события того далекого дня! И никак

не мог поверить, что этот человек и есть тот самый ребенок, которому довелось испытать самое страшное на свете — войну.

В 1954 году по зову партии Александр Иванович Кривонос приехал в кустанайскую степь на целину. Сначала работал участковым агрономом в совхозе, потом заведующим плодово-ягодным сортучастком, а с 1965 года — начальником государственной инспекции по Кустанайской области. Закончил институт, вступил в партию.

Саша с гордостью рассказывал о своих земляках-белорусах, приехавших вместе с ним на Кустанайщину и ставших руководителями крупных хозяйств: об агрономе А. А. Барановском, директоре совхоза «Буревестник», ныне Герое Социалистического Труда, Козлове Н. Г. и многих других. Очень тепло отзывается Саша о бывшем воине, удостоенном двадцати двух правительственные наград, Баймагамбете Дихаеве.

— Наш Борис Дихаевич (так он его называл) окружил нас, приехавших на целину, поистине отеческой заботой.

У Саши семья, двое ребятишек. Он полон сил и здоровья, жизнерадостен, доволен работой.

Но каждый раз, когда я вспоминаю Сашу, перед глазами оживают страшные годы войны, человеческие трагедии, дым пожарищ, тяжелые военные дороги и глаза ребенка, полные ужаса, боли и ненависти.

Молодые не должны забывать, какой ценой завоеван этот мир. Прославленный полководец Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, обращаясь к молодежи, сказал: «Молодых людей я призывал бы также бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной. Дело не только в изучении военного опыта, в сопирании документов, в сооружении музеев и монументов, в незабвении памятных дат и имен. Это все важно. Но особенно важно помнить: среди нас живут воевавшие люди. Относитесь к ним с почтением не только в дни, когда они с орденами собираются поговорить с вами. Не забывайте о них и в сутолоке жизни: на вокзале, в приемной по житейским делам, в поликлинике, в автобусе и в семье. Помните: редкий из воевавших не ранен. И почти все они лежали в промерзших окопах, случалось, по многу дней не знали горячей пищи, по многу ночей не спали. Это было во время их молодости. Тогда казалось — все нипочем!

И действительно, все выносил человек. А сегодня старая рана заговорила, здоровье шалит. Бывший солдат не станет вам жаловаться — не та закваска характера. Будьте сами предупредительны. Не оскорбляя гордости, относитесь к ним чутко и уважительно. Это очень маленькая плата за все, что они сделали для вас в 1941-ом, 1942-ом, 1943-ем, 1944-ом и 1945-ом годах...»

Мы, ветераны, обращаемся к вам, молодые: «Все в ваших руках: и радость созидательного труда, и мирное небо над нашей Родиной!»

Заключать описанные мною бои с фашистами не стану. Это сделали в своих мемуарах крупные прославленные военачальники. Хочу лишь привести слова В. И. Ленина о том, что «...никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую, власть — власть трудящихся, то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».

Через 35 лет

Чем дальше уходила от нас во времени Великая Отечественная война, тем чаще мы, ветераны дивизии, высказывали желание встретиться. Об этом писали друг другу, говорили командиру дивизии Ивану Даниловичу Красноштанову.

Инициатором встречи стал бывший старший сержант — пулеметчик Сергей Сергеевич Абрамов, ныне работающий инженером группы оборудования института «Унипромедь» в городе Свердловске. Этот пожилой, но еще энергичный, добрый человек проделал огромную работу. Сперва он создал инициативную группу из бывших воинов дивизии. В работу активно включились Калинин Семен Кузьмич — полковник, бывший командир артиллерийского полка, Михаил Иванович Шарин — майор, бывший начальник штаба 3-го батальона 843-го стрелкового полка, сотрудник Карабинской районной газеты «Заря» Виктор Дмитриевич Карпов и другие. В течение трех лет продолжались поиски однополчан. Многих из них помог найти сам Иван Данилович Красноштанов. К июлю 1978 года было разыскано 217 человек.

Местом встречи определили город Карабин, который

238-ая дивизия освобождала от гитлеровских захватчиков, и где она получила свое имя. Установили связь с его руководителями. Они поддержали предложение инициативной группы и пригласили нас к себе 15 августа 1978 года — в день 35-летия освобождения города Каравчева от немецко-фашистских оккупантов.

Ехали туда с волнением — в памяти всплывали сотни воспоминаний, в голове теснились мысли о том, как встретят нас, узнаем ли мы друг друга.

И вот я вхожу в районный Дом культуры, где проходит регистрация прибывших на встречу, и в ту же минуту слышу:

— Майор Мавлетов?

Растерявшись и еще не успев поздороваться, отвечаю:

— Да, он самый! — И меня охватило такое волнение, такая радость! Первым узнавшим меня оказался бывший воин, ныне заслуженный учитель РСФСР, Вячеслав Николаевич Жаворонков. А узнал он меня по фотографии из моей книги «Корпус шел на запад», экземпляры которой я выслал раньше по просьбе ответственного секретаря районной газеты «Заря» Виктора Дмитриевича Карпова.

На встречу прибыло 160 ветеранов, в том числе, первый начальник штаба дивизии генерал-майор Максимовский С. В., командир артиллерийского полка дивизии С. К. Калинин, командиры стрелковых полков А. К. Разумов, М. Д. Запунный, бывшие разведчики И. Т. Рыжов, И. П. Романов, рядовой Ф. В. Ионов, командиры батальонов, рот и взводов, политработники, санинструкторы, радиостанции, красные следопыты Боголюбовской средней школы Омской области и многие другие.

С большим сожалением мы узнали, что из-за болезни не смог приехать командир дивизии Иван Данилович Красноштанов. О нем было сказано много добрых слов и ветеранами дивизии и руководителями района.

Радостной и трогательной была эта встреча. Однополчане узнавали своих не сразу. Уж слишком резко изменились все мы. Убеленные сединой, с морщинистыми лицами, потерявшие былую строевую выправку, долго присматривались мы друг к другу. И только по голосу и отдельным воспоминаниям окончательно узнавали своих боевых друзей.

Лично мне очень хотелось встретить здесь прославленного начальника разведотдела дивизии, награжденно-

го тремя орденами Боевого Красного Знамени, Александра Ивановича Пименова. Проверил регистрационный список, но его фамилия в списке не значилась. Мы, оперативные работники дивизии, были тесно связаны с разведчиками, проверяли, уточняли наши данные о противнике. Данные начальника разведотдела А. И. Пименова были всегда до предела точны. Он пользовался большим авторитетом не только в оперативном отделе штаба дивизии, но и у командиров стрелковых полков и приданых дивизии частей, и у командиров дивизии и корпуса. Встреча наша все же состоялась.

Он приехал на следующий день. Но, увидевшись, мы не узнали друг друга. А когда узнали, долго стояли обнявшись, не обошлось и без слез.

Не менее волнующей была встреча с Леонидом Александровичем Летуновым — бывшим командиром 3-го батальона 843-го стрелкового полка, кавалером двух орденов Боевого Красного Знамени, ордена Александра Невского, многих других орденов и медалей. Несмотря на свой преклонный возраст (75 лет) и плохое состояние здоровья, Леонид Александрович приехал на встречу из города Воскресенска Горьковской области, сделав в пути четыре пересадки.

Встреча проходила по плану, согласованному с райкомом партии и исполкомами районного и городского Советов народных депутатов.

14 августа, после приема ветеранов секретарем райкома партии А. П. Крещенок, мы были приглашены в комнату Боевой Славы, открытую при районном Доме культуры. Были свидетелями тому, с каким старанием, уважением и любовью отнеслись карачевцы к оформлению комнаты Боевой Славы. Руководство района специально пригласило того же заслуженного учителя РСФСР Вячеслава Николаевича Жаворонкова организовать и оформить этот музей. Нам также сказали, что райком партии, райисполком, горисполком выделяют средства на строительство специального здания для будущего музея. Затем ветераны дивизии, разбившись на группы, посетили школы, техникумы, разные организации района, где рассказывали о боевом пути дивизии и о наших послевоенных трудовых делах.

Самым волнующим событием был общегородской митинг в центре города, куда с алыми лентами через плечо и с надписью «Ветеран 238-ой Карабинской дивизии» в

пешем строю пришли бывшие воины — освободители города. Площадь была переполнена до отказа. Стоя на площади, мы со щемящим сердцем видели, как многие пожилые люди, старики и женщины плакали, вспоминая пережитое.

Сейчас Карабаш изменился неузнаваемо.

Вечером 15 августа в районном Доме культуры состоялось торжественное собрание трудящихся, посвященное 35-летию освобождения города и района от фашистских оккупантов.

Карабашцы свято чтят память тех, кто погиб в боях за свободу и независимость нашей Родины. Выступившие на митинге и торжественном собрании представители трудовых коллективов высоко оценили подвиги бойцов и офицеров, принимавших участие в освобождении Карабашской земли.

Председатель городского исполкома народных депутатов зачитал собравшимся решение об избрании бывшего командира 238-ой стрелковой Карабашской орденов Суворова и Кутузова II степени дивизии Ивана Даниловича Красноштанова Почетным гражданином города.

В конце встречи был избран Совет ветеранов 238-ой Карабашской стрелковой дивизии из одиннадцати человек. Его председатель — Сергей Сергеевич Абрамов. Пожелаем же ему доброго здоровья и успеха в его благородной патриотической деятельности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрей Дмитриевич ДИДЕНКО родился в 1907 году в Краснодарском крае. Член КПСС с 1937 года, образование среднетехническое.

Войну начал солдатом, закончил старшим лейтенантом. Перенес несколько тяжелых ранений. Награжден тремя орденами Красной Звезды, многочисленными медалями.

После войны трудился начальником отдела кадров в станице Упорная Краснодарского края. Ранее не печатался. Умер в 1978 году.

Рафильбек УЛТАНБАЕВ родился в 1910 году. В юношеские годы боролся против басмачества в Южном Казахстане и Туркмении. Участник боев против белополяков и белофиннов 1930—1940 г.г., а также участник Великой Отечественной войны 1941—1945 г.г. Член КПСС с 1931 года. Кадровый офицер. Более 26 лет служил в рядах Советской Армии. Прошел путь от рядового до начальника политотдела дивизии. Окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина и факультет журналистики Казахского Государственного университета им. С. М. Кирова. Награжден двумя боевыми орденами Красной Звезды и многими медалями.

Р. Ултанбаев и сейчас продолжает трудиться. Является членом Союза журналистов СССР. Он автор книг «Герои в памяти народа», «Незабываемый подвиг», повести «Легендарный генерал», опубликованной в областной газете «Енбек туы» («Знамя труда») на казахском языке.

Иван Константинович МОРОЗ родился в 1917 году. Член КПСС с 1946 года. Образование высшее. Закон-

чил Ташкентский сельскохозяйственный институт. Ученый-агроном.

Войну начал в 1941 году, закончил в мае 1945 года в Берлине. Демобилизовался из рядов Советской Армии в 1946 году в звании старшего лейтенанта.

После войны был на советской, партийной работе.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, орденом Ленина, Октябрьской революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями.

В 1972 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Казахской ССР».

Продолжает трудиться и ныне.

Игорь Андреевич КОЛЕЕВ родился в 1924 году в Восточно-Казахстанской области. Закончил Актюбинский педагогический институт. Беспартийный. Участник Великой Отечественной войны с 1942 года. Штурмовал Берлин. Награжден орденом Красной Звезды и десятью медалями. С 1946 года, после демобилизации, занимается журналистской деятельностью: заведовал отделом информации в газете «Актюбинская правда», отделом писем «Вечерней Алма-Аты», работал корреспондентом КазТАГа, Казрадио. В настоящее время — корреспондент многотиражной газеты «Титан» Усть-Каменогорского комбината.

Джанбулат МАВЛЕТОВ родился в 1917 году. Член КПСС с 1944 года. Закончил Московский кооперативный институт. Участник Великой Отечественной войны с первых дней до Дня Победы — 9 мая 1945 года. Демобилизовался из рядов Советской Армии в 1947 году в звании майора.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней, орденом Трудового Красного Знамени.

Работал председателем Кустанайского и Уральского облпотребсоюзов. Ныне персональный пенсионер республиканского значения.

СОДЕРЖАНИЕ

4	<i>A. ДИДЕНКО</i>	<i>Пылающие берега</i>
58	<i>R. УЛТАНБАЕВ</i>	<i>В пламени жизни</i>
110	<i>I. МОРОЗ</i>	<i>На огневых позициях</i>
188	<i>I. КОЛЕЕВ</i>	<i>...И медные трубы</i>
265	<i>D. МАВЛЕТОВ</i>	<i>От Арзамаса до Эльбы</i>
332		<i>Сведения об авторах</i>

Д 69 Дорогами войны: Воспоминания. Коллективный сборник документально-мемуарных произведений.— Алма-Ата: Жалын, 1981.— 336 с.

Авторы этого сборника, тематически продолжающего предыдущее издание «Дорога длиною в 1418 дней»,— ветераны Великой Отечественной. Они вспоминают суровые дни войны, рассказывают о товарищах по оружию, о тех, кто боролся с фашизмом, кому мы обязаны сегодняшним миром и счастьем.

63.3(2)722 + Р2

К $\frac{10604-162}{408(05)82}$ 239—81—0505030202

© Издательство «Жалын», 1982

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

**Коллективный сборник
документально-мемуарных
произведений**

Редакторы В. С. Азарникова, Л. Е. Скугаревская

Мл. редактор П. У. Испулова

Рецензенты О. Б. Меркулов, В. П. Огнев

Художник А. Тазиев

Худ. редактор С. Д. Ким

Техн. редактор И. Насырова

Корректор Н. К. Жолумбетова

ИБ № 1932

Сдано в набор 15.03.82. Подписано к печати 06.09.82.
УГ15150. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура
литературная. Печать высокая. П. л. 10,5. Усл. п. л. 17,6.
Уч.-изд. л. 18,4. Тираж 12 000 экз. Заказ № 486. Це-
на 1 руб. 30 коп. Издательство «Жалын» Государствен-
ного комитета Казахской ССР по делам издательств, по-
лиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата,
пр. Абая, 143. Фабрика книги производственного объеди-
нения полиграфических предприятий «Кітап» Государст-
венного комитета Казахской ССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата,
пр. Гагарина, 93.

1 р. 30 к.

